

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

GRAD
891.708
R972
1894
BUHR

B 804,519

81-75

Д. Уманец

Этнографическій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологіи и Этнографіи.

Russkīa byliny staroi i novoi zapisi

РУССКІЯ БЫЛИНЫ

СТАРОЙ И НОВОЙ ЗАПИСИ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

акад. Н. С. Мухоморова и проф. В. О. Миллера.

МОСКВА.

Высочайше утвержд. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Москва, Петровка, д. Левенсонъ.
1894.

GRAD /BUHR

891.708

R972

1894

5.2.
614374X.
021
6-10-20

ОТЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Предпринимая изданіе сборника былинь, Этнографическій Отдѣлъ имѣлъ первоначально въ виду собрать въ одной книгѣ всѣ былины, явившіяся въ печати послѣ 2-го изданія сборника пѣсенъ П. В. Кирѣвскаго и разсѣяныя по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ. Такимъ образомъ предпріятіе Отдѣла являлось бы продолженіемъ труда П. А. Безсонова, который во 2-е изданіе „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣвскимъ“ включилъ всѣ былины, появившіяся въ печати до года выхода 4-го выпуска названнаго сборника¹⁾. Но благодаря поддержкѣ, оказанной нашему изданію нѣкоторыми лицами, оно могло значительно расширить свою первоначальную программу. Такъ, сынъ извѣстнаго сибирскаго этнографа Степана Ивановича Гуляева, Н. С. Гуляевъ, доставилъ въ Отдѣлъ чрезъ посредство В. И. Семевскаго рукописный сборникъ сибирскихъ былинь, составленный его покойнымъ отцомъ, и этимъ обогатилъ наше изданіе лучшими *ММ*-ми былинь, еще не появившихся въ печати. Затѣмъ былины недавней записи были намъ доставлены Ѡ. М. Истоминымъ, Г. И. Куликовскимъ, С. И. Лапшинымъ, Е. В. Барсовымъ и С. П. Писаревымъ. Наконецъ, академикъ Н. С. Тихонравовъ предложилъ Отдѣлу свои услуги въ переизданіи былинь изъ рукописей XVII и XVIII столѣтій. Доставка новыхъ еще неизданныхъ матеріаловъ и обѣщанное содѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ, видоизмѣнивъ первоначальный планъ изданія, побудили редактора сборника раздѣлить его на 2 отдѣла съ особой пагинаціей. I—былины *старой* записи, редакцію коихъ взялъ на себя акад. Н. С. Тихонравовъ, и II—былины *новой* записи, именно: а) былины еще не напечатанныя доселѣ, и б) явившіяся въ печати въ различныхъ изданіяхъ въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ. Намѣтивъ такой планъ сборника, оба редактора приступили еще въ 1892 году къ собранію ма-

¹⁾ Четвертый выпускъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ“, вышелъ въ Москвѣ въ 1879 году.

теріаловъ и подготовленію ихъ къ печати. Но *habent sua fata libelli!* Наше изданіе испытало превратности судьбы еще въ своей „типографской“ жизни. Когда уже отпечатано было болѣе трети книги и значительная часть оригинала въ рукописи сдана въ наборъ, случился въ маѣ 1892 года пожаръ, истребившій типографію товарищества А. А. Левенсона, и въ числѣ множества другихъ сгорѣвшихъ изданій оказалось и наше. Приходилось начинать съизнова и изготовлять новые списки былинъ для набора. Въ концѣ 1892 года началось печатанье книги вновь и продолжалось въ теченіе слѣдующаго года. Отдѣлъ II-й былъ уже оконченъ, но I-й, вслѣдствіе извѣстной педантической тщательности его редактора въ изданіи старинныхъ рукописныхъ текстовъ, печатался медленно и задерживалъ выпускъ книги. Затѣмъ надъ изданіемъ разразился второй ударъ—болѣзнь и смерть Н. С. Тихонравова († 27 ноября 1893 г.)—печальное событіе, снова затянувшее появленіе книги и создавшее затрудненія второму редактору. Послѣдняя былина I-го отдѣла, напечатанная при жизни академикомъ Тихонравовымъ—№ V (стр. 59—60), и, насколько намъ извѣстно, Николай Саввичъ считалъ ею законченнымъ свой отдѣлъ. Строго держась правила издавать тексты, хотя бы раньше напечатанные, только по сличеніи ихъ съ рукописями, онъ не желалъ включить въ свой отдѣлъ „Богатырское слово“, изданное Е. В. Барсовымъ, такъ какъ не имѣлъ возможности получить отъ владѣльца самую рукопись этой быliny XVII вѣка для переизданія. Въ этомъ случаѣ я не счелъ возможнымъ нарушить желаніе, лично высказанное мнѣ покойнымъ академикомъ. Но въ отпечатанныхъ имъ листахъ не оказалось также быliny о „Михаилѣ Даниловичѣ двѣнадцати лѣтъ“, содержащейся въ рукописи начала XVIII вѣка, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ. Не зная, чѣмъ объяснить этотъ пропускъ, я рѣшилъ включить эту былинку въ отдѣлъ покойнаго редактора, сдѣлавъ тщательный списокъ съ рукописнаго оригинала. Къ сожалѣнію, Н. С. Тихонравовъ не успѣлъ снабдить изданные имъ тексты приложеніемъ, которое, по его мысли, должно было содержать свѣдѣнія о рукописяхъ, изъ которыхъ взяты имъ быliny. Онъ имѣлъ въ виду для этой цѣли передѣлать и дополнить свою статью „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка (напечат. въ VIII кн. „Этнографическаго Обзорнія“), включивъ въ нее свѣдѣнія о былинахъ старой записи, изданныхъ акад. Л. Н. Майковымъ въ 1891 году (въ „Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ“ II и III), и данныя, сообщенныя ему А. И. Станкевичемъ, о приготовленномъ послѣднимъ къ изданію отрывкѣ быliny объ Алешѣ Поповичѣ. Несомнѣнно, такая статья о *всѣхъ* доселѣ извѣстныхъ былинахъ изъ рукописей XVII и XVIII вв. представила бы капитальный научный интересъ, какъ и все, вышедшее изъ подъ опытнаго пера покойнаго академика. Въмѣсто такого изслѣдованія, мнѣ оставалось только представить отдѣльно

матеріалы, которые должны были въ него войти, что я и сдѣлалъ въ *четыре*хъ приложеніяхъ къ I-му Отдѣлу.

Второй отдѣлъ, содержащій 70 былинъ, изъ коихъ почти *половина* является въ первый разъ въ печати, представляетъ особый интересъ для вопроса о географическомъ распространеніи былинъ. Кромѣ былинъ изъ Олонецкой губерніи, этой „Исландіи“ русскаго былеваго эпоса, еще неисчерпанной обширными сборниками Рыбникова и Гильфердинга, читатель найдетъ въ нашемъ изданіи значительное число былинъ, записанныхъ въ Сибири, нѣсколько №№-овъ изъ губерн. Архангельской и одиночныя былины изъ губб. Московской, Петербургской, Нижегородской, Самарской, Уфимской и изъ области Уральской и Терской. Въ приложеніи помѣщены нѣкоторыя былины, либо появившіяся въ печати въ то время, когда отд. I-й уже былъ законченъ, либо пропущенныя случайно. Два указателя къ текстамъ былинъ— предметный и именной—составлены въ интересахъ изслѣдователей нашего былеваго эпоса. Считаю тутъ же необходимымъ замѣтить, что именной и предметный матеріалъ, содержащійся въ текстѣ былины № VI отд. I-го, не могъ быть внесенъ въ указатели, такъ какъ послѣдніе уже были отпечатаны, когда редакторъ рѣшилъ восполнить I-й отд. названной былиной (см. выше).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ принести отъ имени Этнографическаго Отдѣла глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе нашему изданію сообщеніемъ матеріаловъ или указаній, а именно: Н. С. Гуляеву, Л. Н. Майкову, Ѡ. М. Истомину, Г. И. Куликовскому, П. В. Шейну, Е. В. Барсову, С. И. Лаппину, С. П. Писареву, А. И. Станкевичу и С. О. Долгову.

Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла

Профессоръ *Всеа. Миллеръ*.

Москва

15 февраля 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый—былины старой записи.

I. *Илья Муромецъ*: 1. Повѣсть о сильнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 1—4). 2. Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 4—7). 3. Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 7—9). 4. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ (стр. 10—11). 5. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ и Идолицѣ (стр. 11—24).

II. *Михайло Потокъ*: 1. Повѣсть о князѣ Владимірѣ Кіевскомъ и о богатыряхъ Кіевскихъ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ, о царѣ Кашчѣ Золотой орды (стр. 25—31). 2. Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ Кіевскихъ и о походеніи ихъ (стр. 32—39). 3. Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ (стр. 39—46).

III. *Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ* (стр. 47—53).

IV. *Ставеръ Гаденовичъ* (стр. 54—58).

V. *Отрывокъ изъ неизвѣстной былины* (стр. 59—60).

VI. *Гисторія о Кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ сынѣ Дамилевичѣ двенадцати лѣтъ* (стр. 61—67).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Къ повѣсти о сильнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 68—69).

II. Къ былинамъ изъ рукописей Ѳ. И. Буслаева, И. Е. Забѣлина и Н. С. Тихонравова—статья Н. С. Тихонравова (стр. 69—85).

III. Къ повѣсти о Михайлѣ Потокѣ по рукописи XVII в. (стр. 86—88).

IV. Къ отрывку изъ неизвѣстной былины (стр. 88—90).

Отдѣлъ второй—былины новой записи.

	Стран.
*1. 1) Илья Муромецъ: первая поѣздка его въ Кіевъ	1
2. То-же	7
*3. Встрѣча съ разбойниками	8
4. То-же	8
5. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	9
*6. Три поѣздки Ильи Муромца	14
7. Илья Муромецъ (сводная былина)	17
8. Илья Муромецъ и Мамай	22
*9. Илья Муромецъ и царь Калинъ	30
10. Илья Муромецъ и Каинъ	34
*11. То-же	38
12. То-же	48
13. Илья у царя Василя Боголюблева	52
14. Илья Муромецъ и Кузьма Семерцянинъ	56
15. Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ	60
16. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколъ-кораблѣ	63
17. То-же	65
18. Добрыня (Скимень звѣрь, рожденіе)	65
19. То-же (начало)	66
20. Алеша (Добрыня) и Скимъ-звѣрь	67
*21. Добрыня Никитичъ и отецъ его Никита Романовичъ	68
22. Добрыня въ отъѣздѣ	77
*23. Добрыня и Марина (съ напѣвомъ)	79
24. То-же	80
25. То-же (начало)	82
26. То-же	83
27. Добрыня Никитичъ (сводная былина)	86
*28. Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ	93
29. Алеша Поповичъ и Тугаринъ	97
*30. Алеша Поповичъ (начало)	101
31. Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ	102
32. Дунай Ивановичъ	115
*33. Дунай Ивановичъ	121
34. То-же (начало)	127
*35. То-же	127
36. То-же	131
*37. Василій Казимерской	134
*38. Василій Игнатьевичъ и Батыга	143
*39. Василій пьяница	146

1) Звѣздочкой отмѣчаются былины, издаваемые въ первый разъ.

	Стран.
40. То-же	148
*41. Михайлъ Казарятинъ	149
*42. Иванъ Годеновичъ	153
*43. То-же	159
44. То-же	283
*45. Чурило Пленковичъ	163
*46. То-же	165
*47. То-же	166
48. То-же	168
49. Дюкъ Степановичъ	172
*50. То-же	176
51. То-же	179
52. То-же	183
53. То-же	188
*54. Суханьша Замантьевъ	188
*55. Иванъ Гостиный сынъ	190
*56. Ставеръ Годеновичъ	193
57 То-же	197
*58. То-же	204
*59. То-же	207
*60. Молодецъ и королева	214
*61. Василий Буславичъ	221
*62. То-же	231
*63. То-же	234
*64. То-же	236
*65. Сурога-богатырь	237
*66. Соломанъ и Василий Окульевичъ	239
67. То-же	246
68. Сорокъ каликъ со каликою	255
*69. Наѣздъ литовцевъ	261
70. Конецъ богатырей (отрывокъ)	265

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I. <i>Свидѣнія о крестьяннѣ тѣщѣ былинкѣ Л. Г. Тутинцѣ</i>	269
II. <i>Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ:</i>	
Илья Муромецъ и разбойники: варианты а), б) и в).	271
г) Илья Муромецъ и царице Кудрянище.	274
д) Илья Муромецъ на Соколъ-кораблѣ	276
е) Устное преданіе старожиловъ села Карачарова объ Ильѣ Му- ромцѣ	277
ж) Илья Муромецъ	277.

	Стран.
III. <i>Къ былинамъ о Добрынь Никитичъ:</i>	
а) Устиманъ-звѣрь	278
б) Добрыня въ отъѣздѣ.	279
в) Добрыня и Марина	279
IV. <i>Къ былинамъ объ Алешъ Поповичъ:</i>	
а) Алеша и Тугаринъ	280
б) Алеша Поповичъ и Ярюкъ Ивановичъ.	280
в) Былина объ Алешѣ Поповичѣ, пропѣтая казакомъ Дьяковымъ въ Бухтармѣ (въ изложеніи Г. Н. Потанина).	282
V. <i>Къ былинамъ объ Иванъ Годеновичъ.</i>	283
VI. <i>Къ былинамъ о Василии Буслаевичъ.</i>	289
<i>Указатель предметовъ</i>	293
<i>Указатель именъ</i>	298—304

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ
БЫЛИНЫ СТАРОЙ ЗАПИСИ.

I.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ.

1.

(По списку Императорской Публичной Библиотеки, Q, XVII, 194).

Повѣсть ѿ силнѣ^а могуще^а богатыре ѿ Илье Муромцѣ и ѿ Соловьѣ ра^абойнике.

- Во славно^а было градѣ Моровѣ^а ¹⁾ слуша Илья Муровѣцъ заутреню воскресную и в умѣ держалъ к силному ко князю Владимиру киевскому Всеславичу, а завѣтъ ²⁾ держалъ во всю востру саблю і на крепкой лукъ, чтобъ во всю дорогу
5. титивы не кладывать, что о[т]нютъ во всю дорогу широкую вострыя сабли із ножей не вынимать и на крепкой лукъ титивы не кладывать. І какъ едучи будѣтъ по[д] Себѣж^а градомъ, и услыша^а крикъ і стукъ і ко^аское ржаніе, и наехали тутъ силны Илья Муравѣцъ, ажно подѣ Себѣжемъ
10. градомъ стоять три царевича заморскіе, а силы с нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самага царя сибирскаго^а ³⁾ в полонъ взять. І тутъ Илья Мурорѣцъ (sic!) о^авязываетъ свою востру саблю о^а седла че^аркаскаго і напускаетъ
15. на ихъ силу вѣликую, какъ на галѣчье стадо, і побилъ всю рать силу вѣликую і трехъ црвичевъ в полонъ взять и подарилъ сибирскому царю в подарки. Сибирской црѣ

---

¹⁾ Въ рксп. надѣ этимъ словомъ надписано еще разъ: „градъ Мурове“.—Ниже слова приписанныя надѣ строкой, набраны въ текстъ курсивомъ: пропущенное въ рук. заключено въ прямыя скобки. ²⁾ Въ рук.: „завѣтъ“. ³⁾ Въместо: „себежскаго“.

- взговори^т: „О еси ты доброй молодець! какъ тебя зовутъ по имѣни и по отечеству, і котораго ты города?“ Ѳтвѣтъ де^ржалъ Ілья Муравѣцъ: „Зову^т мѣня, г^да^р, Ілюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урож-
5. дѣнецъ града Морова“. І сибирской црѣ взговорить: „Откуды твоя дорога ізлучилась?“ Ѳтвѣтъ держа^т Ілья Муравѣцъ: „Еду, г^дарь, к сто^ному граду Киеву, ко князю Владимѣру киевскому Всеславичу“. І сибирской црѣ ¹⁾ взговорить Ілье Муравцу: „Служи ты у мѣня: все о^дамъ тебѣ по^ца^рства“. Ілья Муравѣцъ спрашиваетъ у него прямой дороги ко граду Киеву. І сибирской црѣ, взговорить: „Прямая у н^а дорога ка граду Киеву на леса на брын[с]кне, на грази топучие, на мостъ калиновъ, на реку Смородыню, —
-
15. только тутъ тебѣ дорога залѣгла ровно трицать летъ: ни единой годъ по той дороге никаковъ человекъ конской не проезживалъ, ни человекъ не ²⁾ прохаживалъ, ни птица не пролѣтывала, ни звѣрь не прорыскива^т о^т Солов[ь]я разбойника“. І тутъ богатырское сердце разгорелось, и поеха^т прямой дорогою. І какъ ³⁾ Ілья Муравѣцъ буде^т на мосту
20. калиновомъ, на реке Смородыне, — і спустилъ к нѣму Соловѣй ра^бойникъ, засвиста^т своимъ ра^бойническимъ посвистомъ, ажно подѣльею конь впотыкнулся. І тутъ Ілья Муравѣцъ взговорить: „Что ты, волчья сыть, рано подмною вподѣкнулся? Нету вѣтъ силѣе меня на всей свя-
25. торуской земле!“ І выпімаетъ свой крепкой лукъ і калену стрелу накладываетъ... Соловья разбойника в правой гла^ч. І Соловѣй ра^бойникъ упалъ з дѣвяти дубовъ, что овсяной снопъ свали^ся. Ілья Муравѣцъ селъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретивое. І змолился Со-
30. ловѣй ра^бойникъ: „Ой еси ты ⁴⁾ си^ны могучий богатырь Ілья Муравѣцъ сынъ Ивановичъ! оставь душу хотя на покаяние!“ Что взговорить Ілья Муравѣцъ Солов[ь]ю разбойнику: „Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежи^т?“ И Соловѣй ра^бойникъ взговори^т таково слово: „Моя г^дарь,
35. золота ка^на лежитъ ⁵⁾ [вѣ] мон^т села^т Кутузовы^т, а гонцу

¹⁾ Это слово написано надъ строкою. ²⁾ Въ рук.: „и“. ³⁾ Въ рукописи: „такъ“. ⁴⁾ После *ты* въ рясси надъ строкой написано *доб*—добрый? ⁵⁾ Въ рясси это слово зачеркнуто, но другимъ не замѣнено.

- гонять ровно по два месеца, а скоро наскоро во единъ ме-
сець“. Илья Муравѣцъ привязываетъ Соловья ра'бойника
к [с]воему с[т]ремени булатному. И какъ едучи будутъ
по[дъ] селами Кутузовыми¹⁾, і увидѣли Соловья ра'бойника
5. ево 12 сыновѣй, и зговоря' таково слово: „Вонъ едетъ нашъ
батюшко, везетъ мужика у стремени привязана“. А бол-
шой сынъ взговоритъ: „То дѣ едѣтъ Илья Муравѣцъ, ве-
зетъ нашего батюшка у стремени привязана“. І метались
в золоту казнѣ, і надѣвали на себя ружье²⁾ богатырское,
10. і хотя' они с нимъ поле да'. І Соловей ра'бойникъ взго-
вори': „О еси вы, мое детушки! не дразните вы добраго
моло'ца, зовите вы ево к себѣ хлѣба кушать і сажайте
его за столы дубовы, а за ествы саха'ныи“. А Илья Му-
равѣцъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ ко граду
15. Киеву ко князю Владимиру. І какъ едучи будетъ ко граду³⁾
Киеву, і скачетъ чрезъ ограду каменную, и едѣтъ ка' на
княженецкой дворъ, не о'сылаючи і шапки не спимаючи, а
Соловья при[вя]зываетъ к своему⁴⁾ доброму коню богатыр-
скому, а самъ входитъ в полату столовую, молится чудному
20. образу, а князю Владимиру поклоняется, а после на все
четыре стороны⁵⁾. І князь Владимиръ спрашиваетъ: „О
еси ты доброй молодець! какъ тебя зовутъ по имени і по-
течеству⁶⁾, і котораго ты города?“ О'вѣтъ держать Илья
Муравѣцъ: „Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а поте-
честву⁶⁾ Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурова“. Князь
25. Владимиръ взговоритъ: „Давно ли ты, Илья Муравѣцъ, из
града Мурова поехалъ?“ О'вѣтъ держать Илья Муравѣцъ:
„Поехалъ я, государь, из Мурова, о'слушавъ заутреню вос-
кресную“. І князь Владимиръ умехаетца: „Что ты, Илья,
30. бредишь? Не твои у меня го'цы: гоняють по два мѣа, а
скоро наскоро во единъ месецъ с Киева⁷⁾ в Муръ градъ“.
Илья Муровѣцъ взговоритъ: „Да еще на мѣня, государь,
двѣ причины великиє і беды несносныи. Какъ поеха' из
Мурова, о'слушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положи'
35. на всю востру саблю і на крепкой лукъ, что о'нюдь во веу

1) Въ рук.: „Кутузовыми“. 2) Слѣдуетъ: „оружье“. 3) Въ рукописи: „ко
грады“. Не слѣдуетъ ли читать: „къ ограды“? (т. е. къ оградѣ). 4) Въ рукописи:
„своему“. 5) Въ рукописи: „сторону“. 6) Такъ въ рукописи. 7) Въ рукописи: „скимъ“.

- дорогу вострой сабли из ножей не вынимать і на крепкой лукъ [ти]твы не кладывать; а какъ едучи будѣ по[дѣ] Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича замо^рские, а силы с нимъ былъ у всякова царевича по сту и по тысече; а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя сибирскаго в полонъ взять, і я ево выручилъ, і побилъ всю силу ихъ, і трѣ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ сибирскому црю в подарки. І другая, государь, на меня причина была: какъ едучи на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, і наехалъ, і напустилъ на меня Соловѣй разбойникъ: закричалъ громкимъ гласомъ і сасвисталъ своимъ ра^ббойничскимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся: і билъ Соловья ра^ббойника в правой гла^ч и привѣзъ его [с] собою в Киевъ градъ, и топерь о^н стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремѣни привязана^н. І выглядываетъ князь Владимиръ в оконечку ¹⁾ хруста^ную і самъ взговорить: „О еси ты, Соловѣй ра^ббойникъ! засвищи ты своимъ ра^ббойничскимъ посвистомъ“. І Соловей ра^ббойникъ отвѣтъ дѣ^жить: „Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего гдина Ілью Муравца“ ²⁾. Велель Соловью ра^ббойнику *Ілья Муромецъ* ³⁾: засвисталъ ра^ббойничемъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скаме[и]ки подломились. І князь Владимѣръ бысть вѣлми радощенъ і зговорить: „Тебѣ у меня, Ілья Муравѣцъ, будѣтъ золота казна не запечатана и добрыи кони не изедены за твою службу вѣрную і богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою і правдою“. Тежъ люди миновалиса, а слава ихъ до скончания века. Аминь. Конѣцъ и Богу слава! Аминь..

2.

(По рукописи И. Е. Забѣлина, № 71).

Гисторія ѿ Илье Муромце и о Соловѣе разбойнике.

- Во славномъ граде Муроме слушалъ Ілья Муромецъ
30. заутреню воскресную; похоть держалъ ко граду Киеву, ко

¹⁾ Въ ркпс.: „вокошечнику“. ²⁾ Надъ буквою *в* въ словѣ *Муравца* надписано м. ³⁾ Слова: „Ілья Муромецъ“, написаны позднѣе надъ строкою.

славному князю Владимиру Сеславъевичу, а заветъ положишь, чтопъ о'нютъ во всю широкою дорогу острой сабли из ноженъ не вынимать, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать.

5. И тако поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ ѳнъ под градомъ Себежемъ, и тамъ стоять три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели ѳне Себежь гратъ за щитомъ взять, а самого царя себежского в полонъ взять.
10. И тако поехалъ Илья Муромецъ в сугонъ за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ, и возвратилса во гратъ Себежь. И увидели ево граждана и возвести ѳ немъ царю себежскому.
15. И потомъ себежской царь приказалъ о'ворять врата градъския и принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: „Гой еси ты, доброй молодець! какъ твое имя и коего ты граду?“
20. О'вещаетъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Ильею, по ѳчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома“.
- Потомъ рече себежской царь: „О'куда твоя дорога лучилась?“
- О'вещаетъ Илья Муромецъ: „Еду я на мосты колиновы“.
- А Илья Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Киеву.
25. И рече ему себежской царь: „Прямая у насъ дорога лежитъ на мосты колиновы, только та у насъ дорога залегла равно тритцать летъ о' Соловья: никакой человекъ не прохаживалъ, и птица никакая не пролетала“.
30. И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту колиновомъ, и тамъ увидель ево Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. В то время под-Бльею Муромцомъ доброй ево конь спотыкнулса, и вынулъ Илья Муромецъ свой крепкой лукъ, и наложилъ колену
35. стрелу и попалъ Соловья в правой гласъ. В то время упаль Соловей з девети дубовъ, что ѳвсяной снопъ, а Илья Муромецъ слесъ с своего добраго коня и хочеть ретиво сердце вынуть.

И возмолитца ему Соловей: „Гой еси ты, доброй молодець! оставь душу мою хотя на покойние“.

И говоритъ ему Илья Муромецъ: „Где твоя лежитъ злата казна?“

5. Овѣщаетъ Соловей: „Лежитъ моя злата казна в моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гоняють по два мѣа, а скоро наскоро мѣа“.

- И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ пот селомъ Кутузовымъ, и увидели Соловья ево
10. двенатцеть сыновъ и надевають на себя збрую богатырскую и хотять сБльсю Муромцомъ битися. И говоритъ Соловей: „Светы мои дети малые! зовите вы ево за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого“.

- Потомъ вшелъ Илья Муромецъ в ту полату каменную
15. ко князю Владимиру, и молитца онъ чуднымъ образомъ и князю Владимиру поклоняетца, а после на все четыре стороны.

И в то время у князя Владимира было пированье великое.

- Потомъ князь Владимиръ принимаетъ Илью Муромца
20. за руки белые, а самъ говоритъ: „Гой еси ты, доброй молодець! какъ твое имя и коего ты граду?“

Овѣщаетъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Ильею, по ѿчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома“.

- Потомъ рече князь Владимиръ: „Когда ты, Илья Муромецъ, выехалъ из Мурома?“
- 25.

- Овѣщаетъ Илья Муромецъ: „Поехалъ я из града Мурома, слушешши заутреню воскресную. Какъ я будучи подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскія, а силы с ними триста тысячъ, и хотели ѿне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя себежскаго
30. в полонъ взять. Вторая притчина: какъ я будучи на мосту колиновомъ, и тамъ увидель Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ; в то время подо мною конь спотыкнулся, и я ево из лука попалъ в правой гласъ, и привесъ ево с собою, и теперъ онъ стоитъ у моего добраго коня“.
- 35.

И выглянулъ Илья Муромецъ в оконце и велель Соловью засвистать.

И Соловей сталъ свистать; в то время у князя Владимира кресла подломились, и уполаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхия хоромы и совсе^м повалились. И князь Владиме^р сталъ весель и говоритъ ему: „Послужи ты мне, Илья Муромецъ, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую“.

И всему тому конецъ.

3.

(Изъ сборника Ф. И. Буслаева).

Повѣтъ ѿ Ильѣ Муромце и ѿ Соловье Разбо^ннике.

- Во славномъ градѣ Муроме слушалъ бѣгатырь Илья Муромецъ заутреню вѣкресную, а похоть ¹⁾ держалъ къ столному граду Киеву, ко кнѣзю Владимиру киевскому Всѣлавьевичю, а заветъ держалъ болшой: кладеть вострую саблю и на крѣпко^м лукъ тетивы накладываетъ. И какъ едучи будетъ по^а Себѣжиномъ градомъ, ажно стоять ту^т три цѣевича заморскія, а силы с ними у всякова цѣевича по сороку тысячъ, и хотятъ Себежь ²⁾ гра^а за щито^м взять и самого црѣя в полонъ взять. А Илья побилъ силу великую, бу^то зайчы стадо, а трехъ цѣевичевъ в полонъ взя^а и подарилъ црѣя сибирскова ³⁾. И сибирски црѣ говоритъ: „Какъ тебя зовутъ по имени и по ѿчеству і которогѡ ты града?“ Ѹтветъ держитъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня, гдѣрь, Илюшкою, а по ѿчеству Ивановъ снѣ, а уроженецъ града Муромѣ.“ И сибирски црѣ зговоритъ таково слово: „Ой еси доброй ⁴⁾ молодецъ, Илья Муромецъ! живи ты у меня, служи ты мнѣ вѣрою да правдою, да^м я тебѣ половину црѣства своего.“
25. Илья Муромецъ говоритъ: „Много мнѣ твоего жалованья!“ И спрашиваетъ у него прямой дороги к столному граду Киеву, ко кнѣзю Владимиру киевскому Всѣлавьевичю. И си-

¹⁾ Такъ въ рукописи; читай: „походъ“. ²⁾ Въ рукописи: „себѣ“; не написано надстрочное ж. ³⁾ Такъ въ рукописи, вмѣсто: „сирѣскова“. Не разобрано надстрочное ж? Это чтеніе сохраняется и далѣе. ⁴⁾ Въ рукописи: ой и ей пишутся такъ: „о^е ѣ“.

- бирски говоритъ црѣ: „Прямая дорога на^лежитъ на лесы
бранскія, на мостъ калиновой, на реку Смородину; толко
та дорога залегла ѿ Соловья разбойника равно л^лтъ: единое
члѣкъ не прохаживалъ, и звѣрь не прорыскива^л, и птица не
5. пролетовала ѿ Соловья разбойника.“ И тутъ бѣтырское
сер^лце разгараецца: поехали прямою дорогою х Киеву граду.
И какъ едучи будетъ на мосту калиново^л, на реке Сморо-
дине, ажно наступа^л к нему Соловей разбойникъ и завни-
ста^л свои^л разбойнически^л посвистомъ: подЫльею ¹⁾ конь
10. спотыкну^лся; Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: „Что
ты, волче ²⁾, спотыкаешься? Не^л веть меня во всей русской
земли сильнея.“ И вынимаетъ по Соловью разбойнику ка-
лену стрелу; и тутъ во Соловья разбойника попа^л, и Со-
ловей з двена^лцати дубовъ свалился, аки швсяной снопь.
15. Илья Муромецъ сѣлъ у него на бѣлы^л груди^л і хочетъ у
него вынуть сер^лце. И возмоли^лца тутъ Соловей разбой-
никъ: „сѣй еси доброй молодець Илья Муромецъ! оставь
дию въ телѣ хоть на покаяние!“ Илья Муромецъ говоритъ
таково слово: „Съкажи ты мнѣ, Соловей разбойникъ, где
20. твоя золота казна лежитъ?“ И Соловей разбойникъ о^лветь
держитъ: „Моя, гдѣрь, золота казна лежитъ в моихъ селахъ
Кутузовыхъ; а гонецъ гоняеть равно по два мѣа, а скорш
наскоро во единъ мѣъ.“ Илья Муромецъ привязуетъ Со-
ловья разбойника к своему стремю булатному и съкачетъ
25. з горы на гору, а у реки перевозу не спрашиваетъ. А какъ
будетъ по^л его село^л Кутузовы^л, увидѣли Соловья разбой-
рика .бѣ. сыновъ. Большой говоритъ: „Во^лт де нашъ ба-
тющка едетъ, а мужика везетъ у своево стрема булатнова.“
Меншой сѣъ говоритъ таково слово: „Во^л де едетъ Илья
30. Муромецъ, а батюшка везетъ у своево стрема булатнова.“
И ту^л мечютца .бѣ. сѣновъ и надѣваю^л на себя оружие
бѣатырское, и хотять с нимъ поле дать. І Соловей разбой-
никъ говоритъ таково слово: „Светы вы мое малые дѣтушки!
не дразните вы сево добра молотца, зовите его к себѣ
35. хлѣба кушати.“ Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ доб-

¹⁾ Такъ въ рукописи; чит.: „Подъ Ильею.“ ²⁾ Такъ въ рукописи вмѣсто:
„волчье?“ Затѣмъ пропущено слово. Въ Забѣлинскомъ текстѣ: „волчье мясо“.

- рымъ конемъ к столному граду Кіеву, ко князю Владимиру киевскому Всѣславьевичю. И какъ буде^т пот Кіевомъ градомъ, скаче^т чере^зъ стену каменную и еде^т на княженетской¹) дворъ, не сбсылаючи и шапки не снимаючи. Входитъ в полату столовую и молитца чю^тнымъ образомъ, а кнзю Владимиру нѣко челомъ і кнеине, а послѣ на четыре стороны. Князь Владимиръ говоритъ таково слово: „Какъ тебя зовутъ по имени и по ѿчеству и которого ты града?“ ѿветъ держитъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Илюшкою, а по ѿчеству Ивановъ снѣ, уроженецъ града Мурома.“ Кнзъ говоритъ: „Давно ли ты поехалъ из Мурома града?“ ѿветъ держитъ Илья Муромецъ: „Отслушавши заутреню воскресную.“ А князь Владимиръ усмехну^ся, чтw Илья вретъ, и зговоритъ таково слово: „Не тесѣсѣя у меня гонцы — гоняють равно по два мѣа, а скоро нѣкоро во единъ мѣъ.“ Илья Муромецъ говоритъ таково слово: „Да еще, гдѣрь, были на меня двѣ причины²): поеха^т из Мурома града по Себежиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевича заморекія, а силы с ними у всякова царевича по сороку тысячь, и хотятъ они Себѣжъ³) гра^т за щитомъ взять, и самого цря в полонъ взя^т; і я ево выручилъ и побилъ всю ратную⁴). И какъ буду на лесы бранскія, на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно напускаетъ на меня Соловей разбойникъ: подо мною конь спотыкну^ся, и я ево убилъ, и топеря стоитъ у моево коня у добраго.“ А князь говоритъ: „Засвищи ты, Соловей, свои^т пѣвистомъ.“ И Соловей говоритъ: „Не твой де я холопъ, не ѣушаюсь тебя, слушаюсь Илья Муромца.“ Илья Муромецъ велѣлъ зѣвистать Соловью разбойнику, и Соловей зѣвиста^т свои^т пѣвистомъ: у богатырей ту^т крѣла⁵) подломились. И кнзъ Владимиръ бѣтъ радошенъ і зговоритъ таково слово: „Тебѣ у у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, и погребы не замкнuty.“

¹) Въ рукописи: „княженетской.“ ²) Такъ въ рукописи; вѣроятно, въ оригиналѣ было: „двѣ причины“. Слово *причина* сохранено и въ Забѣлинскомъ спискѣ этой былины. Ср. стр. 6. ³) Въ рукописи: „себѣжъ“. ⁴) Такъ въ рукоп.: читай: „силу ратную“. ⁵) Тоже слово и въ Забѣлинской рукописи. Ср. стр. 7.

(Изъ сборника Н. С. Тихонова, № 222-й).

Сказание ѡ Іліе Муромце и ѡ Соловие разбойнике ¹⁾.

- Во славно²⁾ граде ³⁾ Мур⁴⁾ме слышать быть богаты⁵⁾ Ілія Муромецъ. Слыша⁶⁾ заутреню вѣкрѣнную. Поехалъ о⁷⁾ ко граду Киеву, ко князю Владимиру. Ка⁸⁾ буде⁹⁾ Ілія Муромецъ на то¹⁰⁾ же поле, вышли к нему три царевича сибеския ¹¹⁾, а силы
5. с ними у всяково црвча .лѣ. тысячъ. Ілія Муромецъ вынимае¹²⁾ свои востры мечъ и побит¹³⁾ ихъ силу великую, а тре¹⁴⁾ царевиче¹⁵⁾ в поло¹⁶⁾ взя¹⁷⁾ и подарит¹⁸⁾ тому¹⁹⁾жъ црѣю сибескому. И сибеской црѣ зговори²⁰⁾ ²¹⁾ таково слово: „Ѡй еси ты Ілія Муроме!“ ка²²⁾ тебя зову²³⁾ по імени и по ѡчеству и котораго городу?“ Ѡве²⁴⁾ держит²⁵⁾ Ілія Муроме: „Зовутъ меня, гдѣрь, Іли(е)ю, а по ѡчеству Ивано²⁶⁾ снѣ, а роженецъ града Мурома“. И сибѣской црѣ зговори²⁷⁾ таково слово: „Светъ государь, Ілія Муромецъ! Ѡкуда твоя дорога случилася?“ Ѡве²⁸⁾ держит²⁹⁾ Ілія Муромецъ: „Еду я, гбуда³⁰⁾, к столному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому Всѣлавевичу“ ³¹⁾.
10. И сибѣски црѣ зговори³²⁾ таково слово: „Светъ гбударь, Ілія Муромецъ! не ездн к столному граду Киеву, ко великому князю Владимиру киевскому Всеславѣвичу, живи ты у меня, служи ты мне верою и правдою, і я тебѣ пожалую половину
15. царства ³³⁾, гбударства своего сибѣскаго“. Ілія Муромецъ зговори³⁴⁾ таково слово: „Много ли мне государѣтва твоего жалованья!“ І спрашивае³⁵⁾ ѡ³⁶⁾ прямоі дороги къ столному граду Киеву. И сибѣской црѣ зговори³⁷⁾ таково слово: „Есть у нѣ, госуда³⁸⁾, прямая дорога к столному граду Киеву, на
20. лесе брышскія ³⁹⁾, на грязи топучіе, на мостъ на калиновой, на речку Смороди⁴⁰⁾ку; толко та дорога залегла 10 летъ: ни единой челове⁴¹⁾ не прохажива⁴²⁾ і не проеживалъ, ни зве⁴³⁾ не прорыскива⁴⁴⁾ ѡ Соловья разбойника Будимеровича“. И ту⁴⁵⁾ бѣга-

¹⁾ Въ рукописи постоянно: „разбойнике, разбойника, разбойникъ, разбойническимъ“: пропущено надстрочное и. ²⁾ Въ рукописи: „граде.“ ³⁾ Ошибка; слѣдуетъ: „заморскія.“ ⁴⁾ Въ рукописи: „заговорить“, какъ и ниже. ⁵⁾ Такъ въ рукописи. ⁶⁾ Въ рукописи: „даства.“ Въ оригиналѣ буква р, вѣроятно, стояла надъ строкою: переписчикъ не умѣлъ читать надстрочныхъ буквъ. ⁷⁾ Въ рукописи: „брыскія“.

- тырское сеце разгарало: поеха^а прямою дорогоі. Какъ будеть на речке на Смородинке, на мосту на калиново^а, напусти^а к нему Соловей разбойни^а ¹⁾ Будимеро^а, завіста^а своимъ разбойничёки^а повісто^а: под Илеею конь потыкаеца, Илия
5. Муромецъ зговори^а таково слово: „Во^ачия шерсть, што ты потыкаеца? (sic!) Веть нету силнея меня во всеі светорускоі земле“. И вымае^а изъ налучая свої крепкоі лукъ ²⁾, не ка^ачана калену стрелу, и стреляе^а ко Соловию разбойнику ¹⁾, и уби^а ево в правое око. І ту^а Соловей упаль на сыру землю
10. з девяти дубо^а, что швсяноі снопь. Илия Муромецъ сель на бѣлы груди и хоче^а вынять ретиво се^адце; молица ему Соловей разбойни^а ¹⁾ Будимеровичь.... Какъ зговори^а таково слово све^а гдарь, Илия Муромецъ, сынъ Ивановичь: „Скажи ты мне, где твоя золота казна лежи^а?“.... „в мо^ахъ коле^а Кузо-
15. выхъ (sic!)“....

5.

Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ и Идолицѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина, № 82).

- взялъ по^а правую руку, а воевода че^арниговскоі ³⁾ по^а левую. Илья Муромецъ говори^а таковы речи: „Гдѣри кнѣзь киберскоі и воевода че^арниговскоі, не по^алежитъ вамъ меня, нижаи-
20. шева раба, братъ по^а руки и вестъ в полаты бѣлокаменные“. И взялъ ихъ обеи^а по^а руки и велъ и^а в полаты, и сажали^а за столы за дубовыя, за скатерти браныя, за ествы сахарныя. И какъ сталъ пи^а навесѣле, и стали князь киберскоі и воевода че^арниго^аскоі спрашивать: „Пожалуй, скажи, уда^а до-
25. брой молодець, какъ тебя зоуть по имени и по отчеству, и уроженецъ которые земли, и роду хрѣпанскова ль?“

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: „Я, гдѣри, роду хрѣти-а^аскогw, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова; отецъ мой—крѣтянинъ Иванъ Тимоѣевичь, а меня, гдѣри,

¹⁾ Слова пропущена надстрочная буква (и). ²⁾ Въ рукописи: „улукъ“. ³⁾ Въ рукописи ой пишется съ надстрочнымъ и-о.

- зоуть Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сѣ; а еду я, гдѣри, ко славному граду Киеву Бѣу молитца, а кѣзю Владимеру о'явитца". И сталъ кѣзь киберской спрашивать: „Скажи, пожалуй, Илья Муромецъ, давно ль ты поеха' из
5. дому отца своего, и давно ль билса съ етаю силаю босурманскою?" О[т]ветъ держи; Илья Муромецъ: „Я гдѣрь, поехалъ вчерась победавши и к вамъ приеха' вчерашняго числа, какъ вы сами видели". И какъ столъ штошелъ, Илья Муромецъ выходитъ и'за стола дубоваго и молитца Бѣу
10. по писанному и блгодарить кѣзя киберского и воеводу черниговского за хле^б и за соль; и сталъ Бѣу молитца, и с ними прощаетца и спрашиваетъ и': „Скажите, пожалуйте, кѣзь киберской и воевода черниговской, какъ мне ближе ѣхать ко славному граду Киеву—которою дорогою?" И
15. стали ему сказывать: „Гдѣрь нашъ Илья Муромецъ, сѣ Иваловичъ! Мы тебѣ скажемъ прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебѣ, гдѣрь, премея схать

- на те леса на брянскія,
на те мосты калиновы,
20. чре^з тое реку Смородину ¹⁾);

- толко нетъ, гдѣрь, тамъ пропуску: ровно тритцать летъ залегла эта дорога о' силнаго богатыря Соловья разбѣйника: не пропускаетъ о' ни пешева, ни ко'нова, все^х грабить и убиваетъ, и храбрость показываетъ всемъ сильнымъ,
25. могучимъ богатыря^м; а воуетъ онъ без оружія, толко убиваетъ свои^м разбойническимъ свистомъ".

- И слыша то, у Ильи Муромца богатырское срѣце разгорелоса: Богу молитца и съ князе^м прощаетца. И они ево стали просить: „Гдѣрь И'я Муромецъ! пожалуй у насъ на-
30. чуй; и отелушаешъ заутреню воскресную, и туды во сла'ной гра^д Киевъ поспѣешъ к обедни". Илья Муромецъ не могъ отставить прошения ихъ: у ни^х начева^т и отелушелъ заутреню воскресную. А все эта делалось в великую суботу: и с ними, с княземъ киберски^м и воеводай черниговски^м,
35. похристосыва'са; и они ему дали по яичку и на ни^х под-

¹⁾ Въ рукописи эти строки написаны въ видѣ стиховъ. Такъ и далѣе нѣсколько разъ.

писали подпись: в которой день поспеть из Мурѡма в Черниговъ гра^а, и ско^око по^а Черниговы^а побилъ силы босурманскія.

5. Илья Муромецъ, принявъ о^т кнзя ¹⁾ киберскаго и воеводы че^рниговскаго о^тпускъ, садился на своего доброго коня и спрашиваетъ у князя киберскаго: „Какъ, гдѣрь, мне узнать дорогу прямую на те леса на брянскія?“ И опи ему сказали: „Какъ выедешь, гдѣрь, из нашева града в чистое поле—и увидишь в правой сторѡне попрыски бо^аатырскія“.

10. *Илья Муромецъ поехалъ ²⁾.*

И выехалъ в чистыя поля, и увидель попрыски богатырскія и по ни^х поеха^а, и приехалъ:

15. *на те лѣса на брянскія,
на те грязи топучія,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.
И Соловей разбойникъ*

Послышелъ силнаго могучева богатыря и узналъ себѣ ко^чнину и бе^частие великое; и не допуская Илью Муромца

20. *за тридцать верстъ,*

Зависталь свои^а свистомъ разбойнически^а ³⁾ таково крепко, что по^а Ильєю Муромцомъ конь спотыкнулся. Илья Муромецъ билъ своево коня по крутымъ бедрамъ и самъ говорить таковы слова: „Что ты, волчья мяса, травной мешекъ?“

25. Али ты в темныхъ леса^х не гулива^а и соловьиного свисту не слыжива^а?“ А са^а поеха^а путе^а свои^а. И Соловей разбойникъ, не допустя Илью Муромца

за пятнатцать верстъ,

30. Засвисталь громче тово, и с того свисту по^а Ильєю Муромцо^а копь пуце тово спотыкнулся, и о^н шпять билъ коня по крутымъ бедра^а и говорить такія речи: „Что ты, волчья

1) За словомъ „кнзя“ было написано: „Владимира“, но потомъ это слово заключено въ скобки. 2) Курсивомъ напечатаны слова и фразы, написанныя въ рукописи киноварью. 3) Въ рукописи: „разбойческии“.

мяса, травеной мешокъ? Или ты в темны^х леса^х не гули-
вала, соловьиного свисту не слыживала?“ А са^м опять по-
ехалъ дорогою

и приехалъ по^к Соловьиное гнездо:

5. Свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые сбой-
мовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей
разбойникъ увидель светорускова си^нова, могучева богатыря
и засвиста^л во весь свой свистъ разбойничей: хотель, чтабъ
10. такова силнова богатыря убить до сме^рти, а самому бы быть
в великой чести і славе во всей вселенней; и такъ громко
засвиста^л, что подЫльею Муромцомъ конь богаты^рской

спотыкнулся на карачки со все^х четырехъ ногъ.

- Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ и накла-
дываетъ колену стрелу и пустиль на то гнездо Соловьиное
15. и попалъ в правой глазь и в левое крыло і вышебъ левой
гла^з. И Соловей ра^ббойникъ свалился з гнезда, что в^сяной
сно^с. Илья Муромецъ беретъ Соловья ра^ббойника и привя-
заль ево крепко к стремению булатному и сталь скакать во
20. всю пору конскую, и выскакать: те леса брянския, | те грязи
топучия, | те мости калиновы, | и перескака^л реку Сморо-
дну | и выскочи^л в чистыя поля ¹⁾).

Стоятъ три терема златоверховатия.

- Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья разбойника: „Скажи,
Соловей разбойникъ, не тотъ ли славной Киевъ гра^д?“
25. О^тветъ держить Соловей разбойникъ: „Государь, удалой
до^брой молодець, си^ной могучей богатырь Илья Муромецъ!
Это не славной Киевъ гра^д, это мои Соловьиныя палаты, а
живуть в ни^х три мои дочери“. И какъ поровнялся Илья
Муромецъ противъ полать ра^ббойничьихъ, и у те^х полать были

30. *ѡкны настешъ
растворены, и в техъ ѡкнахъ*

сидели дочери Соловья разбойника, смотрели в чистыя поля

¹⁾ Перпендикулярная черта замѣняетъ двѣ точки рукописи, которыми писецъ
отмѣтилъ концы отдѣльныхъ стиховъ. Выше и ниже эти стихи написаны раздѣльно
(стр. 12, 13 и 20).

з добычею отца своего и думали сами между собою, что „едить нашъ батюшка з добычею“. И увидела меньшая дочь и закричала сестрамъ своимъ: „Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везе к намъ мужика привязана у стремени

5. булатнова!“ А болшая дочь посмотрела и заплакала горко и закричала громкимъ голосомъ богатырски: „Эта не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужикъ незнаемой и везетъ нашева батюшка привязана у стремени булатнова“. И закричала мужьямъ своимъ: „Мужья наши милья! поезжайте къ мужику на встречу и отбейте у него нашева батюшку, гдѣ Соловья разбойника, не кладите на нашъ родъ такова позору и безчестия“. И мужья ихъ, сильные богатыри, метались на конюшенной дворѣ, брали своимъ добрымъ конемъ и безъ седель выехали противъ светоруского богатыря Илья Муромца, и хотя отбить тестя своего: кони поимъ добрыя, и конья у нихъ вострыя, и хотя Илью на конья посадить.

- И увидель ихъ Соловей разбойникъ и говоритъ имъ: „Зятя мои милья, удалыя добрыя молодцы! не позортесь вы и не дразните такого силнаго светоруского богатыря: ежели 20. разъдразните, всемъ вамъ принять от него чашу смертную; лутче вамъ слестъ с своимъ добрымъ конемъ и проси доброва молотца для такова торжественного праздника выпить по чаре зелена вина“. И они его, тестя своего, послушали:

- Слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги 25. удалому доброму молотцу и стали просить его в домъ свой: „Удай доброй молодець, сильной могучей богатырь, мѣти у тебя проси в домъ отца нашева для такова торжественного праздника выкушать по чаре зелена вина“.

30. Илья Муромецъ, видя ихъ такую покорность, и не ведаль ихъ такой злобы, заварачиваетъ своимъ добрымъ конемъ, и поеха в домъ Соловья разбойника.

И увидела болшая дочь, что едитъ Илья Муромецъ в домъ ихъ, и вскочила

35. на вереву и похватила поворотню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца что пришибить тою поворотнею на воротахъ, а отца своего освободить из неволн.

И какъ Илья Муромецъ в воршты едитъ, и она тое поворотню пустила и не захватила, и шпять тотъ часъ похватила, а она была сильная богатырка. И усмотрель Илья Муромецъ, что она сидитъ на верѣе и похватываетъ подворотню;

5. оборотясь удари^а ея шелепугѣй подорожною такъ сильно, что о^т тое верей отлетела на двенатцать сажень, а са^а завороти^а свой доброй конь и поеха^а з двора; и говори^а Соловью разбойнику: „Спасиба, Соловей ра^абойникъ, на твоей перепутной чаре: вина я у тебя не пиваль, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезета свои^а Соловьиныхъ пожитковъ в славной Киевъ гра^а, и я к вамъ приеду, то все^а вамъ; старому и малому, смерти не минова^а, все умрете злою смертию о^т моего острого меча“. И поехалъ ко славному

граду Киеву.

15. И какъ приехалъ в Киевъ гра^а, проезжае^а прямо на княженетской дворъ, и пусти^а своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ¹⁾ и къ ясле^а не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: „Что за мужикъ приеха^а на нашъ дворъ и
20. никому коня не приказываетъ и не привязываетъ?“

Илья Муромецъ пошелъ в црковь соборную.

- Молится онъ Бгу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а осо^аливой поклонъ ѿдае^а князю Владимиру и кйгине Апрѣзайне королевичне; и сталъ молитца по писанному.
25. санному.

- И увидель князь Владимиръ такова приезжева члвка и послалъ спросить: ѿткуда приеха^а и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра—могучия богатыри Алеша Поповичъ да Добрыня Никитичъ. И кинулса Алеша Поповичъ и ста^а спрашивать нечестливю, и очень ш^а пересмешливъ былъ: „Какъ тебя зоу^а, и чей ты, и что за мужикъ, и о^ткуда ты приехалъ?“
- 30.

- О^тветъ держи^а Илья Муромецъ: „Алеша Поповичъ, бабья бля^а, пересмешница! пришли полутче себя и повежливея“.
- 35.

¹⁾ Послѣ слова: „приказываетъ“ было написано: „и х коновязи“, но потомъ заключено въ прямые скобки.

И Алеша Поповичъ пошелъ прочь о' негѡ со стыдо^м и пришелъ х князю Владимиру, ответу никакова не даетъ.

И кѣзь Владимиръ спроси^т: „Алеша, ходи^т ли ты спрашивать прие^жева человека, и што о^т тебѣ сказаль? кто
5. шнѣ таковъ?“

О^тветъ держитъ Алеша: „Приеха^т, гдѣрь, какой-та мужиченка, и я ево спрашива^т, и о^т мне о^твету не да^т; толко, гдѣрь, меня пре^д народо^м обезчестиль.“

И какъ Владимиръ догадалса, что шнѣ спрашива^т нечестню, п посла^т другова министра, Добрыню Никитича, и веле^т спросить вежливо.

И Добрыня Никитичъ прише^т кѣлье Муром^цу и сталъ спрашивать вчестливо: „Присла^т до васъ кѣзь Владимиръ, приказа^т васъ спросить: ш^ткуда ваша мѣть приеха^т и ко-
15. торова города уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по штечеству?“

О^тветъ держитъ И^я Муромецъ: „Гдѣрь Добрыня Никитичъ! донеси великому кѣзю Владимиру: зоутъ меня Илюшкою, а по штечеству Ивановъ сѣъ, уроженецъ я го-
20. рода Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочнѡ в славной Кневъ гра^д Бѣу молитца, а кѣзю Владимиру ш^б-явитца.“

И До^брыня Никитичъ пришелъ и о^бяви^т кѣзю Владимиру: „Сказываетца И^я Муромецъ сѣъ Ивановичъ, а
25. уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приеха^т нарочнѡ во славной Кневъ градъ Бѣу молитца, а тебѣ, кѣзю Владимиру, о^бявитца.“

И кѣзь Владимиръ веры нейметъ, что эта силной богатырь Илья Муромецъ. И какъ штошла бжестве^ная
30. литоргия, пошли все изъ цѣкви вонъ, Илья Муромецъ до^ддалса кѣзю Владимира, и какъ о^т пошелъ изъ церкви и со княгиней Апразной королевишной,—и подоше^т х кѣзю и поклони^тса и похристосыва^тса и подаритъ и^т теми яичками, которыми ево подарили кня^т киберской и воевода
35. черниговской.

И князь Владимиръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей кѣгни: „Что у тебя на яйцу написанѡ?“ И шна

ему о'ветствовала: „Написана на яице мудреная вещь, чему статца не мо^{но}“.

И князь Владимиръ отъ обедни всехъ ста^а звать князей и бояръ и сильны^а могучихъ богатырей к себѣ в полаты
5. белокаменная, и сталъ князь по^{но}сить все^а по чаре зелена вина, и прише^а поднесъ Илье Муромцу.

И зговорить Ильа Муромецъ: „Гдѣрь кнѣзь Владимиръ! слей^а мне чары две или три во едино место, а мне этой чарой нече^а и ро^а полоскать.“ И кнѣзь Владимиръ нали^а кубецъ
10. в по^{ве}ра и поднесъ Илье Муромцу.

Ильа Муромецъ выпил^а и поклонил^аса; и сталъ говорить: „Великій князь! я таперь по мѣти твоей сытъ и пьянъ, толко у меня товарищъ не сытъ и не пьянъ.“ И князь Владимиръ спросил^а: „А ктѣ твой товарищъ?“ — „А мой товарищъ—доброй конь.“ И услышал^а эта Алеша Поповичъ и выскочилъ не пола^а белокамен^{ны}а и насыпалъ пшеницы доброму коню богатырскому и привезалъ и своего коня, и говори^а к себѣ: „Ежели богатырской конь не припусти^а нашихъ лошадей, то премой конь богатырской.“ А Ильи Муромца
15. конь втиралса помаленку и втерса и хватилъ коня Алеши Поповича и убилъ до смѣрти. И Добрыня Никитичъ насилу отъхватилъ своего коня; и никому не сказали о то^а, что уби^а богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Володимеръ еще не уверяе^аца, что о^а—сильной могучей богатырь; сажалъ все^а за столы за дубовыя, за скате^ати за браныя, за ествы сахарныя, и все богатыри сели по свои^а места^а, а Илье Муромцу кнѣзь Владимиръ приказа^а выбрать ме^ато, где похочеть, и все изведываетъ силы ево Муромцовой и не чаеть ево, что о^а сильной могучей богатырь: для тово велель ему выбирать место ме^аду
20. сильны^а богатырей. А Ильа выбра^а ¹⁾ креслы что ни лучи^а по^але князя Владимира и ста^а на нихъ садитца: и те богатыри не стали на свои места пускать, а онъ пожалъ е конца и до другога конца инова богатыря ме^аду кресель
30. мертвова и полома^а все решетки железныя.

¹⁾ Поставъ слова: „выбралъ“, въ рукописи написано слово: „мѣсто“, которое потомъ поставлено въ прямыя скобки.

И кѣзю Владимеру все это в досаду не кажетца, все эта приемлетъ за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славномъ Кieve граде проявляетца.

И еще хочетца кѣзю Владимеру Илью Муромца—изве-

5. дать силу ево; выглену^а в окошко и увидель до^брова коня богаты^рского: естъ пшеницу белоярую; и закричалъ конюха^а свои^а: „Налейте сыты ме^двяной и выпустите мои^а княжи^а лошадей, и какъ богатырской конь не припустить мои^а лошадей?“
10. И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому и выпу^ттили и княжи^а лошадей, и богатырской конь втерса ме^ду ими помаленку ихвати^а коня княжева что ни лутчева и схватилъ с него шкуру долой. И закрича^а кѣзю Владимиръ конюха^а: что^б после^дни^а коней ево не побилъ богатырской конь, велель тотъ часъ отогнать; а самъ сель на своемъ мѣсте. И стали пити, ясти и веселитися; и ста^а князь Владимеръ навеселе^а и ста^а Илью Муромца спрашивать:

„Скажи, доброй молодець, какъ тебя звать по имени и по штечеству, и которогw ты города уроженецъ?“

20. И всталъ Илья Муромецъ с места своего и сталъ ответь держать: „Меня, гдѣрь, зоуть Илюшкою, а по штечеству Ивановъ сѣъ, а уроженецъ я города Мурома, села Карачарова.“

25. „Давно ли ты, Илья Муромецъ, о^тудова из Мурома поехалъ?“

„А я, гдѣрь, вчерась поехалъ повбедавши“.

И князь Владимеръ изумелса и ста^а еще спрашивать: „Которою ты дорогою ехалъ из Мурома?“

О^тветь держить Илья Муромецъ:

30. „Я ехалъ, гдѣрь, из Мурома на Чернигw^а гра^а и по^а Черниговы^а градо^а побилъ войска босурманского—и сметы нетъ, і очисти^а Черниговъ гра^а; и князь кебереккой и воевода черниговской вчерашняго дня унесли меня начевать, и о^тслуша^а я в Чернигwве воскресную заутреню, и подарили
35. меня шни по яичку, которая я вашей светлости по^чнесъ. А ежели сему ¹⁾ не изволите жеры понять, то изволите

¹⁾ За словомъ „сему“ по ошибкѣ написано и потомъ заключено въ скобки слово: „серы“.

послать справица чре^а почту. А из Чернигова, гдѣрь, ехаль
я дорогою

- на те леса на брянския,
на те грязи топучия,
5. на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину“.

И слыша то, кнѣзь Владимѣръ встаетъ из места своего с
велики^а гневомъ на Илью Муромца и говори^{тъ} таковы речи:
„Не по^алежитъ тебѣ, мужику, меня, такова великова князя,
10. w^аманывать, я тебя за то велю злой смерти предать“.

И рече Илья Муромецъ: „Великій кня^а Владимѣръ! за
что такой гневъ и^аволи^а на меня держать, и че^а я васъ
оболга^а и какими словами?“

- И говоритъ Владимѣръ князь:
15. „Первое ты меня wболгалъ: сказываешъ, что вчерась
из Муромца, чему ста^аца невозмо^ано; второе, сказываешъ:
из Чернигова еха^а на леса на брянския, | на грязи топучия, |
на мосты калиновы, | чре^а реку Смородину ¹⁾); а тое до-
рогу заложилъ силеной богатырь Соловей разбойникъ ровно
20. тридцатъ летъ, не пропускаетъ шнѣ ни пешева, ни конногw,
и не выбираютца у насъ из славного города Києва противъ
евw ни единой силеной могучей богатырь, а ты сказываешъ,
что тою дорогою еха^а“.

И говоритъ Илья Муромецъ таковы речи: „Не изволь,
25. великій гдѣрь, на меня гневу держать: все правду сказываю
пре^а вашею светлостію; а ежели сему верить не изволите,
то изволте посмотреть своегw хвалногw богатыря Соловья
разбойника, которой стоитъ привязалъ коня моего у стре-
мени булатнова“.

30. И тутъ все богатыри кинулись смотре^а, а князь Вла-
димѣръ приказа^а ево позвать к себѣ в полаты белока-
менные.

И выскочилъ и кину^аса звать Алеша Поповичъ на
крылцw, и ста^а звать Соловья разбойника неочестливw: „Со-
35. ловой разбойникъ! поди в палаты“. А Соловей разбойникъ
ответствуетъ: „Алеша Поповичъ, бабья бля^а, пересмешица!

¹⁾ См. выше стр. 14.

Ты на то надѣсса, что я таперь в неволе; вышель ты меня звать нечестию, — я тебя хвачю гнилы^м крыло^м, что ты у меня на двенадцать сажень в землю уйдешъ. А ты вышли полутче себя и пове^мливев позвать меня“.

5. Алеша Поповичъ пришелъ х князю Владимиру и сказа^л, что „не идетъ и не слушае^т тебя, великого кнѣзя“.

И кнѣзь Володимеръ посла^л Дв^брыню Никитича и велель позвать честию; и Добрыня Никитичъ вышель и сталъ звать с честию; и Соловей разбойникъ говорить таковы речи: „Добрыня Никитичъ! не слуга я вашему кнѣзю и повеления вашого не творю, а творю повеление Ильи Муромца“.

Услышалъ то кнѣзь Владимиръ такія слова и закричалъ в окошкѣ: „Соловей ра^ббойникъ! поди ко мне в палаты“.

15. И Соловей о^тветствуетъ: „Кнѣзь Владимиръ! не твой я слуга и не слушаю тебя: я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели о^н прикаже^т“. И кнѣзь Владимиръ говорить: „Илья Муромецъ! прикажи к на^м войти Соловью разбойнику“.

20. Илья Муромецъ крикну^т в окошко: „Соловей разбойникъ! поди в полаты“. И Соловей разбойникъ вошоль. И князь Володимеръ говори^т: „Соловей разбойникъ! засвищи свои^м свисто^м разбойнически^м, какъ ты свиста^л на леса^х на брянски“.

И Соловей разбойникъ сказа^л. „Князь Владимиръ! не твой я слуга и не слушаю тебя и повелѣния твоего не творю, а творю я повелѣние Ильи Муромца“.

И князь Владимиръ говори^т: „Илья Муромецъ! прикажи засвистать Соловью ра^ббойнику“.

И говорить Илья Муромецъ: „Велики кнѣзь Владимиръ! ест ли у вашей светлости шубы соболиныя? Прикажи ихъ принести“. И какъ принесли шубы соболиныя, то Илья Муромецъ взялъ кнѣзя Владимира и со княгиней Апражиной королевешной, обернулъ и^х в те шубы и по^ставилъ и^х к себѣ по^с мышки, и велель засвиста^т Соловью разбойнику:

35. что^б онъ засвиста^л в по^свиста свои^м свистомъ разбойнически^м. А Соловей ра^ббойникъ думаль, что „Илья Муромецъ пьянь, и я ево шглушу і убью до смерти и буду в Киеве граде вла^ттелино“, и засвисталъ во весь свистъ, что ні

есть могуты ево, и такъ крепко, что с теремо^а по самыя окны верхи съвеѣло, а богатырей^а которы^а углушилъ, которыхъ вонь іс пола^а вынесло, и убилъ до смерти.

Илья Муромецъ выпусти^а князя Владимера со княгиней
5. Апразиной испо^а мышe^а, а Соловья разбойника взялъ при нихъ за ноги и говоритъ такія слова: „Не люблю я, Соловей разбойникъ, таки^а себѣ неверныхъ слугъ — которой мне ра^б неве^рно служить“. И убилъ ево ш^б каменной мостъ до смерти и выкинулъ в окошко.

10. И кнѣзь Володимеръ усмотрелъ и сталъ верить, что Илья Муромецъ силеной богатырь. И пошли в другія палаты бѣлокаменные и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увидель кнѣзь в чисто^а поле силу великую: идетъ
15. прямо к городу Киеву. И сталъ кнѣзь Владимеръ тужить: „Кому у насъ и^{ти} съ етай^а великой силой би^ася?“

Илья Муромецъ посмотрелъ в зрите^аную трупку и сталъ говорить: „Князь Владимеръ! не печалса; по печали, гдѣрь, Бѣъ даруетъ радость: не сила эта идетъ, не великая ко граду
20. Киеву: эта везу^а Соловьиняя воровскія пожитки по приказу моему к тебѣ, кнѣзю Владимеру“.

И какъ приехали зятя Соловья ра^бойника с пожитками, и въезжаютъ прямо на княжой дворъ и спрашиваютъ во дворе княземъ: „Где нашъ батюшка живетъ Соловей
25. разбойникъ?“ И сказали и^а слуги княженетскія: „Вонъ вашъ батюшка под окно^а валяетца, и есть ево червь неусыпающій“. Тогда зятя Соловья разбойника ш^брезали гужи на лошады^а и уехали из града Киева: думали, что і и^а то^а будетъ.

Илья Муромецъ пьетъ, гуляетъ, прохлажается. И назвали^а з Добрыней Никитичемъ братьями и шседлали свои^а добры^а коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили в чисто^а поле три мѣа, не нашли себѣ сопротивника; то^акв наехали в чистомъ полѣ—идеть Колечища прохожей:

35. гуня на немъ в пять сотъ пу^а,
шляпа в трицать пу^а,
костыль сорока сажень.

Илья Муромецъ ста^а на него напущать, хошетъ с нимъ стычку дать, о^введать силы своей богатырския.

- И увидель колечища прохожей Илью Муромца и говорить таковы речи: „Ой еси ты, Илья Муромецъ! Помниши ли, мы с тобой в одной школе грамоте учились, с одново блюда едали и пивали, из о^ного стакана пивали, а платье напивали с одног^о плеча? А н^е ты на меня, на такова коллеку, напускаешъ і хоче^т ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешъ, что тебя посажу и проме^т коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, что^б ты такъ впредь не дела^т. А того ты не ведаешъ, что во славн^о городе Кieve великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной си^ной богатырь—
5. ли, мы с тобой в одной школе грамоте учились, с одново блюда едали и пивали, из о^ного стакана пивали, а платье напивали с одног^о плеча? А н^е ты на меня, на такова коллеку, напускаешъ і хоче^т ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешъ, что тебя посажу и проме^т коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, что^б ты такъ впредь не дела^т. А того ты не ведаешъ, что во славн^о городе Кieve великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной си^ной богатырь—
10. и проме^т коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, что^б ты такъ впредь не дела^т. А того ты не ведаешъ, что во славн^о городе Кieve великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной си^ной богатырь—

Идолища нечестивой:

15. Голова у нево с пивной котель,
В плечахъ касая сажень,
Промежъ бровми доброва мужа пядь,
Промежъ ушми колена стрела,—

- и разсадилъ князя со княгинею и целуетъ ея во уста сахарныя, а естъ онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимеръ вельми о^б тебѣ соболезнаетъ, что ты ево въ едакой печали оставилъ“.
20. и разсадилъ князя со княгинею и целуетъ ея во уста сахарныя, а естъ онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимеръ вельми о^б тебѣ соболезнаетъ, что ты ево въ едакой печали оставилъ“.

И говоритъ Илья Муромецъ: „Ой еси ты, колечища прохожей! что у тебя силы нетъ, или смелости?“

25. И рече прохожей: „Во мне силы много, да смелости нетъ“.

И говоритъ Илья Муромецъ: „Ой еси ты, колечища прохожей! дай мне свою гуню в пять сотъ пу^а, шляпу в трицать пу^а, костыль сорока сажень: понду в славной Кieve гра^а. Вотъ тебѣ мой доброй конь богатырской, и вотъ

30. тебѣ мое платье цвѣтное и тугой лукъ!“

И пошелъ Илья Муромецъ в Кieve гра^а и пришелъ прямо на княженетской дворъ, і идетъ к полата^м б^локаме^ны^м, и закричалъ и возопилъ по богатырскому: „Ой еси ты, Володимеръ князь! сошли мне, колечище прохожему,

35. милостыню!“

И увидель ево Володимеръ князь и говоритъ таковы

речи: „Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныя, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу да“.

И вошелъ колечища прохожей в ту палату, где сидить князь Владимиръ и Идолица нечестивый со княгиней Апра-
5. зной королевишной и целуетъ ея во уста сахарныя.

А колечища стоитъ у печи и на негѣ поглядываетъ.

И Идолица просить есть,—и принесли ему, нечестивому, быка целова жинова, и онъ ево и с костями съель.

Илья Муромецъ, стоячи у печки, говорить: „У моево
10. батюшки была такая-га корова объжерлива: обожралась и идохла“. И на то Идолица ответу ничего не да.

И попросилъ Идолица пить,—и принесли ему котель пива двенатцать члвкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ ево.

Илья Муромецъ говоритъ: „Была у моево батюшки кобыла
15. обжелива: обожралась да идохла“.

И Идолица нечестивой не утерпелъ и сталъ говорить: „Уй еси ты, колечища прохожей! што меня замаешъ? Мне нечево тебя в руки взять и незаче на тобою рукъ сквер-
нить. Не то што ты, каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ,

20. я бы и с темъ стычку далъ“.

И богатырское срѣце разгорелось, и зговорилъ тако-
вы речи: „Кали бы былъ Илья Муромецъ, онъ бы давно тебѣ, сабаке, не спустилъ“. И схвати с себя шляпу и ударилъ ево в голову такъ силно, что прошибъ стену

25. пола белокаменныя и, взявши туловища, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти, и пити, и веселитца.

И великій князь Владимиръ

Илью Муромца великими

похвалами возвеличилъ

и причелъ в силныя могу-

чя богатыри.

И сей исторіи

конецъ.

II. МИХАЙЛО ПОТОКЪ.

1.

(По рукописи Императорской Публичной Библиотеки, О. XVII. 44).

**Повѣсть ѿ кнѣзе Владимѣре киевско^а и о богатыряхъ киевских^а и ѿ
Михаилѣ Потокѣ Ивановиче, о црѣ Нащею Залатой арды.**

- В славномъ граде Киевѣ у великава кнѣзя Владимѣра киевскава Всеславѣевича было пированье великое на мно-
5. гие кнѣзи и бояры и сильныя могучия богатыри. Ка^а будетъ у ни^а пи^а навѣселѣ, что зговори^а великѣй кнѣзь Владимиръ киевскѣй: „Шѣ еси, кнѣзи и бояры и си^аныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три слу^абы великия: кто бы ехалъ в землю турецкую, взя^а бы дани і выходы;
10. кто бы ехалъ в землю задо^аскую, взя^а бы дани і выходы; кто бы ехалъ в землю алевицкую, взялъ бы дани і выходы за третьца^а лѣтъ и за три годы?“

- Востава^а и^а мѣста славнай богатырь И^ая Муромѣць, а са^а зговорить таково слово: „Свѣ^а гдѣрь, великѣй кнѣзь Влади-
15. ме^а киевски и кнѣзи и бояры и силныя могучия богатыри! Что ни^акто о^авѣту не дастъ? Бо^ашой за ме^ашова, а у ме^аши^а о^авѣту нѣтъ“. Самъ зговори^а слово похваляючи^а: „Свѣтъ гдѣрь, великѣй кнѣзь Владимиръ киевскѣй! я поеду въ землю ту^аскую, возму дани і выходы“.
20. Что зговорить Михаила Потокѣ Ивановичь: „Свѣтъ

гдѣрь, великій кнѣзь Владимиръ киевскій, я поеду в землю задо^оскую, во^ому дани і выходы“.

Что зговоритъ Алеша Поповичъ: „Свѣ^е гдѣрь, великій кнѣзь Владимиръ киевскій, я поеду в землю алеви^ицкую, 5. возму дани і выходы за три^ицать лѣтъ и за три годы“.

И тѣ рѣчи великому кнѣзю полюбилися: по^оносятъ имъ чары зелена вина, и зашиваютъ меды сла^акими, и с велики^и кнѣземъ прощаютъца, и называютъца братнями на- званными, и садятъца на свои до^оры кони, и едутъ из града 10. Кіева. И ме^е сабою таково слово мо^овили: „Братъцы ми- лья! хто у на^а напере^е приедеть до Кіева, а каво не бу- де^е опосле, и на^а схать таво сыскива^а“. А сами поехали наро^оно, вся^а своимъ путемъ.

Михаила Потокъ Ивановичъ поеха^а во^олѣ моря синева. 15. А^ано по морю плавае^е лебя^а бѣлая. И Михаила вымае^етъ и^и надлучи свой крешкой лукъ и не ко^очана колену стрелу и хочеть уби^и лебя^а бѣлую. И она ему провѣщи^ица чѣвчес- ки^и голосомъ: „Свѣ^етъ гдѣрь, Михаила Пото^о Ивано^ови^и! не стреляй^и меня, лебяди бѣлыя: я по морю плаваю лебя^аю, 20. а пере^е табою ¹⁾ стану кра^аною дѣвицаю“.

И Михаила не успе^е в налу^у положи^итъ крешка лука і в ко^очанъ колены стрелы, ажно пере^е ни^и стала кра^аною дѣвицаю. И Миха^алу она полюбилася; и беретъ ея Миха^ала за руки бѣлыя и цалуе^е во уста саха^арныя и сажаетъ на 25. сво^о до^орой конь. І взя^а дани і выходы, и еде^е ко граду Кіеву, а бѣлую лебя^а с сабою же взя^алъ. И приехалъ до Кіева; становитьца на сво^о богатырско^о дво^о и идетъ ко кнѣзю Владимиру, самъ зговоритъ таково слово: „Свѣ^етъ гдѣрь, великій кнѣзь Владиме^е киевскій! о^о меня тебѣ служба 30. заслужена, приве^е дани і выходы наскорѣ“.

Что зговоритъ кнѣзь Владимиръ киевскій: „Свѣ^етъ Миха^ало Потокъ Ивано^ови^и! тебѣ у меня ²⁾ службу залата ка^ана не запечатана и кони на сто^оле не заперты“. И Миха^ала бѣе^е чаломъ о сыру землю. И по^ошентъ ему 35. чары зелена вина, и запиваютъ меды сла^акими. И Михаила зговоритъ таково слово ²⁾: „Свѣ^етъ великій кнѣзь Владиме^е

¹⁾ Слова: „а передъ тобою“, написаны въ рукописи дважды. ²⁾ Въ рукоп. пропущено: „слово“.

- киевській! ехаль я воле моря синева, ано по мрю плаваеть лебя бѣлая; и я выня из налучи сво крепко лукъ и ис кочана колону стрелу и хотѣль убити лебя бѣлую, и она мнѣ провѣщица члвчески голосомъ: „Свѣтъ Михаила
5. Потокъ Иванови! не стреляй меня, лебяди бѣлыя: я по морю плаваю лебяю, а пере табою стану красною дѣвцаю“. И я не успель в налу положить крепка лука и в кочанъ колены стрелы, ано перео мгною стала крапаю дѣвцаю, и мнѣ она полюбилась, и я приве ея во Киевъ гра“.
10. Что зговори великій кнзъ Владиме киевскій: „Свѣтъ Михаила Потокъ Иванови! перепусти мнѣ тое дѣвцу красную“.
- Что зговори Миха ла Потокъ Ивановичъ: „Я ее, гдрь, тое дѣвцу взялъ за садею, я самъ с нею свѣнчаюся“. И
15. крестиль ея, и вечался с нею, и вечалъ и вѣдко чернигоской и далъ ей имя: Бѣлая Лебя Авдо я Лиховидовна. И поча с нею любезна жити.
- И живеть с нею ¹⁾ два годы; а охотни былъ Миха ла едитъ во чисто поля тешица по ва мѣа и по три, и по
20. пяти. И поеха во чисто поля Миха ла тешица на два мѣа. И бе нево пришо кучина Залато арды с тавары замоскими; и прослышала Миха лова жена про кучину, что пришо с тавары замоскими, и пошла Миха лова жена сморить таваровъ заморскихъ. И увидель купчина красату
25. лица ея и поча рапрашива Киевле: „чья де то жена, и ка завуть ея по имяни?“ И Киявленя ему сказали: „То де жена богатыря святорускова Миха лы Потока Ивановича“. И тутъ купчина поча товары продава наскорѣ и поеха во свою зелю. И какъ будетъ в Залато арды, и
30. поча рассказывать царю Кащею: „Свѣтъ гдрь, ца Коще Залато арды! скоко де я ни еживаль по ины зеля кучинаю уже тридцать лѣ, а тако прекрасна не видыва, какъ есть во гра Киевѣ у богатыря святорускова у Миха лы Потока Ивановича жена Лебя Бѣлая, Адо я Лиховидавна—
35. лицо зело красна“. И тутъ почаль ца Коще збирать во ска. И соралъ войска сорокъ тысячей и пошо под Киевъ

¹⁾ Въ рукописи фраза: и живеть с нею, повторена.

- гра^а и Киевъ осадилъ накрепко и посылаетъ посла^аника... ¹⁾
.... „Потока Ивановича. И ца^а Коще^а о^а Клева прочь по-
деть“. Ажно едетъ ис поля Миха^ала Пото^а Ивано^ави^а, едетъ
на сво^а богаты^аско^а дво^а; встречае^а ево Бѣлая Лебя^а, А^адотья
5. Лиховида^ана, примае^а ево за бѣлы руки и цалуе^а ево во
уста сахарныя; сама зъговоритъ таково слово: „Свѣтъ гдѣрь
Михайла Пото^а Ивано^ави^а! Пришо^а по^а Киевъ гра^а ца^а Ко-
ще^а Залато^а а^ады и Киевъ накрепко [осадилъ] ²⁾ и проси^а
меня ис Клева, и Киевленя придумали о^адать меня“. Что
10. зговоритъ Миха^ала Пото^а Ивано^ави^ачъ: „Сабаки, мужики Ки-
евленя! За что сеужаютьца чюжими женами? Изделялися бы
своими женами и доче^ами. А я за свою жену умѣю и самъ
стоятъ и битъца с погаными во чисте полѣ“. И садитьца
15. на то^а до^аро^а конь и еде^а во чисте поля и побиваетъ силу Каще-
еву; а Каще^а ровна самъ шостъ ушо^а во свою землю. А
Михаила, побивъ силу, приехалъ в Киевъ гра^а на сво^а бо-
гаты^арско^а дво^а и ста^а з жено[ю] пи^а и есть и тѣщи^аца.
И живе^а з жаною два годы бѣтъ с^аду. И поеха^а во чисте
поля теши^аца ро^ана на три месяца. И бѣз нево пришо^а царь
20. Кощей, а с нимъ силы шестьдесятъ тысячей, и Киевъ оса-
ди^а накрепко и сылае^а послалника к великому кѣзю Вла-
димеру: „Ой еси, великѣй кѣзь Владиме^а киевскѣй Всесла-
евичъ! о^адай мнѣ Михайлову жену, и я о^а Клева про^а пои-
ду; а будетъ ты не о^адашь мнѣ Миха^алову жену Потока Ива-
25. новича Бѣлую Лебя^а, Авдо^аю Лиховидовну, а буде^а ты не
о^адашь мнѣ ея, и я Киевъ гра^а взатье^а возму, а люде^а твои^а в
Киевѣ всех^а въ Киевѣ выру^алю, а жонъ и детѣй в поло^а
во^аму“.
Что зговоритъ великѣй кѣзь Владиме^а киевскѣй Все-
30. слаевичъ: „О^а еси, Киевленя все, гражания и мужики Кисвѣ-
леня! дума^ате да не продума^атесъ: о^адава^а ли Миха^алову
жену Потока Ивановича Бѣлую Лебя^а, А^адотью Лиховидовну,
или нѣтъ“?
Что зговорятъ гражания и мужики Киевленя: „Свѣтъ гдѣрь,
35. великѣй кѣзь Владимиръ киевскѣй Всеславъевичъ! доселева
в Киевѣ Михайловы жены не бывало, и ца^а Коще^а по^а Ки-

¹⁾ Затѣмъ утрачены два листа. ²⁾ Возстановляемъ пропущенное слово изъ находящагося ниже разказа о приступѣ царя Кошея къ Киеву.

евъ не прихажива^а и Києва накрепко не осажива^а; тебѣ, гдѣрю, тако^а кручины не бывало. О'дади^а Миха^алову жену Бѣлую Лебя^а, и ца^а Кощей съ Києва про^а по^аде^а. А таво не вѣдаютъ, что Михаила бье^аца съ погаными во чистѣ полѣ

5. уже третѣй де^а и побив^а силу Кашчееву, и всево Кашче^а самъ четве^ать ушолъ во свою землю, в Залату а^аду.

- А Михаила, побивъ силу, и еде^а х Києву наскоре; скачеть чере^а стѣну горадавую и станови^аца на свой богаты^арской дво^а. И ни^ато ево не встречае^а и за руки не примае^атъ
10. и во уста не цалуе^атъ. Встрѣчаютъ ево люди дворовыя, сказываютъ вѣсти недо^ария, что жена ево переставилѣ. И ту^а Миха^ала закручини^ася, иде^а на сво^а богаты^арской дво^а-тере^а и приходи^а в о^ахожую горницу, где жила жена ево: а^ано лежить ме^атва жена ево, покрыта ка^акою бѣлою. И Миха^ала
15. поча^а цалова^а ме^атвую жену свою, а самъ зговори^а таково слово: „По^аню я и са^а свое слово, что у меня с тобою мо^а-влено и запровано: хто напере^а умре^а, а хто остане^аца, и таму живу в могилу и^ати^а“. И веле^а гра^аницу дѣла^а каме^аную, чтобы дву^а члѣвкомъ си^ама сидѣть и лежма лежа^а и стойма
20. стоя^а; и заве^а на погреба^ае кнзя Владимира и кнзи и бояры і владыку чернига^аскова. И саплися на погреба^ае кнзь Владимире^а и кнзи, и бояры, и си^аныя могучия богатыри і владыка чернигавъско^а. И поча^а Михайла во грабницу класти жену свою и самъ с нею жи^а лажиться¹⁾). Что зговоря^а князи и
25. бояры і все Киевлена: „Нигде-ска^атъ таво не слыхоно, не токмо видено, что^а живы да лажилися с ме^атвыми; а ты, Миха^ала, жи^а лажис^ася в могилу для жены своей; найде^а мы в Киевѣ захошъ княиню, или боярыню, или девку посацкую—такава^а тебѣ жена“. Что зговорить Миха^ала Пото^а
30. Ивановичъ: „Зна^а де всякъ са^а себя! Закапывайте, не мѣшкайте!“ Что зговори^а кнзь Владимиръ киевско^а Всеславъсвичъ: „Накладыва^ате досками дубовыми, насыпайте песками жо^атыми, а на^а могилою поставте старожу крепкую: какъ Миха^алу скучитьца, стане^а крича^а громко голосомъ, выпу-
35. ска^ате ево на во^аной свѣ^а, не мѣшка^ате“. Похоропя ево, все пошли наро^ано—по домо^а пошли.

1) Въ ркп.: „лажисья“.

- И Михаила Потокъ Ивановичи сиди в могилѣ з женою мертвою де до вѣчара. И какъ буде в полуночи, ажно пришла ко граѣнице змѣя лютая и граѣницу каменую проела и пустила во граѣницу двѣ змеековъ лютыхъ. И змеята учили
5. Лебѣ Бѣлую ссать за груди. И Михаѣла уватилъ змѣенковъ и поча рвать наѣвае. И провѣщица ему змѣя лютая: „Свѣтъ гдѣрь Михаила Потокъ ¹⁾ Ивановичи! не рви мои змеековъ малекихъ: я принесу тебѣ мертвой и живо воды“. И Михаила зговорить такаво слово: „Поди, змея лютая, принеси мнѣ живо воды“. И пошла змея лютая, принесла ему живо воды. И Михаила почалъ рвать змѣенковъ на крохи и покрѣпляетъ и живою водою, и змеята ожили. И Михаѣла покрѣпляетъ мертвую жену свою, и жена ево буттъ-оѣ сна пробудилася. И Михаѣла засвистѣ громко голосомъ; и караущики попадали, и тутъ послышали сосѣди ближния и почали могилу ракапываѣ. А но иде из могилы Михаило и веде за руку и могилы жену свою. И тутъ сошлись к могилѣ люди многия, и все они дивуютъца, что была мертва жена Михайлова, и Михаило оживи ея. И поча с нею любезна жи луѣче старова.
10. 15. 20.

- И живе з женою бе съѣду равна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали. И поѣха Михаѣла во чисто поля тѣщица равна на пяѣ месяцевъ. А бе нево пришо царь Кощей Залатой ады, а с ни силы сто тысяче, Киевъ градъ осадилъ накрепко; посылаетъ посланника к великому кнѣзю Владимиру киевскому Всеслаевичю: „Ой еси, кнѣзь Владимиръ киевской! одай мнѣ Михайлову жену, и я о Киева про поду; а буде ты не одашь ея, и я Киевъ граѣ весь выпленю, а людей всехъ в Киевѣ вырулю, а жо и детей в поло возму, а тебѣ, царю, живу очи вытравлю; а будетъ ты одашь мнѣ Михаѣлову жену Потока Ивановича Лебѣ Бѣлую, Адетю Лиховидовну, и я о Киева про понду“. Что зговорить великнй кнѣзь Владимиръ киевско Всеслаевичъ: „Ой еси, кнѣзи и бояры... ¹⁾
25. 30. 35.

¹⁾ В рукописи описки: „токъ“. ²⁾ Дальнѣйшій текстъ сохранился только въ копии Л. Н. Майкова.

...онъ меня двожди наехалъ в бѣле шатре во чистѣ полѣ соннова, се не предаль мнѣ смѣрти съкорыя, какъ хопѣ сама с нимъ“. І велель у нево побрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ во свою землю в Залатую арду, а Бѣлую Лебядь с сабою же взять.

- А Михаила спалъ равна три дни и три ночи, и на утрея пробуждаецца: ажно нѣтъ у нево ружня богатырскова, ни палки железныя,—одинъ стоитъ ево доброй конь, и тотъ былъ далеча во чисте полѣ. И тутъ Михаила закру-
10. чинился; садитца на свой доброй конь и поехалъ далеча во чисто поля и доезжаетъ царя Кощея невѣрнова. А царь Кощей на стану стоитъ, опочивъ держитъ с Бѣлою Лебядью. Что зговоритъ Михаилу Потокъ Ивановичъ: „За что де побивать войска бѣзвинное!“ И поехалъ прямо к бѣлу шатру.
15. И увидела его Лебядь Бѣлая, встрѣчаетъ ево у бѣла шатра, сама зговоритъ такавы рѣчи: „Свѣтъ Михаилу Потокъ Ивановичъ, богатырь земли святоруския! Не хочу я жить у невѣрнова царя Кощея Залатой арды, хочу жить у тебя, богатыря святорускова; возмі меня во Киевъ градъ по прежнему“. И подноситъ ему питья пьянова. И тутъ Михаилу задумался: „А вотъ да баба, вотъ подлая! Хочеть со мною жить по старому!“ И испиваетъ з дороги питья пьянова и лажитъца спать в бѣлѣ шатрѣ. И она начала будить своево любовника: „Востань, государь, царь Кощей
25. Залатой арды! Пришолъ недругъ твой Михаилу Потокъ Ивановичъ, предай ему смерти скорыя, а будетъ ты не предашь ему злую смерть, и онъ тебѣ самаму предасть злую смерть во чистѣ полѣ“. Что зговоритъ царь Кощей: „Прямая ты неразумная, изъ злыхъ женъ первая! За что мнѣ
30. Михаилу предать смерти скорыя? Онъ меня двожди наехалъ во чистѣ полѣ в бѣлѣ шатрѣ соннова“...

2.

(По рукописи Н. С. Тихонравова. № 399).

**Сказание ѿрехъ богатыряхъ: о Илье ¹⁾ Муромце и о Михаїле Потокѣ
Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о походе ихъ.**

- Бысть во граде Кіеве у великаго кѣзя Владимера киевскаго Всеѣславича пиръ велїи на князи и бояра, на си^нны
5. могучи богатыри. Будеть у нихъ пиръ навесело, князь Владимиръ зговорить таково ²⁾ слово: „Ѡй еси князи, и бояря и си^нные могучие богатыри! кому у меня три слу^бы служи^т великие? Кто бы ехаль в землю ту^рскую, взя^т бы дани и выходу за три^цать и за три года? Кто бы ехаль в
10. землю в задонскую, взялъ бы дани и выходу за три^цать и за три года? Кто бы ехаль в землю алеви^цкую, взялъ бы дани и выходу за три^цать и за три года?“ И тутъ все призадумались; никто ему о^твету не дасть: бо^шия хороня^тца за меншия, а меншия за бо^шия, а у меншихъ
15. и давно о^твету нетъ. Илия Муромецъ зговорить таково слово: „Свѣтъ гд^рь князь Владимиръ киевской! азъ еду в землю ту^рскую, во^му дани и выходу за три^цать и за три годы“. Михаило Потокъ Ивановичъ зговорить таково слово:
20. „Я еду в землю задонскую, во^му дани и выходы за три^цать и за три годы“. Алеша Поповъ говоритъ таково слово: „Я еду в землю алеви^цкую, во^му дани и выходы за три^цать и за три годы“. И те речи великому князю полюбилїи: по^носитъ имъ чару зелена вина, і заливають меды сла^ккими и с великимъ княземъ прощаются. И межъ себя
25. называютъ бра^тцами на^вваными, и сядя^тца на свои добры конь, и поехали и^н Кіева. Какъ будетъ о^т Кіева за пять верстъ, таково слово мо^вили: „Бра^тцы милыя! хто и^н насъ передъ приедеть до Кіева, а ково не будетъ, и п^ле ехать тово сыскивать“. И, пр^бтясь, поехали ро^по—всякъ своимъ
30. путемъ: Илья Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на

¹⁾ Въ рукописи: „Иле“. ²⁾ Въ рукописи: „каково“.

- мѣты калиновые; Алеша поехалъ догояствивровор¹⁾; Михаилло поехалъ дорогою святор²⁾скою, по³⁾ле моря синево. Ажно по морю плаваетъ лѣбедь бѣлая, и Михаилло вынимаетъ и⁴⁾ нал⁵⁾чия свой крепкой лукъ⁶⁾, ис ка⁷⁾чана вынимаетъ кален⁸⁾ стрел⁹⁾, и хошетъ бить лебѣ¹⁰⁾ бѣл¹¹⁾ю. И она ем¹²⁾ провеша чл¹³⁾вческимъ голосомъ: „Михаило Пото¹⁴⁾ Ивановичь! не стреляи меня, лѣбѣдъ бѣл¹⁵⁾ю: я, де, по морю плаваю лѣбѣд¹⁶⁾ю, а пре¹⁷⁾ тобою стан¹⁸⁾ д¹⁹⁾цеи кра²⁰⁾ной“. И Михаилло не успель в нал²¹⁾чи положить крепка л²²⁾ска и в²³⁾
5. маеть кален²⁴⁾ стрел²⁵⁾, и хошетъ бить лебѣ²⁶⁾ бѣл²⁷⁾ю. И она ем²⁸⁾ провеша чл²⁹⁾вческимъ голосомъ: „Михаило Пото³⁰⁾ Ивановичь! не стреляи меня, лѣбѣдъ бѣл³¹⁾ю: я, де, по морю плаваю лѣбѣд³²⁾ю, а пре³³⁾ тобою стан³⁴⁾ д³⁵⁾цеи кра³⁶⁾ной“. И Михаилло не успель в нал³⁷⁾чи положить крепка л³⁸⁾ска и в³⁹⁾
10. ка⁴⁰⁾чанъ калены стрелы, ажно пре⁴¹⁾ нимъ стала дѣвица, лицемъ сѣло кра⁴²⁾на. И Михаилл⁴³⁾ она полюбилася: беретъ за р⁴⁴⁾ски бѣлыя, и цел⁴⁵⁾етъ во уста сахарные, и сажаетъ на свои доброн конь; и взялъ дани и выходы за трицать и за три годы⁴⁶⁾. И князь Владимиръ ем⁴⁷⁾ о⁴⁸⁾вѣ⁴⁹⁾ держить:
15. „Тѣбѣ⁵⁰⁾ у меня, Михаилло, золота ка⁵¹⁾на не запечатана, и кони на стоилѣ не заперты“. И по⁵²⁾носить ем⁵³⁾ чар⁵⁴⁾ зелена вина, и запиваютъ меды сла⁵⁵⁾кими. И Михаилло зговорить таково слово: „Светъ гд⁵⁶⁾рь, кн⁵⁷⁾зь Владимиръ киевской! ехаль (я) во⁵⁸⁾ле моря синево, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдъ бѣлая,
20. и я вынелъ, гд⁵⁹⁾рь, из⁶⁰⁾ нал⁶¹⁾чи свой крепкой л⁶²⁾скъ и ка⁶³⁾чанъ калены стрелы⁶⁴⁾, и хотель убить лѣбѣдъ бѣл⁶⁵⁾ю, и она ем⁶⁶⁾ провещил⁶⁷⁾: „Михаило, де, Потокъ Ивановичь! не стреляи меня, лѣбѣдъ бѣл⁶⁸⁾ю: я, де, по морю плаваю лѣбѣд⁶⁹⁾ю, а пре⁷⁰⁾ тобою стан⁷¹⁾ дѣцей кра⁷²⁾ной“. I я, гд⁷³⁾рь, не
25. успель в нал⁷⁴⁾чи положити крепкой лукъ и в⁷⁵⁾ калчанъ калены стрелы, ажно предо мною стала дѣца, лицемъ сѣло кра⁷⁶⁾на, и мнѣ она полюбилася, и я привезъ на свой бога-

1) Въ рукописи одно слово; очевидно, писецъ не понималъ того, что копировалъ. Кажется, слѣдуетъ читать: „дорогою стивровою“; слогъ *ро* въ оригиналѣ, очевидно, былъ надъ строкою. Въ текстѣ, ниже напечатанномъ: „дорогою Ставро-вой“.

2) Въ рукописи слово: „лукъ“, пропущено.

3) Въ рукописи пропущено „в“.

4) Затѣмъ въ рукописи пропущено нѣсколько строкъ: переписывая съ готовой рукописи, писецъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ; или этихъ строкъ не было въ его оригиналѣ? Въ ниженапечатанномъ текстѣ пропущенное мѣсто читается такъ: „и поехалъ съ нею во Киевъ градъ. Становитца на свой богатырской дворъ, идетъ ко князю Владимиру, бьетъ челомъ — покланяется, самъ зговорить таковы слова: „Свѣтъ государь, князь Владимиръ киевски! привезъ ядани и выходы за *трицать лѣтъ и за три годы*“ (стр. 41).

5) Въ рукописи: „в“: пропущено надстрочное „з“.

6) Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли: „изъ калчана калены стрелы“? 7) Въ рукописи: „с“.

- тырской дворъ“. И кнзь Владимиръ взговоритъ таково слово: „Михайло Потокъ Ивановичь! препѣсти ¹⁾ мнѣ тѣ дѣкѣ крайнѣю“. И Михайло оувѣтъ держи: „Я, де, гдѣрь, самъ с тою дѣкою вѣнча'ся, кре'тился и далъ ей имя Бѣлая Лебѣдь, Авдо'я Лиховидовна“. И ве'чалъ ихъ вл'ка черниговской. И почаль Михайло с нею любезно жить; и живетъ с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле теши'ца на два мѣа. А бе' нево приехалъ по' Киевъ градъ
10. кѣпчина Золотой о'рды с товары замо'рскими; увидель кѣпчина красотѣ лица ея и почаль ро'прашивать: „Чья ето жена и какъ ее зовѣтъ по имени?“ И Киевляня емѣ ро'казали: „Та, де, у нѣ жена богатырская, святорѣ'ково славново Михайла Потока Ивановича, а зовѣтъ ее Лебѣдь Бѣлая, Овдо'я
15. Лиховидовна“. И тѣтъ кѣпчина почаль товары продавать нѣкоро, идетъ во свою землю. И какъ бѣдетъ в Золотой о'рдѣ у црѣ Кощей неверново, самъ зговоритъ таково слово: „Светъ гдѣрь, црѣ Кощей Золотой о'рды! Ско'ко я не е'дивалъ по инымъ землямъ кѣпчиною, а такой пре-
20. крайнѣю не видалъ, какъ есть во граде Кieve у богатыря свѣторѣ'сково славново Михайла Потока Ивановича жена, Бѣлая Лѣбѣдь, лицемъ село кра'на“. И тѣтъ црѣ Кощей силы собра' хѣ. и пошелъ по' Киевъ градъ и б'садилъ ево накрепко. Посылаеть пѣланики к великомѣ кнзю Влади-
25. мерѣ: „Ой еси кнзь Владимиръ киевской! о'дай мнѣ женѣ Михайловѣ. Не о'дашь мнѣ ея, и я Киевъ градъ взя'емъ во'мѣ, а людей и детей в поло' во'мѣ“. И кнзь Владимиръ зговоритъ таково слово: „Ой еси мой кнзья, и бояря, и Киевляня! дѣмаите да не продѣмаите: о'дава' ли
30. женѣ Михайловѣ, или нетъ? А топере у насъ в Кieve си'ныхъ богатырей не лѣчилося, некомѣ выехати противо мѣжиковъ Кошеевыхъ; а Михайло приедеть сердитъ добре, станеть побивати мѣжиковъ в Кieve“. Кнзи, и боляры, и всѣ Киевляня емѣ зговорили таково слово: „Свѣтъ гдѣрь,
35. кнзь Владимиръ киевской! доселева не бывало в Кieve жены Михайловы, и црѣ Кощей по' Киевъ не прихажи-

¹⁾ Ниже: „переступи“.

- валъ, и Клева накрепко не ѡсаживалъ, и тебѣ, гдѣрь, такои ¹⁾ крѣчины не бывало: оудадимъ женѣ Михайловѣ, и царь Кощей о Клева прочь поидеть, и Михайлу дадимъ выбирать во всемъ городе Клеве: гдѣ захочеть, тѣтъ и
5. возметь, хоть княиню, или боярыню, или дѣвкѣ посадкѣю— таковаже емѣ жена“. Ажно провещи'ся богатырское ²⁾ Михайла Потока Ивановича: едѣтъ ис чиста поля на свои богатырской дворѣ. Встречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговорить таково слово: „Свѣтъ гдѣрь, Михайло Потокъ Ивановичь! бе' тебя по' насъ, по' Киевѣ градѣ, пришелъ црѣ Кощей Золотой ѡрды, а силы с нимъ хѣ. и Киевѣ ѡсадилъ накрепко, а прошаетъ меня ис Клева, и Киевляня придѣмали оудати меня црю Кощею невер'номѣ“. И Михайло зговорить таково слово: „Мѣжики Киевляня! ссѣжа'са бы
10. всякѣ своими женами и дочер'ми, а я за свою женѣ умею самѣ по'тоять“. И садн'ца на свой доброй конѣ, и поехалъ ис Клева, и побилъ силѣ Кошеевѣ, и всего Кощей самѣ че'верть ушелъ во свою землю. А Михайло побилъ силѣ; с своею ³⁾ женою и ⁴⁾ тешн'ца, и живетъ с цю равно
15. но три года; а товарищи ево в Киевѣ не приехали. И поехали Михайло во чѣто поле тешн'ца равно на три мѣа, а бе' нево пришелъ по' Киевѣ градѣ црѣ Кощей, а силы с нимъ хѣ. и Киевѣ ѡсадилъ накрепко. И посылаетъ пѣланики к великомѣ кнзю Владимерѣ: „Сѣй еси кнзѣ Влади-
20. мерѣ киевской! оудай мнѣ женѣ Михайловѣ, и я прочь поидѣ о Клева; а бѣде ты не одашь мнѣ, и я Киевѣ взя'емѣ во'мѣ, а людѣй твоихъ всехъ вырѣблю, а женѣ и детей в полонѣ во'мѣ и самомѣ тебѣ, великомѣ кнзю, не спѣщѣ“. И кня' Владимерѣ зговорить таково слово: „Сѣй
25. еси кнзи, и бояря, и Киевляне! дѣсмаите накрепко да не продѣсмаите: оудавать ли женѣ Михайловѣ, или нетѣ? А топе' у насъ в Клеве си'ныхъ богатырей не лѣчилося, некомѣ выехать противѣ силы Кошеевы; а Михайло приедеть сердить добре, станетъ побивать мѣжиковѣ в Клеве“. Кнзи, и бояря, и
30. все Киевляня емѣ зговорятъ таково слово: „Свѣтъ гдѣрь, кнзѣ Владимерѣ киевской! доселева не бывало жены Ми-
- 35.

¹⁾ Въ рук.: „такѣ“. ²⁾ Пропущено слово: „сердце“. ³⁾ Въ рук.: „своею“. ⁴⁾ Слово: „и“ приписано послѣ; оно должно стоять передъ словами: „с своею“.

- хаиловы, и црѣ Кощеи поа Києвъ не прихаживаль, и тѣбѣ, гдѣрь, такой крѣчины не бывало: одадимъ женѣ Михайловѣ, и црѣ Кощей оа Києва прочь поидеть, а Михайлѣ дадимъ выбирать во всемъ граде Києве: где захочеть, тѣтъ и во-
5. меть—хоть княиню, или боярыню, или девкѣ посацкѣю“. А ужъ Михайло с Кошеемъ бьетъса три дѣи, а жена ево перѣставилася. И побилъ силѣ, и Михайло едетъ на свой богатырекой дворѣ; и вѣстречаютъ ево люди дворовые, и сказываютъ, что Бѣлая Лѣбедь перѣставилася. И втепоры Михайло закрѣчиниса, что никто ево не вѣстречаетъ, и за рѣки не принимаетъ. И приходитъ Михайло во охожѣю горницѣ, где лежитъ жена ево мертвая, покрыта камкою белою; и Михайло зговорить таково слово: „Прѣти, де, Лѣбедь Белая! Помню, де, я и самъ свое слово, что у насъ
10. с тобою моувлено: кто иа насъ напередъ умреть,— и кто останеа, и томѣ в могилѣ итѣти“. И велелъ могилѣ рыть и гробницѣ делать камеанѣю, чтоо можно двѣ члѣвомъ сидеть, і стоять, и лежать. И на погребение звалъ кнѣзя Владимира, и влкѣ чеанговскаго, и весь Києвъ градѣ.
20. Сошлись все на погребеніе. И почаа Михайло в ограде клѣтъ женѣ свою в могилѣ, и самъ с нею ложиса. І что зговорятъ таково слово всемъ городомъ Киевымъ: „Нигде таково не слышало, чтобы где ложилиса живые с мертвыми; а ты, Михайло, живѣ в могилѣ идешъ ради жены своей:
25. или у насъ в Києве людей не стало? Захочешъ, воуменшъ княиню, или боярыню, или девкѣ посацкѣю—таковаа тѣбе жена“. И Михайло оуветъ деужить: „Знай, де, всякѣ самъ себя“. І самъ зговорить таково слово: „Закопывайте да не мешкайте“. І князь Владимиръ зговорить таково слово:
30. „Укладывайте дѣками дѣбовыми и засыпайте пѣками желтыми; а наа могилою пѣтавте сторожеи крепкихъ: какѣ Михайлѣ скѣчиа и станеть громкимъ голосомъ кричать, выпѣщайте ево на воаной светѣ, не мешкайте“. И, похороня ево, все по домамъ пошли. И сидиа Михайло с женою
35. с мертвою до вечера. И какѣ бѣдетъ о полнѣночи, ажно пришла змея лютая, и гробницѣ проела и пѣти двѣ змеаковъ детей своихъ, и змея пожалила Лѣбеа Бѣлѣю за грѣди. И Михайло ухватиа ихъ і почаль рвать на двое. И про-

- вещетьса ему змея лютая члвчѣкимъ голосомъ: „Михаило Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенковъ маликихъ, и я принесу тебѣ живой воды“. И Михайло оувѣтъ держить: „Поди, змия, принеси мнѣ живой воды, тогда оупущу детей твоихъ“. 5. И пошла змея, и принѣла живой воды. И Михайло почалъ змеековъ рвать на двое, и окропляетъ живою водою, и змеята оживилася¹⁾. И окропляетъ Михайло мертвую жену свою, и жена ево ожила, бѣто о сна пробудилася. И тѣтъ Михайло завопитъ и зѣвиста громкимъ 10. голосомъ, и почали ево рѣкапывати. Идетъ и могилы Михайло, ведетъ за руку жену свою, и тѣтъ все подивилися, что жена ево была мертва Михайлова, а Михайло оживилъ ея. И поча с нею любезно житъ, и живетъ с нею равно три годы, а таварищи ево в Киевѣ не бывали. И поехалъ 15. Михайло во чисто поле тешитися равно на пять мѣевъ. А бе нево пришелъ по Киевѣ градъ црѣ Кощей Золотой бѣды, а силы съ нимъ зрѣ, и Киевѣ осадилъ накрепко. И подалъ попланики к великому кнзю Владимиру: „Владимеръ киевской! одай мнѣ жену Михайлову, и я прочь поиду 20. от Киева; а бѣде не одашь мне ея, и я Киевѣ градъ вземю во мѣ, а людей твоихъ в Киеве всехъ вырублю, а женъ и детей в полонъ во мѣ, и самомъ тѣбе, великому кнзю не спущу“. И князь Владимиръ зговорить таково слово: „Сѣи еси кнзи, и бояря, и все Киевляня! дѣшайте 25. накрепко, да не продумаите: одава ли жену Михайлову?“ И оне придѣмали все городомъ одать Лѣбедь Бѣлую црю Кощею неверному. И оне берутъ Бѣлую Лѣбедь за руки и одаютъ црю Кощею неверному, и црѣ Кощей о Киева прочь пошелъ. Ажно едетъ ис поля Михайло Потокъ Ива- 30. новичъ, вѣстречаютъ ево люди дворовые, а сказываютъ, что одали Киевляня црю Кощею неверному Лѣбедь Бѣлую, Авдою Лиховидовну. И тѣтъ Михайло закручинися: не слазя з добра коня, и едитъ по Киеву, и кричитъ громкимъ голосомъ: „Собаки вы мѣжики бѣверныя! за что одали 35. крещеную жену мою црю Кощею неверному? Управляюся с вами и поле“. А мѣжики ис Киева робѣжалиса. А црѣ

¹⁾ Такъ въ рукописи вм.: „ожилилися“.

- Кощей ушелъ о Клева ро^{но} ходѹ на три^{цать} дней, а Михайло догна^т ево в три часы—ажно црѣ Кощей на станѹ стоятъ з Белою Лѣбею, апочивѣ де^ржить. И Михайло едетъ прямо ко белѹ шатрѹ. И тѣтъ увидела ево Лѣ-
5. бедь Белая: вѣстречаетъ ево н^а бела ша^{ра}, а сама говоритъ таково слово: „Светъ Михайло Потокъ Ивановичь! рада я тѣбя увидела, не хочю жить у црѣ Кощея Золотой Орды, хочю жить в Киеве у богатыря светорѹсково—во^ми меня к себѣ попрѣ^немѹ“. И по^носитъ Михайлѹ пития пияново н^акоре. Ми-
10. хаило испиваетъ, з дороги ложи^тся спать во беле ша^{ре}. И мечѣца Лебедь Бѣлая наскоре, и бѹдитъ црѣ Кощея неверново: „Вѹтань, гдѣр црѣ Кощей! Вотъ пришелъ недрѹгъ твои Михайло Потокъ Ивановичь, предай емѹ смерти скорыя, такъ онѣ за тобою не ганяѣца“. И црѣ Кощей о^тветъ де^ржить: „Мне
15. Михайло не какой недрѹгъ: мѣня наеха^т во чѣте поле, в беле ша^{ре}, все не преда^т мене смерти скорыя; какъ хочещь сама с нимѹ“. И Лебедь Белая велела обратъ у него ору^жне богатырское і почала о^има^т палицѹ желе^ннѹю, и завязываетъ очи я^нныя, и ударила ево вничъ рѹкою:
20. „Лежи ты, Михайло, во чѣте поле белымъ камене^м“. И Михайло окаменелъ; а сами поехали во о^рду свою. Ажно приехали в Киевѣ Михайловы товарищи, привели дани и выходы, и почали р^апрашивати про Михайла Потока Ивановича... ¹⁾), какъ привесѣ Лѣбедь Бѣлѹю, и какъ крѣтился,
25. и какъ црѣ Кощей приходи^т, и о^тдали црѣ Кощею, и какъ Михайло погоню погна^т. И товарищи поехали Михайла сѣкивати. И какъ бѹдѹтъ у тово камени, ажно стои^т у камени калика прохожая. И богатыри зговоря^т таково слово: „Скажи ты намѹ, калика, про ца^рство Кощеево і
30. про Михайла Потока Ивановича“. И калика имѣ о^твѣтъ де^ржить: „Хто, де, подыметъ сеѣ камень и броситъ черѣ себя, то, де, я скажѹ про Михайла Потока Ивановича“. Илья Мѹрамецъ по^нялъ камень в грѹди, а Олеша всево по^ня в поясѣ, а калика по^нялъ и броси^т черѣ себя и
35. рашшибѣ на че^веро. А ис тово камени выскочилъ Михайло Потокъ Ивановичь: „До^тго, де, бра^тцы, я с^плю во

¹⁾ Затѣмъ пропущено нѣсколько словъ. Въ ниженапечатанномъ текстѣ: «а Киевляня начали имѣ рассказывать»... (стр. 46).

- чисте поле“.— „А спать было тебѣ, братецъ, да не проспаться, да ро^об^уди^т тѣбя Михаило, арх^аелъ и воевода небесныхъ силъ“. И поча^т имъ рассказывать все противъ тово, какъ сказывали имъ Киевляня, и какъ ево Лѣбе^т
5. Бѣлая оборотила каменемъ. Илья Мѣромець зговорить таково слово: „Поедемъ, де, мы, бра^тцы, въ цр^тво Кощеево и убьемъ Лѣбедь Бѣл^ю, а цр^ю Кощею живом^у очи вырежемъ“. И поехали во цр^тво Кощеево, и побили силы х^р, а цр^ю Кощею живом^у очи выняли, а Лебе^т Бѣл^ю
10. привязали х конямъ неученымъ и пѣтили во чисто поле, и тамъ смерть учнилася. А ка^тн^у Кощеев^у всю взяли в Киевъ гра^д і разделили проме^м себя. А дочь цр^я Кощея неверново, девку Ра^кс^у Кощеев^у, взя^т Михаило Потокъ Ивановичъ ѿ собою въ Киевъ гра^д, и кр^стилъ ея, и за
15. себя женою взя^т. И прнеха^т во Киевъ градъ, и побилъ силы м^ужиковъ дять тысящъ, и сами в Киеве померли. Б^гш^у нашем^у слава ныне и присно и во веки вѣковъ. Аминь. Ихъ идетъ слава до века.

3.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 361).

- Сказание ѿ сильныхъ мог^учихъ богатыр^е ¹⁾ киевскихъ: ѿ Илье
20. Мур^омце и ѿ Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче.

- Во славномъ граде Киеве у князя Владимире киевскаго Всеслав^еевича бы^т пиръ великъ на многия на князи, и на бояры, и на си^чныя мог^учия богатыри. Какъ буде^т у ни^х пиръ навеселе, князь Владимиръ зговорилъ таковы
25. слова: „Ой еси вы ²⁾ мои князи, и бояры, и сильныя мог^учия богатыри и все Киевляне града Киева! есть ли у мене комъ сл^ужитъ три службы великне? Кто бы ехалъ в землю т^урскую, взя^т бы дани и выходы за трицать летъ и за три годы? Кто бы ехалъ в землю задонскую, взя^т бы дани
30. и выходы за трицетъ летъ и за три годы? Кто бы ехалъ

¹⁾ Въ рукописи: „богатыре“: пропущено надстрочное х. ²⁾ Въ рукописи: „ѿм^ус^ус^уы“: механически скопированы непонятныя писцу слова.

- в землю алевицкѹю, взя' бы дани и выходы за трицеть летъ (и три годы) ¹⁾?" И тутъ все позадумалъ; никто великому князю о'ветѹ не дастъ: бо'шия за менши²⁾, а о' менши²⁾ давно ѿтвету нету. Илия Мъромецъ зговори²⁾
5. таковы слова: „Свѣтъ гѣдрь, князь Владимиръ кие'ски! я поеду в землю ту'скѹю, во'му дани и выходы за трицеть летъ и за три годы“. Михаило Потокъ зговори²⁾ таковы слова: „А я, де, гѣдрь, поеду в землю задонскую, возму дани и выходы за трицеть летъ і за три годы“. А Олеша
10. Поповичъ зговори²⁾ таковы слова: „А я де, гѣдрь, поеду в землю алеви'цкую, возмѹ дани и выходы за трице' летъ и за три годы“. І те речи великомѹ князю полюбилися: подносить имъ чары зелена вина, і заливаютъ меды сла'кими и с велики²⁾ княземъ прощаются. І межъ себя называю'ся бра'еми названными, и садятся на свое добры кони, и поехали ис Кіева. І какъ бѹдѹтъ ш' Кіева за пять верстѹ, ме²⁾ себя таково словъ мо'вили: „Бра'цы“, де, „милые! хто и²⁾ насъ приедетъ до Кіева а ково не бѹдетъ ³⁾ ѡпосле, і на²⁾ ехать тово сыскивать“. И, простѹ тѹ ⁴⁾, все поехали ѡнарозно, всякъ свои²⁾ пѹтемъ: Илия Мъромецъ поеха²⁾ на рекѹ Смородинѹ, на мосты калиновые; а та уже дорога залегала равно три'цеть летъ ш' Соло'я ра'боиника Мировича. А Олеша Поповичъ поеха²⁾ дорогою святого'скою ⁵⁾. А Михаило поеха²⁾ дорогою свавровои
25. возле моря синева. Ажно по морѹ плаваетъ лебѣть бѣлая, и Михаило вымаетъ изъ налучи своей крепкой лѹкъ, ис ка'чана каленѹ стрелѹ и хочеть убить лебѣть бѣлѹю. І ѡна емѹ прогласила члѣвскимъ голосомъ: „Михаило“, де, „Потокъ Ивановичъ! не стреляи, де, меня, лебѣди бѣлыя; я де по морѹ плаваю лебѣдью, а пере' тобою станѹ дѣвицею красною“. І Михаило не успе²⁾ въ налучь положить и ⁶⁾ крепкой лукъ, въ ко'чанъ — калены стрелы, ажно пре²⁾ нимъ стала девица лице²⁾ зѣло красна. И Михаиле ѡна полюбилася: бѣре' ея за рѹки бѣлыя, и целѹетъ в уста саха'рные, и сажаетъ ея на свои

¹⁾ Поставленное въ скобки пропущено въ рукописи; внесено изъ предыдущаго сказанія. ²⁾ Послѣ того въ рукописи пропущено: „хоронится“. Ср. предыдущее сказаніе (стр. 32). ³⁾ Въ рукописи: „каково будетъ“. ⁴⁾ Эти два слова написаны два раза; буква с вторая написана и подъ титломъ, и съ конечнымъ ѡ. ⁵⁾ Въ рук.: „святоторскою.“ Слѣдуетъ: „святогорскою“? ⁶⁾ Слово лишнее.

- доброі конь, и взя ¹⁾ дани и выходы, и поехалъ с нею во Кие^а градъ. Стоновица на свои богатырскои дворъ, идетъ ко князю Владимиру, бьетъ челомъ, поклоняе^{ся}, самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ гдѣрь, князь Влади-
5. меръ кие^{ски}! привесъ я дани и выходы за трицеть летъ и за три годы“. И князь Владимиръ зговоритъ таковы слова: „Тебѣ у меня, Михаило, залота казна не запечатана, и кони на стоиле не заперты“. И подноситъ ем^у пи^я пьяные, и запиваетъ меды слаткими. И Михаило зговоритъ
10. таковы слова: „Светъ гдѣрь, князь Владимиръ кие^{ски}! ехаль я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая; и я, гдѣрь, вынелъ изъ налѣчи своеи крепкой лукъ, ис ка^чана калены стрелы, и хоте^а убить лебѣдь бѣлую^а, и с^{на} мнѣ, гдѣрь, прогласила члѣвскимъ гла-
15. со^а: „Михаило“, де, „Потокъ Ивановичь! не стреляи меня, лебѣди бѣлыя; я, де, по морю плаваю лебедью, а пере^а тобою стан^у девицею красною“. Я, гдѣрь, не успелъ в налѣчь положить крепкой лукъ и в ко^чанъ калены стрелы, ажно пере^а тобою стала двѣца лицомъ зѣло красна. И
20. мне, гдѣрь, с^{на} полюбилася, привесъ ея с собою во Киевъ гра^а на свои богатырскои дворъ“. И князь Владимиръ зговоритъ таковы слова: „Светъ Михаило Потокъ Ивановичь! перестѣпи ты мнѣ тѣ двѣцѣ краснѣю“. И Михаило ѿветъ де^ржитъ „Све^а гдѣрь, князь Владимиръ кие^{ски}! Я
25. тѣ двѣцѣ взя^а за себя, и я, гдѣрь, самъ с нею ѿвенчался, крестилъ я ²⁾, и далъ ей имя—Лебѣдь Бѣлая, Авдотья Лиховидовна, и ве^ача^а владыко че^рниго^{ски}“. И поча^а Михаило с нею, Бѣлою Лебѣдью, жить. Живетъ с нею три годы, а товарищи еще в Кие^а не приехали. (И поѣхаль) ³⁾
30. Михаило во чѣтое поле тешится равно на два мѣца, а бѣ^а нево приеха^а во Кие^а градъ кѣпчина Залотои Сѣрды с товары замо^{ски}ми. И проведала жена Михайлова, и пошла смотреть таваро^а замо^{ски}. И увидель кѣпчина красотѣ лица ея и поче^а спрашивать: „Чия, де, с^{на} жена? и како
35. зовѣтъ ея по имени?“ И Киявлянцы ем^у рѣсказывать: „С^{на}, де, у насъ жена богатыря святорѣскаго славнаго Михаила

¹⁾ Въ рукописи: „вся“. ²⁾ Описка; слѣдуетъ: „ея“. ³⁾ Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи пропущены; внесены изъ предыдущаго текста.

- Потока Ивановича; а завѣтъ ея Бѣлая Лебѣть, Авдотья Лиховидовна“. И тѣтъ кѣпчина почаль продавать товары наскоро, и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощея невернаго ¹⁾, са^а зговори^{тъ} таковы
5. слова: „Свѣтъ гдѣрь, царь Кощен Златой ш^ады! ско^{ко} я не ѣжива^{тъ} по инымъ земля^{мъ} купчиною, а такой прекрасной не видыва^{тъ} уже трицетъ летъ ни у единого, какъ есть во граде Кieve у князя Владимира Сесла^евича, у богатыря святорѣскаго славнаго Михаила Потока Ивановича,—
10. Лебѣть Бѣлая; а лице^{мъ} зѣло красна“. И тѣтъ цѣрь Кощеи почаль збирать воиска. И собравъ силы сорокъ тысящъ, и Киевъ ѡсади^{тъ} накрепко. Посылаетъ посол^{ника} к великомѹ кнѣзю Владимерѹ: „Ой еси ты, князь Владимеръ кнѣски! ѡдай мне женѹ Михайловѹ, и я прочь ѡ Кieва;
15. а бѣде ты не дашъ мне ея, и я Кне^а гра^{дъ} взятъ^ь во^му, а людей твои^{хъ} в Кieve все^{мъ} вырѣбло ²⁾, ажно и дети в полонѣ во^мѣ“. И князь Владимеръ зговори^{тъ} таковы слова: „Ои еси вы, князи, и бояры, и все Кневляне града Кieва! думайте вы да не продумаетесь: ѡдава^{тъ} ли женѹ
20. Михайлову, или нетъ? А топерь у насъ в Кieve си^ны^{хъ} богатырен не лучилось: некомѹ выехать проти^{тъ} силы Кошѣевы, а Михаило приеде^{тъ} серди^{тъ} добре, стане^{тъ} побивать мужиковъ кне^аскихъ“. И князи, и бояры, и все Кне^аляня реша ³⁾: „Светъ гдѣрь, князь Владимеръ кне^аски!
25. доселе в Кieve не было жены Михайловы, цѣрь Кощеи по^{тъ} Киевъ не прижажива^{тъ} и Кieва накрепко не ѡсаживалъ, и тебѣ, гдѣрь, таковы кручины не бывало: ѡдадимъ женѹ Михайловѹ, и царь Кощен ѡ Кieва прочь поидетъ, а Михаиле дади^{тъ} выбрать во все^{мъ} Кieve городе, гдѣ захочетъ, тамъ во^метъ; хошь княиню, или боярыню, или девкѹ посацкѹю—таковажъ смѣ жена“. Ажно будетъ на чиста поля Михаило Потокъ на свои богаты^аской дворъ; встречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговори^{тъ} таковы слова:
30. „Светъ гдѣрь, Михаило Потокъ Ивановичь! Бѣ тебѣ по^{тъ}
35. нашъ Кне^а градъ пришелъ царь Кощен Златой Орды, а силы с нимъ сорокъ тысящъ, и Киевъ осадитъ накрепко

¹⁾ Въ рукописи: „неверны“. ²⁾ Въ рукописи: „вырубля“. ³⁾ Слово: „реша“, приписано послѣ, сверху строки.

- и просить меня ис Киева, и Княвляне придумали ѿдать меня царю Кощею неверному“. И Михаило зговори^т таковы слова: „Собаки мѣжники Княвляня! Сеужалися бы они своими женами и дочерми, и я за свою женѹ умею и самѹ стоять“.
5. И сяди^тца на свои добран конь, и поеха^т ис Киева, и побилъ всю рать-силѹ великѹю, и приеха^т на свои богаты^рскои дворѹ и поча^т з женою своею питъ, и есть и тешитися. И живетъ з женою равно три годы; а таварищи ево еще в Кие^ѣ не приехали. И поеха^т Михайло в чѣто поле тешн^тца равно на три мѣа, а бѣз неув приеха^т по^т Кие^ѣ царь Кощен, а силы с нимъ шѣдесять тысящъ, и Кие^ѣ ѿсади^т накрепко, посылаетъ посольника и просить ис Киева Лебѣди Бѣлыя. И князь Владимиръ зговори^т таковы слова: „Сѣи еси вы князи, и бояры, и все Киевляня! дѣмаите накрепку да не продумантеся: ѿдавать ли женѹ Михаилѹ, или нетъ? А теперь у насъ в Кieve сг^нны^ѣ богатыри не дѣчилося — некомѹ выеха^т протѣ силы Кошеевы; а Михаило приседеть се^рдичь до^бре, станеть побивать мѣжиковъ кие^ѣски“.
10. И князи, и бояры, и все Киевляне рѣша^т 1): „Светъ гдѣрь, князь Владимиръ кие^ѣски! доселева в Кieve не было жены Михайловы — (царь Кошей подѣ Киевѣ не прихаживалъ и Кieve накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову) 2), и црѣ Кощен о^т Кieve прочь поиде^т; а Михайле дадимъ выбрать во всемъ граде Кieve: гдѣ захочеть, тамъ возметъ 3): хошь княгиню, или боярыню, или девкѹ посацкѹю — таковажъ 4) емѹ жена“. А тово не ведають, что жена Михайлова переставилась. Ажно едетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на свои богаты^рскои дворѹ, и встречаютъ ево люди дворовые и сказываютъ вестн недо^брыя, что жена ево переставилась. И тѣ^ѣ Михайло закрѣчинн^тся, идеть во свои высокъ теремъ, — никто ево не встречаетъ, за рѣски не принимаетъ и во уста не целѣеть. И приходитъ Михайло в о^тхожую гор^нищу, где жена Лебѣт

1) Слово: „рѣша“, приписано впоследствии сверхъ строки. 2) Строки, заключенныя въ скобки, пропущены въ рукописи; внесены изъ текста той же редакци (см. выше, стр. 35). 3) Слово: „возметъ“ въ рукописи пропущено; внесено изъ текста предыд. редакци (стр. 35). 4) Въ рукописи пропущено слово: „таковажъ“.

- Бѣлая. И Михайло зговорить таковы слова; „Прости, де, Лебѣть Бѣлая; помню я и самъ свое слова, что у нѣ с тобою мо'вено: „хто и³ па^с напредь умереть, — и кто сѣстане'ца, і том' живому в могил' итьти“. І зоветь на по-
5. гребѣние князья, и бояря, и владык' черниго'сково, и весь Киевъ гра', и сошлись все на погребѣние. И почаль Михайло во гробъ клас' жен' свою и самъ с нею жи² ¹⁾ ложи'ца в могил'. І князь Владимир' зговорить: „Нигдѣ такъ тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися с мертвыми, а ты, Михайло, жи² в могил' идеш' для жены своей. Али у насъ тѣбѣ в Кieve невесть нет'?' Захош' княин', или бояроню, или девку посацкю, — таковажъ тебѣ жена“. И Михайло о'веть де'житъ: „Знай, де, всякъ самъ себя; закопывайте, не мешкайте“. И
15. князь Владимир' зговори' таковы слова: „Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками желтыми, а на' могилою поставте сторож' крепкю: какъ Михайле скуче'ца, стане' кричать гро'кимъ голосо',—скоро вытаскивайте его на во'ной светъ, не мешкайте“. І, похороня ево, все по домамъ пошли. А Михайло сидитъ в могиле з женою мертвою день до вечера. І какъ буде' с' пол'ночи, ажно пришла змея лютая і гробниц' каменю проела і пустила в гробниц' двухъ змеинко', детеі своихъ, и змеи те почали лѣбѣть Бѣлую ссати за гр'ди. И Михайло ухватилъ ихъ і
25. почель рвати надвое. И провищи'ца ем' змя лютая члѣвчески² голосомъ: „Михайло, де, Потокъ Ивановичь! не рви мои² змеенкавъ мали'ки², я принес' тебѣ живой воды“. И Михайло о'ве' де'житъ; „Поди ты, змя лютая, принеси мше живой воды, тогда о'пуш' детей твои'“. И по-
30. шла змея лютая и принѣла ем' живой воды. И Михайло поча' змее'ковъ рва' на крохи и кропляетъ ихъ живою водою, — и змеи те шжили. І кропляетъ Михайло мертв'ю жен' свою, и жена ево б'тто о' сна проб'удилася. И Михайло засвисталъ громки² голосо', и карау'щики попадали; і слышали сесѣды бли'ния, і послали ро'конывать. Іде' из могилы Михайло і ведеть за р'ку жен' свою,

¹⁾ Послеъ этого слова приписано сверху строки: „с нею“.

- и тутъ все подивилися, что была мертва жена Михайлова, а Михайло ѡживи^т еѣ. И поча^т с нею жити по старомѸ, и живеть с нѣю равно три годы, а товарищи ево еще в Киевѣ не приехали. И поехал Михайло во чѣто поле теши^тца равни^ю на пять мѣ^свъ. А бѣз нево приехалъ по^т Киевѣ гра^т царь Кошен, а силы с ни^м сто тысячь, и Киевѣ всади^л накрепко, и просить ис Киева Лебѣди Бѣ^лыя, і Киявляне ему о^тдали женѸ МихайловѸ. И Царь Кошеи, жену МихайловѸ взя^вши, самъ и прочь пошелъ.
5. приехалъ во Кие^в Михайло Потокъ, встречаю^т ево люди дворовыя, а сказываю^т вести недо^брыя, что ѡдали Киявляне жену ево Лебѣть Бѣ^лю царю Кошею невер^ному; и тѣ^т Михайло закрѣ^чинилъ. Не слазя ¹⁾ з добра коня, ездить по Киеву, кричи^т гро^мки^м голосомъ: „Собаки мужики бѣзвер^ныя Киявляне! за что ѡдали крещен^ню женѸ мою цр^ю Кошею и^нвер^ному? Управляюса я с вами и ѡпосле самъ“. И поеха^т ѡ Киева и догна^т цр^я Кошея невер^нова: ажно ш^т на стану стои^т з Бѣ^лаю Лебѣ^дю, опочивъ ²⁾ держи^т. И Михайло едетъ прямо к бѣ^лому ша^ру; ажно увидела ево Лебѣть Бѣ^лая, мечи^ся и^т бѣ^ла ша^ра наскоре, сама зговори^т таковы слова: „Светъ гдѣрь, Михайло Потокъ Ивановичь! Рада тебя увидела; не хочу жить ³⁾ у невер^но цр^я Кошея Златы О^рды, хошѸ жить в Киеве у тебя, богатыря святорѸскаго, во^тми меня
15. тѣ^бѣ ⁴⁾ по прежнемѸ“. И по^носитъ емѸ питья пьяные наскоре, испивать ⁵⁾ Михайло и ложи^тца спать у ни^х, у бѣ^ла ша^ра. И ѡна буди^т ⁶⁾: „Востань, гдѣрь цр^ь Кошеи! Во^т прише^т недру^ггъ Михайло Потокъ—предаи емѸ смер^ти скорон, та^т за тобою не ⁷⁾ гони^тца“. И цр^ь Кошей зговори^т: „Мне Михайло не какоі недру^ггъ: ш^т меня насха^т со^нова, се не преда^т меня злои смер^ти. Какъ хоцешъ сама с нимъ“. И ѡна велела у него подобра^т ружья богаты^рские и па^ку желе^нсю, и Михайла сборотила камене^м, а сама поехала с Кошее^м в Золоту О^рдѸ. Ажно

¹⁾ Въ рукописи „не лавя“. ²⁾ Въ рукописи: „и почиваетъ“. ³⁾ Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „жить“. ⁴⁾ Такъ въ рукописи; въ предыд. редакціи: „к себѣ“. ⁵⁾ Въ рукописи: „испивать“. ⁶⁾ Въ предыдущей редакціи: „и будить царя Кошея невер^но“. ⁷⁾ Въ рукописи пропущено слово: „не“; въ предыд. редакціи: „такъ онъ за тобою не гоняцца“.

- приехали в Кие^в Михайловы товарищи, и почали о^тда-
вать дани и выходы великом^у князю Владимиру. И почали
спрашивать про Михаила, и Киевляня почали и^х р^оска-
зывать, какъ Михаило приве^з дани и выходы, и ка^к
5. приве^з Лебѣдь Бѣлую и, крестя, за себя женою взялъ, и
какъ приходи^т црѣ Кощеи, и какъ Михаило бы^т в мо-
гиле з женою мертвою, и какъ о^живи^л ея, и какъ жен^у
Михайлов^у о^тдали црю Кощею неверном^у и ка^к Михаи-
ло в погонию погна^л. И Олеша зговорить: „Поехали, И^я,
10. брата сѣкивать“. И ка^к бѣд^ѣ у тоев^ш камени, Олеша
по^нелъ камень в поѣ, И^я камень вброси^л ¹⁾ чере-
себя ²⁾ и роши^л на четверо; а ис тово камени выскочи^л
Михаило Потокъ Ивановичъ и поча^л и^х р^осказывать все
проти^в тово, какъ и^х росказывали Киевляне. И они по-
15. ехали в црство Кошчеве, убили Лебѣть Бѣлую, а црю
Кощею живом^у счи вынесли, и казн^ѣ Кощеву всю себѣ
взяли і разделили по жере^бямъ ³⁾. И побили силы Ко-
щевы сто тысячь и дочь ево Гану ⁴⁾ Кошчевн^у Михаило за
себя взя^л. А приехали в Киевъ градъ, побили м^ужико^в
20. и^меньнико^в пять тысячь. а сами жили в Києве до ста-
рѣти и поме^рли. Слава и^х идетъ до веку. Аминь.

---

¹⁾ Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „и бросилъ“. ²⁾ Очевидно, что такъ написаны были эти слова въ оригиналѣ, съ котораго переписывалось настоящее сказаніе. Известно, что это звуковое явленіе восходитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности. ³⁾ Такъ въ рукописи; потомъ писецъ зачеркнулъ двѣ послѣднія буквы. ⁴⁾ Первая буква этого слова написана неясно; въ предыдущей редакціи: „Ранку“.

III.

СКАЗАНИЕ О СЕМИ РУССКИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

(Изъ сборника О. И. Буслаева).

Сказание ѿ седми рѣскихъ бѣатырахъ.

- В столномъ былъ градъ Кieve у великаго князя Владимира былъ пированье почестное на многия кѣзи, и бояря и на сильныя могучия бѣатыри. I какъ пошелъ пиръ навс-
5. селно¹⁾ и зговорить князь Владимиръ киевски своимъ руски²⁾ бѣатыря³⁾: „Тѣ вамъ, бѣатырямъ, вѣдомъ ли, что о⁴⁾пускае⁵⁾ на меня црѣ ис Црѣграда сорокъ два бѣатыря, а велить и⁶⁾тъти ко мнѣ и⁷⁾гонею в Кieve гра⁸⁾. И вамъ, бѣатырямъ, накърѣпкѣ стоять, с⁹⁾ столнаго града
10. Кieve о¹⁰⁾езду никакова не учинить никуды себѣ из моя во¹¹⁾чины.“ I слышали руския бѣатыри таково слово, и пошли шнѣ из-со стола, недѣкушамши; бьют челомъ шнѣ великому князю Владимиру киевскому семь бѣатыре¹²⁾: перво¹³⁾ бѣатырь славны Илья Муромецъ, второ¹⁴⁾ бѣатырь дво-
15. рянинъ Залѣшенинъ, трети бѣатырь мла¹⁵⁾ Алеша Поповичъ, четверты бѣатырь Глапить, пято¹⁶⁾ бѣатырь Суханъ Домантьевичъ,¹⁷⁾ шесто¹⁸⁾ бѣатырь дворянинъ Бѣлая Палица, се¹⁹⁾мо²⁰⁾ бѣатырь Добрыня Микитичъ, — что зговрять бѣатыри таково слово: „Гдѣрь ты велики князь Влади-

¹⁾ Ниже это слово написано такъ же, но при этомъ прибавлено: „на новоселье“.
²⁾ Буква с въ рукописи, согласно старинному употребленію, не написана. ³⁾ Въ рукописи описка: „пятой бѣатырь Глапить Суханъ Домантьевичъ.“

- мерь киевски! Не извадили° мы, гдѣрь, дома сидѣть, извадили° мы, гдѣрь, сами есдить по полю по чистому, побивать люди многия: опусти на°, гдѣрь, в поле чистое, мы тебѣ принесемъ вѣсть правую і языки приведе°
5. многия.“ И зговорить велики кнѣзь Владимиръ киевски: „Не пригоже ва° меня покинуть в стѣномъ граде Кіеве, а я тѣхъ людей жду к себѣ с часу на часъ.“ И втѣпоры руския бѣатыри закручинились, ударили челомъ князю і прочь пошли. Иду°же бѣатыри ко своимъ двбрымъ
10. конемъ, і кладуть на себя доспехи крѣпкия, садятца бѣатыри на съвои добры кони, едутже богатыри в поле чистое прямыхъ вѣсте° провѣдывать. І зговоря° едучи промежь себя таково съловъ: „Лутче намъ тѣ° срамоты великия, какъ случитца намъ в чистомъ поле смерть недобрая, по°демъ
15. мы прямъ к Црѣюграду.“ І какъ будутъ бѣатыри о° Црѣяграда за ѣи ве°сть, переездеаютъ бѣатыри Смугру рѣку, — ажно едутъ в стречю ѣи члѣвкъ, все каличи перехожия, а платье... І приеха° к нимъ младъ Алеша Поповичъ, а са° говоритъ імъ таковъ слово: „Бра°цы вы, каличи перехожия! давайте вы намъ съ себя платье калическое, а у насъ берите платье скорлятное—скорляту бѣлагъ.“ І зговоря°т каличи таковъ словъ: „О° еси ты мла° Алеша Поповичъ! не дадимъ тебѣ мы своегъ платья калическаго.“ А у каликъ атѣманъ, а зовутъ ево Никитою, а родомъ Карачевецъ. И приездеаетъ к нимъ друго° бѣатырь—Лья Муромецъ, а самъ говоритъ таково слово: „За то на° бранитца не за што: емлите вы у нѣа платье свѣтлое, а намъ дава°те платье калическое.“ І зговоря°т каличи таково словъ: „С тобою говрить, Лья, нечевъ, и спору нѣтъ.“ Даютже
25. каличи перехожия свое платье съ себя калическое рускимъ бѣатырямъ, а богатыри даютъ съ себя свое платье свѣтлое. Да спрашиваетъ ихъ Лья Муромецъ перехожихъ каликъ: „Почто, Никита, ходилъ во Црѣградъ?“ Никита ему сказалъ таково съловъ: „Ходили мы провѣдывать прямыхъ вѣсте°: есть ли о°пускъ из Црѣяграда бѣатырямъ къ граду Кіеву? І тѣ вѣсти на° прямъ неизмѣнныя: ѣзять бѣатыри во Црѣградъ, а хвалятца при црѣ, что хотятъ ехать к Кіеву и в Кіеве учинить сѣча великая, а князя

- Владимира і ево княгицю и съ ево бѣатыри в полопъ взять.“ И зѣлышали руския бѣатыри таковъ словъ, и зговорить силны богатырь Илья Муромецъ своимъ товарищемъ: „Слышите ли, братцы, таково словъ: за совѣтъ слуги и гв-
5. ловы складывають?“ И вставляю тутъ бѣатыри свои¹⁾. . . .¹⁾ у Смуры²⁾ рѣки і всѣ свои наряды бѣатырския, емлют же по вдно²⁾ по булатно²⁾ палице і тѣ несуть по²⁾ полами. І пошли прямъ ко Црѣюграду. Идучи, говорятъ таковъ слово: „Кто у насъ, братцы, гворить гвраздъ языкомъ татарскимъ?“ І зговорить дворянинъ Залѣшенинъ: „Всѣхъ у нѣ лутче гворить мла²⁾ Алеша Поповичъ: каковъ шнѣ трезвѣвъ, таковъ і пьянъ, і всѣхъ нѣ лутче бранитца.“ І какъ пришли богатыри во Црѣюградъ, і в тѣ поры идетъ у црѣя столъ навоселно²⁾, а в сѣтолѣ подають третью еству.
10. І учили калики прошать у црѣя на новоселье мѣтныи, стоячи противъ шкна царьсково, и воскричатъ громко голвосомъ. І услышалъ тутъ црѣ Квнстантинъ са²⁾ каликъ прошения из своая полаты црѣския, і взговорить црѣ Квнстантинъ своему богатырю Тугарину Змиевичю: „Вели позвать каликъ
15. в полату ко мнѣ, и услышу по речамъ ш киевскихъ вѣстяхъ: либш что они вѣдають?“ І позвали в полату каликъ тѣхъ ко црѣю, і црѣ учалъ ихъ спрашивать: „Скажите намъ, каличи перехожия, іс котораго града ходите?“ І зговорить тутш стоячи Илья Муромецъ: „Ходымъ мы, гдѣрь, іс Києва града о²⁾
20. князя Владимира киевскаго“. А противъ црѣя сидитъ ево бггатырь Идолище жидовскѣе. І зговорить богатырь Идолище великому црѣю Квнстантину: „Гдѣрь ты волно²⁾ царь! спроси ихъ ш киевски²⁾ бѣатыряхъ: сколько ихъ нѣѣ у великаго князя Владимира киевскаго?“ И зговорить тутш сѣтоючи
25. Илья Муромецъ: „В Києве, гдѣрь, лѣв богатыря, да удалы добрѣ; необычно ествѣ славенъ бѣатырь Илья Муромецъ“. І рече црѣ Квнстантинъ: „Каковъ шнѣ рожею і рвстомъ? Посмотри ш нашимъ бѣатырямъ.“ І зговорить стоячи Илья Муромецъ: „Ростомъ толко с меня и рожею походилъ па
30. меня.“ І зговорить тутш сидечи Идолище великое посме-

¹⁾ Здѣсь въ рукописи пропускъ двухъ словъ: „добрыхъ коней“; въ спискѣ Барсова: „оставляють свои добрыя кони“. ²⁾ Ниже (на стр. 51): „Смугры“.

- хаючись: „Аще ли правда, что шнѣ таковъ, Ілья Муромецъ, и ѿ сво пшсажу на ладонь, а другою раздавлю“. І зговорить Ідолѣ богатырь црю Кшнѣстянтину: „Не мешка“, государь царь Костянтинъ, службы богатырския, о'пусти
5. насъ скоро х Киеву граду: волного слова не будетъ солгшнова. Мы какъ будемъ въ Кieve, и привеземъ мы къ тебѣ великаго князя Владимира киевскаго и с княгинею ево и съ ево багатыри, і в Кieve учини" сѣчу великую“. И не стерпѣлъ такова слова ¹⁾ слышать младъ Алеша Поповичъ,
10. и зговорить таково словш Ідолицу: „Какъ ты приедешъ х Киеву, такова тебѣ слова не говорити, і не узнаешъ о' Кieва дороги и не путемъ прочь поедешъ; і еще тебѣ живу не о'еждевать прочь о' Кieва“. Идолице же на негш осержаетца. И зговорить дворянинъ Залѣшенинъ: „Твоего,
15. гдѣрь, црѣскова меду упился калика і говоритъ ни ту ни сю.“ І зговорятъ Алеше товарищи потихонку: „Уими свое серѣце бѣгатырское, потерпи малешенко; нелзя намъ с тобою такова слова молвити“. И спрашиваетъ ихъ црѣ Кшнѣстянтинъ: „Видали ли вы въ Кieve лошаде" бѣгатырскихъ?“ И зговорить дворянинъ Залѣшенинъ: „По вся дни видаемъ мы лошаде" киевски" богатыре"“. І зговорить бѣгатырь ²⁾ Идолице великое: «Гдѣрь ты волно" црѣ, вели показать наши лошади бшгатырския.» І скоро ведутъ лошади богатырския: Ідолица богатыря лошаде" ведутъ к члвкъ на двухъ цепяхъ
20. золотыхъ; ведут же лшшаде" бѣгатыря Тугарипа Змиевича десять члвкъ; і калики лшшаде" видѣли. И зговорить дворянинъ Залѣшенинъ: „Сверху, гдѣрь, мы не умѣемъ смотреть: вели, гдѣрь, намъ на земли посмотреть. Идут же калики о' црѣ ис полаты; ісь сене" шнѣ лошаде" смотрели, и говорятъ промежъ себя, ідучи: „Теперш намъ, товарищи, цора пришла—готовте вы свои булатныя палицы“. И скорш кинулись калики, и о'нели пш добру кшню, і полетели тутъ головы бѣгатырския и татарьския; і сѣли на добры кшни и поехали из ³⁾ града вошъ. Одинъ шстался тутъ младъ Алеша Поповичъ, а самъ гшговорить црю таково словш: „Потому
30. 35. ша Поповичъ, а самъ гшговорить црю таково словш: „Потому

¹⁾ Въ рукописи это слово повторено два раза. ²⁾ Въ рукописи: „бѣгатырь“. ³⁾ Въ рукописи описка „н“.

- есть поехали из града вонъ, что оставили мы свои добрыхъ коней богатырскихъ у Смугры рѣки, а хотимъ мы с тобою і с твоими бѣатыри перевѣдатца“. И ударя челомъ цѣю, і поехали прочь до своихъ товарищевъ и к своимъ добрымъ
5. конемъ. І учили богатыри руския нарежатца і клѣтъ на себя доспехи крѣпкия і емлютъ свою збрую ратную; ажно скачють богатыри о Цѣяграда погоней великою. І зговорить младъ Алеша Поповичъ своимъ товарищемъ: „Посто^{те}, братцы, малешенко, да^{те} мнѣ с ними перевѣдатца
10. і поперетись.“ А Илья Муромецъ встречается ихъ о своего стану в полуверсте і всѣ бѣатыри за ним же. І скоро бѣатыри съехали і ударились копьями, вострыми концами, іспробили на себѣ всѣ доспѣхи крѣпкия копьями вострыми, і пш присатки [копья] пшломались. И зговорить Илья Муромецъ:
15. „Уже ли збили бѣатырей з добрыхъ коней?“ І побили тутъ всѣхъ бѣатырей сорокъ чѣвкъ, а двухъ живыхъ взяли: Ідола Скоропшита да Тугарина Змиевича, і поехали к Цѣюграду ко цѣю Кшвстентину. И зговорить Илья Муромецъ: „Вѣдомо ли тебѣ, цѣю: мы твоихъ бѣатырей побии-
20. ли, а двухъ живыхъ взяли? А тебя мы, цѣя, ничемъ не двигнемъ ни чернымъ волосомъ, потому что мы поехали іс Киева без гѣрева вѣдома на похвалу твоихъ бѣатырей. І мы тебѣ не оѣдадимъ твоего бѣатыря Тугарина Змиевича, оѣдадимъ тебѣ твоего бѣатыря Ідола Скоропшита, а съ со-
25. бою емлемъ в Киевъ градъ кш князю Владимиру на показъ Тугарина Змиевича, бѣатыря удалова“. Не бѣлая лебедь вшкликала, вшплачетца Тугаринова мать: бьет челомъ рускимъ богатырямъ і благовѣрно цѣицѣ Елене: „Благовѣрная цѣица! уприси ты у русскихъ бѣатырей“. И
30. зговорить благовѣрная цѣица Елена: „Ші еси ты Илья Муромецъ с товарищи! опустите вы Тугарина Змиевича; утрите вы слезы кровавыя, не нанесите на себя клятвы вѣчныя.“ И зговорятъ руския богатыри таково слово: „Гѣрня благовѣрная цѣица Елена! не двигнемъ мы Туга-
35. рина ни черны^м волосомъ для твоего, гѣрня, пѣрошения; а Тугаринъ будетъ в Киеве градъ у князя Владимира киевскаго і потомъ будетъ в Цѣяградѣ у тебя, гѣрня! А теперво намъ вшставить вш Цѣяградѣ нелзя, потому что намъ

- гдрю великому князю Владимиру ударить челомъ нечимъ.“
І руския богатыри ударили челомъ црю Костянтину і поехали прочь х Киеву граду. І ведутъ бгатыри Тугарина Змиевича, і едутъ богатыри по полю по чистому. И какъ
5. будутъ бгатыри близъ града Києва, выбираютъ себѣ бгатыря Залѣшенина и посылають ево ко граду Киеву ко князю Владимиру киевскому со здоровьемъ. І приехалъ дворянинъ Залѣшенинъ в Киевъ градъ ко князю Владимиру киевскому і говоритъ таково слово: „Многолѣтнее здравие
  10. гдрю великому князю Владимиру киевскому! Вели, гдрь, намъ, холопямъ твоимъ, свои вчи видѣти! Были мы, гдрь, без твоего гдрева вѣдома во Црѣградѣ для твоихъ гдревыхъ недруговъ, і убили во Црѣградѣ сорокъ богатыре“, а двухъ живыхъ взяли: Ідола Скоропита да Тугарина Змиевича;
  15. оудно одали царю Костянтину, а другова съ собою взяли—Тугарина Змиевича, удалова бгатыря. А к тебѣ, гдрь, приехалъ дворянинъ Залѣшенинъ к великому князю Владимиру править о своихъ товарищевъ здоровье.“ І гдрь ихъ пожалова: велѣлъ имъ приехати к себѣ. И приехали богатыри в Киевъ градъ к великому князю Владимиру і привели языка—дшброва и удалова бгатыря Тугарина Змиевича. І гдрь ихъ пожаловалъ за ту службу вѣрную: давалъ имъ шубы свбшлныя и цепи злотыя великия, да им же говоритъ таково слово: „І впредъ я буду васъ жаловать за вашу службу вѣрную.“
  25. спрашиваетъ велики князь Владимиръ киевски Тугарина Змиевича во вѣстяхъ: „Что у васъ вѣсти во Црѣградѣ?“ И зговоритъ Тугаринъ Змиевичъ таково словъ: „Что ты, гдрь, меня спрашиваешь во вѣстяхъ? Всѣ вѣсти у тебя, гдрь. Нѣтъ, гдрь, тебя грознея во всѣхъ царствахъ, а богатыре твоихъ нѣтъ удалѣя во всѣхъ земляхъ.“ Бьет челомъ Ілья Муромецъ с товарищи: „Смилюся, гдрь, велики князь Владимиръ киевски! опусти, гдрь, Тугарина Змиевича: дали есть словъ благовѣрно црицѣ Елене, что намъ у тебя, гдря, упросити Тугарина
  35. Змиевича.“ И зговоритъ князь Владимиръ киевски своимъ богатырямъ; „Были вы во Црѣградѣ, і всѣхъ богатыре в полѣ побивали.“ Опускают же Тугарина Змиевича з добрымъ конемъ и з своею збруею ратною, і провжжаютъ

евъ дв Цряграда до рубежа, і о'пустили ево въ Цръградъ. И зговорятъ ему бѣатыри такъво слово: „Скажи ты, Тугаринъ Змиевичъ, гдѣне благовѣрної царице Елене: еше есмы в правдѣ устояли и цѣское все ісполнили: гдрю служба
5. служена і честь пвлучена.“ И поехали богатыри назадъ въ Киевъ градъ ко князю Владимиру киевскому і стали славѣнъ жить во градѣ Києве, и ихъ хра'ростьи слава не минуе'ца.

IV

СТАВЕРЬ ГАДЕНОВИЧЪ.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

- .....[боя]ринъ Ставерь Гаденовичъ: „W^н есте вы, князи, и бшяре, и сильныя могучия бшгатыри! есть у меня молода жена Василиса Микулишна. По еѣ счастію есть у меня ¹⁾ злота казна: николи казна не держитца, всегда казна исполняется ²⁾. И есть у меня триста молотцовъ—все молотцы перебшрчетыя: молодець молотца лутче, николижь молотцы не старѣютца. Да есть у меня триста жеребцовъ, а все жеребцы латынскія: николи жеребцы не изъездытца“ ³⁾. И згшворять князи, и бояре, и сильныя могучия бшгатыри, і
10. мужики торговыя: „W^н еси ты бояринъ Сѣтаверь Гаденовичъ! почему у тебя злота казна не держитца?“ І зговорить бояринъ Ставерь Гаденовичъ таково слово: „Потому у меня злота казна не держитца, что я нсѣ тш^н казны в ростъ деньги в ростъ ⁴⁾ даю, і тѣмъ я ршстомъ годъ живу,
15. потому моя золота казна не деръжитца“.—„Почему у тебя молотцы не старѣются?“ І възговорить бшяринъ Ставерь Гаденовичъ таково слово: „Потому у меня молотцы не старѣются: пѣють, едятъ, а сами потѣшаютца і никако^н кручины не вѣдаютъ; чебшты носятъ по турецкому: шиломъ
20. пяты, носки в[о]стрыя, шднорятъки носятъ по посолскому—

¹⁾ Въ рукописи слова: „есть у меня“ повторены: „есть у меня, есть у меня“.

²⁾ Послеъ этого повторено: „есть у меня злота казна“. ³⁾ Затѣмъ текстъ начинается съ новой строки. ⁴⁾ Слова: „въ ростъ“ написаны въ рукописи два раза.

- скорлять сукно, колпаки носятъ, плащи золотыя: потому
молотцы не старѣютца“.— „Почему у тебя жеребцы не изъез-
да'ца?“ І взговорить тутъ бьяринъ Ставеръ Гаденовичъ
таковъ словъ: „Потому у меня жеребцы не изъезды'ца: се-
5. вѣдни я поехалъ на томъ жеребце, а завтра поеду на дру-
гомъ жеребце, всегда у меня жеребцы перемѣнныя: потому
шчи не изъезды'ца“. И лихи были в Києве шговоръщики:
шговорили онѣ князю Владимиру киевскому боярина Ставра
Гаденовича небыльными словесами і ложными: „Гдѣрь ты нашъ,
10. князь Владимиръ киевскъ"! пьешъ, ешъ і потѣшаешъся,
а твою себѣ не вѣдаешъ: есть у тебя на пиру бояринъ Ста-
веръ Гаденовичъ столнова града Чернигова, а за шчи шг-
ворить таковъ словъ: „Я, де, в Києвѣ градѣ болши вели-
каго князя Владимира і богатея“. І тутъ князь Владимиръ
15. на него рѣкручинился, велѣлъ ево скоро пред собою пш-
ставить. И съкоръ поставили бьярина Ставра Гаденовича
перед князя Владимира киевскаго. Чтш взговорить князь
Владимеръ киевско": „Ш" еси ты бьяринъ Ставеръ Гаде-
новичъ! негшрадш ты за шчи похваляешся и шворишъ та-
20. ково слово, что де я в Києве богатѣе князя Владимира“.
И взговорить бьяринъ Ставеръ Гаденовичъ: „Азъ, гдѣрь,
никакова слова про тебя не шваривалъ“. Бгѣ над Став-
ромъ пршгнѣвался, гдѣрь велики князь Владимиръ раскручи-
нился, велѣлъ ево пшсадить в глубокъ погребъ соршка са-
25. женъ і закрыть доскою желѣзною і засыпать песками жел-
тыми. І повели бьярина Ставра Гаденовича в глубокъ по-
гребъ соршка саженъ. И чтш взговорить бояринъ Ставеръ
Гаденовичъ: „Шй еси ты мо" слуга поваренно"! садись ты
съкоръ на жеребца латынскаго, поедь к столному граду
30. Чернигову к мое[й] молчдо" женѣ к Василиѣ Микулишиѣ,
о'правь еі о' меня челобитье великое: „Бшгъ над Ставромъ
прогнѣвался, гдѣрь велики князь Владимиръ раскручинился,
велѣлъ ево посадить в глубокъ погребъ сорока саженъ и
засыпать песками желтыми, і закрыть доскою желѣзною“.
35. І скшрш дѣтинкш садился на жеребца на латынскаго и пш-
ехалъ к столному граду Чернигову. И какъ будетъ в Чер-
ниговѣ градѣ, възъездыетъ на цѣскш" дворъ, с коня не сла-
жучи; бѣжитъ во свѣтлую шврицу, не шбсылаючи, молитца

- чюднымъ шбрасымъ, бьет челомъ Василисѣ Микулишнѣ, а самъ гшворитъ такшво словъ: „Гдѣрня Василиса Микулишна! привесъ я къ тебѣ вѣсти нерадшестыня: Бгѣ на^а Ставршмъ прогнѣвался, гдѣръ велики князь Владимиръ рѣкручинился,
5. велѣлъ ево посадить в глубкѣ погребѣ сорока сажень и закѣрыть дшскшю желѣзншю, і засыпать песками желтыми“. И тутъ Василиса Микулишна была догадшлива, скшро шна догадаѣ: пошла шна в хоршмы шпришенныя, скидовала съ себя волосы женскія, завивала кудри молодецкія, надѣвала на себя пѣлатье посолское, скоро садилася на жеребца латынскова, імала съ собою триета молотцовъ: молшдецъ молшца лутче, все молштцы переборчетыя: бу^{то} едетъ младъ посолъ младъ ¹⁾ Василе^а Ивановичъ ис тоѣ земли из гадацкія о^а короля полскова ²⁾ править посолствш великос.
10. І пшехалъ младъ посолъ Василе^а Ивановичъ къ столному граду Киеву къ великому князю Владимиру киевскому тою доршгою пѣродолную на лѣсы на бранѣскія, на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбойника. И какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василе^а Ивановичъ
15. І пшехалъ младъ посолъ Василе^а Ивановичъ къ столному граду Киеву къ великому князю Владимиру киевскому тою доршгою пѣродолную на лѣсы на бранѣскія, на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбойника. И какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василе^а Ивановичъ
20. блискш столнова града Киева, в тѣхъ лугахъ гдѣревыхъ, і тутъ велѣлъ бѣлы шатры бѣлобелчетыя розставити; а посолско^а шатеръ не мешаѣтца с тѣми: маковка у шатра шзлотая, золшта ³⁾ аравитѣское. І малш^а часъ пошзо^а дучи, о^а столнова града Киева, о^а князя Владимира киевѣскагш, мимо
25. шатра пшсолскова гшнитъ скоро^а гонецъ в Черниговъ градъ. І что згшворитъ грозенъ посолъ младъ Василе^а Ивановичъ: „О^а естъ вы мои слуги і двшряня молштцы! перемите вы скорова гонца, поставте евш передо мшшю“. І скорш тутъ кшнулись і пошмали гшнца, і привели пред грознагш посла
30. млада Василья Ивановичя. Что взгшворитъ грозенъ посолъ младъ Василе^а Ивановичъ: „Шй еси ты скорш^а гонецъ! куды ты гшнишъ наскорш?“ І взгшворитъ ему скоро^а гонецъ: Гдѣръ ты, грозенъ посолъ младъ Василе^а Ивановичъ! ѡ еду ѡ столнаго града Киева о^а князя Владимира киев-
35. скагш, а еду в столно^а градъ Черниговъ переписать золоту

¹⁾ Такъ въ рукописи; не слѣдуетъ ли: „грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ“, какъ ниже? ²⁾ Въ рукописи описка: „посолскова“. ³⁾ Такъ въ рукописи.

- казну боярина Ставра Гаденовича“. І что взговорить грозенъ посоль младъ Василе^е Ивановичь: „Ѡй еси ты грозенъ посоль, скоро^е гонецъ! поедь ты скорѡ назадъ к столному граду Киеву, к великому князю Владимиру киевскому, да скажи ему про меня: „Гдѣрь мо^е князь Вѡладимеръ киевски! к твое^{му} здоровью иде^{тъ}, гдѣрь, младъ посоль Василе^е Ивановичь изъ земли галацкия ш^е короля польскова править посолствѡ великое“. И скорѡ скоро^е гонецъ назадъ поехалъ в Киевъ гра^{дъ} і сказалъ князю Владимиру все по ряду
10. по словеси грознагѡ посла млада Василья Ивановича. А самъ посоль не мешкая за гонцомъ в Киевъ градъ приеждяючи ставилься на посолско^е дворъ. Какъ буде^{тъ} третѣ^е день, звалъ князь Владимиръ киевскѡ^е грознаго посла млада Василья Ивановича на почестнѡ^е пиръ. И какъ будетъ по порамъ, пошоль грозно^е посоль на почестнѡ^е пиръ. І какъ будетъ грозенъ посоль младъ Василе Ивановичь среди двѡра гдѣрева, і тутъ еѡмъ встречають князи і бѡяре, и взяли еѡмъ под руки бѣлыя, повели в полаты каменные, посадили на мѣстѡ посолское. І какъ пошелъ почестнѡ^е
20. пиръ, і почели пить и ясти і потѣшатися, і увидѣла Апрадѣя королевишна грозна посла млада Василья Ивановича, а сама говоритъ таково слово: „Гдѣрь ты, князь Владимиръ киевскѡ^е! не быть тѡ грозна послѡ младѡ Васильѡ Ивановичѡ—бытъ Василисѣ Микулишнѣ, Ставрово^е женѣ
25. Гаденовича“. І что взговорить князь Владимиръ киевскѡ^е: „Ѡй еси ты княгиня Апрадѣя кѡрлевишна! мѡшнѡ то намъ розвѣдати, лише бы не шпозоритца“. І какъ у князя Владимира столъ шпелъ, и послѣ стола пошла потѣха молодецкая, и что взговорить князь Владимиръ киевскѡ^е: „Ѡй еси ты грозенъ посоль, младъ Василе^е Ивановичь! есѣ ли теперѡ с тобою умѣющія бѡрцы, с моими бы бѡрцы поборолися, а насѣ бы с тобѡю потѣшили?“ И что взговорить грозенъ посоль младъ Василе^е Ивановичь: „Гдѣрь ты, князь Владимиръ киевски! теперѡ со мною бѡрцовъ нѣту: не вѣдалъ я потехи молодецкия, твоего слова гдѣрева, і я за тѣмъ бѡрцовъ не бралъ. Развѣ, гдѣрь, мнѣ самому побѡртися, а тебя, гдѣрь, потѣшити?“ И пошелъ грозенъ посоль на црѣвъ двѡръ і учелъ по двору похаживать, ручки і нѡшкы

- поправливать. И в ту пору князь Владимиръ іс хоромъ смотрилъ, із окошка стеколчетова. И выходятъ пять бърцовъ умѣющихъ, і учили бъротися: первому бърцу гшлову сломилъ, другому бърцу руку выломилъ, третьему бърцу ногу
5. выломилъ, четвертагъ борца за тынъ кинулъ, а пято^а борець в таскахъ забѣжалъ. І тутъ младъ посоль Василе^а ¹⁾ Івановичъ бьетъ челомъ князю Владимиру киевскому своею штѣхою молодецкюю, а самъ гшврить таковш слово: „Гѣрь ты, князь Владимиръ киевко!“ я тебя тѣшилъ своею потѣхою молодецкюю,—вели, гѣрь, меня потѣшитъ: да^а мнѣ ігреца, ко^а бы гшраздъ в гусли іграть и провдиль бы меня на посолско^а дворъ“. І князь Владимиръ стоючи задумался, чтш нѣтъ в Києве ігреца гшраздшва. І вспало на умъ князю Владимиру про бшярина про Ставра Гаденовича, і велѣлъ
15. ево вынуть із глубька погреба і велѣлъ ему дать звончатя гусли, і пошелъ Ставеръ Гаденовичъ за грознымъ посломъ на посолско^а дворъ. І какъ будетъ на посолскомъ дѣшврѣ, и зговорить младъ посоль Василе^а Івановичъ: „Пшмниш ли ты, Ставеръ Гаденовичъ, про меня, іли ты меня
20. знаеш ли, іли нѣтъ?“ І взговорить бшяринъ Сѣтаверъ Гаденовичъ таковш слово: „Азъ про тебя і не слыхивалъ, не токшмь чтш мнѣ тебя знать“. І что в’говорить грозень посоль младъ Василе^а Івановичъ: „А помниш ли ты, бшяринъ Сѣтаверъ Гаденовичъ, коли мы с тшбою ребячюю ігрушку
25. ігрывали: у тебя была свачка серебряная, а у меня бшшм колечкш золотое, і ты в мое колечкш часто попадаыва^а?“ І тутъ бшяринъ Ставеръ Гаденовичъ догодался: імалися шнѣ за руки бѣлыя, цѣловалися во уста сахарныя. І велико^а князь Владимиръ киевкш^а опять іхъ пшжалывалъ столнымъ
30. градомъ Черниговымъ, и о’пустилъ іхъ с великою чештью, и учалъ ево жаловаты лутче старова. І шнѣ поехали в Черниговъ градъ і учили жить і бы^а по старому лутче прежнего. И учили пити, і ясти, і веселитися по прежнему. И начелъ іхъ князь Владимиръ жаловать лутъче старшва.
35. Конецъ.

---

¹⁾ Слово „Василей“ въ рукописи повторено два раза.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗВѢСТНОЙ БЫЛИНЫ.

(По фотографическому снимку, сообщенному А. И. Станкевичемъ).

..... и на¹ си²ны³[мо]г⁴чи⁵ боготыри, лѣ не ш⁶ти на⁷ Т⁸гарино⁹ Змиевичемъ: Т¹⁰гари¹¹ Змеевѣ, усе¹²рдия добрая, не люби¹³ ш¹⁴ки тоя чежелыа“. Что в¹⁵говори¹⁶ мла¹⁷ Алеша Попови¹⁸: „Г¹⁹д²⁰ръ ты, л²¹ак²²б²³ кня²⁴ Владимерь киевск²⁵о али ты, г²⁶д²⁷ръ, с²⁸ княинею н²⁹лю³⁰ви живешъ, что промеж³¹ ва³²м³³ бо³⁴ва³⁵ сиди³⁶ нет³⁷соно³⁸ 1)“? Что в³⁹говори⁴⁰ ч⁴¹яни⁴² ер⁴³зи⁴⁴ Ма⁴⁵в⁴⁶ѣ Петро-ви⁴⁷: „Ой 2) еси ты мла⁴⁸ Алеша Попови⁴⁹, не ш⁵⁰ти ты ш⁵¹кою н⁵²в⁵³о⁵⁴скою 3) на⁵⁵ Т⁵⁶гарино⁵⁷ Змеевиче⁵⁸: Тугари⁵⁹ Змеевѣ усе⁶⁰рдия до⁶¹рова, не люби⁶² ш⁶³ки тежелыа“. Что в⁶⁴говори⁶⁵ чашнику мла⁶⁶ Алеша Попови⁶⁷: „О⁶⁸ 4) еси ты ер⁶⁹зи⁷⁰ Ма⁷¹в⁷²ѣ 5) Петрови⁷³! не печал⁷⁴са⁷⁵ 6) ты об Олеше Поповиче, печал⁷⁶ся 7) о Тугарине Змеевиче; а за меня печал⁷⁷е⁷⁸ца 7) сп⁷⁹а и пречистая б⁸⁰ца. И приходи⁸¹ д⁸²нь к вечер⁸³у, а уже иде⁸⁴т⁸⁵ пи⁸⁶р на вече⁸⁷ре, подаду⁸⁸ еств⁸⁹у девят⁹⁰ю л⁹¹б⁹²ья б⁹³люю. И к⁹⁴а бу⁹⁵ть 8) пи⁹⁶р на весе⁹⁷ле, учели к⁹⁸н⁹⁹зи и бо¹⁰⁰ре наливатися і си¹⁰¹ныя мог¹⁰²чия богатыри по¹⁰³валятися, что в¹⁰⁴говори¹⁰⁵ 9) л¹⁰⁶ковъ кня¹⁰⁷ Владимерь киевск[ой]: „... еств¹⁰⁸ ли мо¹⁰⁹чашни¹¹⁰ 10) ер¹¹¹зи¹¹² Ма¹¹³в¹¹⁴ѣ Пе¹¹⁵рови¹¹⁶! налеі чар¹¹⁷у в по¹¹⁸пята 11) ве¹¹⁹ра мед¹²⁰у сла¹²¹ково за Т¹²²гари-нина 12) Змеевича здра¹²³е“. И по¹²⁴носи¹²⁵т¹²⁶ велики л¹²⁷ковъ к¹²⁸н¹²⁹зь Вла-

1) Въ рук.: „нет³⁷соно“. 2) Въ рук.: „О“. 3) Въ рук.: „н⁵²в⁵³о⁵⁴скою“. 4) Въ рук.: „О“. 5) Въ рук.: „Ма⁷¹в⁷²ѣ“. 6) Въ рук.: „не печал⁷⁴са“. 7) Въ рук.: „печал⁷⁶са“. 8) Въ рук. это слово сначала было пропущено; при вставкѣ пришлось раздѣлить на три строки—одна надъ другою. 9) Въ рук.: „в³⁹говори⁴⁰“; пропущено надстрочное з. 10) Конецъ слова „киевской“ и начало слѣдующаго слова вирвани. Переписчикъ, очевидно, невѣрно прочелъ свой оригиналь; слѣдуетъ: „Ой еси ты мой чашникъ“. 11) Въ рук.: по¹¹⁸пята. 12) Такъ въ рукописи.

димеръ киѣско медѸ слакова Тугарину Змеевичю ча^р в по-
пята ведра и о^а еѸ в^пивае^т одины^м дѸо^а досѸха. ПослѸ
того по^нносили ту^м ча^р ме^ч слаково мла^ч Алеше Попови-
чю, и Олеша ПоповѸ, прикушевѸ, подае^т Торопу, слугѸ
свое^м порѸкѸ; а са^а говори^т токова слово: „О^а ¹⁾ еси ты
ТорѸ, слѸга парабѸ! прими ча^р медѸ слакова в по^пята
ве^ра: са^а пе^а ²⁾ и по^лѸ себя по^чива^а ³⁾ кѸзе^а ³⁾, і бол^м и
свою бра^ю си^ны^т могѸчи^т боготыре. Не бѸ^т ты о^жичи^Ѹ
в Тугарина Змиевича: у насъ была у батюшка моего у
Федора, попа соборного, корова о^же^рчива—шотчи на пова^нню
да ба^ды опидѸ“....

---

¹²⁾ Въ рук.: „О“. ¹⁴⁾ Въ рук.: „пе“. ¹⁵⁾ Въ рук.: „подчива“. ¹⁶⁾ Въ рукописи: „кѸзе“.

VI.

ГИСТОРИЯ О КИЕВСКОМЪ БОГАТЫРЕ МИХАИЛЕ СЫНЕ ДАНИЛОВИЧЕ ДВЕНАТЦАТИ ЛЕТЪ.

(По рукописи начала XVIII в. Московск. Публичн. Музея №774)

- Бысть в великомъ в красномъ столномъ граде Кieve, у великаго князя Владимира Всеславьевича, было пирование почестное на руския силныя богатыри. Пьетъ, есть велики князь, тешитя, а над собою кручины не ведаеть.
5. То в то время идетъ молодець ис поля чистого, из шелому из баканова на дву аргамаческихъ коняхъ, и въезжаетъ на государевъ дворъ, и коня ставитъ без привези, бежитъ во светлую горницу, пред княземъ колпака не сьмаеть, и сталь говорить ему: „Государь велики князь Владимиръ Все-
10. славьевичъ киевскоѣ, пьешь ты и ешь и тешился, а над собою, государь, кручины не ведаешь: идетъ из большия орды царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ, а с нимъ идутъ богатыри три брата братовича, а с ними силы со всякимъ богатыремъ по три тысячы; да с нимижь идутъ семь кня-
15. зей ширскихъ, а с ними силы идутъ со всякимъ княземъ по семи тысячъ; да с ними же идутъ сорокъ царевичей, а со всякимъ царевичемъ силы по сороку тысячъ, а всеи силы с царемъ Бахметомъ сыномъ Тавруевичемъ сметы нѣтъ. И хоцетъ твои столнои градъ Кieve за щитомъ взять, князеи
20. и боярь всехъ под мечъ подклонить, а тебя, великаго князя, поневолить.“ Тогда велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевскоѣ закручинился; наливаетъ онъ в турей рогъ меду слаткова и подноситъ своимъ тритцати богатырямъ и говорить имъ: „которои из васъ выпьетъ турей рогъ меду
25. слаткова, тот бы вынелъ из подъ знамени человека перваго, которои ведаеть думу царскую“. И в то время болшеи богатырь хоронитца за меншихъ, а меншаи богатырь хоронитца за болшихъ, и ни которой за то дело не внимаетя.

- Потомъ из техъ богатырей выступаетъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ: „Государь князь велики Владимиръ Всеславъевичъ киевской! Я, государь, выпью турей рогъ меду слаткова и выиму ис под знамени человека перваго, которой
5. ведаеть думу царскую“. И в то время взговорить велики князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской: „Младъ Михайло сынъ Даниловичъ, малымъ ты малешинекъ и молодымъ ты молодешинекъ, всево тебѣ от роду двенатцать летъ; а умомъ ты, Михайло сынъ Даниловичъ, глупешеникъ, в чистомъ
10. поле не бываль, криваго ты человека не видываль, на крепкомъ деле не стаиваль, робячьимъ умомъ говоришь“. Ответъ держить младъ Михайло сынъ Даниловичъ: „Государь, князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской! Вели, государь, поймать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь,
15. того гоголя на воду, и умѣет-ли тотъ гоголь по воде плавати: так-та наше богатырское сердце неумичиво ¹⁾“. Тогда великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому то слово полюбилося. И говоритъ ему: „Младъ Михайла сынъ Даниловичъ! буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде Кieve.—Ответъ
20. держить младъ Михайло сынъ Даниловичъ: „Много твоего государскаго жалованья“. И оседлалъ младъ Михайла сынъ Даниловичъ добра коня наступчитова с черкасскимъ седломъ и подтянулъ двенатцатью подпружинами шелку шемоханскаго и надевалъ на себя крепкой доспехъ богатырской и
25. положилъ на главу свою златъ венець. И садилсѣ младъ Михайло сынъ Даниловичъ на своего добраго коня наступчитова и поехалъ ис Кieve града не воротами, и скакалъ чрезъ ограду каменную, и поехалъ къ почестному монастырю, ко отцу своему Даниле Ивановичю просить от него
30. прощения и благословения. Тогда приехалъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ ко отцу своему Данилу Ивановичю и сталъ у него просить благославения: „Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шеломъ и на бакановъ прртивъ царя Бахмета сына Тавруевича и вынетъ ис под знамени
35. человека перваго, которой ведаеть думу царскую“. Потомъ сталъ говорить отецъ его Данило Ивановичъ: „Чадо мое

¹⁾ Въ рукоп. *неумичиво*.

- милое, младъ Михаилъ сынъ Даниловичъ ¹⁾, азъ я в Києве жилъ девяносто леть, выезжаючи ис Києва побивалъ девяносто побоищевъ и ис под знамени человека перваго не вынимывалъ, и х Києву к великому князю Владимиру Все-
5. славъевичю не проваживалъ и на муку такова человека не даывалъ и греха на себѣ не принимывалъ. Бude ты, чадо мое милое, едешъ неволею, и ты добиваися до знамени чернаго; а бude ты, чадо мое, едешъ волею, и ты добиваися до знамени последнего, и ни на кого не надеися: Богъ тебѣ,
10. чадо мое, на помощь подасть“. Тогда младъ Михаилъ сынъ Даниловичъ взялъ у отца своего благословение и прщение и поехалъ в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя Бахмета сына Тавруевича. Тогда поглядить в сторону—сила рать великая, в другую сторону посмотреть,—
15. и тово болѣе, а на третью сторону погледить,—аки вода сильная колыбается. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ устранился и рече себѣ: „бude поехать мне молотцу не побивъ побоища к столному граду Києву и великому князю Владимиру, то принять мне от него кручину великую, а
20. от своей братьи позоръ мне будеть великой; а какъ побью побоище и с того побоища поеду к столному граду Києву к великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому, то будеть мне честь и хвала от великаго князя Владимира Всеславъевича киевского и от своей братьи великая“. Тогда
25. младъ Михаила сынъ Даниловичъ помолился честнымъ образомъ и сталъ призывать Господа Бога на помощь, и сталъ напущать онъ на полки татарские, что ясенъ соколъ на стада на галечья. Тогда выезжаютъ противъ Михаила сына Даниловича сильныя богатыри три брата братовича, а с ними
30. силы выходить по три тысячи. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ убилъ трехъ братьевъ братовичевъ, такожь и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаетъ противъ ево семь князей ширскихъ, а силы с ними по семи тысячъ; и младъ Михаила сынъ Даниловичъ убилъ семь князей ширскихъ,
35. такожь и силу ихъ всю побилъ. А потомъ выехали противъ Михаила сына Даниловича сорокъ царевичевъ, а силы с

¹⁾ Въ рукоп. *Ивановичъ*.

- ними со всякимъ царевичемъ по сороку тысячъ; тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ убилъ сорокъ царевичевъ, такожь и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаютъ противъ Михаила сына Даниловича мурзы уланова и говорятъ ему
5. таково слово: „Государь ты дородной доброй молодець, какъ тебя по имени зовуть и по отечеству? И дай ты намъ сроку на три дни“.—Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ ответъ держитъ: „Зовуть меня по имени Михаилою, а по отечеству Даниловичемъ, а езжу я ис краснаго столнаго
10. города Киева от великаго князя Владимира Всеславьевича киевскаго“. То Михаила сынъ Даниловичъ далъ имъ сроку на три дни, а самъ поехалъ к белому своему шатру полотняному и сталъ в томъ шатре опочивать и опочивалъ три дни и три ноци бес просыпу. А мурзы уланова в ту пору
15. около полковъ своихъ копали ¹⁾ рвы глубокия, во ²⁾ рвахъ тыкали тарчи вострыя, крыли полстми ордынскими, делали мосты опрометныя ³⁾. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ от сна просыпается и вооружается и садится на свой доброй конь и напустилъ на полки татарския, —первои полкъ
20. побилъ; тогда напустилъ на второи полкъ и тотъ полкъ побилъ; тогда напустилъ и на третеи полкъ и тотъ же полкъ побилъ. И в те поры младъ Михаило сынъ Даниловичъ ввалился въ яму глубокую, а конь его выдрался и поскакалъ в чистое поле; а Михаилу сына Даниловича вынули изъ ямы и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по локти,
25. и повели ево в полки татарския ко царю Бахмету сыну Тавруевичю. Что взговорить царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ Михаиле сыну Даниловичю: „Какъ тебя, молотца, по имени зовуть, и которой ты деревни или вотчины“?
30. Ответъ держалъ младъ Михаила сынъ Даниловичъ: „Государь царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ, по имени меня зовуть Михаилою, а по отечеству сынъ Даниловичъ; а езжу я истолнаго града с Киева от великаго князя Владимира Всеславьевича киевскаго“. Тогда сталъ ему говорить царь
35. Бахметъ сынъ Тавруевичъ Михаиле сыну Даниловичю:

¹⁾ Въ рукоп. *капали*.

²⁾ Въ рукоп. *са*.

³⁾ Въ рукоп. *апрометныя*.

- „Служи ты мне верою и правдою, какъ ты служилъ великому князю Владимиру Всеславьевичу киевскому; я тебе у себя в золотой орде долю дамъ да треть своего царства“.
- Ответъ держать младъ Михаила сынъ Даниловичъ царю
5. Бахмету сыну Тавруевичу: „Радъ тебѣ служить верою и правдою, своею саблею острою над твоею шеєю толстою“.
- Тогда возговорить царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ: „Мурзы улановя, возмите Михаилу сына Даниловича за белые руки и поведите ево за белые шатры-полотняные и снимите с
10. него буиную ево голову“.—Потомъ сталъ имъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичъ: „Кто хочетъ жить подолше, тотъ бижи подале, а хто хочетъ жить поменше, тотъ подвинся поближе“.—Тогда возговорять ему мурзы улановя: „Брате Михаиле, теперь ты у насъ въ ружахъ, а грозишь ¹⁾ намъ.“—Потомъ не ясенъ соколъ вострепелуся, а младъ Михаила сынъ Даниловичъ сложилъ с себя железа с рукъ и с ногъ и побилъ около себя людей многое множество; и тогда люди его многия обхватили, и онъ ис подь телеги ордынской ось выломилъ и учалъ побивать на
20. все четыре стороны и дограбился до добра сотка каменного и тутъ полки клонилъ. И уже Михаилу сынъ Даниловичъ уже по колени в крови бродить. Тогда выходилъ из бѣла шатра царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ и бьетъ челомъ о сыру землю: „Государь мой, младъ Михаилу сынъ
25. Даниловичъ, отпусти ты меня в мою орду хотя сама третья, и азъ бы в своей орде племя развелъ“.—Тогда сталъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичъ царю Бахмету сыну Тавруевичу: „Отпущу я тебя в твою орду за то сама третья, что азъ былъ у тебя в поимани,—въ большеи орде долю
30. давалъ да треть своего царства; и ты поди в свою орду“.—Тогда царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ поклонился ему и поехалъ в свою орду, а младъ Михаилу сынъ Даниловичъ убирался и вооружался и садился на свои доброй конь и поехалъ к столному граду Киеву, к великому князю
35. Владимиру Всеславьевичу. Тогда лихъ былъ на Михаилу сына Даниловича оговорщикъ в Киеве, оговорилъ великому

¹⁾ Въ рукоп. *грозишь*.

- князю Владимиру Всеславьевичю киевскому: „Государь велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской! Младъ Михаило сынъ Даниловичъ ездилъ по деревнямъ да по вотчинамъ пилъ да елъ да бражничель, а не у твоего дела царскаго былъ“. Тогда велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской на Михайлу сына ¹⁾ Даниловича разкручинился и велель его посадить в темницу заключенную, въ яму глубокую сорока сажень, где сидель Ставерха сынъ Гоудиновичъ.
5. Посадили Михайлу сына Даниловича въ яму глубокую; и
10. велель ему на неделю места хлеба по снопу по овсяному давать: то ему Михаиле сыну Даниловичу за выслугу. И накрыли цкою железною и зарыли землю накрепко, опустили решетки железные и приставили крепость великую. Потомъ велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской призыва-
15. етъ слугу своего вернаго, по имени зовуть Илью Муромца, проведать о побоище Михайла сына Даниловича: „коли онъ побилъ силу рать великую, то я ево ис тюрмы вонъ выпущу“. Тогда Илья Муромецъ скоро метался и сядился на свой доброй конь и поехалъ в чистое поле на
20. шеломъ и на бакановъ. И ездилъ Илья Муромецъ двенатцать дней и не могъ онъ объехать трупъ татарскаго; и потомъ изъехалъ трупъ татарской—где пригоръ, тутъ по щеку коню крови, а где привражие, тутъ ²⁾ по колени коню крови, а где прибрегъ тутъ по чрево коню крови. По-
25. томъ Илья Муромецъ возвратился к столному граду Киеву к великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому; и какъ будетъ Илья Муромецъ среди двора государева и ставить своего коня бес привези, а самъ бѣжитъ скоро в бѣлокаменные полаты и молитца честнымъ образомъ и бьетъ
30. челомъ великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому о сыру землю. Что взговоритъ Илья Муромецъ: „гой еси велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской, живу я у тебя тритцать три года, а побоища такого не побивывалъ, что грозно побилъ побоище младъ Михаило сынъ Да-
35. ниловичъ. А трупъ татарскаго—где пригоръ, тутъ по щеку коню крови, а где привражие, тутъ по колени коню крови,

¹⁾ Въ рукоп. *сыну*.

²⁾ Слово *туть* въ рукоп. повторено.

- а где прибрегъ, тутъ по чрево коню крови“. Тогда велики князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской в тотъ часъ велелъ изъ ямы выпнуть Михайлу сына Даниловича. И в то время вынули его изъ ямы глубокия и привели ево предъ
5. великого князя Владимира Всеславъевича киевского. Что взговорить велики князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской Михайле сыну Даниловичю: „Буди ты отъ меня пожалованъ; злата казна про тебя не запечатана, драгоценное платье про тебя не изношено, добрыя кони стоять не об(ъ)-езжаны“.—Тогда сталъ говорить младъ Михайла сынъ Даниловичъ: „Государь мой великій князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской! Много твоего государскаго жалованья; пожалуй, государь, отпусти ты меня къ батюшке моему Даниле Ивановичю в монастырь постритца; а у тебя, государя
  15. моего, в великомъ столномъ граде Киеве лихи оговорщики: не велятъ тебѣ, великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому, служить верою и правдою и вочью неизменою“. Потомъ велики князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской отпустилъ млада Михайлу сына Даниловича двенатцати летъ
  20. к отцу его Даниле Ивановичю в монастырь для пострижения в монашески чинъ. Тогда младъ Михайла сынъ Даниловичъ великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому поклонился и чюднымъ образомъ помолился и поехалъ к отцу своему Даниле Ивановичю в монастырь. И приехавши
  25. в тотъ монастырь, постригся в монашески чинъ, и сталъ в томъ монастыре жить в великой славе и чести до смерти своей. Темъ сия исторія конецъ восприяла.

Гисторія о киевскомъ богатрѣ Михайлѣ сынѣ Даниловичѣ занимаетъ небольшую тетрадку въ 10 листовъ (въ 4-гу) письма начала XVIII в., пожертвованную Румянцовскому Музею покойнымъ преосвященнымъ Амеллохіемъ въ 1867 году. На обложкѣ въ рамкѣ заглавіе, которое затѣмъ повторено на верху 1-го листа. Въ первый разъ „Гисторія“ была напечатана по неполно исправной копіи алад. А. Н. Веселовскимъ (Южно-русскія былинны I стр. 20—27).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Къ Повѣсти о силнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловѣ Разбойникѣ (стр. 1—4).

Предлагаемая «Повѣсть» была впервые издана въ 1891 году академикомъ Л. Н. Майковымъ, въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ» II, стр. 29—32. Сборникъ, содержащій «Повѣсть», поступилъ въ Императорскую Публичную Библиотеку въ 1890 году. Писанъ во второй половинѣ XVIII в. Приводимъ слѣдующее описаніе состава этого сборника, сдѣланное Л. Н. Майковымъ:

«Составъ этой рукописи, писанной въ 4-ку на 12-ти листахъ, слѣдующій: 1) Лл. 1—3 об. Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ; 2) Лл. 4—7. Выписка изъ путешествія Трифона Коробейникова въ Святую землю: о Святомъ Градѣ, о темницѣ Іоанна Предтечи, о преніи патріарха съ жидаминомъ, о трехъ церквахъ; 3) Лл. 7—10 об. Слово о видѣніи царя Мамера (во второй, позднѣйшей редакціи); 4) Л. 10 об. 14-я притча Езона; 5) Лл. 11—12. Повѣсть о царѣ Михаилѣ; на оборотѣ послѣдняго 12-го листа нѣсколько разъ выставленъ 1783 годъ и помѣщена слѣдующая записка: «Сія книга Краснохолмскаго уезда Устюжскаго завазу села дымцова діаконъ Ісидоръ Семеновъ 1783 годъ генваря дня 22-го запис... в жулнехъ спавить» (?), и далѣе: «пера ѿведать каковы чернила 1783». Такъ какъ эти слова и даты приписаны не тѣмъ почеркомъ, какимъ написана самая тетрадка, то составленіе сей послѣдней должно приурочить ранѣе 1783 г. Хотя всѣ статьи сборника писаны одною рукою, однако значительно различаются между собою по правописанію: въ двухъ послѣднихъ статьяхъ вовсе не употреблены титла, во второй и третьей они употребляются, и притомъ правильно,—въ первой же статьѣ господствуетъ безграмотность: во многихъ словахъ совсѣмъ пропущены буквы, которыя слѣдовало взять наверхъ, а означеніе титлъ и соответствующихъ имъ сокращеній неправильно, какъ, напримѣръ: гдѣ или гдарь (государь), взгово^о (взговорить) и т. п. Это доказываетъ, что составитель сборника вписывалъ въ него подобранныя имъ статьи буквально съ тѣхъ оригиналовъ, какіе были у него подъ руками, а слѣдовательно и для «Повѣсти» объ Ильѣ имѣлъ подлинникъ болѣе старый; подлинникъ этотъ несомнѣнно былъ съ титлами и вынесенными наверхъ буквами—быть можетъ, XVIII вѣка, но писецъ плохо разбиралъ его, а потому копировалъ иногда бессмысленно, какъ, напримѣръ: *подмался* виѣсто: под Ыльемъ, *сжимъ* виѣсто: с

Биева, *вокоше чмаку* вмѣсто: в окончину. Въ текстѣ «Повѣсти», который, какъ и все прочія статьи Библиотечнаго сборника, писанъ блѣдными чернилами, какой-то позднѣйшій, но тоже старинный читатель сдѣлалъ нѣсколько подправокъ чернилами болѣе темными» (стр. 2—3).

II.

Изъ былинамъ изъ рукописей Ѳ. И. Буслаева, И. Е. Забѣлина и Н. С. Тихонравова.

Пять былинь по рукописямъ XVIII вѣка.

статья Н. С. Тихонравова ¹⁾.

Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсень относятся,—поскольку до сихъ поръ извѣстно,—къ первой четверти XVII вѣка. Въ 1619 году записано было въ Москвѣ для бакалавра Ричарда Джемса, прибывшаго сюда съ англійскимъ посольствомъ ²⁾, шесть пѣсень: пять изъ нихъ имѣютъ предметомъ историческія событія, одна «весновую службу» ³⁾. Тексты этихъ пѣсень записаны *со словъ* ⁴⁾ по заказу любознательнаго бакалавра, который желалъ познакомиться съ русскимъ народнымъ языкомъ. Въ этомъ небольшомъ сборникѣ, повидимому, двѣ пѣсни (первая и шестая) написаны были *въ сплошную строку*, остальные—съ раздѣленіемъ на стихи ⁵⁾. Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ *для литературнаго чтенія*. Такъ, въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, помѣщено «Сказаніе о кievскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь» ⁶⁾. Это «Сказаніе» помѣщено въ сбор-

¹⁾ Покойный Н. С. Тихонравовъ выражалъ намъ желаніе перепечатать съ *нѣкоторыми измѣненіями* въ приложеніи къ нашему сборнику былинь свою статью „Пять былинь по рукописямъ XVIII вѣка“, помѣщенную имъ въ 1891 году въ VIII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“. Исполняя желаніе покойнаго, воспроизводимъ здѣсь *безъ измѣненій* это изслѣдованіе, содержащее рядъ интересныхъ свѣдѣній о записяхъ былинь, дошедшихъ до насъ отъ XVII и XVIII столѣтій.

²⁾ Посольство, въ свѣтъ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пребыло въ Москвѣ съ 19-го января по 20-е августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

³⁾ Эти пѣсни напечатаны сначала въ „Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Второго отдѣленія Академіи Наукъ“ (т. I, стр. 5—10), потомъ перепечатаны въ „Памятникахъ великорусскаго нарѣчія“ (стр. 1—8).

⁴⁾ Пѣсня о въездѣ патриарха Филарета въ Москву *съ іюня 1619 года* записана къ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія*. Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи*.

⁵⁾ Къ этому заключенію приводитъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсень, въ которомъ первая и шестая пѣсня напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

⁶⁾ Сказаніе напечатано въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ: „Богатырское слово“.

ницѣ г. Барсова между широко распространеннымъ въ допетровскомъ (а впоследствии въ *народномъ*) чтеніи «Хожденіемъ Трифона Коробейникова въ Святую Землю» и «Словомъ о Дмитреѣ купецѣ (Басаргѣ) и о мудрыхъ словесахъ сына его Борзомысла»¹⁾. Въ глазахъ составителя сборника или писца былины о кievскихъ богатыряхъ была уже не *пѣсню*, а *сказаніемъ*, т. е. повѣстью въ родѣ «Слова о Дмитріи Басаргѣ» и подобныхъ ему «словъ» и «сказаній» письменной литературы, обращавшихся въ допетровской Россіи. Текстъ «Сказанія о кievскихъ богатыряхъ» въ сборникѣ Барсова написанъ *въ сплошную строку*; стихъ большею частію разрушенъ; въ одномъ мѣстѣ случайно, по ошибкѣ, пропущено нѣсколько строкъ²⁾, но намѣренныхъ поправокъ и измѣненій со стороны писца, приноровленія текста къ литературному изложенію письменныхъ повѣстей XVII вѣка—не замѣтно. Несмотря на пострадавшую отъ времени виѣшнюю форму, «Сказаніе», внесенное въ рукопись Барсова, донесло къ намъ въ большей чистотѣ старое содержаніе былины, чѣмъ пѣсни, записанныя *изъ устъ народа* въ позднѣйшее время³⁾.

Намъ неизвѣстно пока другихъ рукописей XVII вѣка, въ которыхъ находились бы записи народныхъ пѣсней⁴⁾. [*Эти слова были написаны раньше*

¹⁾ Сборникъ отдѣл. рус. языка и словесности, т. XXVIII, стр. 1—3.

²⁾ Ср. А. Н. Веселовскаго, *Южно-русскія былины* въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ», XXXVI, 357.

³⁾ А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что «Сказаніе о семи богатыряхъ» сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами (Ibid. 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Э. Миллера (который зналъ «Сказаніе» по другому, позднѣйшему списку), будто «въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только замѣтно *коренное измѣненіе* въ подробностяхъ (напримѣръ,—холопство богатырей), но и, такъ сказать, *вертелъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былины про Идолице въ Цареградѣ». Редакція былины въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ «книжною передѣлкою XVII столѣтія» (Илья Муромецъ и богатырство кievское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень мало придаетъ значенія записямъ былины въ рук. XVII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣе и напечатаннымъ въ «Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ» и въ сборникахъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильбердинга. (Ср. стр. VII, 32).

⁴⁾ Къ XVII вѣку относятъ П. А. Безсоновъ записъ пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Балайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ «Пѣсенъ» Кирѣевскаго (стр. 62—66). «Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: «въ 196 году въ 7-и тысяче», то есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, неоправленная рукопись старше 1688 года и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности близка, періоду Самозванцевъ». Нельзя допустить, чтобы записъ: «въ 196 году въ 7-и тысяче» указывала на время пересмотра, т. е. исправленій и дополненій *ранѣе записанной пѣсни*: 196-й годъ седьмой тысячи означаетъ 6196=688-й годъ, а не 1688-й годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить «послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая текстъ пѣсни». Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, какъ *одинъ изъ вариантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не

изданія Л. Н. Майковскыя Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в. В. М.] Можно, однако, думать, что уже въ XVII в. эти пѣсни записывались нерѣдко: на это указываютъ «Сказанія о богатыряхъ», встрѣчающіяся въ рукописяхъ слѣдующаго столѣтія и носящія на себѣ явные слѣды копированія съ болѣе древнихъ *рукописныхъ* текстовъ.

Въ XVII вѣкѣ начали *сбирать* и записывать и «пословицы всенароднѣйшія» ¹⁾. Былина, подъ перомъ писца, полагавшаго ихъ на бумагу, получила названіе «сказанія» и такимъ образомъ представляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими «сказаніями», «словами» и «повѣстями». Пословицы, или «мірскія притчи», отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей, — въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ «Пчелъ», — и даже съ «словами божественныхъ писаній». Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: «Словца избраны отъ Мудрости Иуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона» ²⁾.

Рукописная литература XVIII вѣка, продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы.

Въ первой четверти XVIII вѣка относится драгоценный сборникъ произведеній древне-русской литературы и народной словесности, принадлежащій Ѳ. И. Буслаеву ³⁾. Сборникъ состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей; въ каждой помѣщено по одному произведенію ⁴⁾. Эти тетрадки соединены были въ одинъ переплетъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже утрачены были отдѣльные листы (большую частію начальные или конечные). Такъ, въ первой тетрадѣ недостаетъ 26 начальныхъ листовъ. Кромѣ того, утрачены л. 85—88, л. 122-й, л. 259-й (въ срединѣ «Сказанія о Акирѣ премудромъ»), л. 325-й (начало былинны о Ставрѣ), л. 371-й (конецъ пѣсни: «Чаша моря соловецкаго»). Тетрадки отданы были въ переплетъ *помяту*, какъ переиѣчены были по листамъ (по старинному — буквами, а не цифрами) рукою писавшаго и, кажется, перваго

только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопнѣ: «Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году, Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячь» (Древнія російскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихѣ про Егорія: «Въ седьмомъ году въ осьмой тысячь, Назвала цариче Кудрянице». (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

¹⁾ «Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту» внесены въ скопированный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословицъ по этому списку напечатанъ въ известной монографіи Ѳ. И. Буслаева: «Русскія пословицы и поговорки» (въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній», Калачова, тома II половина 2-я, стр. 1—168).

²⁾ Строевъ, рукописи славянскія и російскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

³⁾ Костомаровъ неправо относитъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

⁴⁾ На оборотѣ 368 листа читается: «Конецъ тетърати сей», на листѣ 375-мъ «Конецъ сей тетрати свершися, Амнь».

владѣльца оныхъ. При переплетѣ порядокъ тетрадей былъ спутанъ, и потому листы 283—401 приплетены въ самомъ концѣ рукописи, послѣ листовъ, помѣченныхъ: 370 и т. д. Вообще послѣ л. 349-го порядокъ страницъ спутанъ переплетчикомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ сохранились записи владѣльцевъ, къ коимъ рукопись, съ теченіемъ времени, переходила. На оборотѣ л. 113-го записано тѣмъ же почеркомъ, какимъ написанъ весь сборникъ: «Сид тетратъ Никиты Андрѣева сѣна (сына) Кора...». Это—запись составителя и перваго владѣльца сборника. Позднѣйшія записи читаются на об. л. 159, на л. 194, на об. л. 386, на об. л. 390. Приводимъ двѣ послѣднія, указывающія на сословіе читателей прошлаго вѣка, интересовавшихся статьями сборника. На оборотѣ 386 листа записано: «Сия книга дому гѣдна ¹⁾ лейбъ гвардіи прапорщика александръ ильича желабужскаго служитѣля ево ивана тимофеева сѣна быкова ²⁾. На обор. 390 листа позднѣйшая записъ: «Сия книга гѣдрьственной во²чино² коллегіи капелста петра иванова сѣна степанова». Въ объемистомъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаяна совмѣщены важнѣйшія произведенія литературы XVII вѣка, вошедшія въ «народныя книги», въ область народнаго чтенія XVIII вѣка. Изъ памятниконъ *древне-русской* литературы отиѣтимъ: 1) Слово о иконѣ пресвятыя Богородицы, како приде из верскаго (Иверскаго) царства во святую гору по воздуху»; 2) «Чудо пречистыя владычицы нашея Богородицы о женѣ бѣсноватѣи Соломонѣ ³⁾; 3) «Сказаніе о ризѣ господа нашего Іисуса Христа», 4) «Сказаніе о святѣмъ Іоанне Богословѣ, како научи человекъ писати іконы ⁴⁾; 5) «Ис книги Пролога—мѣсца генваря въ .д. день, Слово, еже не осудити никогоже, дондеже господь избавитъ и о долготерпѣніи божіи»; 6) Притѣча о нѣкоемъ дворецкомъ і селянинѣ ⁵⁾; 7) «Повѣсть о Дмитрии купцѣ і о премудромъ словесы сына ево» (Басарга); 8) «Сказаніе о Аквире премудромъ і о премудрости ево», 9) «Како баба диявола обманула ⁶⁾; 10) «Повѣсть града Вавилона ⁷⁾ 10) Слово святаго мученика Егорія о зми і о девицѣ ⁸⁾; 11) «Слово о бражнике, како вниде въ рай». Не перечисляя другихъ статей сборника отиѣтимъ апокрифы: *Іерусалимскій свитокъ, Сказаніе о потоцѣ и о Ноевомъ ковчегѣ, О царѣ Соломонѣ*. Рядомъ съ этими произведеніями помѣщены три былинныя и нѣсколько популярныхъ въ лубочной литературѣ текстовъ. Къ числу послѣднихъ

¹⁾ Маленькими буквами обозначаемъ надстрочными, находящіися въ рукописи подъ титлами или прямо надъ строкой.

²⁾ На об. л. 159 записъ, изъ которой видно, что сборникъ перешелъ потомъ въ собственность сына И. Т. Быкова—Алексея.

³⁾ Ср. Костомарова, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

⁴⁾ Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

⁵⁾ Ср. А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

⁶⁾ Изъ польскихъ сказкѣй.

⁷⁾ Сказаніе это оканчивается смертью царя Навуходносора.

⁸⁾ Ср. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 51.

относятся: 1) «Слово о пиянствѣ»¹⁾; 2) Списокъ суднаго дѣла, какъ тягася лець съ ершемъ о ростовскомъ озере и о ренахъ»; 3) «Повѣсть сказуемаго ерша ершова сына щетинникова і ябедника»; 4) Повѣсть о курѣ і о прекрасной лисицѣ²⁾; 5) «Роспись о приданомъ»³⁾; 6) «Повесть о Ереме с Ѡмомъ»⁴⁾; 7) «Колязинская челобитная» (безъ начала и конца)⁵⁾; 8) «Суть Шемякинъ, выписано іс книги із жартъ полскихъ»⁶⁾. Сравнивая тексты этихъ семи произведеній, вписанные въ сборникъ Ѡ. И. Буслаева, съ текстомъ ихъ лубочныхъ изданій, видимъ, что первые представляютъ древнѣйшую, болѣе пространную редакцію, вторые—сокращенную передѣлку позднѣйшаго книжника, смгчавшаго наивную грубость первоначальныхъ текстовъ и измѣнявшаго самую форму изложенія. Ровинскій указалъ, что «текстъ картинки» *Ерема Ѡома и Парамошка* «записанъ съ большими сокращеніями изъ повѣсти, находящейся въ въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка Императорской Публичной Библіотеки»⁷⁾. Текстъ *повѣсти о Еремѣ и Ѡомѣ*, въ сборникѣ Ѡ. И. Буслаева, по объему и изложенію гораздо ближе къ изданному Ровинскимъ тексту рукописи Публичной Библіотеки⁸⁾, нежели къ лубочному. «Списокъ суднаго дѣла, какъ тягася лець съ ершомъ о ростовскомъ озерѣ» и «Повѣсть сказуемаго ерша ершова», при обработкѣ для лубочнаго изданія, до такой степени были *сокращены*, что какъ бы слились въ одно цѣлое и помѣстились на одной лубочной картинкѣ⁹⁾.

Въ описываемомъ сборникѣ Буслаева помѣщены слѣдующія три былины: 1) «Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ» (л. 311—323 об.); 2) Сказаніе о Ставрѣ, безъ начала (л. 326—337¹⁰⁾) и 3) «Повѣсть о Ильѣ Муромце и о Соловѣе Разбойникѣ» (л. 291—296). Каждая былина записана въ особой тетради; «Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ», по ошибкѣ переплетчика, спутавшаго порядокъ перемѣченныхъ тетрадокъ, помѣщена *сзади* сказаній «о семи богатыряхъ» и о Ставрѣ. При перепискѣ въ отдѣльныя тетрадки сборника былины не подвергались поправкамъ или передѣлкамъ переписчика. Былина о Ставрѣ

1) Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ „Очеркахъ русской народной словесности“, I, 570. Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинны, I, 319—320.

2) Ровинскій, I, 272.

3) Тамъ же, I, 367—371.

4) Тамъ же, I, 436.

5) Тамъ же, I, 405.

6) Тамъ же I, 189.

7) Ровинскій, Русскія народныя картинны, IV, 295.

8) Тамъ же, 295—299.

9) Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ сокращеніяхъ нерѣдко стирается мѣстный колоритъ и опускаются собственныя имена. Напр. въ сборникѣ Буслаева „Списокъ суднаго дѣла“ начинается такъ: „Господамъ моимъ новгородскимъ судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ кормовой сыннишко боярской лецишко съ товарищи...“ Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ „Списка суднаго дѣла“ и въ лубочныхъ изданіяхъ нѣтъ „новгородскихъ судей“. Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

10) Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т. е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16-ю долю листа.

списана, повидимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ¹⁾. Въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ, сохранился эпическій стиль. Напр., три раза, безъ всякихъ измѣненій, повторяются слѣдующіе стихи:

«Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался;
Государь велики князь Владимиръ раскручинился:
Велѣлъ его посадить въ глубоки погребъ,
(Въ глубоки погребъ)²⁾ сорока сажень,
И засыпать песками желтыми,
И закрыть доскою желѣзною».

Хотя стихъ кое-гдѣ разрушенъ, но сказаніе представляется въ болѣе древнемъ, простомъ видѣ, чѣмъ въ былинахъ, записанныхъ позднѣе: въ нихъ оно осложнено скоморошескими вариациями.

Значеніе текста былинны «О семи русскихъ богатыряхъ»³⁾, представляющей вариантъ къ «Богатырскому слову» рукописи Барсова, указано А. Н. Веселовскимъ⁴⁾. Запись третьей былинны сборника Ѳ. И. Буслаева: «Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ» указываетъ на болѣе старыи *рукописный* оригиналъ; нѣкоторыхъ словъ писецъ, очевидно, не умѣлъ въ немъ понять. Такъ, онъ не разобралъ надстрочной буквы *ж* и написалъ: «себе», «себѣ» — вмѣсто: «Себежѣ» (городъ); неразбранное имя писецъ старался осмыслить по своему разумѣнію, и вмѣсто: «Себежскова» или «Сибезскова», писалъ: «Сибирскова».

Изъ описаннаго сборника Ѳ. И. Буслаева заимствованы напечатанные выше тексты трехъ былинъ: О Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ (№ 3, стр. 7—9), сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ (стр. 47—53) и о Ставрѣ Гаденовичѣ (стр. 54—58).

Въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго, № 663 (нынѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ) помѣщена «*Повѣсть* о славномъ могучемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ». Этотъ сборникъ состоитъ изъ двухъ рукописей, писанныхъ различными почерками и въ разное время и впоследствии соединенныхъ въ одинъ переплетъ. Болѣе древняя рукопись занимаетъ вторую часть сборника и начинается съ 59-го листа нынѣшней нумераціи сборника; съ боку этого листа приписано: «¹⁷/₃₀ году». Эта помѣта опредѣ-

1) Такъ, Василиса ѣдетъ „ис тоѣ земли изъ Галацкыиа отъ короля *посолюкова*“, вм. польскова. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767, 768 и др.), Василиса прѣзжаетъ „изъ земли Ляховецкыиа“. Слово „Галацкыиа“ рукописи, вѣроятно, описка, вмѣсто: „Галицкыиа“, а можетъ быть вм.: „Галанскыиа“; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Гленскыиа“ (I, 243).

2) Заключеннаго въ скобки нѣтъ въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ, — новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

3) Эта былина издана *очень неистранно* въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, I, 311—318.

4) Сборникъ Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

ляет время написанія той части сборника, въ которую вписана «*Повѣсть*» объ Ильѣ Муромцѣ. Въ сожалѣнію, отъ этой повѣсти сохранились только начало и конецъ. Приводимъ буквально сохранившіяся строки. Начало: «Въ славномъ граде Муроме слушалъ Ильа Муромецъ воскресную заутреню; походы держалъ к славному граду Блєву ко князю Владимиру киевскому всеславевичю, а завѣтъ держалъ на свою востру саблю і на свои...» Конецъ: «...службу, да послужи ты мне вѣроу и правдоу, покажи свою силу богатырскую. Тежъ люди миновалися, а слава ихъ до скончання вѣка. Аминь». Уцѣлѣвшія строки «Повѣсти» позволяютъ думать, что текстъ ея записанъ былъ довольно вѣрно сравнительно съ народнымъ пересказомъ и не подвергся поправкамъ книжника. Своимъ составомъ послѣдняя часть сборника Ундольскаго напоминаетъ составъ Барсовскаго сборника, въ которомъ помѣщено «Сказаніе о кѣвскихъ богатыряхъ». На листахъ 59—61 об. новой нумераціи (по старой 117—119) помѣщена «*Повѣсть* о царѣ Агѣе, како пострада гордости ради за евангельское слово»; на л. 62—64 об. (по стар. нумераціи л. 120—122 об.) статья, озаглавленная: «О велицѣмъ граде Иерусалиме сказаніе, идеже гробъ господень предстоитъ и о пространстве соборныя церкви Святая Святыхъ»; на листахъ 65—74 (по ст. номер. 123—132)—«*Повѣсть* о крестномъ сыне, како Христосъ крестилъ младенца»¹⁾; наконецъ, на л. 75—81 об. (л. 133—139) написана «*Повѣсть* о Дмитріи купце (Басаргѣ) и о сынѣ его седми лѣтъ мудрыхъ отвѣтовъ» (sic!). Разсказъ о Дмитріи Басаргѣ, озаглавленный въ другихъ рукописяхъ «словомъ» или «сказаніемъ»²⁾, названъ здѣсь «Повѣстью»; такое на именованіе получила и былина объ Ильѣ Муромцѣ, и даже легенда о крестномъ сынѣ. Уцѣлѣвшій въ сборникѣ Ундольскаго отрывокъ «Повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ относится къ той версіи былинъ о первой поѣздкѣ Ильи, которая находится въ описанномъ сборникѣ Ө. И. Буслаява и другихъ рукописяхъ XVIII в. Въ тетрадь второй половины XVIII вѣка,³⁾ принадлежащей И. Е. Забѣлину (№ 71), она уже носитъ не старое русское названіе: «слова», «сказанія», «повѣсти», а окрещена иностраннымъ словомъ: «*Гисторія*», т. е. тѣмъ терминомъ, которымъ обыкновенно означались во второй половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти⁴⁾. По этому списку И. Е. Забѣлина «Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ - Разбойникѣ» напечатана Аванасьевымъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ (изд. 3-е, вып.

1) Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ „Народныхъ русскихъ легендахъ“ А в а н а с ѣ е в а, стр. 99—104.

2) Ср. „Памятники старинной русской литературы“, изд. Костомаровымъ, II, 347, 352; Пы п и н а, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

3) Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. Пы п и н а, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностью; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

4) Ср. Пы п и н а, „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, стр. 284—289, и его же: „Для любителей книжной старины“, стр. III, V, 4, 5 и др.

1, стр. 77—80, затѣмъ переиздана акад. Л. Н. Майковымъ въ 1891 году въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русск. литературѣ» (III, стр. 32—34) и снова издается въ нашемъ сборникѣ (см. выше стр. 4—7). Въ среднѣй рукописи пропускъ. Текстъ начинается такъ: «Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву ко славному князю Владимиру Сеславьевичу, а *завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли изъ ножъ не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать*» ¹⁾. Такое начало ближе всего подходитъ къ вышеприведенному отрывку, сохранившемуся въ сборникѣ Ундольскаго № 663; въ «повѣсти» Буслаевскаго сборника начальныя строки представляютъ старыя текстъ въ *испорченномъ* видѣ; въ другомъ текстѣ XVIII вѣка о «завѣтѣ» Ильи Муромца совсѣмъ не упоминается. Въ описываемой тетради И. Е. Забѣлина «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ» оканчивается слѣдующими словами: «И князь Владимиръ сталъ веселъ и говорить ему: *послужи ты мнѣ, Илья Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую*» ²⁾. Послѣднія выраженія *буквально* повторяются въ отрывкѣ Ундольскаго; въ текстѣ сборника Буслаева ихъ нѣтъ; но вмѣсто нихъ стоитъ эпическая формула: «тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, і погребы не замкнуты». Позвоительно заключить, что одна и та же версія былины вносилась въ рукописи XVIII вѣка съ записей или пересказовъ, несогласныхъ между собою во всѣхъ подробностяхъ содержанія и различныхъ по изложенію, по степени сохранности эпическаго стиля.

Въ другой рукописи И. Е. Забѣлина, № 82, относимой владѣльцемъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, находятся: 1) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, и 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ» (см. 1-е въ нашемъ изданіи стр. 11—24) ³⁾. Въ первомъ сказаніи утрачены начальныя листы; въ настоящемъ своемъ видѣ рукопись начинается такъ: «взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговскій подъ лѣвую». Въ этомъ сказаніи о первой поѣздкѣ Ильи Муромца, богатырь освобождаетъ отъ враговъ не Себежъ, а Черниговъ. Второе «сказаніе» (о трехъ богатыряхъ), повидимому, сходно съ напечатаннымъ выше по двумъ спискамъ (№ 2 и 3, стр. 32—46) «сказаніемъ о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кievскихъ и о походе ихъ». Записываніе народныхъ пословицъ и составленіе изъ нихъ особыхъ сборниковъ продолжалось въ XVIII вѣкѣ. Въ *рукописяхъ* этого столѣтія пословицы сохраняютъ свой *исконный видъ*; только при печатаніи подвергаются онѣ болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ. Къ 1749 году относится рукопись, озагла-

¹⁾ „Народныя русскія сказки“ Аеанасьева, вып. I, стр. 77—78.

²⁾ Аеанасьевъ, „Народныя русскія сказки“, I, 80.

³⁾ Д. А. Ровинскій относитъ этотъ „замѣчательный списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ“ къ „началу прошедшаго столѣтія“ и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно подовленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его „Русскихъ народныхъ сказкахъ“ (Спб. 1841), стр. 66. См. Русскія народныя картинки, IV, 2—3.

ленная: «Россійскія пословицы, собранныя по алфавиту въ Москвѣ 1749». Изъ позднѣйшей рукописки видно, что этотъ сборникъ *писанъ рукою Александра Даниловича Янкова*. По словамъ Ѳ. И. Буслаева, рукопись эта «содержитъ въ себѣ многія весьма древнія пословицы, не уступающія стариною» тѣмъ, которыя внесены въ сборникъ XVIII в. Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ ¹⁾. Можетъ быть, Янковъ не самъ составилъ этотъ сборникъ пословицъ, а списалъ его съ болѣе древняго оригинала: многія пословицы въ этой рукописки «въ большей чистотѣ сохранили русскую рѣчь», чѣмъ напечатанныя впоследствии въ извѣстномъ изданіи Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи» ²⁾. Какъ бы то ни было, достойно вниманія то обстоятельство, что перепискою «русскихъ пословицъ» занимался *въ Москвѣ*, въ 1749 г., человекъ по тогдашнему времени образованный, знавшій французскій языкъ. Въ нашемъ собраніи рукописей находится рукопись (№ 325), принадлежавшая библіотекѣ того же Янкова и значившаяся въ ней подъ № 86. Рукопись заключаетъ въ себѣ «Авантюры Аристоноусовы», — нравоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. На оборотѣ заглавнаго листа тѣми же чернилами и почеркомъ, какими написана вся рукопись, приписано: «A: de Уапсовъ». На заглавномъ листѣ *позднѣйшая притиска*: «Авантюры Аристоноусовы (sic!). *Писаны рукою Александра Даниловича Янкова*» ³⁾. Образованный русскій москвичъ, половины прошлаго вѣка, сохраняя, очевидно, живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственною рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго гасторію ⁴⁾.

Быть помѣщикомъ XVIII вѣка, особенно провинціальныхъ, поддерживалъ въ этомъ привилегированномъ сословіи сочувствіе народной старинѣ и поэзіи. Митрофанушка «Недоросля» «еще съязмала былъ къ исторіямъ охотникъ» и «заставлялъ себѣ рассказывать исторіи скотницу Хавронью»; «въ иной исторіи залеталъ за тридцать земель, за тридцато царство». Скотининъ «безъ того глазъ не сводилъ, чтобъ выборный не рассказывалъ ему исторій». Самъ авторъ «Недоросля» слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ дмитріевской деревни Фомвизинныхъ мужикъ Ѳеодоръ Суратовъ. Татищевъ (+ 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владиміра и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ (о дворѣ Путятинѣ) помѣстилъ въ одномъ изъ примѣчаній къ Іоакимовской лѣтописи ⁵⁾. Обширный сборникъ народныхъ пѣсенъ, составленный въ XVIII вѣкѣ, связанъ съ именемъ одного изъ Демидовыхъ, — того, который любилъ щеголять патриархальными пріемами стараго русскаго быта. 22-го сентября 1768 года Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ писалъ «россійскому исторіографу»

¹⁾ Ср. монографію Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки“, въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачева, II, 2, стр. 67.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Ср. также Пыпина, „Дополненіе къ бібліографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка“ въ „Сборникѣ Общества любит. рос. словесности“ на 1891 г., стр. 542—543.

⁴⁾ Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ — съ англійскаго. („Роспись“ Смирдина, № 9268).

⁵⁾ Татищевъ, „Россійская исторія“, часть I, кн. 1, стр. 50.

Г. Ф. Миллеру: «Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ людей*, которые прошедшую *исторію* поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высокородію посылаю». Печатавъ это письмо (по подлиннику, сохранившемуся въ портфеляхъ Миллера), профессоръ Шевыревъ справедливо замѣтилъ: «Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киришѣ Данилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ сибирскихъ людей для Прокофія Акинѣевича Демидова ¹⁾. Приведенное письмо опредѣляетъ приблизительно время и мѣсто записи народныхъ пѣсень, вошедшихъ въ составъ «Древнихъ російскихъ стихотвореній» ²⁾. Самая былина, посланная Демидовымъ Миллеру при этомъ письмѣ и напечатанная въ послѣдствіи въ «Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ» (стр. 326—336) подъ заглавіемъ: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское», написана была *безъ раздѣленія на стихи*, въ сплошную строку ³⁾. По словамъ К. Ф. Калайдовича, «оригиналъ «Древнихъ Русскихъ стихотвореній» писанъ *новымъ почеркомъ*, безъ орфографіи и *безъ раздѣленія стиховъ*» ⁴⁾. Время составленія сборника Калайдовичъ опредѣляетъ лишь приблизительно, говоря: «За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ русской словесности мы обязаны покойному г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Прокофію Акинѣевичу Демидову, для когото они предъ симъ *тѣмъ за 70 были списаны*» ⁵⁾. Высказывая предположеніе, что пѣсни для Демидова были *списаны* съ готоваго оригинала (а не записаны *со словъ*), Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, «что собиратель «Древнихъ стихотвореній» долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка» ⁶⁾. Это предположеніе издатель основываетъ на пѣснѣ: «Свѣтель, радошень царь Алексѣй Михайловичъ» и еще болѣе на «повѣсти о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ, въ которой сей начальникъ Донскаго войска съ казаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ государю Петру I просьбу на сіе притѣсненіе» ⁷⁾. Сборникъ древнихъ російскихъ стихо-

1) „Москвитянинъ“ 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

2) Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель („Древнихъ російскихъ стихотвореній“) былъ П. А. Демидовъ, жившій въ Тулѣ въ половинѣ XVIII столѣтія“ и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки“. Отъ этихъ *тульскихъ пѣсельниковъ*, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ російскихъ стихотвореній“. Ср. „Сказанія русскаго народа“, изд. 3-е, I, 30.

3) „Москвитянинъ“ 1854 г., № 1 и 2, стр. 10.

4) „Древнія російскія стихотворенія“, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

5) Тамъ же, стр. I.

6) Тамъ же, стр. VIII—IX.

7) Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киришу Данилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кириша Даниловъ, жилъ, конечно, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣзжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разливѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п.“ (Приложеніе къ седьмому выпуску

твореній, несомнѣнно, составленъ былъ по заказу Демидова въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и пѣсни, вошедшія въ его составъ, были *записаны съ голоса сибирскихъ людей*, а не переписаны съ готоваго рукописнаго оригинала. Демидовъ положительно свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру.

Въ 1769 году Кургановъ вноситъ четыре народныя пѣсни въ учебное руководство по русскому языку, изданное имъ подъ заглавіемъ: «Россійская универсальная грамматика, или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ семью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей». Двѣ историческія пѣсни напечатаны здѣсь *въ сплошную строку*; но начала отдѣльныхъ стиховъ отмѣчаются во второй пѣснѣ прописною буквою: по видимому Кургановъ напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ какой-нибудь рукописи¹⁾. Въ «Универсальной грамматикѣ» народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ *Разныхъ стиходѣйствъ* — среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ «кантъ» и «невокальскихъ» стиховъ. Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) «Краткія замысловатыя повѣсти» (въ родѣ польскихъ «ацецій»), 2) «Древнія апоеги» (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 году), и наконецъ, 3) «Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ». Последнія, какъ и пѣсни, напечатаны безъ подпорокъ и передѣлокъ, которыми онѣ нерѣдко подвергались впоследствии со стороны писателей, принадлежавшихъ къ ложно-классической школѣ, или признававшихъ литературный авторитетъ Сумарокова (напр., въ изданіяхъ Богдановича и Михайлы Попова). «Универсальная грамматика» впоследствии была значительно расширена въ объемѣ и, подъ именемъ «Письмовника», заняла почетное мѣсто въ нашей «мѣщанской» литературѣ; этимъ книга Курганова обязана, конечно, и тому, что приняла въ свой составъ «апоеги» и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ въ литературѣ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ и пословицамъ, въ нее внесеннымъ. Нѣкоторыя отдѣльныя

„Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣвскимъ“, стр. 78). Осторожнѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленія имъ сборника пѣсенъ Вольперъ, говоря „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirsa Danilov, der in den Demidew'schen Eisenbergwerken im Gouvernement Perm beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (Wollner, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen“, р. 2). Вольнеръ слѣдуетъ здѣсь О. Θ. Миллеру (Илья Муромецъ, стр. V).

1) Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ большой бояринъ“, стр. 306) перепечатана была въ пѣсенникахъ Чулкова, Новикова и въ пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣвскимъ, вып. 8-й, стр. 132—135.

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте; Что мы стары старики будемъ сказывать: 2. Про грозна Царя Ивана про Васильевича. Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣчку бочки съ порохомъ каталъ: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу пожимаютъ: И всяко грубиянство оказываютъ: Онъ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывъ такъ долго медлился: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкопщиковъ и зажигальщиковъ: Но (яно?) всѣ тутъ Пушкари при-

статьи «Универсальной грамматики» перенесли на лубочныя картинки, подобно многимъ рукописнымъ текстамъ XVII и XVIII вѣка ¹⁾.

Въ 1770-мъ г. напечатаны были Чулковымъ двѣ первыя части «Собранія разныхъ пѣсень»; изданіе этого сборника закончилось въ 1774 году выходомъ четвертой части. Рядомъ съ пѣснями разныхъ русскихъ стихотворцевъ Чулковъ помѣстилъ въ этомъ «Собраніи» много пѣсень народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; пѣсень историческихъ и былинь въ его сборникѣ не много.

Обрядовыя и бытовыя народныя пѣсни, напечатанныя въ «Собраніи» Чулкова, повидимому, извлечены собирателемъ изъ старыхъ рукописей, гдѣ онѣ находились вмѣстѣ съ пѣснями неизвѣстныхъ авторовъ. Въ «Предувѣдомленіи» Чулковъ говоритъ: «Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсень, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотныя писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ искусство находилъ я почти во всякой пѣснѣ, такъ что видѣ ни стиха, ни рѣмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку... Сихъ пѣсень собрано у меня нѣсколько (продолжаетъ Чулковъ), а сіе нѣсколько составило бы ужасной величины книгу, если бы я напечаталъ ихъ все вмѣстѣ: того ради разсудилось мнѣ выдавать ихъ по частямъ. Каждая часть состоятъ будетъ изъ *тѣсемъ разнаго сложенія*, какъ и сія первая, въ томъ же числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ *всякаго званія*».

Въ прошломъ вѣкѣ, дѣйствительно, обращались въ средѣ читающаго класса рукописи, въ которыхъ собраны были пѣсни «разнаго званія». Одинъ изъ такихъ сборниковъ найденъ былъ Пекарскимъ въ библиотекѣ г-жи А. П. Микულიной въ селѣ Божинѣ Московской губерніи. А. Н. Пыпинъ описываетъ этотъ сборникъ такъ: «Рукопись (на 40 лст., въ небольшую четвертку) писана стариннымъ почеркомъ половины XVIII-го столѣтія и названа *кантами*, хотя въ ней собственно такъ называемыхъ стихотвореній очень не много. Всего въ рукописи записаны пятьдесятъ четыре пьесы. Половина ихъ состоитъ изъ романсовъ, пѣсень и идиллій, принадлежащихъ срединѣ прошлаго вѣка; затѣмъ помѣщено нѣсколько духовныхъ стихотвореній; наконецъ, остальные пьесы состоятъ или изъ чисто-народныхъ или полународныхъ пѣсень, между которыми встрѣчаются интересныя въ томъ или другомъ отношеніи ²⁾. Замѣтимъ, что въ такихъ сборникахъ чисто-народныя пѣсни составляютъ незначительное число

задумались: А одинъ Пушкиръ поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкиръ слово вымолвить: Тогда лишь доторзли зажигаельныя свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ. Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Все Татараве тутъ, братцы, устрашилися: Онъ бѣлому Царю покорился. « Пѣсни того же содержанія („Бояривъ Шереметевъ“ и „Взятіе Казанскаго царства“) есть и въ „Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ“ (стр. 284, 314), но въ *другихъ серияхъ*, чѣмъ у Курганова.

¹⁾ Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, IV, 190, 241, 254, 353.

²⁾ Ср. А. Н. Пыпина, Народные стихи и пѣсни, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., январь, стр. 300—301.

сравнительно съ романсами, пѣснями театральными и подобными имъ стихотвореніями. Таковъ составъ сборниковъ XVIII вѣка, въ которыхъ помѣщались народныя пѣсни лирическія, бытовыя.

Съ 1780 года тотъ же Чулковъ началъ издавать «Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ» и т. д. Въ составъ этого изданія вошли сказки, которыя Чулковъ сочинялъ, руководствуясь принадлежавшимъ ему сборникомъ русскихъ народныхъ быльишъ. «Къ крайнему моему сожалѣнію (говоритъ онъ) въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семь подвигѣхъ Добрыни Никитича»... «Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь» ¹⁾. Сотрудникъ Чулкова по изданію «Русскихъ сказокъ», известный писатель Михайла Поповъ ²⁾, составляя для печати сборникъ: «Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ російскихъ пѣсенъ» ³⁾, вноситъ въ него нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсенъ и, такъ же, какъ и Чулковъ, жалуется на «безграмотныхъ писцовъ», отъ которыхъ многія пѣсни «претерпѣли гнусное себѣ превращеніе» ⁴⁾. У него было подъ руками довольно много записей народныхъ лирическихъ (бытовыхъ) пѣсенъ,—т. е. сборниковъ такого же состава, какими пользовался и Чулковъ, когда онъ приготовлялъ къ печати свое «Собраніе разныхъ пѣсенъ». Въ предисловіи къ своему сборнику М. Поповъ говоритъ: «Со старинными ⁵⁾ пѣснями постушалъ я такимъ же образомъ (т. е. какъ и съ новѣйшими): по учиненіи онымъ изъ *преогромныя стаи* очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо равногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оныя въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ я совѣмъ безъ поправки, по тому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо, какъ уже выше сказано, древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ» ⁶⁾. Поповъ, вѣроятно, пользовался и сборниками пѣсенъ «вса-

---

¹⁾ Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первыя четыре части «Русскихъ сказокъ» Чулкова *вторымъ тисненіемъ*, т. е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому примѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ приписано было Левшину Калайдовичемъ («Древнія російскія стихотворенія», стр. XXI—XXII). Этимъ объясняется недоумѣніе А. Н. Веселовскаго, „какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской“. („Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. XXXVI, стр. 375).

²⁾ Евгений, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, II, 243.

³⁾ Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

⁴⁾ Россійская Эрата, I, стр. XXXI.

⁵⁾ Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни.

⁶⁾ „Россійская Эрата“, ч. I, стр. XXXVI—XXXVII.

каго званія», принадлежавшими Чулкову; онъ былъ участникомъ и въ Чулковскомъ «Собраніи разныхъ пѣсенъ»¹⁾...

Такимъ образомъ, въ прошломъ столѣтіи, кромѣ специальныхъ сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ народныхъ пѣсенъ («Древнія російскія стихотворенія» и сгорѣвшій сборникъ богатырскихъ пѣсенъ Чулкова), народныя пѣсни попадаютъ 1) лирическія — въ сборникахъ романсовъ и пѣсенъ Сумарокова, Ломоносова и второстепенныхъ писателей XVIII вѣка, 2) былины и историческія пѣсни — въ сборникахъ старинныхъ «сказаній», «повѣстей», «словъ». Сборники перваго рода обращались преимущественно среди привилегированнаго класса: ихъ надобно искать въ старинныхъ помѣщичьихъ библіотекахъ; сборники втораго рода — среди грамотныхъ людей средняго и низшаго класса: купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ.

Къ категоріи послѣднихъ сборниковъ относятся тѣ рукописи нашей библіотеки, по которымъ напечатаны выше слѣдующія былины: 1) «Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» (№ 4, стр. 10—11); 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кievскихъ и о походженіи ихъ» (№ 2, стр. 32—39), и 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кievскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ 3, стр. 39—46).

«Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» заимствовано изъ рукописнаго сборника моей библіотеки, № 222. Рукопись въ четвертку, на 227 листахъ, переписанная тою же рукою, которою написанъ весь сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, на оборотѣ 63-го листа, сдѣлана приписка, опредѣляющая время составленія сборника: «Anno Domini 1734 году». Въ составъ этой рукописи входятъ: 1) «Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ», безъ начала, за утратою первыхъ двухъ листовъ (л. 3—28 об.); 2) «Исторія, выписана изъ книгъ zelo полезна французскаго (sic!) королевства о гравскомъ сынѣ Кеванге и т. д.»²⁾ (л. 29—44 об.); 3) «Суть Шемякинъ, выписано изъ книгъ жартовъ» (л. 45—47 об.); 4) «Сказаніе о храмце и о слепце» (л. 47 об.—48 об.); 5) «Повесть Цесаревича Діоклитіана отцу своему и (sic!) некоему рыцарю и о сыне его Алѣксандре, велики чудна» (л. 49—63 об.); 6) «Повесть zelo предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый Богъ являетъ человеколюбие свое надъ народомъ христіанскимъ» — о Саввѣ Грудцынѣ (л. 67—87), и 7) «Исторія о храбромъ гишпанскомъ рыцарѣ Венецианѣ и прекрасной королеви Ренцывенѣ» (л. 94—227). Составитель сборника оставилъ пустыми листы 64—66 (послѣдній листъ утраченъ) и л. 87 об.—93 об. На этихъ-то пустыхъ страницахъ другимъ почеркомъ малограмотнаго писца вписаны: 1) «Молитва великому святителю Николаю чудотворцу» (л. 64—64 об.); 2) «Молитва пресвятой Богородицѣ» (л. 87 об.—88); 3) «Молитва покаянная Господу Іисусу» (л. 88—89); 4) «Мѣсяць мартъ въ 12 день. Сей листъ выписанъ изъ древнихъ святыхъ отецъ харитеныхъ (sic!) о дванадцать временныхъ именуется пятница»

1) Евгений, «Словарь святскихъ» писателей II, 243.

2) Ср. Пыпина, «Для любителей книжной старины», стр. 34—35.

(л. 89 об.); 4) «Послание отъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с небесе»¹⁾ (л. 90—90 об.); 5) «Молитвы чрезъ седмицу всякому христианину» (л. 91—91 об.). Непосредственно за «молитвою въ понедѣльникъ» тою же рукою вписано и «Сказаніе о Іліе Муромце и о Соловие Разбоникѣ» (л. 91 об.—92 об., л. 93 об.). Эти новыя записи не позднѣе 1740 года: на л. 64, въ «молитвѣ Николаю Чудотворцу», читается: «Молися Всемилюстивому Владыцѣ спасти во здравіе... благочестивѣйшую и самодержавнѣйшую великую государыню нашу, императрицу Анну Іоанновну». Переписчикъ, несомнѣнно, имѣлъ оригиналомъ рукописный текстъ былины, старый, съ надстрочными буквами и титлами. Не умѣя разобрать надстрочныхъ скорописныхъ буквъ, писецъ былины пропускалъ ихъ, какъ видно изъ выше напечатанныхъ примѣчаній: 6-го и 7-го на стр. 10-й и 1-го на стр. 11-й, подъ текстомъ «Сказанія».

Текстъ «Сказанія о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ» (стр. 32—39) извлеченъ изъ рукописной тетради моей бібліотеки за № 399, состоящей въ настоящее время изъ двадцати двухъ четвертокъ; первая и послѣдняя четвертка утрачены. Листы перебѣчены писцомъ—не цифрами, а по старинному—буквами. Помѣтка идетъ сверху по всѣмъ листамъ рукописи; послѣ помѣты 19 (ѳі) слѣдуетъ, по оплошности писца, помѣта 21 (ѣа), вмѣсто 20. Съ лѣваго боку седьмаго (по старой помѣткѣ) листа приписано сверху: «Семень». То же имя приписано съ правой стороны и на оборотѣ 18-го листа. Это—имя переписчика и вмѣстѣ владѣльца рукописи. Въ концѣ другой тетради того же почерка, сохранившей главу изъ «Житія Девгенія», читается: «Сия тетратъ *Семена* Малкова; а дописана сия тетратъ Мѣа хеврала, 28 дня 1744 года, а писалъ самъ своею рукою всю до конца». Тетрадь, изъ которой взято другое сказаніе о тѣхъ же богатыряхъ (см. выше стр. 39—46), начинается слѣдующими строками главы «О въскищеніи Стратигонѣ и о свадьбѣ Девгенія»: «и приниче ко окну, а сама не показася Девгениж.. и вспать возвратися; и Девгени възрающе на дворъ, и тогда дева въдевши и подивися». Эта глава оканчивается «аминемъ» на листѣ девятомъ старой нумераціи. Непосредственно за нею вписано: «Сказаніе, како победи Девгеній Васчлія царя», оканчивающееся на 12-мъ листѣ. За этою главою «Девгеніева дѣянія» слѣдуетъ напечатанное выше «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромце, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ киевскихъ и о походженіи ихъ» (л. 12—19 об.). На оборотѣ 19-го листа начинается статья озаглавленная такъ: «Мѣсяца марта въ ѣзъ день память святыхъ мученицы Матроны Ѳесалонітскія»; статья оканчивается на оборотѣ слѣдующаго листа, ошибочно помѣченнаго ѣа. За сказаніемъ о св. Матронѣ, выписаннымъ изъ Пролога, слѣдуетъ «Слово о умномъ и о премудромъ бражничѣ» (л. 21 об.— до конца тетради). Конца этой статьи недостаетъ. Послѣдняя тетрадь Семена Малкова списана,

¹⁾ Это такъ наз. „Эпистолія о недѣлѣ“, ипаче „Іерусалимскій свитокъ“, упомянутый выше въ сб. Ѳ. И. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также „Этногр. Обзорніе“, IV, 95—100; Н. А. Иваничкаю, Матеріалы по этногр. Вологод. г.,—въ „Сборн. свид. для изуч. быта крест. насел. Россіи“, в. II. Москва 1890 г., стр. 146—147.

вѣроятно, также около того же 1744 года, къ которому относится и первая. Наконепѣ, третья тетрадь съ именемъ Семена Малкова, переписанная не его рукою, даетъ указаніе и на мѣстность, гдѣ эти тетради переписывались или обращались. Въ концѣ третьей тетради, содержащей въ себѣ «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты», послѣ словъ: «Семень Малковъ» приписано: «Посацкой человекъ *Ярославецъ* Андрей Фодотовъ». Полагаемъ, что «Сказаніе о трехъ богатыряхъ» списано съ рукописнаго оригинала, а не записано со словъ: поэтому писецъ механически скопировалъ одно непонятное ему мѣсто, опустивъ надстрочныя буквы, и пропустилъ нѣсколько строкъ или не нашелъ ихъ въ рукописномъ оригиналѣ (см. прим. 1-е на стр. 33-й).

Второе (№ 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ», представляющее вариантъ къ первому, напечатано по рукописи моей библиотеки, № 361. Этотъ объемистый сборникъ, въ четвертку, на 240 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, писанныхъ въ разное время разными почерками и лишь впоследствии переплетенныхъ вмѣстѣ и объединенныхъ общимъ оглавленіемъ, которое насчитываетъ въ сборникѣ 23 главы (статьи). Оглавленіе писано тою же рукою, какою списана самая объемистая тетрадь сборника, содержащая въ себѣ «Страсти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа» (л. 1—100). Въ текстѣ этой *первой главы* сборника, на оставленныхъ пустыми мѣстахъ, вклеены 16 картинокъ, вырѣзанныхъ изъ лубочной книжки: «Страданіе Господа нашего Іисуса Христа» (Ровинскій III, 331). По времени написанія тетрадь «Страстей» самая поздняя изъ всѣхъ, вошедшихъ въ описываемый сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, каковымъ написано «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ»; списаны слѣдующія статьи сборника: 1) «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты» (л. 121—130); 2) «Слово святаго отца нашего Агапія» (л. 131—137); 3) «Убъиеніе святаго благовернаго князя Андрея Георевича Боголюбовскаго» (137—140); 4) «Сказаніе о богатомъ купцѣ» (л. 141—145 об.). Нач.: «Во граде Вавилоне бысть купецъ, богатъ zelo, именемъ Бендеръ»; 5) «Житіе святаго отца нашего Григорія, папы римскаго (л. 145 об.—150). Такъ названа статья въ оглавленіи; въ текстѣ стоитъ другое заглавіе: «Сказаніе о царскомъ платѣ». Это—совершенно особая редакція такъ называемой легенды о кровосмѣстителѣ (Памятники старинной русской литературы, Костомарова, II, 415—424). Нач.: «Бысть в Цареградѣ царь Платонъ; живяше много лѣтъ и умре» и т. д.; 6) «Слово иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василия Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго, велики душеполезно, ко всѣмъ православнымъ христіаномъ, како матерно бранитися (л. 150 об.—152); 7) «Повѣсть о крестномъ сынѣ», безъ начала (л. 152 об.—155), указанная выше въ сборникѣ Ундольскаго; 8) «Слово о святѣмъ Иоаннѣ Богословѣ, како изучи человекъ писати иконы» (л. 159—161), указанное выше въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева; 9) «Слово о черноризцѣ Мартири, како Христа носилъ» (л. 161 об.—162); 10) «Слово святаго Иоана Златоустаго о страстѣхъ божіи и о еже како во святѣй божіи церкви стояти со страхомъ и благочиніемъ и лице свое крестити крестообразно» (л. 162 об.—163). Нач.: «Мнози

убо невелика, махающе по лицу своему рукою» и т. д.; 11) «Списание о иконе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии огенстрии (sic!) троеручицы (л. 163—166 об.). Нач.: «Принесена сия святая икона пресвятыя Богородицы из афонския горы архимандритомъ Феоданомъ лета 7172 году октоврия въ 16 день» и т. д.; 12) «Поучение же во святыхъ отца нашего Василия кесарическаго (въ оглавленіи: Кесаринскаго) ко всемъ православнымъ христіаномъ о хмельномъ питіи; како ему гласъ бысть отъ образа пресвятыя Богородицы» (л. 166 об.—171 об.); 13) «Сказаніе учителя церковнаго Иеронима святаго о Иуде предателя (sic!) Господа нашего Иисуса Христа» (л. 172—176); 14) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатырехъ киевскихъ о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче» (л. 176 об.—183 об.).

Перечисленныя четырнадцать статей писаны *однимъ и тѣмъ же* почеркомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тетрадь, содержащая «Страсти». Нѣкоторыя изъ написанныхъ этимъ старымъ почеркомъ страницъ имѣютъ внизу особую пометку, сдѣланную тѣмъ же почеркомъ; помѣчены страницы не цифрами, а *буквами*. Такъ, начиная съ 131 листа сборника, идетъ пометка страницъ отъ *а* до *кѣ*. Судя по почерку, эти старыя тетради написаны не позднѣе 1740 года. Списывавшій былины имѣлъ передъ собою рукописный оригиналъ: на это, кажется, указываетъ написаніе словъ: «чересебя», отмѣченное въ 2-мъ примѣчаніи къ страницѣ 46-й.

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляетъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII вѣка: въ нихъ находятъся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоценныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы отрывки изъ «Девгеніева Дѣянія». Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и низшаго класса общества, рукописные сборники XVIII вѣка нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ (Сказаніе о борьбѣ киевскихъ богатырей съ цареградскими). Первые собиратели русскихъ рукописей мало обращали вниманія на подобные сборники,—поздніе, съ престонароднымъ содержаніемъ,—направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической, —официальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности (пѣсенъ, сказокъ и т. п.) и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы—собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго престонародья.

III.

Къ «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» по рукописи XVII в.

(стр. 25—32).

Академикъ Л. Н. Майковъ, въ первый разъ издавшій эту повѣсть въ 1891 г. въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ», сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ рукописнаго сборника, въ которомъ она находится:

«Въ 1889 году Русское Географическое Общество передало въ Императорскую Публичную Библіотеку нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей, привезенныхъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ его поѣздки въ Олонецкую и Архангельскую губерніи въ 1886 году. Въ составѣ этой коллекціи входитъ тотъ сборникъ, изъ котораго мы извлекли для изданія неизвѣстный доголѣ памятникъ русской письменности—Бесѣду о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Къ той же коллекціи принадлежитъ еще другой сборникъ, содержащій въ себѣ «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ», здѣсь издаваемую.

Сборникъ этотъ, по каталогу Библіотеки—0. XVII. 44, писанъ въ 8-ку на 150 листахъ въ XVII вѣкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ мало интереса; это поистинѣ сборная рукопись, состоящая изъ трехъ частей, которыя писаны разными почерками и, можетъ быть, неодновременно; изъ семи статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, шесть суть произведенія, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашей старинной письменности, и только седьмая и послѣдняя статья—«Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ»—заслуживаетъ особаго вниманія¹⁾.

«Повѣсть» эта занимаетъ послѣдніе листы сборника съ 138-го по 150-й об. Она написана—судя по водяному знаку—на голландской бумагѣ, употреблявшейся въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія; почеркъ ея скорописный, но очень отличный отъ скорописи предшествующихъ статей сборника; такимъ образомъ, къ нимъ она имѣетъ только то отношеніе, что соединена съ ними въ одномъ переплетѣ. «Повѣсть» въ этой рукописи сохранилась не вполне; утрачены нѣсколько листовъ въ концѣ и два въ серединѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Рукопись была получена Ѳ. М. Истоминымъ въ очень растрепанномъ видѣ, такъ что послѣднія ея листы отдѣлялись отъ переплета; это было причиною, что уже въ Петербургѣ, еще до передачи сборника въ Библіотеку, утерялся самый послѣдній листъ его, заключавшій въ себѣ продолженіе, но все-таки не конецъ «Повѣсти». По счастью, мы имѣли случай списать «Повѣсть» еще до этой утраты, и потому издаваемый текстъ идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ сколько можно читать теперь въ рукописи, поступившей въ Библіотеку.

¹⁾ Первые шесть статей сборника суть слѣдующія: 1) одна изъ краткихъ космографій; 2) отрывокъ изъ путешествія Трифона Коробейникова; 3) апокрифическое житіе св. мученика Никиты; 4) притча о царевѣ дворецкомъ—изъ Римскихъ дѣяній; 5) сказаніе о воинѣ и смерти; 6) сказаніе объ Акирѣ.

Несмотря на свою отрывочность, текст «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» въ Библиотечномъ сборникѣ представляетъ значительный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Вопервыхъ, этотъ текстъ замѣчательнъ, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былевого творчества: написанный несомнѣнно въ послѣдней четверти XVII вѣка, онъ моложе только текста «Сказанія о кѣвскихъ богатыряхъ», сохранившагося въ рукописи Е. В. Барсова, которая, по опредѣленію владѣльца, относится къ началу того же столѣтія¹⁾.

Вовторыхъ, библиотечный текстъ отличается тѣмъ, что сохранилъ памятникъ народной словесности безъ книжныхъ подправовъ. Конечно, и здѣсь, при положеніи былины на бумагу, стихи писаны въ сплошную строку, и ихъ размѣръ не выдержанъ въ точности, но, во всякомъ случаѣ, представляется гораздо менѣе разрушеннымъ, чѣмъ въ подобныхъ же текстахъ XVIII столѣтія. Эти послѣдніе являются лишь копіями съ болѣе старыхъ оригиналовъ, притомъ пострадавшими отъ постепеннаго переписыванія. Напротивъ того, относительно издаваемой «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ она была только скопирована съ болѣе ранней записи, и скорѣе готовы допустить, что она записана либо по памяти, либо съ «пословесной» передачи былины. Въ издаваемомъ текстѣ еще уцѣлѣли въ изобиліи такія слова—союзы, мѣстоименія: *что, какъ, самъ*, которыя въ устныхъ пересказахъ встрѣчаются въ значеніи частицъ, прибавляемыхъ не для смысла рѣчи, а для болѣе стройнаго теченія стиха; такія слова обыкновенно уже отсутствуютъ или же попадаютъ гораздо рѣже въ рукописныхъ текстахъ XVIII вѣка, между прочимъ, и въ тѣхъ двухъ спискахъ «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ», которые изданы Н. С. Тихонравовымъ [см. въ нашемъ изданіи на стр. 32—46].

Въ третьихъ, библиотечный текстъ любопытенъ тѣмъ, что въ своемъ написаніи онъ сохранилъ яркія отличія того говора, какой употреблялъ его писецъ. Безпрерывные примѣры аканья, случаи перехода *e* въ *a* (дѣвицаю, чаломъ, з жаною, до вечера) или въ *я* (гражаня, во чисто поля), *к* въ *х* (*это, никто*), смѣшеніе мѣстнаго падежа съ родительнымъ (в залатой орды), форма родительнаго падежа на *ова, ева* (меньшова, синева), сокращенная форма 2-го лица *хоишъ, захоишъ*, все это указываетъ, что писецъ былъ родомъ изъ области, гдѣ господствуетъ южно-великорусское нарѣчіе, москвичъ или, можетъ быть, рызонецъ. А такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, то-есть, самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить, что въ концѣ XVII вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была извѣстна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ текущемъ столѣтіи устные пересказы ея могли быть записаны только въ Олонецкой губерніи.

По содержанію библиотечный текстъ «Повѣсти» представляетъ ближайшее сходство съ ея текстами прошлаго вѣка, сохранившимися въ рукописяхъ Н. С. Тихонравова. Можно даже сказать, что эти три списка воспроизводятъ одну версію, съ весьма небольшими отличіями. Напротивъ того, устные пересказы,

---

¹⁾ Богатырское слово въ списокъ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ, стр. 7.

записанные въ Олонецкой губерніи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, отклоняются отъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, какъ частными подробностями содержанія, такъ и именами; между прочимъ имя похитителя Михайловой жены, данное ему въ рукописныхъ текстахъ, Кощей—усвоено въ Онежскихъ былинахъ другому лицу, противнику Ивана Годиновича, у котораго этотъ Кощей также отнимаетъ жену“.

[Замѣтимъ въ заключеніе, что по просьбѣ покойнаго Н. С. Тихонравова Л. Н. Майковъ взялъ на себя трудъ еще разъ свѣрять съ рукописью высланные ему въ Петербургъ корректурные листы «Повѣсти» въ наше изданіе. В. М.]

IV.

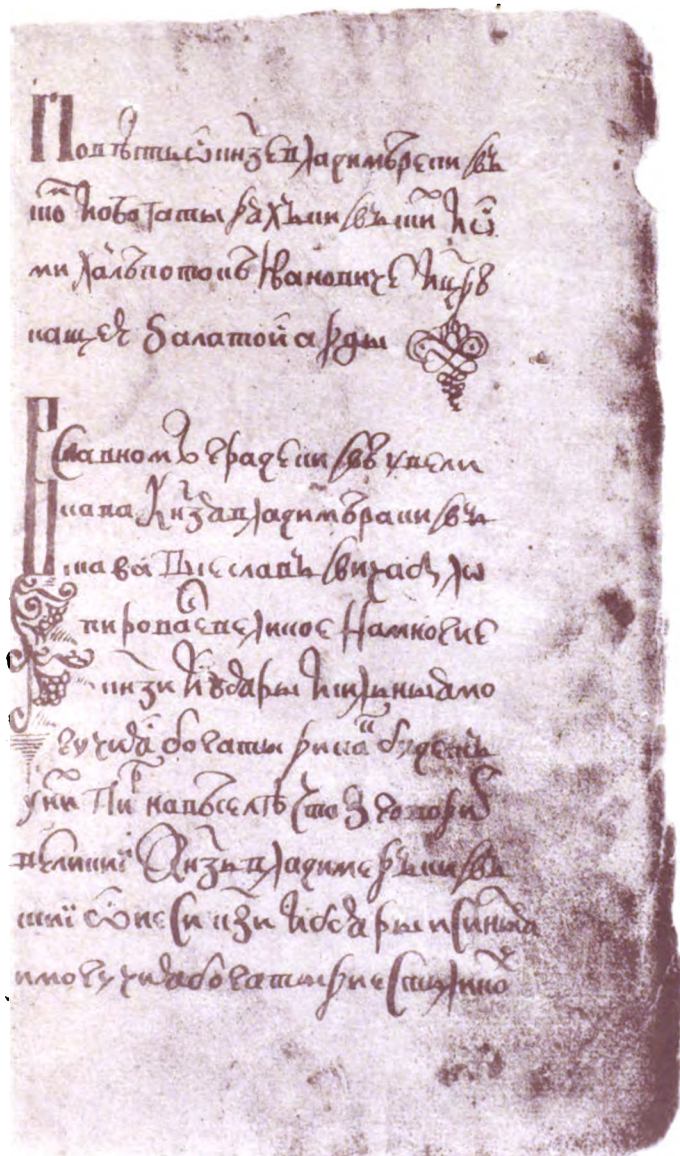
Нъ „Отрывку изъ неизвѣстной быliny“.

(Стр. 59).

А. И. Станкевичъ, доставившій для нашего изданія фотографическій снимокъ съ рукописи этой быliny, сообщаетъ о самой рукописи слѣдующія свѣдѣнія:

«Осенью 1890 года я получилъ отъ г. члена Московской судебнаго палаты Ѳ. И. Маслова небольшой листокъ бумаги величиной, приблизительно, въ обыкновенную 4-ку ($4\frac{5}{8} \times 3\frac{3}{8}$ вершк.) и исписанный съ обѣихъ сторонъ крупнымъ довольно почеркомъ второй половины XVII ст. Листокъ этотъ, повидямому, составлялъ нѣкогда часть цѣлой тетради или сборника—по краямъ замѣтны слѣды прикрѣпленія его къ корешку—и заключаетъ въ себѣ, какъ оказалось по его прочтеніи, отрывокъ изъ быliny объ Алешѣ Поповичѣ, а именно то мѣсто, гдѣ разсказывается о пирѣ у князя Владимира въ Киевѣ и спорѣ Алеши съ Тугариномъ Змѣвичемъ, причѣмъ разсказъ этотъ въ значительной степени развитъ отъ всѣхъ донынѣ намъ извѣстныхъ редакцій названной быliny. Листокъ былъ найденъ г. Масловымъ въ коллекціи принадлежащихъ ему старинныхъ бумагъ, носящихъ, по большей части, характеръ вотчинный и юридическій, и составляющей часть обширнаго нѣкогда семейнаго архива гг. Масловыхъ... Изъ сличенія нашего листка съ другими, датированными документами изъ собранія г. Маслова, вполне явствуетъ, что они всѣ писаны одной рукою и въ одно время, т. е. во второй половинѣ XVII вѣка. Водяныхъ знаковъ на бумагѣ, кои могли бы оказать существенную помощь при опредѣленіи времени записи, къ сожалѣнію, въ отрывкѣ не имѣется. Свойства же бумаги отрывка и прочихъ свитковъ—совершенно одинаковы, такъ что находка эта весьма цѣнна, какъ одна изъ немногочисленныхъ дошедшихъ до насъ первыхъ записей народной быliny».

По мнѣнію г. Станкевича, былина была записана прямо со словъ какого-нибудь пѣвца и притомъ чрезвычайно точно: въ текстѣ отрывка не замѣтно какихъ-либо измѣненій или поправокъ, сдѣланныхъ писцомъ; не видно, чтобы писецъ желалъ приблизить языкъ быliny къ книжному языку сказаній и повѣстей XVII вѣка—языкъ остался народнымъ, безыскусственнымъ. Хотя текстъ быliny записанъ сплошь, безъ раздѣленія на стихи, но при чтеніи нельзя не замѣтить слѣдовъ разбѣренной стихотворной рѣчи. Однако А. И. Станкевичъ прибавляетъ, что покойный Н. С. Тихонравовъ, по разсмотрѣніи рукописи быliny, пришелъ къ тому заключенію, что текстъ ея представляеть не записъ со словъ пѣвца, но *списокъ съ болѣе древней записи*. Это мнѣніе свое Н. С. Тихонравовъ подтверждаетъ подстрочными замѣчаніями, которыми онъ снабдилъ текстъ быliny (см. особенно примѣч. 10-е).

Фототип. Высоч. утв. Т-ва А. А. Левкисонъ.

Фототипическій снимокъ съ заглавнаго листа былины о Михаилѣ Потокѣ въ рукописи XVII-го вѣка. (Сл. Отд. I стр. 25).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ
БЫЛИНЫ НОВОЙ ЗАПИСИ.

*1. Илья Муромецъ.

Первая поѣздка его въ Кіевъ ¹⁾.

- Выводилъ Илья Муромецъ добра коня
Изъ завозеньки изъ новыя,
Накладывалъ онъ потнички бумажныя,
На потнички сѣдельшко черкасское,
5. Кладъ обѣтъ на палицу боевую
И на саблю на острую,
На копье мурзалецкое,
Чтобы не увязывать до города до Кіева,
До солнышка до Сеславьева.
10. И ставалъ въ стременышко гольяшное
И садился въ сѣдельшко черкасское.
Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,
Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Тутъ ѣхалъ удалой добрый молодець,
15. Старый казакъ Илья Муромецъ.
Онъ и ѣдетъ ко городу ко Кидошу.
Надъ Кидошомъ градомъ по грѣхамъ учинилося:
Подступала сила поганая.
Билъ, топталъ онъ силу поганую,
20. Билъ, топталъ трои суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.
И во томъ во городѣ во Кидошѣ
Выходили попы, отцы дьяконы,
25. Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:

---

¹⁾ Прежде всего Тулицынъ *разказалъ* известное преданіе о томъ, какъ Илья Муромецъ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и потомъ получилъ силу богатырскую, какъ отецъ его купилъ ему жеребца у попа за 300 рублей и какъ въ первый разъ отправился Илья Муромецъ *поленничать*.

- „То-ли городъ нашъ Богъ защитилъ,
То-ли ангель святой,
И выбилъ, вытопталъ силу поганую?“
30. И ѣдетъ старый казакъ ко городу Кидошу,
И ѣдетъ мимо той церкви соборныя,
И говорятъ попы, отцы дьяконы:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
Садись за столъ хлѣбъ-соль кушати,
35. Ты скажи намъ свою отчину“.
Проговорилъ удалой добрый молодець:
„Я по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаретинъ,
По потѣхѣ Борисъ-Королевичъ младъ,
Не изволю я хлѣбъ-соль кушати,
40. А скажите мнѣ дорожку прямоѣзжую
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Ко солнышку ко Сеславьеву“.
И проговорятъ попы, отцы дьяконы:
45. „Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
Больша де дорожка прямоѣзжая
Прямо шла во стольный Кіевъ градъ,
Дакъ залегъ Соловей разбойникъ,
Не пропускаетъ ни коннаго, ни пѣшаго“.
50. Проговорилъ удалой добрый молодець:
„Мнѣ туда и дорога-путь“.
И подѣзжаетъ онъ къ батюшку Днѣпру рѣкѣ,
Не случилось ни мостовъ, ни переѣздичковъ.
И зачалъ удалой добрый молодець дубье рвать,
55. Зачалъ онъ черезъ Днѣпръ рѣку мостъ мостить,
Переѣзжать черезъ Днѣпръ рѣку на ту сторону.
И слышалъ Соловей, воръ-разбойникъ,
И слышалъ за пятнадцать версть,
И летить на встрѣчу добру молодцу,
60. И садился онъ на сырой дубъ кряковистой,
И приклонялся сырой дубъ ко сырой землѣ.
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Зашипѣлъ Соловей по змѣиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
65. Подъ Ильею конь палъ на-корачъ.
И выдергивалъ онъ шельгу подорожную,
Стягалъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Самъ, молодець, приговаривалъ:
„Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!“
70. Не слыхалъ ты свисту богатырскаго,

- Не слыхаль ты шипу змѣинаго,
Не слыхаль ты реву звѣринаго?“
Тутъ конь подъ Ильей разсержается:
Онъ скакаль выше лѣсу стоячаго,
75. Ниже облака ходячаго.
И бралъ старой свой тугой лукъ,
И бралъ изъ колчана калену стрѣлу,
И клалъ онъ на тетивку шелковую,
Стрѣляль Соловья, вора-разбойника,
80. Попадаль ему въ правый глазъ,
И падать Соловей на сыру землю,
И приковаль его ко стремену,
Ведеть его по чисту полю,
И ведеть его ко высоко терему.
85. У Соловья, вора-разбойника,
Дочь была сдогадлива,
Отворяла она воротички широкія,
На ворота клала сабельку острую,
Хотѣла срѣзать старому буйну голову:
90. „Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
Заѣзжай ко мнѣ ты на широкій дворъ“.
А старый казакъ былъ сдогадливой,
Береть онъ ее на кинжалище острое,
Бросаетъ ее на сыру землю.
95. И ѣдетъ добрый молодець чистымъ полемъ
И видитъ онъ въ полтѣ девять молодцовъ,
Девять молодцовъ въ кулачки бьются,
И сами говорятъ таковы слова:
„Вонъ батюшка ѣдетъ, мужика ведеть“.
100. На отворотъ того другіи говорятъ:
„Нѣтъ, мужикъ-отъ ведеть нашего батюшка“.
И ѣдетъ старый мимо молодцовъ;
Они хочуть похитить добра молодца.
Проговорить старый казакъ Илья Муромецъ:
105. „Закляни ты своихъ малыхъ дѣтей,
Не закланешь, — самого смерти предамъ“.
Проговорить Соловей, воръ-разбойникъ:
„Не троньте вы удала-добра молодца,
У меня силушки не съ вашу есть,
110. Да старый казакъ въ горсти зажалъ.
Насыпайте вы телѣжки златокованны,
Насыпайте золота, серебра,
Везите во стольный Кіевъ градъ,
И везите на царевъ кабакъ,

115. Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы онъ меня пустиль въ живности“.
Ѣдетъ Илья Муромецъ чистымъ полемъ
И видитъ опять девять сыновъ
Соловья, вора-разбойника,
120. Въ кулачки бьются.
Опять напираютъ на Илью Муромца.
Соловей имъ тутъ опять отказаль:
„Вы не троньте стара казака,
Стара казака, Илью Муромца,
125. Вы не троньте, лучше кланяйтесь“.
Ѣдетъ онъ опять чистымъ полемъ,
И завидѣль опять девять сыновъ въ кулачки бьются,
И тѣ опять напираютъ на стара казака,
Проговорилъ Соловей, воръ-разбойникъ:
130. „Не троньте вы молодца прямоѣзага,
У меня силы не съ вапе, да старый въ горсти зажалъ“
И немного у него сыновъ—только двадцать семь.
И ѣдетъ старой ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру;
135. И ѣдетъ на улицу на широкую,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому окошечку стекольчату.
Со добра коня старый соскакивалъ,
Ни къ чему коня онъ не привязывалъ,
140. Ни кому коня онъ не приказывалъ.
Идетъ къ воротичкамъ рѣшетчатымъ,
И спросилъ онъ у воротъ приворотниковъ,
И спросилъ онъ у дверей придверниковъ.
Отворялъ онъ двери по малешеньку,
145. И ступалъ онъ въ палату по тихошеньку,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,
Кланяется на всѣ стороны:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь
150. И со душечкой со княгинею!“
Князьямъ боярамъ—на особицу.
Говорить ласковой Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалой добрый молодецъ!
Ты скажи намъ, добрый молодецъ, свою отчину“.
155. „Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Изъ того я города изъ Мурома,
Старой казакъ Илья Муромецъ.
Ѣхаль я мимо Днѣпра рѣки,

- Очистилъ вамъ дорожку прямоѣзжую“.
160. Злые бояре подмолчивые,
Говорять таковы слова:
„Мужикъ ты, мужикъ деревенщина,
Хвастаешь не быльей своей,
Чужимъ именемъ называешься:
165. Гдѣ тебѣ похитить Соловья, вора-разбойника!“
Тутъ старому за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
Говорить онъ таковы слова:
„Гой еси, ~~ты~~, ласковый Владимиръ-князь!
170. Скрой ты оконенку стекляную,
Посмотри на улицу на широку,
Стоить-ли мой добрый конь“.
Послушалъ его ласковый Владимиръ князь,
Скрылъ оконенку стекляную,
175. Посмотрѣлъ на улицу на широку,
И увидѣлъ, что стоитъ добрый конь
Съ Соловьемъ, воромъ-разбойникомъ.
Тутъ старому за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
180. Надѣвалъ онъ черну шляпу, вонъ пошоль.
Тутъ ласковый Владимиръ князь
Наливаетъ чару зелена вина .
И бѣжить скоро на красно крыльцо:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
185. Хотъ выпей ты чару зелена вина“.
И проговорить старый казакъ Илья Муромецъ:
„Ахъ ты, гой еси, батюшка Владимиръ князь!
На приходѣ ты гостя не употчивалъ,
На походѣ ты гостя не учествуешь“.
190. И зашоль старый на царевъ кабакъ,
Циль гулялъ трои суточки.
Проговорить ласковый Владимиръ князь:
„Охъ ты, гой еси, мой вѣрный клюшничекъ!
Ты поди, позови Илью Муромца
195. Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пиръ,
Позови ты его честнешенько,
И кланяйся ему низешенько“.
Тутъ клюшничекъ не ослушался,
200. Зоветь стара казака Илью Муромца:
„Пожалуйте, старый казакъ Илья Муромецъ.
И пожалуйте, тебя князь зоветь,

- Князь зоветъ да на почестный пирь“.
Тутъ старый не ослушался;
205. Надѣваетъ черну шляпу, вонъ идетъ,
Идетъ онъ на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому,
Отворяетъ онъ двери по малешеньку,
Запиратъ онъ двери по тихошеньку,
210. Крестъ кладетъ старый по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ стороны:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь!
Со душечкою со княгинею
215. Князья, бояры, на особицу“.
Проговорить ласковый Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалой добрый молодець,
Ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
Ты садись-ко на лавочку булавою,
220. За одинъ столъ хлѣбъ-соль кушати“.
Наливаетъ князь чару зелена вина,
Не малу чару въ полтора ведра,
Подаетъ удалу добру молодцу.
Принимаетъ молодець единой рукой,
225. Выпиваетъ молодець единымъ духомъ.
Проговорить ласковый Владимиръ князь:
„Гой еси ты, старой казакъ,
Ты старой казакъ, Илья Муромецъ,
Приведи ты Соловья, вора-разбойника,
230. Во мой во высокъ теремъ,
Въ мою палату бѣлокаменну,
Заставъ посвистать по соловьему,
Заставъ пошипѣть по змѣиному,
Заставъ поревѣть по звѣриному“.
235. Тутъ старый казакъ всталъ на ноги,
Идетъ на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязывать Соловья, вора-разбойника,
Отъ того стременышка гольяшнаго,
240. Ведетъ въ палату бѣлокаменну,
Заставляетъ свистать въ полсвиста,
Пошипѣть по малешеньку,
Поревѣть по тихошеньку.
Беретъ старый казакъ князя подъ пазуху,
245. Молоду княгиню подъ другу руку.
Зачаль Соловей свистать по соловьему;

- Тутъ бояры оглушилися,
Падаютъ они на кирпичать польъ.
Сталъ унимать Соловья Илья Муромецъ.
250. Тутъ Соловей приразсердился,
Хотѣлъ оглушить Илью Муромца,
Всѣ окошечки повывлетѣли,
Новая палата вскрылася.
Тутъ старому за бѣду стало,
255. Сохваталъ онъ саблю острую
И ссѣкъ Соловью буйну голову.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнауль, Томской губ., отъ крестьянина Леонтія Ту-пицына. Свѣдѣнія о Тупицынѣ см. въ Приложеніи.

2. То-же.

- Какъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Не сильная погода поднималася,
Не зелена дубрава разшумѣлася,
5. Не бумажные листочки разстилаются,
Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
Онъ не проситъ ни золота, ни серебра:
„Не надо мнѣ одежды драгоценныя,
10. Не прошу у васъ закону, молодой жены,—
Вы пожалуйста мнѣ велико благословеньице,
Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
15. Да еще послушать звону колокольнаго“.
— Охъ ты гой еси, чадо милое!
— Молодешенекъ Ильюша похваляется,
— Какъ во дальнюю дорогу собирается;
— Эта дороженька не малая:
20. — Скоры гонцы гоняють черезъ двѣнадцать дней,
— Воловымъ шагомъ—два мѣсяца.—
Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
Не держали Ильюшу ни горы, ни доли,
Ни быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
25. Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

Записана И. Ив. Акутинымъ въ Самарѣ и напечатана П. В. Шейномъ въ „Чтеніяхъ въ И. Обществѣ исторіи и древн. російскихъ“. 1877 г. кн. 3.

*3. Встрѣча съ разбойниками ¹⁾.

- Засѣдѣлась у старого-ли сѣдая борода,
Что сѣдая борода—его буйна голова.
На коня старой садится, отправляется,
Своей силой богатырской выхваляется:
5. „Не привелъ-же мнѣ Господь Богъ въ Цареградѣ быть:
Я бы всѣхъ турокъ, турчаночекъ повырубилъ,
А молоденькихъ, хорошенькихъ, въ полонъ бы взять.
Не успѣлъ же нашъ старой рѣчь окончить,
Нападали на старого злы разбойнички,
10. Что не много и не мало—сорокъ пять человекъ,
Что хотять они старого все ограбити.
„Ужъ вы, братцы-ли мои, вы товарищи,
Ужъ вамъ взять съ меня, снять ровно нечего:
Что одна на мнѣ сермяжка, и то сѣрая,
15. А цѣна моей сермяжкѣ пятьдесятъ рублей;
А въ колчанѣ за плечами до семисотъ стрѣлъ;
Вотъ какъ каждая стрѣла стоитъ пять рублей,
А коню-животу ему цѣны нѣтъ“.
Какъ натягиваль *Добрыня* (sic) свой тугой-атъ лукъ,
20. Выпускаеть стрѣлу прямо въ сырый дубъ.
Вотъ какъ сырый-то дубъ разлетается;
Всѣ разбойнички перьпугались,
За кусты они, въ кусты всѣ попрятались.
Какъ одинъ-то изъ нихъ на колѣни палъ:
25. „Ты прости насъ, прости, *Добрынюшка*,—
Много ѣздили и хаживали,
А такого, какъ тебя, не нахаживали“.

Записана въ Москвѣ С. И. Лапшинымъ отъ московскаго мѣщанина Сергѣя Вонюкова.

4. То-же.

- Ѣхаль я, старый, братцы, по чисту полю,
По тому полю по Куликову;
Наѣзжалъ я, старый, братцы, на диковину,
На диковину—на бѣль-горючь камень;
5. На немъ написаны надписи и все разные.
Попервойдороженькѣ мнѣ старому ѣхать—быть женатому,
А по другой мнѣ ѣхать—быть богатому,

¹⁾ Въ этой былинѣ встрѣча съ разбойниками приписывается Добрыню.

- А по третьей ѣхать—быть убитому.
Богатства мнѣ, старому, не надобно,
10. Жениться мнѣ, старому-то, не хочется:
Дай же поѣду я, старый, братцы,
Туда, гдѣ быть бы мнѣ убитому.
Поѣхалъ старый по дороженькѣ,
Наѣхалъ старый на охотниковъ,
15. На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
„Примите меня, братцы, въ товарищи
Или въ кашеварники,
Или хоть буду я на васъ чулки сушить“...
20. Увидѣлъ онъ, старый, ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старый таковы слова:
„Убить вамъ, братцы, меня не за что
И снять съ меня вамъ, братцы, нечего“
25. Одна на мнѣ сермяга—и та сѣрая,
Одна пола во пятьсотъ рублей,
А другая во всю тысячу,
А всей сермягѣ и цѣны нѣту“.
Вынулъ же онъ изъ налучна тугой свой лукъ,
30. Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю.
Тутъ же ему покорились тѣ охотники.

Напечатана въ соч. I. И. Желѣзнова — „Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ“.
Т. III, стр. 126, 2 изд. 1888 г.

5. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ.

- Перва поѣздка Ильи Муромца
Изъ славнаго изъ города изъ Мурома.
Клалъ-то онъ заповѣдь великую,—
Клалъ на палицу тяжелую:
5. До славнаго до города Кіева
Не отковывать отъ стремени булатнаго;
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На сабельку на вострую:
Не отковывать отъ стремени булатнаго
10. До славнаго города до Кіева.
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На копье бурсоменское:
Не отковывать отъ стремени булатнаго

- До славнаго города до Кіева.
15. Собирался Илья Муромецъ
Изъ города Мурома,
Зазвонили честну раннюю заутреню,—
Читали третью каѳизму воскресенскую.
Еще ѣдетъ осударь по чисту полю,
20. Завидѣль подъ градомъ подъ Чиженцемъ:
Обступила кругомъ сила невѣрная.
Еще ѣдетъ осударь Илья Муромецъ
Ко той силѣ да невѣрной,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
25. „Прости меня, Господь, въ таковыхъ грѣхахъ,
„Что клалъ я заповѣдь великую
„На ту-же сабельку на вострую“.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ
Въ ту-же силу да невѣрную,
30. Сѣкетъ онъ стараго и малаго,
Не покидаетъ ни еднаго на сѣмена.
Присѣкъ-то всю силу невѣрную.
Выходятъ мужики изъ Чиженца,
Отпирають ворота стѣны городовыя,
35. Выносятъ чашу красна золота,
Сами говорятъ таковы рѣчи:
„Уже-ли намъ послать Господь Ангела,
„Неужь-то послать Архангела,
„Или русскаго могучаго богатыря?“
40. Говорятъ мужики города Чиженца:
„Земли русской сильной богатырь!
„Поди къ намъ, хоть царемъ служи,
„Хоть королемъ слыви,
„Бери злата сколько тебѣ надобно“.
45. Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Мнѣ не надо ваша золота казна,—
„Скажите про дорожку прямоѣзжую,
„Куда ѣздить во красенъ Кіевъ градъ?“
Говорятъ мужики города Чиженца:
50. „Прямоѣзжая дорожка нечиста крѣпко,
„Есть три заставушки великія:
„Первая застава—грязи черныя,
„Втора заставушка—дремучи лѣса,
„Третья заставушка есть рѣчинька,—
55. „Рѣчинька Смородинка.
„У той рѣчиньки Смородинки
„Нѣтъ перескоку лошадинаго,—

- „Есть-то у рѣчиньки каленый ¹⁾ мостъ;
„У того же мосту у каленаго
60. „Сидитъ Соловей на семи дубахъ,
„Ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ,
„Ни ясному соколу проѣзду ²⁾ нѣтъ.
„Окольной дорожкой ѣхать три года“.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ
65. По той дорожкѣ прямоѣзжія.
Приѣхалъ къ первой заставушкѣ—грязи черныя;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой мостъ моститъ,
Проѣхалъ заставу—грязи черныя.
70. Приѣхалъ къ заставѣ—дремучимъ лѣсамъ;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубы рветъ.
Приѣхалъ къ третьей заставушкѣ—
Ко той рѣчкѣ Смородинкѣ,
75. Ко тому мосту каленому:
Сидитъ Соловей на семи дубахъ.
Заревѣлъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ по соловьиному;
Подъ богатыремъ конь спотыкается,
80. Спотыкается конь, ужагается.
Ужъ какъ бьетъ осударь добра коня,
Бьетъ по тучнымъ бедрамъ:
„Не слыхалъ-ли ты крику богатырскаго,
„Не слыхалъ-ли ты свисту соловьиного?“
85. Кладетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣльнулъ стрѣлочкой каленую,
Пала стрѣлочка Соловью во правый глазъ;
Паль Соловей со семи дубовъ,
Паль Соловей на сыру землю.
90. Беретъ осударь Илья Муромецъ,
Беретъ-то его на добра коня,
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ.
Случилось ѣхать мимо Соловьина гнѣздышка;
Увидѣли Соловьины дѣточки,
95. Большая дочь говорить:
„Вотъ батюшко ѣдетъ, мужика везетъ“.
Средняя дочь говорила таковы рѣчи:
„Батюшко ѣдетъ, мужика везетъ

---

¹⁾ Каленый.

²⁾ Пролету?

- „На съѣденѣ малымъ дѣточкамъ“.
100. Меньша дочь говорила таковы рѣчи:
„Мужикъ-то ѣдетъ, везетъ батюшка,
„Приковаль онъ ко стремени булатному“.
Больша дочьхватила подворотенку,
А середняхватила коромысельце,
105. Меньшахватила помельшко.
Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
„Не гнѣвите-тко сердца богатырскаго,
„Насыпайте телѣги красна золота,
„Возите ко городу ко Кіеву,
110. „Выкупайте родимаго батюшка“.
Поѣхаль осударь Илья Муромецъ
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ.
Разъѣхался осударь Илья Муромецъ
115. Ко тому ко князю ко Владимиру
На широкой дворъ.
Онъ мечетъ коня среди двора,
Оставляетъ Соловеюшка у стремени,
У стремени булатнаго.
120. Пошелъ Илья Муромецъ
Во гридню княженецкую.
Крестъ-отъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ по ученому,
Кланяется чуднымъ образамъ,
125. Бьетъ челомъ князю Владимиру
И всѣмъ русскимъ могучимъ богатырямъ,
И всѣмъ боярамъ по обычаю.
Понесли перву яству лебедь бѣлую,
Садилосударя во больши мѣста,
130. Наливали чару зелена вина,—
Не малу чару полтора ведра;
Принимаетъ осударь единой рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ.
Хмелина въ головѣ появилась;
135. Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Я ѣхаль дорожкой прямоѣзжею,
„Очистилъ дорожку прямоѣзжую,
„Я привезъ Соловьѣшка Рахманова“.
Говорятъ-то ему князи-бояри:
140. „Наѣхаль мужикъ засельщина,
„Засельщина, деревеньщина;
„Пустымъ-то мужикъ похваляется“.

- Говорить-то осударь Илья Муромецъ:
„Пойдемте на широкій дворъ“.
145. Пошли всѣ бояра на широкій дворъ;
Сидить Соловей у стремени булатнаго.
Говорить-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Засвисти, Соловей, по соловьиному“.
Говорить Соловеюшко Рахмановичъ:
150. „Не твое я пью, кушаю, не тебя и слушаю“.
Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Ужъ ты гой еси, Соловеюшко Рахмановичъ!
„Засвисти, Соловеюшко, по соловьиному,
„Зареви, Соловей, по звѣриному!“
155. Засвистѣль Соловей по соловьиному,
Заревѣль Соловей по звѣриному.
Съ боку на бокъ палата сколыбалася;
Ужахається Владимиръ стольно-кіевскій,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
160. „Не могу я слышать свисту соловьиного“.
Подъ праву руку подхватывалъ
Добрынюшка Никитичъ,
Подъ лѣву Олешенька Поповичъ.
Всѣ-то князи-бояра испопадали,
165. Отъ того свисту соловьиного,
Отъ того реву звѣринаго.
Говорить-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Ты гой еси, осударь, Илья Муромецъ!
„Закличъ Соловеюшка Рахманова“.
170. Закликалъ осударь Илья Муромецъ.
Натянули его дѣточки роженые,
Натянули злата серебра,
Выкупать батюшка родимаго.
Береть осударь Илья Муромецъ злата серебра,
175. Первую ношу кладеть во Божью церковь,
Другую сиротамъ православнымъ,
Третью во красенъ Кіевъ градъ.
Выпускаеть Соловеюшка Рахманова,
Береть съ него роту великую:
180. „Не сидѣть-то тебѣ на семи дубахъ“.
Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ ко своему широку двору.
Остался осударь Илья Муромецъ
Жить во городъ во Кіевѣ.

Записана священникомъ Розавовымъ въ Архангельской губ., на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“.

собранныхъ П. С. Есенинкоу, часть 2-я. Народная словесность. М. 1878. (См. Известія Императорскаго О-ва Любит. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, т. XXX, вып. 2, стр. 19).

*6. Три поѣздки Ильи Муромца.

- Какъ во городѣ, во славномъ во Кіевѣ,
Собирался весь почетной пиръ,
Собиралисе всѣ князья-бояры,
Сильными могучіи богатыри,
5. И поляници ¹⁾ удалыи,
И князя тѣмъ пиръ кончился,—
Сильни могучи богатыри по своимъ мѣстамъ.
Поѣзжае Илья Муромецъ
Въ тѣ-ли степи Саратовы,
10. Въ тѣ-ли луга зеленые.
Наѣзжае онъ на три розстанки широкии,
Проселочки разбитныи.
Лежитъ тута камешекъ сѣрые,
На камешки подпись подписана,
15. На камешки сѣромъ подпечатано:
Кому ѣхати въ правую дороженьку—убиту быть,
А въ середню ѣхати—женату быть,
Въ третью ѣхати—богату быть.
Стоитъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
20. Старымъ умомъ да думаетъ:
„Бываль я въ путяхъ-дороженькахъ широкиихъ,
Не видалъ такого чуда чуднаго, да дива дивнаго;
Въ первую дороженьку ѣхати—убиту быть,—
На бою мнѣ смерть не написана;
25. А въ середню ѣхати женату быть,—
На что мнѣ старому жениться?
Мнѣ-ка стара взять, дакъ на печи кормить,
Молода взять—чужа корысть;
Въ третью ѣхати—богату быть,—
30. На што мнѣ старому богачесво?
У меня своей казны не счѣтано и счѣту нѣтъ.
Поѣду въ первую, гдѣ убиту быть.“
Ѣхаль онъ полями чистыма,
Ѣхаль лугами зеленыма,
35. Наѣзжае на сорокъ тысячъ разбойниковъ,

---

¹⁾ Т. е. въ полѣ ѣздили, какъ объяснилъ пѣвецъ, при чемъ онъ утверждалъ, что поле-вали лишь мужчины.

- Сорокъ латныхъ, кольчужныхъ подорожниковъ.
Становили стараго въ кружаночку,
Стали его выспрашивать:
„Ай же ты, дѣдушко старые,
40. Не знаешь-ли какой-либо роскази,
Или какой-либо бывальщины?“
— Ай же, ребятушка, пошто мнѣ про людей сказывать?
Надоть про самого себя рассказывать:
У меня на добромъ кони сѣделушко въ пятьсотъ рублей.—
45. „Отчего же, дѣдушка, сѣделко было дорого?“
Оттого, ребятушка, сѣделко было дорого:
Есть три строчки въ немъ прострочено;
Одна строчка была серебромъ,
А вторая была съ цервоннымъ золотомъ,
50. Третья была скатняго жемчугу;
У меня на добромъ кони оброцецька была во тысячу.—
„Отчего же, дѣдушка, обротка была дорога?“
— Оттого оброточка дорога,
Что вливаны камешки драгоцѣнные:
55. Придется ѣхать старому середь ночи,
И видна отъ камешковъ драгоцѣнныхъ путь за три поприща ¹⁾.
Я спущу коня да во ковыль-траву,
Во ковыль-траву шолковую,
Видно коня за семь поприщъ;
60. У меня шуба соболина была во тысячу.—
„Отчего же, дѣдушка, шуба дорога?“
— А оттого шуба была дорога,
Что славныхъ сибирскихъ была соболей;
На главы скуфья да во пятьсотъ рублей.—
65. „Отчего же она была дорога?“
— Оттого была дорога:
Спасала отъ меча на бояхъ великаго.—
Говорять тутъ латники,
Они разбойники кольчужники, воры подорожники:
70. „Ай же, ты, старой калика,
Говоришь ты съ нами не съ упадкой“.
Начали они его подергивать,
Начали они его поторкивать.
Разгорѣлось его сердце богатырское,
75. Снимае скуфью со буйной главы,
Началь онъ скуфьею помахивать
И прибилъ всѣхъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,

---

¹⁾ Верста, по объясненію пѣвца.

- Всѣхъ воровъ-подорожниковъ.
Выѣзжае назадъ по той дорожки широкоюй,
80. По тому проселочку разбитому,
Къ тому-ли камешку ко сѣрому,
Старую подпись похириваль,
Новую подпись подписываль:
„Процищена путь-дорожка широкая
85. Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ“.
И поѣду въ ту дорожку-путь широкою, гдѣ женату быть.
Вхаль полями чистыма,
Вхаль лугами зеленыма,
Наѣзжае на шатры бѣлополотняны,
90. На тѣ-ли палаты убранныя;
Тамъ гуляе царица со няньками,
Зазывае гостей, сильныхъ богатырей;
Она держала кровати подложныи,—
Говорила она таково слово:
95. „Старый казакъ, Илья Муромецъ,
Ложись-ко ко стѣнки дубовые,
Ко той ли ко печки муравленой“.
Говорить Илья Муромецъ:
„Я не привыкъ спать у стѣнки дубовые
100. У печки муравленой,
У стараго да моць ¹⁾ не держится,
Онъ привыкъ ходить ночью моциться“.
Онъ беретъ царицу на бѣлы руки
И бросаетъ ко стѣнки дубовые,
105. И провалилась она да въ погреба сорока сажень.
(И уловила сорокъ царей да царевичей,
Сорокъ королей да королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей).
И осерцьялъ старый казакъ Илья Муромецъ
110. И началъ замочки подергивать,
И началъ онъ щиты разламывать,
И выпускаетъ старой царей царевичей,
Сорокъ королей королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей.
115. Доберался Илья Муромецъ до самой волшебницы,
Разорвалъ саму ее на двѣ половиночки.
Выѣзжае онъ по той дорожки широкоюй,
По тому ли проселочку разбитому,
Къ тому ли камешку ко сѣрому,

¹⁾ Моча.

120. Старую подпись похириваль,
Новую подпись подписываль:
„Процищена путь-дороженька широкая
Старымъ казакомъ Ильей Муромцомъ“.
Въ третью дорожку ѣхати—богату быть.
125. Вхаль лугами зелеными,
Наѣзжълъ на камешекъ сѣрые,
Который камень сорокъ сажень;
Подъ камешкомъ много злата, много серебра,—
Кто этотъ камешекъ съ мѣста содвинетъ.
130. И припаль старый казакъ Илья Муромецъ,
Своей старой силой потряхиваль,
Камешекъ съ мѣста содвигиваль
И набралъ онъ злата, сколько надобно.
Отъѣзжае назадъ по той дорожки широкой,
135. По тому ли проселочку по разбитому,
Къ тому ли камешку ко сѣрому,
Старую подпись похириваль,
Новую подпись подписываль:
„Оцищена путь-дорожка широкая
140. Старымъ казакомъ Ильей Муромцомъ“.
Тѣмъ Ильи да судъ прикончился.

Записана Г. И. Куликовскимъ въ июль 1886 года въ деревнѣ Трихнова горка, на Кенозерѣ въ Пудожскомъ уездѣ Олонецкой губ., отъ крестьянина Якова Семенова Еремеева.

7. Илья Муромецъ.

(Сводная былина).

- Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И поѣхаль въ путь-дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскомъ,
5. И надѣлъ-взялъ шубку соболиную.
Старой казакъ Илья Муромецъ,
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понуживать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатную,
10. И вѣсомъ-то она до сорока пудовъ,
И поѣхаль старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широку;
И пришло да тутъ три розтани,
И написано на розтани:

15. Во праву руку ѡхать—женатому быть;
Во лѣву руку ѡхать—богатому быть;
Прямо ѡхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
„Не надобно старому женатому быть,
20. И мнѣ не надо, старому богатому быть,—
Я поѣду гдѣ убитому быть“.
И наѡхаль старой казакъ Илья Муромецъ
На четыреста разбойниковъ;
И всѣ то разбойнички спать улеглись,
25. Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговариваетъ:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
Отдай-ко ты шубку соболиную:
Если честно отдашь,—мы честно возьмемъ,
30. Если честно не отдашь,—такъ мы нечестно возьмемъ.
Отдай-ко ты плеточку да богатырскую;
Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
Если нѣтъ, такъ и нечестно возьмемъ.
Старой казакъ Илья Муромецъ!
35. Отдай-ко ты палицу булатную;
Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
Если честно не отдашь,—такъ мы нечестно возьмемъ“.
— И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболиная обогрѣваться,
40. Плеточка богатырская—коня понуживать,
Палица булатная—поигрывать.—
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убилъ-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
45. И привязалъ-то одного разбойничка къ оторокамъ конинымъ,
И поѡхаль въ путь-дороженьку широкую отъ силы убитой,
Въ шубкѣ соболиной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскомъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживать,
50. И палицей булатной поигрывать.
Малыи рѣвки онъ перешагивать—(конь богатырскій)—
Нешироки озера да перескакивать,
И озера-болота перемагивать,
Лѣсы дремучи подъ себя пущать.
55. И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И пріѡхаль онъ къ Одолищу поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатырскіи

- И говорилъ да онъ таково слово:
60. „И надо бы мнѣ, стару казаку, пообѣдати“.
Проговорилъ Одолище поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ,
Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолище поганое:
65. „Много ли хлѣба кушаешь“?
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолище поганое, три фунта,
Похлебки хлебаю я кружку,
Пива пью я пол-яндовы“.
70. Проговорить татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
Хлѣба ѣшь ты по малу,
Похлебки хлебаешь ты по малу,
И пива пьешь ты по малу“!
75. Проговорить Одолище поганое:
„Вотъ я за богатырь:
Голова у меня, какъ пивный котель;
Глаза у меня, какъ пивны чаши;
И межъ глазами у меня—да цѣлая пядень;
80. И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,
Хлѣба я кушаю—по печи
И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу
И пива я пью—по три яндовы“.
Старой казакъ отвѣтъ держалъ:
85. „У моего родителя у батюшки
Была на дворѣ корова эдака,—
Сама она была да обжорлива;
Ѣла да пила,—да ю розорвало.
Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широко поле,
90. Отвѣдаемъ-ко силы богатырской“.
Сѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна,
Растрепалъ Одолища поганого.
95. И поѣзжае старой казакъ съ этого обѣдища,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Приѣхалъ къ царству незнакомому,
Явился къ королю на бѣлый дворъ.
Донесли королю, что приѣхалъ старой казакъ
100. Илья Муромецъ на королевскій дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:

- „Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
И слышно о тебѣ да о богатырѣ по всѣмъ ордамъ“.
105. Проговорилъ король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ, у меня во двори“.
Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
Одинъ-отъ разбойничекъ къ оторокамъ конинымъ“.
110. „Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
Былъ бы граду моему да защитчикъ.
Нѣтъ у меня такого славнаго богатыря“.
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого короля да со бѣлаго двора,
115. И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать къ городу;
Въ описяхъ есть да написано:
Ко городу надо съѣхать ко Киеву.
Розыскиваю я, богатырь, по всей земли
120. И мѣста да я разсматриваю;
И сидѣль-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣль-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Даль мнѣ Господь хожденіе ногамъ
И силу богатырскую неизвѣстную.
125. И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Хлѣбъ-то онъ имѣлъ да во колчанѣ
И всё dospѣхи при себѣ у богатыря.
Подвигается ко дорогѣ онъ, ко широкой,—
И написано на дорогѣ, на широкой:
130. Во правую путь ѣхать—ко городу ко Киеву,
Во лѣвую путь ѣхать—ко Соловью Рахманову.
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ;
Жилище онъ имѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропускалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы летущей;
135. Свисталъ онъ по змѣиному,
Кричалъ онъ по звѣриному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ;
Охота очистить путь эта ко городу ко Киеву.
Пріѣзжаетъ ко полю, ко чистому,
140. Увидалъ онъ богатыря, ѣзжучись по полю, по великому,
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
И коня-то богатырскаго богатырь понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
145. И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ
Коня сталъ понуживать

- И палицей булатной поигрывать,
Выкидывает палицу подь облако.
И выѣхали эти богатыри на широко поле,
150. И увидѣль Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свиснулъ онъ да по змѣиному,
Крыкнулъ онъ да по звѣриному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.
155. Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ай же ты конь да богатырской!
Не бойся ты свисту змѣинаго,
Не бойся ты крику звѣринаго,
Служи ты вѣрой-правдой мнѣ“!
160. Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто,—
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—
И вышибъ Соловья Рахманаго
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ
165. Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
Ко этимъ къ оторокамъ конинымъ;
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Палицей булатней поигрываетъ;
Привязываетъ къ дому Соловья Рахманаго.
170. Было-то у него да три дочери;
Большая дочь говорить:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ,
Русскаго могучаго богатыря везетъ
Въ оторокахъ кониныхъ“.
175. И средняя дочь тоже говорить:
„Привязанъ русскій могучій богатырь
Къ оторокамъ конинымъ“.
А меньшая дочь говорить:
„Ай вы, сестры мои да родимьи!“
180. Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ
Да нашего батюшку везетъ
У тихихъ ли у торокахъ кониныхъ“.
Привязываетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;
185. Ворота да отворены на пяту, на бѣлый дворъ;
Махнулъ онъ тутъ коня да богатырскаго
Плеточкой шелковой,
Собрался на бѣлой дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;
Выходятъ дочери на крыльцо да на парадное,
190. Проговорятъ богатырю да таково слово:

- „Умертвилъ ты нашего родителя“.
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Знаешь ли ты, большая дочь Соловья Рахманаго,
Есть ли храбрѣ меня, война Илья Муромца, а красивѣе тебя“?
195. Проговорить дочь великая Соловья Рахманаго:
„Я твоей храбрости не вѣдаю,
Стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича,
А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать!“
У меньшей у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Муромецъ:
200. „Есть ли красивѣе тебя и храбрѣе меня“?
Проговорить меньшая дочь Соловья Рахманова:
„Во подсолнечномъ градѣ у короля
Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,
Очи у ней—ясна сокола,
205. По косицамъ у ней звѣзды частыя“.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,
Ко городу ко Кіеву,
210. Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-
Кіевскаго“.

И пріѣхаль старой казакъ Илья Муромецъ
Ко городу ко Кіеву,
Къ тому ли князю да ко Владиміру
И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.

215. И входитъ въ покои княжецкіи,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняется,
И Солнышку князю Владиміру
220. Дѣлаеть поклонъ особенной.
Увидали всѣ русскіи могучіи богатыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій братъ!
Держимъ мы надежду на тебя да великую,—
225. Будь же ты городу Кіеву да защитчикъ“!

Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова въ д. Боярщинѣ Кижской волости Оловец. губ.
Напечатана въ „Памятникахъ народ. творчества Оловец. губ. Е. В. Барсова. С.-Петер. 1873
стр. 22—29.

8. Илья Муромецъ и Мамай.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ за тѣхъ же горъ, изъ за высокихъ,

- Изъ за тѣхъ же лѣсовъ темныхъ,
Изъ за той же сторонушки восточныя,
5. Не темная туча поднималася:
Съ силой Мамай соряжается
На тотъ же на крашенъ Кіевъ градъ,
И хочеть крашенъ Кіевъ въ полонъ взять.
И брать онъ себѣ силы много множество:
10. Сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей,
И за всякимъ визиремъ по сту тысячей;
Да брать своего зятя любимаго,
Своего Василия прекраснаго,
15. И брать за имъ силы войска триста тысячей,
А за самимъ за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля отъ войска потрясалася;
Въ конномъ топищѣ краснаго солнца не видать было,
20. А свѣтлый мѣсяцъ отъ пару коннаго померкнулъ весь,—
Замѣтно было въ городѣ во Кіевѣ.
Дошла до Мамай славушка немалая,
Будто въ томъ же городѣ во Кіевѣ,
Будто не стало Илья Муромца,
25. Будто всѣ сильные богатыри
Во чисто поле разѣхались.
И подходила сила Мамаева
Ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому.
30. Не дошедши они до города до Кіева въ двухстахъ верстахъ
Развернули шатры бѣлополотняные,
Разостлали они войскомъ въ лагерѣ,
И поставили они кругомъ войска стражу строгую,
И говорятъ тутъ Мамай таково слово:
35. „Ужь ты гой еси любимый зять, Василій Прекрасный!
Ты садись-ко, Василій, на ременчатъ стуль,
И пиши-тко, дитятко, ты ярлыки скорописные,
Не на бумагѣ пиши, не перомъ, не чернилами,
А пиши-тко ся ты на красномъ бархатѣ,
40. Ты печатай-ко заголовья краснымъ золотомъ,
А по самой середкѣ чистымъ серебромъ.
А ужъ мы высадимъ, подпишемъ скатнымъ жемчугомъ,
А на углахъ-то посадимъ по камню самоцвѣтному,
Чтобы тѣмъ камнямъ цѣны не было;
45. А пиши ты на бархатѣ неласково,
Со угрозами пиши со великими,

- Пиши, не давай сроку ни на время, ни на малое“.
И писалъ тутъ ярлыки любимый зять,
И говоритъ тутъ любимый зять таково слово:
50. „Ужь ты гой еси, батюшка Мамай, строгій царь!
Мы кого пошлемъ посла во Кіевъ градъ“?
Говорилъ Мамай таково слово:
„Ужь ты гой еси, любимый зять!
Тебѣ-ка ѣхать во крашенъ Кіевъ градъ,
55. А самому остаться въ бѣлополотняномъ шатрѣ
Со своимъ войскомъ съ любимымъ“.
Садился тутъ Василій на добра коня,
Поѣхалъ Василій во Кіевъ градъ,
Не дорогой ѣхалъ, не воротами,
60. Черезъ стѣны скакалъ городовыя
Мимо башенки тѣ наугольныя;
Подѣзжаетъ ко двору ко княжескому
И соскакивалъ съ добра коня удалой,
Заходилъ же онъ на красно крыльцо,
65. Заходилъ же онъ во свѣтлу гридню.
И подходилъ онъ къ столамъ дубовымъ,
И клалъ ярлыки тѣ скорописчатые.
И подходилъ тутъ Владимиръ стольно-кіевскій
И бралъ ярлыки скорописчатые.
70. Какъ въ ту пору, да во то время,
Не ясенъ соколь да подымается,
А пріѣхалъ старый во Кіевъ градъ,
Забѣгаетъ старый на красно крыльцо,
Заходитъ старый во свѣтлу гридню.
75. А Владимиръ стольно-кіевскій
Горючми слезами уливается;
Не поднимаются у него бѣлы руки,
Не глядятъ у его очи ясныя,
Говорилъ же онъ тутъ таково слово:
80. „Ты бери-тко-ся, старый, ярлыки скорописчатые,
Ты читай-ко ихъ скоро на скоро,
И что въ ярлыкахъ тѣхъ написано
И что на бархатѣ напечатано“.
И началъ старый читать скоро на скоро,
85. Самъ читалъ, а головушкой поматывалъ,
Даже горючи слезы покатилися,
И вслухъ читалъ, всѣ слышали
А что же въ ярлыкахъ написано,
И сроку въ ярлыкахъ не дано:
90. „Не спущу изъ Кіева ни стараго, ни малаго,

- А самага Владимира буду тянуть очи косицами,
А языкъ-то теменемъ,—съ живаго кожу драть буду,
А княгинюшку Апраксию возьму за Василия Прекраснаго“.
- Тогда говорилъ старъ казакъ таково слово:
95. „Ужъ ты гой еси посланникъ, строгій царь!
Ужъ ты дай-ко-ся мнѣ сроку на три года“.
—А не дамъ я вамъ сроку на три года.—
„А дай-ко ты намъ кошъ на два года“.
—А не дамъ я вамъ сроку на два года.—
100. „Дайте сроку хошь на полгода,
А безсрочныхъ и на землѣ нѣту“.
Даваеъ Василій сроку на полгода,
И угощать стали Василия Прекраснаго
Зеленымъ виномъ, пивомъ пьянымъ,
105. [Пивомъ пьянымъ] медомъ сладкіимъ,
И начали дарить золотой казной:
Подарили одинъ кубчикъ чиста золота,
А другой-отъ подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хорошихъ,
110. Дарили еще соболями сибирскими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатомъ дарили краснымъ.
Принималъ Василій подарки великіе
115. И везъ къ Мамаю въ бѣлополотняный шатерь.
Во ту пору, во то времечко
Пошелъ старый по Кіеву граду,
Нашелъ дружинюшку хорошую ¹⁾,
Того ли Потанюшку Хроменькаго;
120. Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братицамъ ко названнымъ:
Во первыхъ-то къ Самсону Колувану,
Во вторыхъ-то къ Дунаю Ивановичу,
Во третьихъ-то къ Василію Касимерову,
125. Во четвертыхъ-то къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ племянникомъ.
Во пятыхъ-то къ Потоку Ивановичу,
Во шестыхъ-то ко Добрынюшкѣ Никитичу,
Во семыхъ-то къ Алешѣ Поповичу,
Во восьмыхъ-то къ двумъ братьямъ Иванамъ,
130. Да еще къ двумъ братьямъ, двумъ Суздальцамъ.
Поѣхалъ Потанюшка во чисто поле,
Собралъ всѣхъ удалыхъ добрыхъ молодець,

¹⁾ Хоробрую?

- Русскихъ могучихъ всѣхъ богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
135. Не славны добры молодцы соѣзжались,
Ко тому ли Владимиру собиралися,
И почали думу думати совѣтъ совѣтывать,
И началъ старый у ихъ спрашивати:
„Ужь вы удалы добры молодцы!
140. Постоимъ-ко ся мы за вѣру христіанскую,
И за тѣ же за храмы за божіе,
И за тѣ же честныя монастыри
И своею мы кровью горячею,
И поѣдемъ мы въ далече чисто поле
145. На рать силу великую,
Поѣдемъ мы всѣ покаемся.
А и ты, Владимиръ стольно-кіевскій!
Ты пошли-ко намъ да во чисто поле
Сорокъ воевъ хлѣба бѣлаго,
150. Да сорокъ сороковъ зелена вина
Да сорокъ воевъ хлѣба чернаго.
Ужь какъ мы живы пріѣдемъ изъ рать-силы великія,
Тогда вздумаемъ позабавиться,
И тогда не дошедши моимъ ребятамъ низко кланяйся;
155. А не пріѣдемъ изъ того побоища Мамаева,—
Похорони наши тѣла мертвыя
И помяни русскихъ богатырей,
И пройдетъ славушка про насъ немалая“.
Садились добры молодцы на добрыхъ коней,
160. Поѣхали добры молодцы во чисто поле,
И разставили они шатры бѣлополотныя,
Гуляли они трой суточки,
А на четвертые сутки протрезвились
И начали они думу думати, совѣтъ совѣтывать,
165. И сталъ старый у ихъ спрашивати:
„Ужь вы гой еси, сильныя русскіе богатыри!
Кому же изъ васъ съѣздить въ рать-силу великую,
Ко тому же Мамаю богатому,
Посмотрѣть войско изрядное,—
170. Со которой стороны начинать намъ будетъ?“
—На волю мы даемъ тебѣ, кого пошлешь въ рать-силу великую.—
И на то старому слово понравилось:
„Еще Самсона послать,—силой силенъ, да не поворотливый:
Потеряетъ онъ у Мамаю буйну голову;
175. А если Дуная послать, Дунай онъ задорливый,
Позадорится заѣхать во рать-силу великую;

- Есть во рати три переката глубокихъ,
А наставлены въ перекатахъ копья вострые:
Во-первыхъ, онъ потеряетъ добра коня,
180. А во-вторыхъ, потеряетъ буйну голову;
Не прѣхатъ ко мнѣ Дунаю съ вѣсточкой.
Если Добрыню мнѣ послать, Добрыня все не высмотреть,
И не узнать Добрынь силы Мамаевой;
Если Василія послать, не сосчитаетъ онъ силу
185. И не пересмотритъ ее со краю на край,
Потеряетъ Василій буйну голову долой;
Больше мнѣ послать и некого;
Будетъ мнѣ-ко старому самому идти.
Вы гуляйте-ко суточки теперь первые
190. И гуляйте вы други сутки,
На третьи сутки соряжайтесь
И къ ратному дѣлу поѣзжайте.
Какъ зазвенить палица боевая,
И зачивкаетъ моя сабля острая,
195. И затрублю я во турій рогъ,
И во середку въ силу не ѣдите,
А рубите силу со краю на край
И не оставляйте силы ни стараго, ни малаго,
И никого не оставляйте Мамаю на сѣмя“.
200. И всѣ стали удалы добры молодцы на рѣзвы ноги
И поклонилися всѣ низко старому,
И поѣхалъ старъ во рать силу великую
И пробивался старый до бѣла шатра до Мамаева,
Соскакивалъ тутъ старый со добра коня
205. И заходилъ старый во шатерь бѣлополотняный;
Идетъ старый казакъ, низко не кланяется.
Увидалъ тутъ Мамай въ шатрѣ челоуѣка страннаго,
Говорилъ же Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси, Личарда слуга вѣрная!
210. И зачѣмъ ты ходишь и что тебѣ надобно,
И откуль ты идешь и откуль путь держишь,
Изъ Кіева идешь, али изъ Чернигова?“
—Иду же я изъ города изъ Кіева.—
„А и что же нонѣ во Кіевѣ то дѣется,
215. Незнаешь ли ты то, добрый молодець,
И не слыхалъ ли ты да про стараго?
Разскажи-ка ты мнѣ, какой онъ ростомъ,
И сколь широкъ онъ плечьми?“
Отвѣчаетъ тутъ калѣка переходная:
220. —Ужъ ты гой еси Мамай, богатый царь!

- Довольно видѣль я Илью Муромца.
Ты гляди на ево все равно, какъ на меня же;
Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ былъ,
Лицо у ево постное, пиво пьеть онъ по стаканчику,
225. А вино то пьеть онъ всего по рюмочкѣ,
А закусываетъ да по калачику.
У стараго то бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая.—
А и тутъ Мамай да прирасхонулся:
230. „Напрасно же шла славушка великая про стараго,
Отъ востоку шла и до запада,
До той орды до великой,
До меня ли Мамай грознаго.
Лучше меньше гонить бы силы войска.
235. Еще есть-ко при мнѣ Рославней Рославнеевичъ,
Приготовь-ка для него говядины быка заразь,
А зелена вина пивной котель,
А промежъ глазъ у него колена стрѣла,
А промежъ плечами двѣ сажени печатныхъ“.
240. Отвѣтъ держить тутъ старый казакъ:
„Ты безумный богатый царь!
Какъ у насъ то во городъ во Кіевѣ,
Собирался у князя Владимира почестень пирь,
А была у Владимира собака обжорлива,
245. По подстолюю собака водилася,
Косьемъ та собака подавилася;
Тутъ собакъ и смерть пришла.
Не уѣхать тебѣ, Мамай, отъ города отъ Кіева,
Срубить у тебя старъ казакъ буйну голову“.—
250. Тутъ Мамаю за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
И хватилъ то Мамай чинжалище, вострый ножъ
И шибъ въ стараго вострымъ ножомъ.
А на то старый увертливъ былъ, ухватку зналъ,
255. И ухватилъ старый вострый ножъ въ бѣлы руки,
И обратилъ старый острый ножъ,
И закололъ старый Мамай и срубилъ ему буйну голову;
И разбилъ палачей много множество,
И добрался до своего добра коня.
260. Скоро старый на коня вскочилъ,
И затрубилъ старый во турій рогъ,
И сомутились у стараго очи ясныя,
И разгорѣлось у стараго ретиво сердце;
Не увидѣль старый свѣту бѣлаго,

265. Не узналъ старый ночи темныя,
И расходились у его плечи могучія,
И размахнулись руки бѣлыя,
И засвистѣла у его палица боевая,
И зачивкала его сабелька острая.
270. И наѣхали удалы добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормленные,
Тѣ же сильные могучіе богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого,
275. И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единого на сѣмена.
И протекала тутъ кровь горячая,
И паръ шелъ отъ трупья по облака.
Оставалися только во лагеряхъ у старого,
280. Два брата,—два Суздальца,
Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей кому бытъ..
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца,
Поѣхали во ту-ратъ силу великую.
А и пріѣхалъ тутъ старъ казакъ со другомъ,
285. А встрѣтить-то у лагерей и некому.
И ѣхали отъ рать-силы великія
Тѣ два брата, два Суздальца,
И сами они похваляются:
„Кабы была теперъ сила небесная,
290. И всѣ бы мы побили ея по полю“.
Вдругъ отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое.
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.
И пріѣхали они ко старому,
295. И ко тѣмъ дружинушкамъ хоробрымъ,
И начали они рассказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро;
И сами имъ во всемъ повинилися.
300. Тутъ поѣхала дружинушка хоробрая
Во ту рать-силу великую,
И начали бить съ краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставать силы больше прежняго.
305. Узналъ старый предъ собою вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
„Ты прости насъ въ первой вѣгѣ,
За тѣ же слова глупыя,

- За тѣхъ же братьевъ Суздальцей“.
310. И повалилась тутъ сила кроволитная,
И начали копать мать сыру-землю,
И хоронить тѣло да во сыру-землю,
И протекла рѣка кровью горячею.
Садились тутъ удалы на добрыхъ коней,
315. Поѣхали удалы ко городу ко Киеву,
Заѣхали они въ крашенъ Киевъ градъ,
Во тѣ же во честны монастыри,
Во тѣ же пещеры во кievски.
Тамъ всѣ они представилися.
320. Тутъ старому славу поютъ.

Записана А. М. Никольскимъ въ г. Мезени Арханг. губ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русск. населенія Арханг. губ., собранныхъ П. С. Еоименкомъ. См. труды этногр. отдѣла И. О-ва Люб. Естественн., Антропологіи и Этнографіи, кн. V, вып. 2-й, стр. 32—35.

* 9. Илья Муромецъ и царь Калинъ.

- Поднимался собака злой Калинъ царь,
И съ нимъ было силушки сорокъ царей со царевичемъ,
И сорокъ королей съ королевичемъ,
У каждаго царя силы по три тысячи,
5. И съ самимъ царемъ силы несказано.
И подступалъ онъ подъ стольный Киевъ градъ,
И ѣхалъ черезъ батюшку Днѣпръ рѣку,
Становился на луга на зеленые,
Разоставлявалъ бѣлы шатры полотняны,
10. И сталъ въ шатрахъ опочивъ держать.
Не спится собакѣ, вдвое грезится.
Выходилъ собака изъ бѣла шатра,
Говорилъ собака таковы слова:
„Гой еси, мои слуги вѣрныя, сорокъ царей,
15. Несите мнѣ ременчатъ стулъ,
Станемъ-те мы думушку думати:
Кого мы пошлемъ въ стольный Киевъ градъ?
А есть у насъ татаринъ трехъ сажень,
Въ толщину татаринъ шести аршинъ,
20. У него голова, какъ сѣна копна,
У него глаза, какъ пивны ковши,
Промежу глазами калена стрѣла,
Промежу ушами тугъ зеленый лукъ.
И тутъ татаринъ не ослушался,
25. Бѣжитъ татаринъ въ стольный Киевъ градъ,

- Къ ласкову князю Володимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву,
Бѣжитъ на улицу на широку,
И входитъ въ палату бѣлокаменну,
30. Богу собака не молится,
И ласкову князю не кланяется,
И самъ говорить таковы слова:
„Стой еси ты, ласковый Владимиръ князь!
Сдавай ты намъ стольный Кіевъ градъ
35. Безъ бою, безъ драки и безъ рубежа,
Безъ того кроволитья напраснова;
Дѣвокъ, бабъ мы плѣнницами выловимъ,
Самово князя въ полонъ возьмемъ“.
Туть-то Владимиръ князь испужается,
40. Его рѣзвья ноги подсекаются,
И бѣлья руки опустилиса,
И буйна голова зачѣмъ съ плечь не катится.
Есть у батюшки у Днѣпра рѣки,
Ужъ какъ ѣздилъ тамъ удалой добрый молодець,
45. Подъ нимъ добрый конь, какъ бы лютый звѣрь,
И самъ на конѣ какъ соколъ сидить,
По имени старый казакъ Илья Муромецъ;
И самъ онъ говорить таковы слова:
„Что ты, батюшка нашъ, Днѣпръ рѣка,
50. Не по старому течешь ты, не по прежнему,
Посередь тебя струичка кровавая?“
Будто провѣщаетъ батюшка Днѣпръ рѣка
Старому казаку Ильѣ Муромцу:
„Вхаль по мнѣ злой Калинъ царь,
55. Злой Калинъ царь, сынъ Смородьевичъ,
Подступалъ онъ подъ стольный Кіевъ градъ,
Становилса онъ на луга на зеленые,
И просить онъ у князя поединщика.“
И туть старому за бѣду стало,
60. Поворачивалъ онъ своего добра коня,
Поворотилъ свое бѣло лицо,
И бѣжитъ онъ въ стольный Кіевъ градъ,
И ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
65. И бѣжитъ онъ на улицу на широку,
И соскакивалъ старой со добра коня,
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
Не спрашивалъ у дверей придверниковъ,
Отворялъ онъ двери по малешеньку,

70. Запираль онъ двери по тихошеньку,
Воходилъ онъ во свѣтлую во свѣтлицу,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь.
75. И со душечкой со княгинею!“
Князь не можетъ ему отвѣту дать.
„Что у те, князь, за болванъ стоить,
Болванъ стоить да неотесанный?“
Взяль, подняль свою черну шляпу
80. И удариль татарина поганова,
И прошибъ онъ стѣну бѣлокаменну,
И улетѣль татаринъ за три версты,
За три версты пятисотныя.
И тутъ то князь возрадуется.
85. Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Немалую чару въ полтора ведра,
Даетъ чару Ильѣ Муромцу.
Принимаетъ старый единой рукой,
Выпиваетъ старый единымъ духомъ,
90. Отошедши, старый поклоняется.
И говоритъ ласковый Володимиръ князь.
Говоритъ таковы слова:
„Стой еси ты, старый казакъ,
Старый казакъ, Илья Муромецъ!
95. Послужи ты мнѣ вѣрой правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною.
Согони ты собаку, зла Калина царя,
Съ моего поля зеленена.“
Говоритъ князю Илья Муромецъ:
100. „Послужу я тебѣ вѣрой правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною.
Только дай ты мнѣ благословеньицо“.
И садился старый на добра коня,
И ѣдетъ онъ въ церковь соборную,
105. И ставиль онъ свѣчу воска ярова
Передъ Матерью Пресвятой Богородицей,
И самъ ставаль на колѣночки,
И поднималь свои руцѣ ко верху:
„Мати Божія, Пречистая Богородица!
110. Пособи ты мнѣ согнати зла Калина царя,
За твой я домъ стою—церковь соборную,
И за Тебя, Мать Пресвятая Богородица!“
И всталъ и пошолъ изъ церкви соборныя,

- И садился онъ на добра коня,
115. И ѣдетъ ко своей матери родимья;
И мать его выходить на красно крыльцо
И встрѣчаетъ она сына на радостяхъ.
„Здравствуешь, моя матушка родимая!
Здорово ты живешь, здоровешенько?“
120. —Я, милый сынъ, здорова и здоровешенька. —
„Такъ у насъ, у ласкова князя Володимера,
Не такъ здорово, не такъ радостно:
Подступалъ собака злой Калинъ царь,
И просить онъ поединщика.
125. Дакъ благословляй ты, матушка родимая,
Мнѣ съѣздить согнать царя Калина,
Согнать со чиста поля.“
Ну и зачалъ онъ по силѣ поѣзживать,
И зачалъ татаръ поколачивать,
130. И куда ѣдетъ,—дѣлать улицу,
И куда повернетъ,—переулочки.
И злые татары здогадливые,
Копали они шанцы глубокіе,
И становили въ нихъ сабли вострыя.
135. Первый шанецъ конь перескочилъ,
Второй шанецъ Богъ перенесъ,
Въ третій шанецъ конь вскочилъ,
Сабли въ шанцѣ раздвоилися,
Тутъ татары задавили Илью Муромца,
140. И связали ему руки бѣлыя,
Сковали ему ножки рѣзвья,
И ведутъ его къ царю Калину,
И бьютъ его Калинъ царь по бѣлу лицу.
И бѣгаетъ его маленькій Калинечекъ,
145. Калинечекъ маленькій царенечекъ:
„Недовлѣтъ тебѣ молодца бить по бѣлу лицу.
И тебѣ лучше бы молодца уговаривать.“
Тутъ то молодцу за бѣду стало,
Поднимать онъ кверху руки бѣлыя:
150. „Спасъ ли ты, Боже милостивый!
За твой я домъ стою, Пресвятая Богородица!“
Не попало старому казаку Ильѣ Муромцу,
Не попало палицы боевья,
Не попало ему сабли вострыя,
155. Не попало копя мурзалецкаго;
Встряхнулся, ничего не стало на немъ,
Попалъ ему татаринъ трехъ сажень,

- И сохвतालъ онъ татарина за рѣзвы ноги,
И сталъ по силѣ похаживать,
160. И зачалъ татаръ поколачивать,
Поколачивать силу татаринѡмъ,
И куда идетъ—дѣлать улицу,
Во сторону вернетъ—переулочки;
И согналъ собаку со чиста поля.

Записана С. И. Гуляевымъ отъ крестьянина Леонтія Тупицына въ Барнаулѣ.

10. Илья Муромецъ и Каинъ ¹⁾.

- Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Заводился у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на боярѣ,
5. На русскихъ могучихъ богатырей.
Все князья, все бѡяра со двора да собѣжали.
Среди-то ноченьки да темной,
Пріѣхалъ-то татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владимиру,
10. Ко Владимиру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ѣрлычекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ-ли столъ да на дубовый,
На ту-ль доску да на позлаченную;
15. Самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
Прибери-тко все дворы да княженецкіи,
Очисти-тко палаты богатырскіи,
Обмети-тко ты улицы стрѣлецкіи—
20. Въѣхать Каину-собакѣ поганому
Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхалъ Каинъ-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому каменю ко Латырю,
25. Ко тому-ли дубу-то ко шіроку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,
Привезъ сорокъ царей, сорокъ царевичей.
У королей, у королевичей силы е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ“.

¹⁾ Соответствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но съ значительными перемѣнами, находится въ сборникахъ Рыбникова, I, 118—119 и Гильердинга № 121.

30. Приказалъ солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій
Зазвонить-то во било колокольное,
Штобы собрались вси русскіи могучіи богатыри
Ко Солнышку князю ко Владимиру
На широкій дворъ и въ палаты княженецкіи.
35. Ужаснулось сердечко у Солнышко у князя у Владимира,
Говорить да онъ могучимъ богатырямъ:
„Быль-то татаринъ поганый среди ночи темныя
Во палатахъ княженецкіихъ;
Ёрлычекъ на столъ да онъ выкидываль,
40. На тотъ ли столъ да на дубовый,
На ту ли доску да золоченую,
И самъ на словахъ да выговариваль:
Ты Солнышко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
Ты очисти-тко дворы да княженецкіи
45. И палаты богатырскіи
И омети улицы стрѣлецкіи.
И пріѣхаль Каинъ-собака поганой,
Ко той рѣки да ко Смородиной,
Ко тому-ль ко каменю ко Латырю,
50. И ко тому ли дубу да ко шіроку;
И привель онъ сорокъ королей и королевичей,
И сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей и королевичей силы е по цѣлой по тысящи,
У царей и у царевичей по сту тысящъ“.
55. И вси сидять русскіе могучіе богатыри,
Утуплены очи ясны во калиновъ мость;
Только нѣтъ единаго стара казака Ильи Муромца
У Солнышка князя Владимира.
Послать русскаго могучаго богатыря
60. Къ стару казаку Илью Муромцу,
Илью Муромцу, сыну Иванычу.
Пришелъ русскій могучій богатырь
Къ стару Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
65. Крестъ кладеть онъ по писаному,
Поклонъ ведеть онъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется;
Стару казаку Илью Муромцу
Дѣлать онъ поклонъ да особинный.
70. „Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Пріѣхаль-то татаринъ поганый въ палаты княженецкіи,
И самъ ерлыкъ-то на столъ да выкладываль,
На тотъ-ли столъ да на дубовый,

- На ту доску да золоченую;
75. Самъ на словахъ да выговаривать:
Прибери-тко ты вси дворы да княженецкіи,
Очисти палаты богатырскіи,
Омети улицы стрѣлецкіи,
И вѣхать Каину-собаки поганой
80. Во стольный градъ во Кіевъ.
Приѣхалъ татаринъ собака паганный
Ко той рѣки ко Смородиной,
Ко тому-ль то камени ко Латырю,
Ко тому-ль то дубу да ко шіроку,
85. И привель сорокъ королей и королевичей,
И привель сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей, у королевичей силы по цѣлой е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ“.
- Проговорить старый казакъ Илья Муромецъ,
90. Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Дай-ко ты, Солнышко Владимиръ князь,
Дай намъ времени поѣдохнуть,
Не на много, не на мало на двѣнадцать дней“.
- Поѣхали во палаты богатырскіи
95. Русскіи могучіи богатыри;
Насыпали пшены бѣлояровой
Конямъ да богатырскимъ;
Они стоятъ—пшено ѣдятъ.
И проходитъ тому времени двѣнадцать дней,
100. Приходитъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
Ко Солнышку князю ко Владимиру,
Дѣлаеть поклонъ да о калиновъ мостъ,
Самъ Владимиру слово выговаривать:
„Ты Солнышко, Владимиръ князь стольно-Кіевскій;
105. „Спусти-тко меня ко тѣмъ-ли татарамъ поганымъ“.
- Прогдворилъ Солнышко Владимиръ князь, стольно-Кіевскій:
„Есть ты молодъ, Ермакъ Тимоѣевъ сынъ,
Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;
Гдѣ же у тебя да родный батюшка?“
110. Воспроговорить младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:
„Ушелъ-то мой родной батюшка
Ко Ерману ко Сергію.
Дай ты, Солнышко, мнѣ, Владимиръ князь,
Прощеньицо и благословеньицо:
115. Поѣду ко татарамъ ко поганымъ;
Дашь прощеньицо—поѣду,
И не дашь благословеньицо—поѣду,

- Стоять за стольный градъ да Кіевъ,
За свое родное отечество,
120. „За свою-ль за ту вѣру христіанскую“.
Пріѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
Ко ѣтымъ ко русскимъ богатырямъ
Во палатки богатырскіи.
Все кони стоятъ и все пшено ѣдятъ,
125. Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
И спятъ русскіи могучіи богатыри.
Проговоритъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
130. И не честь спать русскимъ могучимъ богатырямъ,
Надо ѣхать ко тымъ татарамъ ко поганымъ“
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты, младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ!
135. Есть ты юноша младый,
Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;
И выстань-ко ты во широкъ дубъ,
И посмотри-тко на татаръ да на поганыхъ:
Много-ль нагнано татаръ поганыхъ?“
140. Опустился младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
Со этого со дуба со широка;
Проговоритъ стару казаку Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:
„Только нагнано татаръ поганыхъ—
145. Сѣрому волку въ день не ѡскакать,
И черному ворону въ день не ѡлетать.
И не честь русскимъ могучимъ богатырямъ,—
Надо ѣхать ко татарамъ ко поганымъ“.
И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
150. На этое на поле на чистое,
Ко ѣтымъ татарамъ ко поганымъ.
Высталъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Отъ этого отъ сна да богатырскаго;
155. И высталъ онъ да во широкъ дубъ,
И посмотрѣлъ да ко той рѣки да ко Смородиной,
И ко тому-ль ко каменю ко Латырю,
Ко тому-ль дубу да ко широку;
Посмотрѣлъ то во трубу подозрную
160. На поле на чистое.
И только нагнано татаръ поганыхъ—

- И сѣрому волку въ день не ѡскакать,
И черному ворону въ день не ѡблетать;
И младъ Ермакъ, Тимоеевъ сынъ,
165. И ѣздитъ на томъ-ли конѣ богатырскоемъ
По этому то полю по чистому,
И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
И палицей булатной поигрываетъ.
И во поли чистомъ младъ Ермакъ, Тимоеевъ сынъ,
170. Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубить татаръ да поганныхъ.
У стараго казака Илья Муромца
Разгорѣлось сердце богатырское:
„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!
175. Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ!
Поѣду единъ во поле во чистое“.
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
180. Палицей булатной поигрываетъ;
Пріѣхалъ ко татарамъ ко поганнымъ на поле на чистое,
Стали рубить татаръ поганныхъ,
Со этимъ со младымъ Ермакомъ Тимоеевичемъ,
И прирубили татаръ да поганныхъ
185. На этомъ на полѣ на чистоемъ.
Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко Солнышку князю ко Владимиру;
Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;
Крестъ они кладываютъ по писаному,
190. Поклонъ ведутъ по ученому
И на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняются,
И Солнышку князю Владимиру да въ особину.
„Солнышко Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
Прирубили мы всѣхъ татаръ поганныхъ,
195. Со младымъ Ермакомъ Тимоеевичемъ,
По родительскому прощеньицу,
По Божьему благословеньицу“.

Зап. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Щеголенкова Кижской волости, Олонец. губ. Напечатана въ Памятникахъ народ. творчества Олонец. губ. Е. В. Барсова стр. 34—39.

*11. То-же.

Ко стольному городу ко Кіеву,
При ласковомъ князѣ Владимирѣ,
Наѣзжалъ черной собака воръ Калинъ царь

- Съ сорока царями со царевичами,
5. Съ сорока королями королевичами.
У всѣхъ было силы набрано,
У всѣхъ было силы заправлено,
У всѣхъ силы было по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина
10. Силы было и смѣты нѣтъ.
И тотъ черная собака, воръ Калинъ-царь,
Онъ ходитъ по силы поганьи,
Онъ самъ говорить таково слово:
„Ай же вы мои татарины,
15. Ай же вы мои поганьи!
А кто знаетъ говорить по русскому
А толмачать по татарскому?
А кто бы снесъ письмо князю Владимиру,
Чтобы отдалъ Владимиръ Кіевъ градъ
20. Безъ бою, безъ драки великія,
Безъ самого большого кроволитія“?
И тутъ сыскался татаринъ поганьи,
Самъ говорить таково слово:
„Ай же ты, царское величество!
25. Я знаю говорить по русскому,
Толмачать по татарскому,
И отнесу письмо князю Владимиру,
Что у тебя будетъ въ письмѣ написано“.
И принималъ письмо татаринъ поганьи
30. Отъ собаки царя Калина
И садился татаринъ на добра коня
И поѣхалъ ко городу Кіеву
Ко ласковому князю Владимиру.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору княженецкому,
35. Становилъ коня среди двора,
Идетъ онъ татаринъ въ полаты бѣлокаменныя,
Не крестится татаринъ, не молится
И князю Владимиру не поклоняется,
И бросалъ письмо на дубовой столъ,
40. А самъ говорить таково слово:
„Разсматривай-ко сіе письмо
Отъ нашего да царя Калина“.
И принимаетъ Владимиръ князь
Стольно-Кіевской сіе письмо
45. И письмо разсматривалъ.
А написано у собаки царя Калина,
Чтобы отдалъ Владимиръ князь

- Кіевъ градъ безъ бою драки великія,
Безъ самого большого кроволитія.
50. И назадъ то Владимиръ князь отписывалъ
Собака́ царю Калину:
„Ай же ты, Калинь-царь!
Дай же ты сроку намъ на три года,
И на три года сроку и на три мѣсяца,
55. И на три мѣсяца сроку и на три дня
На три дня и на три часа;
Накурить бы намъ зелена вина,
И наварить бы намъ пива пьяного
И поставитъ бы бочки по Кіеву,
60. Чтобы было чимъ стрѣтитъ тебя царя Калина“.
Отдаваетъ письмо князь татарину
И отпускаетъ татарина поганого.
И садился князь за дубовой столъ,
А самъ слезно князь расплакался:
65. „Раздразнилъ то я сильныхъ могучихъ богатырей,
Какъ всѣ богатыри у меня поразѣхались.
Какъ бы былъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Тотъ бы постарался ради дому пресвятой Богородицы,
Ради Кіевскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
70. И ради церквей соборныхъ,
И ради матери святорусской земли.
Посадилъ я Илью Муромца
Въ погреба глубокіи,
Заморилъ я смертью голодною“.
75. Изъ тѣхъ ли покоевъ изъ свѣтлыхъ
Выходитъ дочь его красна дѣвица,
И поклоняется отцу она да всобину:
„Ужъ ты, отче Владимиръ князь, стольно-кіевскій!
Мы пойдемъ въ погреба во глубокіи
80. И попросимъ стара казака Илью Муромца
Ради церквей да соборныхъ,
Ради Кіевскихъ да угодниковъ
И ради матушки да Святорусь-земли“.
Тутъ проговоритъ Владимиръ князь своей дочери:
85. „Ахъ ты, дочь моя, одинакая!
Ты малешенька да глупешенька,
Ничего ты дочь моя да не вѣдаешь:
Какъ посаженъ Илья Муромецъ уже три года
И заморенъ смертью голодною“.
90. А тая ли дочь да княженецкая,
Она знала про стара казака Илью Муромца.

- Когда посадили Илью въ погреба глубоки,
Тогда она была лѣтъ въ четырнадцать,
И подобрала ключи она отъ погреба,
95. И сама она ходила, кормила
Стара казака Илью Муромца,
И однако говоритъ отцу таково слово:
„Ужъ ты, отче Владимиръ, князь стольно-кѣвскій,
Я видала во Божьемъ писаніи,—
100. Ильѣ Муромцу на бою смерть не писана,
И голодная смерть ему не писана“.
И брали ключи оны отъ погреба
И отмыкали замки крѣпкіе
И заходятъ въ погреба глубоки.
105. И сидитъ старой казакъ Илья Муромецъ
За столомъ за дубовымъ,
А на столѣ горитъ свѣча сальная,
И читаетъ онъ книгу Евангеліе.
И подходит Владимиръ князь стольно-кѣвскій
110. И проговорилъ старцу казаку Ильѣ Муромцу:
„Ты старой казакъ, Илья Муромецъ!
Постарайся ради дому пресвятой Богородицы,
И ради кѣвскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
И ради церквей да соборныхъ,
115. И ради матери Святорусь-земли“.
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ты Владимиръ князь стольно-кѣвской!
Что во Кіевѣ содѣялось“?
Тутъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кѣвской:
120. „Что наѣхалъ черная собака воръ Калинъ-царь
Съ сорока царями царевичами,
Съ сорока королями королевичами,
И у всѣхъ силы набрано,
И у всѣхъ силы заправлено,
125. И у всѣхъ силы по сороку тысячей,
А у самого собаки царя Калина
Силы и смѣты нѣтъ“.
И тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Что отъ собаки царя Калина было писано“?
130. —А то было писано,
Чтобы отдалъ Владимиръ князь Кіевъ градъ
Безъ бою безъ драки великія
И безъ самого большого кроволитія.—
И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:

135. „Ты Владимиръ князь стольно-кіевскій,
И ты что назадъ да отписывалъ?“
—Я то назадъ отписывалъ,
Что ты дай намъ сроку на три году,
На три году на три мѣсяца,
140. На три мѣсяца и на три дня,
На три дня и на три часа,
Чтобы накурить намъ зелена вина
И наварить намъ пива пьяного
И разставить бочки по Кіеву,
145. Чтобы было стрѣтить тебя, царя Калина.—
И проговорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Ты Владимиръ князь стольно-кіевской!
Я самъ поѣду упрашивать царя Калина“.
И сѣдился Илья да на добра коня,
150. И поѣхалъ Илья ко собакѣ царю Калину.
И проѣхалъ Илья близъ собаки царя Калина,
И бьетъ челомъ да поклоняется
Ко собакѣ царю Калину:
„Миръ да здравіе же да Калинъ-царь!“
155. Обвернулся чорна собака воръ Калинъ-царь:
„Да здравствуешь, старой казакъ Илья Муромецъ,
А у насъ сказали тебя и живого нѣтъ,
Ажно живъ старикъ еще поѣзживаетъ“.
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
160. „Ай же ты Калинъ-царь!
А я пріѣхалъ васъ упрашивать:
Дай же намъ сроку на три году,—
На три году, на три мѣсяца,
На три мѣсяца и на три дня,
165. На три дня и на три часа,
Чтобы накурить намъ зелена вина,
Наварить намъ пива пьяного
И разставить бочки по Кіеву,
Чтобы было стрѣтить тебя, царя Калина“.
170. Тутъ проговорилъ чорна собака Калинъ-царь:
„Ты старой казакъ Илья Муромецъ!
Я вѣрю тебѣ и по старости:
Накурите вы зелена вина,
Наварите вы пива пьяного,
175. Проставьте вы бочки по Кіеву
И стрѣтьте меня, царя Калина“.
И тутъ поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Прочь отъ царя Калина,

- И не могъ онъ силы и смѣты дать,
180. И стоячись то старой да пораздумался:
„Я не смѣю напущаться на рать силу великую
И пойду искать отца крестного,
Того Самсона Самойлова,
И всѣхъ двѣнадцать богатырей,
185. Друзьѣвъ братищовъ крестовныхъ“.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Повысталъ на гору на высокую
И смотритъ на всѣ четыре стороны,—
Ничего онъ узрѣть не могъ.
190. Со первой горы онъ опускается
И на вторую высокую гору подымается
И смотритъ на всѣ четыре стороны,—
И ничего казакъ узрѣть не могъ.
Со второй горы опускается
195. И на третью высокую гору подымается
И смотритъ на всѣ на четыре стороны,—
И усмотрѣлъ вдали шатеръ бѣлополотняной,
И поѣхалъ на этотъ шатеръ бѣлополотняной.
Приѣзжалъ къ шатру бѣлополотняну,
200. А тамъ стоятъ то кони богатырскіе,
Кони знакомые кievскіе
Отца крестного Самсона Самойлова
И тѣхъ двѣнадцати богатырей.
И привязалъ Илья своего добра коня,
205. Заходитъ въ шатеръ бѣлополотняной.
И сидятъ всѣ двѣнадцать богатырей
Хлѣбъ соль кушаютъ,
Отецъ крестной Самсонъ Самойловичъ
Онъ во тринадцатыхъ.
210. Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣбъ-соль, отецъ крестной,
Самсонъ сынъ Самойловичъ,
И всѣхъ двѣнадцать богатырей,
Братья крестовые, друзья названные!“
215. И выставляетъ отецъ крестной
Самсонъ сынъ Самойловичъ:
„Здравствуешь, любезной мой крестничокъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!
Мы чаяли тебя и живого нѣтъ,
220. Что посаженъ былъ въ погребъ глубокіи.
Какъ оттуда Господь васъ вынесъ?
Садись съ нами хлѣба соли кушати

- И бѣлыя лебедушки рушати“,
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
225. „Не хлѣба-соли я пріѣхалъ кушати,—
Я пріѣхалъ васъ звать на помочь:
Поѣдьте вы ко мнѣ на помочь
Пособить прогнать собаку царя Калина
Прочь отъ города отъ Кіева.
230. Наѣхалъ собака воръ Калинъ царь
Съ сорока царями со царевичами,
Съ сорока королями королевичами,
У всѣхъ силы понабрано,
У всѣхъ силы заправлено,
235. У всѣхъ силы по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина
Силы то и смѣты нѣтъ.
Тутъ проговорилъ Самсонъ Сынъ Самойловичъ:
„Я не ѣду и тебя не благословлю:
240. У меня положенъ завѣтъ крѣпкій
Не стоять больше за Кіевъ градъ
И за князя Владимира,
А на княгиню Апраксу и не сматривать.
Онъ слушаетъ князей бояръ,
245. А насъ то ничѣмъ не жалуетъ“.
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Отецъ крестной, Самсонъ сынъ Самойловичъ!
Получилъ я отъ родителей
Прощеньице съ благословеньицемъ,
250. Что вѣчно стоять за Кіевъ градъ
Не ради князя Владимира,
А ради дому Пресвятой Богородицы,
Ради кіевскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
Ради матери Святорусь-з-мли.
255. Положи ты половину завѣта на меня,
Поѣдемъ ко мнѣ на помочь,
Пособи прогнать собаку царя Калина
Прочь отъ города отъ Кіева“.
Тутъ проговоритъ Самсонъ сынъ Самойловичъ:
260. „Хоть берешь половину завѣта на себя,
А я не ѣду къ тебѣ на помочь:
Великой у меня завѣтъ есть крѣпкой,
Чтобъ не стоять больше за Кіевъ градъ“.
Тутъ проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ:
265. Положи ты весь завѣтъ на меня,
А поѣдемъ ко мнѣ на помочь,

- А пособи ты прогнать собаку царя Калина
Прочь отъ города отъ Кіева“.
И сталъ онъ упрашивать и сталъ уговаривать
270. Всѣхъ двѣнадцать богатырей.
И сѣдился четырнадцать богатырей
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
И проѣхали близъ силы поганья,
Близъ города Кіева.
275. Раскинули шатеръ бѣлополотняной,
Сѣдился, хлѣба-соли покушали
И бѣлыя лебедушки рушали,
И легли оны спать и опочивъ держать.
А Ильѣ Муромцу не спится а мало себится,
280. И сѣдился Илья на добра коня
И поѣхалъ онъ по силѣ поганоей
И зачалъ по силѣ онъ поѣзживатьъ,
Сталъ силу поганую поколачивать.
И у того ли собаки царя Калина,
285. У татарина у поганого,
Накопано три подкопа глубокіе.
Конь провѣщился человѣческимъ голосомъ:
„Есть у собаки, царя Калина,
Три подкопа то великіе:
290. Я въ подкопъ скочу, повыскочу,
Я тебя Илью повынесу,
Я въ другой скочу, повыскочу,
Я тебя Илью повынесу,
Я въ третій скочу, повыскочу,
295. А тебя Илью врядли повынесу“.
Илья бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ:
„Ай ты волчья сыть, травляной мѣшокъ!
По лѣсу ты или не лѣсываль,
По войнамъ ли ты не воюиваль,
300. Не ужель съ этой ямы ты не выскочишь,
Меня Илью да не вынесешь?“
Его добрый конь въ подкопъ скочилъ,
Самъ повыскочилъ, Илью повыносилъ,
И въ другой скочилъ, повыскочилъ,
305. Илью онъ повыносилъ;
И въ третій скочилъ, самъ повыскочилъ,
И не могъ Илью повынести.
Упадалъ Илья въ подкопы глубокіе,
И обостали татарины поганые,
310. Связали Ильѣ ручки бѣлыя,

- Сковали Ильѣ да ножки рѣзвья,
Привели къ собакѣ царю Калину.
Тутъ проговорилъ собака воръ Калинъ-царь:
„Ай же ты старой казакъ, Ильѣ Муромецъ!
315. Я повѣрилъ тебѣ вѣдь по старости.
На что ты теперечу извѣрился?
Послужи ты мнѣ нынче, царю Калину,
Я дамъ тебѣ мѣсто подли меня,
Или дамъ мѣсто супротивъ себя,
320. А третье мѣсто куды самъ захошъ;
Положу я тебѣ пензю великую“.
Тутъ проговорилъ старъ казакъ Ильѣ Муромецъ:
„Ай ты, черная собака, воръ Калинъ-царь!
Какъ бы одна была у меня ручка правая,
325. Отрубилъ бы тебѣ буйну голову,
Покатилась бы голова твоя, какъ пугвица“.
Тутъ вскричалъ черная собака, воръ Калинъ-царь:
„Ай же вы, татарины,
Ай же вы мои поганьи!
330. Ведите Илью во чисто поле,
Отрубите Ильѣ буйну голову“.
Тутъ хватили татарины поганьи,
Повели Илью во чисто поле,
Хочутъ отрубить буйну голову.
335. И ведутъ Илью мимо церковь соборную,
И возмолятся старый казакъ Ильѣ Муромецъ
Святымъ кievскимъ угодникамъ:
„Вы кievскіе чудотворцы угодники!
Не выдайте татаринамъ поганымъ:
340. Я вѣкъ буду стоять за домъ пресвятой Богородицы“.
И тогда послалъ Господь силу ангельскую,
Оборвали поводъ желѣзныи.
Тутъ сталъ Ильѣ на своей волѣ,
И тутъ хватилъ Ильѣ татарина поганого
345. И началъ татаринѣ помахивать.
Куда вернется, то улица,
Перевернется, переулочокъ.
Онъ гнется татаринѣ, а не ломится,
А крѣпокъ на жильяхъ, а не сорвется.
350. Тутъ отошли всѣ татарины поганые.
И бѣжить Ильинѣ доброй конь
Со всей сбруей богатырскою.
И сѣдился Ильѣ на добра коня,—
Береть онъ саблю вострую и тугой лукъ

355. И натягиваетъ тетивочку шелковую
И накладываетъ стрѣлу онъ каленую,
Ко стрѣлы Илья приговариваетъ;
„Ты не падай, стрѣла, ни на воду ни на землю,
Ты прямо во шатеръ бѣлополотняной,
360. Гдѣ спять русскіи богатыри,
И проломи крышу шатровую,
И проломи у Самсона латы кольчужныя,
И раздроби у него бѣлую грудь,
Разруши сердце ретивое,
365. И убей Самсона Самойлова,
Что спить онъ да проклаждается,
А невагоды онъ надо мною не вѣдаетъ“.
Летѣла стрѣла каленая,
Не пала ни на воду, ни на землю,
370. Прямо въ шатеръ бѣлополотняной.
Проломила крышу шатровую,
И проломила латы кольчужныя,
И ударила Самсону въ мѣдный крестъ.
Тутъ Самсонъ Самойловичъ просыпается
375. И проговорилъ таково слово:
„Еслибъ не крестъ, такъ живу не бывать!
Ай же вы, двѣнадцать богатырей, вставайте-тка;
Видно Ильѣ въ чистомъ полѣ мало собитса“.
И выставали двѣнадцать богатырей,
380. И сѣдѣли на добрыхъ коней,
И поѣхали супротивъ силы поганья,
И прибили, прирубѣли всю силу поганую.
И уѣхалъ черная собака, воръ Калинъ-царь,
Со тою со клятвой великою.
385. На царской костьюль опирается,
А самъ то онъ проклинается:
„Ай не дай Богъ больше бывать подъ Кіевомъ,
Ни мнѣ то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
390. Ни внучатамъ моимъ, ни правнучатамъ,
Что во городѣ во Кіевѣ
Есть сильныя могучіе богатыри“.
Какъ тутъ Владимиръ, князь стольно-кіевской,
Приказалъ постлать сукна красныя
395. До самого побоища смертнаго,
И встрѣчаетъ богатырей
Со златомъ, серебромъ, скатнымъ жемчугомъ,
И дарить ихъ златомъ, серебромъ

- И скатнымъ жемчугомъ,
400. И зазываетъ ихъ въ почестной пиръ.
И тутъ богатыри отсердились,
И столовали, пировали ровно суточки.
И Владимиръ князь стольно-кѣвской
Дарилъ ихъ куницами, лисицами
405. И черными соболями.
Тутъ вѣкъ про Илью старину скажутъ
Синему морю на тишину,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана крестьяниномъ Кижской волости Олонец. губ. Иваномъ Касьяновымъ (см. о немъ Онежскія былины Гильеёрдинга ст. 795) и доставлена имъ И. Русс. Географ. Обществу, которое позволило намъ воспользоваться записью Касьянова.

12. То-же.

- Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ съ моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи маланья сверкать,—
5. Подымалась силушка зла-невѣрная
Калина царя, Тугарина.
Семьдесятъ было царевичей,
У Калины царя по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
10. Стоитъ собака неподалеку,
Отъ Кіева за семь версть,
Разбивалъ лагерь ровно за сто версть,
Самъ ставалъ среди силы,
Среди силы, середь лагерю.
15. Онъ разбилъ шатеръ бѣлъ полотняный,
Онъ собиралъ царей, всѣхъ царевичей,
Всѣхъ своихъ королевичей.
Онъ думаетъ думу крѣпкую,
Думу крѣпкую заединую.
20. Садился скоро на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыкъ скорописчатый,
Не перомъ писалъ, не чернилами,
А на бархатъ краснымъ золотомъ.
Выбиралъ собака посла грознаго:
25. „Ты поди, посолъ, въ стольный Кіевъ-градъ,
Ты не спрашивай приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,

- Ты скачи во градъ бездокладышно,
Станови коня среди дворца,
30. Входи въ полаты не моляся,
И Владимиру князю не кланяйся,
А ты кидай ерлыкъ на дубовый столъ,
Проси силы сорокъ тысячей,
А не то проси стольный Кіевъ-градъ,
35 А не то проси дочь любимую".
Туть собака не ослушался,
Скакаль собака въ стольный Кіевъ-градъ,
Не спрашиваль приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,
40. Скакаль во Кіевъ бездокладышно,
Становиль коня среди дворца,
Входилъ въ полаты не моляся,
А Владимиру князю не кланялся,
Кидаць ерлыкъ на дубовый столъ,
45. Просиль силы сорокъ тысячей,
А не то просиль стольный Кіевъ-градъ
А не то просиль дочь любимую.
Туть-де Владимиръ закручинился,
Весьма-де Владимиръ опечалился,
50. Повѣсиль буйную головушку,
Опустиль очи въ мать сыру землю:
„Нѣтъ-то теперича помощничковъ,
И за Кіевъ-градъ нѣтъ пристателей,
Нѣтъ сильныхъ могучихъ богатырей,
55. Ни Ильюшеньки, ни Алешеньки,
Нѣтъ Добрынюшки, нѣтъ Никитича".
Не успѣль Владимиръ думу сдумати,
Не ясенъ соколъ перелетываль,
Не бѣлый кречеть перепорхиваль,
60. Пріѣзжалъ добрый молодець
Старой казакъ Илья Муромецъ,
Пріѣзжалъ онъ скоро на широкъ дворець,
Соскакиваль съ добра коня,
Привязаль коня къ дубовому столбу,
65. Ко тому-ли колечку злаченому,
И входитъ въ полаты потихошеньку,
Отпираеть двери помалешеньку,
Чтитъ да крестить лицо бѣлое,
Чуднымъ образамъ Богу молится,
70. А Владимиру князю низко кланяются:
„Ой, еси ты, батюшка, Владимиръ князь,

- А свѣтлое солнце, нашъ кievскій,
Что-же ты весьма закручинился,
Что-же ты весьма запечалился
75. И повѣсилъ съ плечъ головушку?
Ото сна-ли Владимиръ пробуждается:
„А, старой казакъ, Илья Муромецъ,
Правая моя вѣрна рученька!
Не знаешь невзгодушки надъ Кіевомъ:
80. Нападаетъ собака тутъ Калинъ-царь,
Онъ проситъ силы сорокъ тысячей,
А не то отдать стольный Кіевъ-градъ,
А не то отдать дочь любимую“.
— „А это что у те за гость сидитъ,
85. А это что у те за болванъ сидитъ,
А этотъ болванъ неотесанный,
Неотесанный, да и неоскобленный“—
Нечего было собакъ дѣлать,
Выходилъ собака на красно крыльцо,
90. Скакаль собака на добра коня,
Убѣжалъ собака къ Калину-царю.
И возговорилъ Илья Муромецъ:
— „Ахъ ты батюшка нашъ, Владимиръ-князь,
Ты бери свои золоты ключи,
95. Отпирай свои золоты ларцы,
Нагребай мисы чиста серебра,
Нагребай мисы краснаго золота,
Нагребай мисы скатнаго жемчуга,
Я поѣду къ Калину царю со подарками,
100. Проситъ сроку намъ на три дня“.—
А не даетъ собака на три часа.
Тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За злую досаду показалось;
Забѣжалъ онъ въ силу невѣрную,
105. Гдѣ махнетъ, тутъ и площади.
Закричалъ собака Калинъ-царь:
„Всѣ мои царевичи,
Всѣ мои королевичи,
Копайте колодцы глубокие,
110. Хватайте добра молодца,
Старога казака Илью Муромца!“
Первый колодецъ его Богъ пронесъ,
Второй колодецъ его конь пронесъ,
А въ третьемъ колодцѣ спотыкается.
115. Нападала сила невѣрная,

- Связали рученьки бѣлыя,
Сковали ноженъки рѣзвыя,
Привели къ собакѣ Калину-царю.
Возговорилъ собака Калинъ-царь:
120. „Отведите на поле широкое,
Отрубите отъ плечъ буйну головушку!“
Сидить при Калинѣ любимый сынъ,
Говорить ему таковы слова:
— „Государь ты мой, батюшка!
125. Не губи молодца понапраслину,
Не руби ему буйной головушки,
А проси изъ чести, изъ милости:
Какъ служилъ царю бѣлому,
Царю бѣлому, князю Владимиру,
130. Такъ бы и намъ послужилъ“. —
Сталъ его просить Калинъ-царь:
„Послужи намъ вѣрой, правдою,
Какъ служилъ князю Владимиру“.
— „А кабы была при мнѣ сабля острая,
135. Послужилъ бы я на твоей толстой шеѣ!“ —
Тутъ царю за бѣду стало,
За злую досаду показалось,
Соскакивалъ на ноги рѣзвыя,
Билъ Илью по бѣлу лицу,
140. Избивалъ лицо его до крови.
Тутъ Ильюшенька возговорилъ:
— „Ахъ, мать Божья, Богородица,
Что ты на меня прогнѣвалась!“
Разводилъ онъ рученьки бѣлыя,
145. Разорвалъ чумбуры шелковые,
Разорвалъ желѣзы нѣмецкія,
Поймалъ татарина трехъ сажень,
Ходилъ съ нимъ три суточки,
И вышелъ Илья на Алтай гору,
150. Натягивалъ свой тугой лукъ,
Стрѣлялъ стрѣлки каленныя,
Ко стрѣлкамъ онъ приговаривалъ:
„Полетайте, стрѣлы, высокошенько,
Высокошенько и далекошенько,
155. Не падайте ни на воду, ни на землю,
А падите Алешѣ во бѣлый шатеръ,
Попадите Алешѣ на бѣлую грудь“.
Взялъ Алешенька стрѣлочку,
И такъ Алешенька возговорилъ:

160. „Кто то надъ нами шутку шутить,
Шутку шутить или насмѣхается!“
Сталъ Алешенька повертывать,
Сквозь слезы поговаривать,
Добрынь Никитичу письмо писать:
165. „Нашъ-отъ братъ во поиманьи,
Старой казакъ Илья Муромецъ“.
Не успѣлъ онъ выспаться, они сбѣжались,
Били они силу невѣрную,
Только оставили одного мальчика,
170. Любимаго сына Калина-царя.
И приѣхали къ князю Владимиру со славомъ,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владимиръ князь ихъ потчивалъ,
Три дня гуляли, веселилися.

Записана въ Бухтармѣ, на Иртышѣ, отъ казака Дьякова и напечатана Г. Н. Потанинымъ въ его статьѣ „Югозападная часть Томской губерніи“ въ Этнографическомъ Сборникѣ И. Р. Геогр. Общества, вып. VI, стр. 97—102.

13. Илья у царя Василя Боголюблева.

- Какъ съѣхались сильніи могучіи богатыри въ чистомъ полѣ,
Оны съѣхались да поздоровкались,
Со первой со стороны батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ,
А съ другой со стороны сильное Иванище, Игнатъевъ сынъ;
5. Оны съѣхались да поздоровались.
„Здравствуй, сильное Иванище, Игнатъевъ сынъ!
Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“
Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатъевъ сынъ:
„Я отголь иду да отъ Царя-града,
10. Отъ Царя-града иду да отъ Иеросолима“.
Говоритъ ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Во Цари-гради есть вѣра та-ль по старому?
Въ Иеросолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“
Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатъевъ сынъ:
15. „Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
Въ Иеросолимѣ есть вѣра не по прежнему,
Тамъ обсилило проклятое Идолище,
Сидитъ между царемъ, между царицею,
Межь Сурывливимъ Васильемъ Боголюблевымъ“.
20. Говоритъ ему старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Чтожь ты на проклятое не напуцалъ?“
Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатъевъ сынъ:

- „Не то я на проклятаго не напускалъ,
Не смѣлъ то я думушкой подумати,
25. Не смѣлъ то я мыслями помыслити;
Какъ головище у проклятаго съ пивной котель,
А глазища у проклятаго съ пивны чаши,
А носище у проклятаго бывъ калена стрѣла,
А туловье у проклятаго будто куча сѣнна, несмѣтная“.
30. Говоритъ тутъ старый казакъ да Ильѣ Муромецъ:
„Ай-же ты, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
Ты садись-ко на матушку сыру землю,
Разувай-ко лапотки изъ семи шелковъ,
Ты снимай-ко подсумки изъ лита ²⁾ бурхата,
35. Вынимай-ко шляпу земли грецкіи,
Скидывай ты гуню сороцинскую,
Одѣвай-ко мое платье дорожное“.
- Онъ отвѣчать ему, стару казаку да Ильѣ Муромцу:
„Какъ добромъ тѣ не дать, такъ ты силѣмъ возьмешь,
40. Силѣмъ возьмешь, да мнѣ-ка горбъ надмешь“.
- Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ шляпу земли грецкіи,
Скидывалъ онъ гуню сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платье Ильюшино дорожное.
45. Скорымъ-наскоро Ильюша одѣвается,
Покрутѣшенько Ильюша снаряжается,
Обувалъ Ильюшинка лапотки семи шелковъ,
Въ которыхъ лапотикахъ заплачено
По камешку по яхонту,
50. По яхонту по самоцвѣтному,
Не для-ради красы-басы убожества ³⁾,
А ради укрѣпы богатырской, молодеческой,
Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
55. Справлялся Ильюша во дороженьку,
Покрутенъко да снаряжается;
Изымалъ Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ единого;
Пошелъ Юльюша, пробирается,
60. Только мать земелька подгибается.
Скоро скажется, по успѣху дѣло діется.
Это будетъ Ильѣ да у Царя-града,
У Царя-града у Иеросолима,

---

²⁾ Рыта?

³⁾ Пригожества.

- У той стѣны у городовоѣй.
65. Закричалъ Юльющенька въ полголоса,
Во Цари-гради новыя дома пошаталися,
А старыя то дома разсыпалися,
А бережія кобылы жеребилися,
Брюхатыя бабы розродилися;
70. На Божьихъ церкѣвахъ чудныя кресты покривились,
Проклятое чудовище у палаты грановитыя
Ужаснулся да чуть обмалтался ¹⁾,
Самъ говоритъ таковыя слова:
„Ай-же ты, царь Василій Суровлевичъ да Боголюбевичъ!“
75. Выходи-тко на крылецко на царское,
Закричи ты, царь, да зычнымъ голосомъ;
Како у тыя во Цари-гради уродище уродуетъ,
Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
Чтобы шелъ онъ въ палату грановитую,
80. Во ту гридню во столовую,
Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
Крестъ клалъ онъ по писаному,
Кланялся на всѣ четыре стороны,
Царю со царицею понизешеньку,
85. А твоимъ гостямъ любимымъ въ особину“.
Тутъ выходилъ царь на крылецко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калика переходящая!
Ты поди ко мнѣ во покой во царскіи,
90. Крестъ кладай по писаному,
Поклонъ веди да по ученому,
Клонись на всѣ четыре стороны,
Царю съ царицею понизешеньку,
Моимъ гостямъ любимымъ въ особину“.
95. Того-то шипъ-калика взрадовалася,
Скакалъ калика черезъ стѣну городѣвую,
Черезъ тотъ-то тынь черезъ булатный,
Шелъ калика скорымъ-наскоро
На ты сини на царскіи,
100. Во ту палату грановитую,
Во ту во гридню во столовую.
Ужъ онъ крестъ клалъ да по писаному,
Поклоны велъ да по ученому,
Клонится на всѣ на четыре на стороны,
105. А царю съ царицею въ особину,

---

¹⁾ Т. е. едва опомнился, опаматовался, очнулся.

- А проклятому чудовищу челомъ не бьеть.
Это тутъ проклятому не слюбилося,
Онъ вѣдь сталъ калику выспрашивать,
Сталъ каликушку вывѣдывать:
110. „Ай-же ты, калика-пишъ переходящая!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего отца да коей матушки?“
—Я со матушки да со Святой Руси,
Со Святой Руси да съ богатой орды.—
115. „Видалъ ли ты пишъ-калика переходящая,
Видалъ ли ты да Илью Муромца?
Какъ у васъ на матушки на Святой Руси
Есть Илья у васъ Муромецъ,
Онъ у васъ, говорятъ, силенъ есть“.
120. Отвѣчать пишъ-калика не съ упадкою:
„Голосомъ и волосомъ и возрастомъ,
Будто братецъ мой;
Ужъ я платица ношу его обдержечки,
А сапожки ношу его обтопточки,
125. А шляпу ношу его да рваную“.
Говоритъ ему проклятое Идолище:
„По много-ли онъ хлѣба къ выти кушаетъ?“
—А колачъ да булочка ему на два дня.—
Говоритъ тутъ сильное проклятое Идолище:
130. „Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ:
Ѣмъ семь печей калачей
Да сорокъ мякушечекъ;
По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,
А по лебедю я сразу закусываю“.
135. Говоритъ тутъ пишъ-калика переходящая,
Отвѣчаетъ онъ калика не съ упадкою:
„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,
Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное:
По много къ выти ѣла, ѣла—треснула“.
140. Ему эти рѣчи не слюбилися,
Схватилъ онъ, проклятой, булатный ножъ,
Какъ бросилъ онъ, проклятой, въ Илью Муромца.
Какъ тутъ-то Юльюши смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за липинку ¹⁾,
145. Пролетѣлъ булатный ножъ на сини да на царскіи,
Какъ прибилъ онъ поганыхъ татаровей.
Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженьку,

¹⁾ Босакъ дверной.

- А другого схватилъ за правую за рученьку,
Какъ началъ тутъ Юльющенька помахать,
150. Куды махнеть, туды улица,
Отмахнеть куды,—переулочекъ.
Прибилъ тутъ проклятыхъ татаровой,
Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;
Завзималъ онъ дубинку подорожную,
155. Пришелъ-то онъ во гридню во столовую,
Ударилъ онъ Идолице да между уши.
Покатилась головище, какъ пивной котель,
Полетѣли глазища быдто селезани,
И поплыли по Волхову.
160. Понесло его тушу сѣнную, несмѣтную.
Тутъ ему проклятому славы поконъ.

Записана А. Николаевскимъ въ приходѣ Кулгага, Филимоновской волости, Каргопольскаго уѣзда, отъ крестьянина Щербачова и напечатана въ „Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи“ Е. Барсова, стр. 29—34.

14. Илья Муромецъ и Кузьма Семерцянниковъ.

- Добрынюшкѣ въ шатерушкѣ не заспалось.
Выходить Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны.
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
5. Что не туча идетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,—
Идетъ удалый добрый молодець,
Подъ имъ былъ конь, какъ лютой зверь,
Самъ на конѣ сидитъ какъ усталъ въ добрѣ ¹⁾,
11. Очи его какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.
И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говоритъ таково слово:
15. „Есть ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединничекъ и супротивничекъ?“
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
20. Онъ скоро сѣдлалъ, уздакъ своего добра коня,

¹⁾ Стихъ испорченъ А. Н. Веселовскій предлагаетъ читать:

Самъ на конѣ сидитъ кутаеъ добръ. См. Журн. Мин. Народн. Просв. Часть ССКЛІІ стр. 194.

- Поскорѣ того на коня скакаль;
Настигъ его у рѣки Смородины.
Загаркаль то ень по звѣриному,
Засвисталь то ень по соловьиному.
25. Подъ нимъ конь не шарахитя,
А самъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодець,
Загаркаль то ень по звѣриному,
И засвисталь то ень по соловьиному:
30. Тутъ подъ Добрыней конь на колѣнка палъ,
Тутъ Добрыня и поворотъ держаль,
Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходить Илья Муромецъ на улицу
И самъ говорить таково слово:
35. — Далече-ли ты издилъ, Добрыня, куды путь держаль?—
„Ужъ ты, ахъ же ты дядюшка,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Мнѣ ноцесь въ шатерушку не заспалось,
Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,
40. Поглянулъ въ подвосточную сторону;
И не туча идетъ передъ дождицкомъ,
Не громъ загремѣль передъ молоньей,
И идетъ удалый добрый молодець.
Подъ нимъ былъ конь какъ лютой звирь,
45. И самъ сидитъ на конѣ какъ упалъ съ добрѣ¹⁾,
И очи его какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго.
У коня изъ ушей и ноадрей искры сыплются,
Изо рта у него полымя машеть.
50. И идетъ мимо евгѣи бѣлы шатры.
И самъ говорить таково слово:
—Есть-ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединщицекъ и супротивщицекъ?—
„Тутъ (мнѣ) Добрынюшкѣ за преку пришло,
55. За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Я и скоро сѣдлалъ, уздалъ коня,
Поскорѣ того на коня скакаль,
И настигъ я его у рѣки у Смородины,
60. И загаркаль то я по звѣриному,
И засвисталь то я по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарахитя.

---

1) См. выше стихъ 9-й.

- И самъ ень на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодець,
65. Загаркаль то ень по звѣриному,
И засвисталь то ень по соловьиному:
Подо мной конь на колѣнка палъ,
Я на конѣ цють живъ сидѣль“.
Илью Муромцу тутъ за преку пришло,
70. За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
И скоро сѣдлалъ, уздалъ добра коня,
И о двѣнадцати подпругинкахъ подпругиваль,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
75. А четвернадцатой клалъ наф(хв)остницекъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Береть онъ копыцо булатное,
Вострой ножъ беретъ съ чинжалищемъ,
И только видѣли молодца на конѣ сядючи,
80. И не видѣли его поѣдучи.
Конь озера и рѣки перескакиваль,
Темные лѣса между ногъ пустиль,
И настигъ его на полѣ Бойкановѣ.
И прѣвзжаетъ Илья Муромецъ ближе того;
85. И закаркаль-то ень по звѣриному,
И засвисталь-то ень по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарашитьсе,
И самъ на конѣ не оглянетъсе.
Оглянулся удалый добрый молодець,
90. Загаркаль-то ень по звѣриному,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.
И бьетъ Илья Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ:
—Ужъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Видно чаешь надо мной невзгодушку.—
95. Конь и вскочилъ и близко подѣвзжаетъ къ богатырю;
И ударилъ его палицей желѣзною по главѣ:
У его старики (?) колпаки не стяхнулисѣ,
И желты кудри на главѣ не сполстисѣ.
И самъ говоритъ таково слово:
100. „Яже на святой Руси комарики,
Больне комарики кусаютсе“.
И завели ени битьсе палицми желѣзными,—
У ихъ палицы приломалисе;
И завели ени въ копыцы булатни,—
105. У ихъ копыя приломалисе;
И завели ени битьсе въ рукопашный бой,

- И перебилъ Илью Муромца и на верхъ его.
Илью Муромцу смерть была не писана:
Свернулсе и наверхъ его.
110. И выдергиваетъ Илью Муромецъ ножъ съ чинжалищемъ,
И сдымаетъ ножъ выше головы:
— Скажись, молодець, не утай меня,
Не утай меня и не съѣшь себя,—
Которой земли и которой орды,
115. Котораго (?) ¹⁾ и которой матери?—
„Ужь ты, старая собака, воръ сѣдатой волкъ!
Кабы былъ на твоихъ грудяхъ черныхъ,
Пороль бы твои груди черны,
Ричистой языкъ бралъ бы съ теменемъ,
120. Отсѣкъ бы твою буйную голову.
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросалъ бы о сыру землю ²⁾.
Не могъ я отъ тебя отперитисе,
Отперитисе и отказатисе:
Есть я *Кузьма Семерцѣиновъ* богатырь“.
125. Онъ и скоро скакалъ со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
И цѣловалъ въ уста сахарныя,
И назвалъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ енѣ съ племянникомъ погостилисе,
130. Тутъ енѣ и распростилисе;
Одинъ въ сторону поѣхалъ,
А другой въ другую.
Илья Муромецъ и разоставилъ шатеръ бѣло-полотняненъ,
И заснулъ енѣ богатырскимъ сномъ.
135. И разгорѣлось у племянника сердце богатырское,
Прѣбжааетъ енѣ ко бѣлу шатру,
И токнулъ Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
Илью Муромцу смерть была не писана:
На груди у его угодился крестъ.
140. Онъ скоро скакалъ съ богатырскаго сна,
И бралъ племянника за ружки за бѣлыя,
И бросалъ племянника о сыру землю;
Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня.
— Повози, добра лошадь, куды знаешь его!—

Записалъ учитель Сойдинскаго училища Константинъ Макаюновъ отъ крестьянина дер. Сойды (Вытегорскаго уѣзда Олонец. губ.) Дементія Тимоеева. Напечатана въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1885 г. № 1. стр. 25—55.

¹⁾ Отца?

²⁾ Эти шесть стиховъ пѣвецъ пропѣлъ трижды.

15. Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ.

- Жилъ, былъ торговый гость Никитушка Романовичъ,
Живучись-то Никитушка приставилси.
Оставалась у Никиты любимà семья,—
Любимà семья, молодà жена;
5. Еще оставалось чадо милое,—
Еще милое чадышко, любимое,
На имя Добрынюшка Никитичъ.
Сталь-то Добрынюшка на возрастъ,
Какъ ясной соколъ на возлетъ.
10. Изучилъ Добрынюшка боротися,
Изучился онъ съ крутой, съ носка спущать.
Прошла про него слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ украинамъ;
Дошла эта слава до славнаго города до Муромъ,—
15. До стара казака до Ильи до Муромца.
Собирался осударь нашъ Илья Муромецъ
На ту на славу на великую;
Поѣхалъ Илья ко славному городу ко Рязани.
Ѣдетъ осударь Илья Муромецъ
20. Ко славному городу ко Рязани,
Самъ своимъ умомъ размышляетъ:
„Досель Рязань-городъ слободой слыла,
Нониче Рязань слыветъ городомъ“.
Заѣхалъ Илья Муромецъ
25. Во славный городъ во Рязань.
Ѣдетъ осударь по Рязани,
Спрашиваетъ у малыхъ ребяточекъ:
„Скажите про Добрыниъ про широкій дворъ“.
Доводили тутъ малы ребяточки
30. До Добрынина широка двора.
Сидитъ осударь на добромъ конѣ,
Кричитъ-то осударь зычнымъ голосомъ.
Сыра-то земля потрясалася,
Съ боку на бокъ палата сколыбалася.
35. Отпирала Добрынюшкина матушка
Окошечка немножечко,
Говорила съ осударемъ потихошеньку:
„Ужъ ты здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!“
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
40. „Ужъ ты какъ меня знаешь, именемъ зовешь?“
Говоритъ вдова благочестивая:

- „Я была у васъ въ Муромѣ,
Я видала тебя изъ молодчества.
Еще знать молодца по поступкѣ,
45. Еще знать сокола по полету.
Добро жаловать ко мнѣ хлѣба-соли ѣсть“.
Говорить осударь Илья Муромецъ:
„У тея гдѣ чадо милое?“
Говорить вдова благочестивая:
50. „Уѣхаль у меня чадо милое
На тѣ-ли на тихи вешни заводи
Стрѣлять гусей и сѣрыхъ утокъ,
И пернастыхъ малыхъ утятъ“.
Немного богатырь наговорилъ,
55. Поѣхаль изъ города, выѣхаль на шеломя окатисто.
Смотрить осударь Илья Муромецъ,—
Смотрить по чисту полю—
Завидѣль во чистомъ полѣ
Богатырь потѣшается:
60. Высоко онъ мечетъ палицу по поднебесью,
На бѣлиньки ручки подхватываетъ.
Поѣхаль осударь Илья Муромецъ,
Приѣхаль ко Добрынюшкѣ Никитичу.
Кричатъ-то, зычатъ крычнымъ голосомъ ¹⁾:
65. „Тебѣ полно, богатырь, потѣшатися,
Намъ пора съ тобой потягаться!“
Снимаетъ Добрынюшка со права плеча ясна сокола,
Посылаетъ ко матери ко родимья:
„Скажитко, ясный соколъ: „наѣхаль на меня богатырь“.
70. Разѣхались богатыри по чисту полю,
Сѣхались богатыри въ одно мѣсто,
Ударились палицами тяжелыми:
Они другъ друга не ранили.
Разѣхались братаны во второй наконѣ,
75. Ударились сабельками вострыми:
Сабли у нихъ пощербалися,—
Другъ друга богатыри не ранили.
Разѣхались братаны во третей наконѣ,
Копьями они ударились:
80. Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ремень за подбрудное,
По колѣнъ-то въ сыру землю втопталися.

¹⁾ Кричатъ-то, кричатъ зычнымъ голосомъ?

- По Добрынюшкину было по счастьюцу
85. У осударя права ножка подвернулася,
Лѣва ручка оскользнулася.
Мастерь былъ Добрынюшка боротися,
Спибъ осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сѣлъ осударю на бѣлы груди,
90. Вымаеъ изъ цынгалица булатень ножъ ¹⁾,
Самъ сидить-то Добрыня прираздумался,
Самъ говорить таковы рѣчи:
„Ты коего города, коей земли?
Какъ ты, молодца, именемъ зовуть?“
95. Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Кабы былъ я у ты на бѣлыхъ грудяхъ,
Не спросилъ я у ты ни про родину,
Спороль бы у тебя бѣлы груди“.
Спрашиваетъ Добрыня во второй наконъ,
100. Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Кабы сидѣлъ я у ты на бѣлыхъ грудяхъ,
Спороль бы я у тебя бѣлы груди,
Посмотрѣлъ бы у тебя ретива сердца“.
Говорить Добрыня во третьей наконъ:
105. „Ты коего города, коей земли?
Тебя какъ, молодца, именемъ зовуть?“
Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Я изъ славнаго города изъ Мурома,
Старый казакъ, Илья Муромецъ“.
110. Соскачетъ Добрыня со бѣлыхъ грудей,
Береть его за ручку за правую,
Подымаеъ осударя на рѣзвы ноги,
Падать осударю во рѣзвы ноги:
„Прости меня въ таковой винѣ!“
115. Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Тебя Богъ простить, Добрынюшка Никитичъ“.
Ужъ тутъ братаны побратались,
Побратались, покрестовались:
„Ты будь, Добрынюшка, малый братъ,
120. А я, осударь, старшій братъ“.
Поѣхали они ко родимой матушкѣ Добрыниной.
Вѣхали въ городъ во Рязань
Ко тому ко Добрынюшкѣ на широкой дворъ.
Встрѣчаеъ ихъ вдова благочестивая,

---

¹⁾ Цынгалице булатень-ножъ.

125. Встрѣчаетъ со чести, со радости.
Тутъ Добрыня сталъ пиръ пировать.

Записана священникомъ Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря въ с. Зимней Золотцѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, собранныхъ П. С. Ефименкомъ, часть 2-я. М. 1878. (См. „Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, т. XXX Вып. 2, стр. 10 и 11).

16. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ-кораблѣ.

- По морю, морю синему,
По синему, по Хвалунскому,
Ходилъ-гулялъ Соколѣ-корабль
Немного немало, двѣнадцать лѣтъ.
5. На якоряхъ Соколѣ-корабль не стаивалъ,
Ко крутымъ берегамъ не приваливалъ,
Желтыхъ песковъ не хватывалъ.
Хорошо Соколѣ-корабль изукрашенъ былъ:
Носъ, корма—по звѣриному,
10. А бока зведены по змѣиному.
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
15. Еще вмѣсто бровей было повѣшено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было повѣшено
Двѣ куницы мамурскія;
20. Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три церкви соборныя;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три монастыря, три почесные;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
25. Три торговица нѣмецкія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Три люди незнаемы,
30. Незнаемы, незнакомые,
Промежду собою языка не вѣдали.
Хозяинъ-отъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановъ,
Его вѣрный слуга—Добрынюшка,

35. Добрынюшка, Никитинъ сынъ,
Пятъсотъ гребцовъ, удалыхъ молодцовъ.
Какъ издалече-далече, изъ чиста поля
Зазрилъ, засмотрѣлъ Турецкой панъ,
Турецкой панъ, большой Салтанъ,
40. Большой Салтанъ Салтановичъ.
Онъ самъ говоритъ таково слово:
„Ахъ, вы, гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки!
Что у васъ на синемъ морѣ дѣется,
45. Что чернѣется, что бѣлѣется?
Чернѣется Соколъ-корабль,
Бѣлѣются тонки парусы.
Вы бѣжите-ко, ребята, ко синю морю.
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
50. Нагребайте поскорѣе на Соколъ-кораблѣ,
Илью Муромца въ полонъ бери;
Добрынюшку подъ мечъ клони!“
Таки слова слышалъ Илья Муромецъ,
Тако слово Добрынъ выговаривалъ:
55. „Ты, Добрынюшка Никитинъ сынъ,
Скоро-борзо походи во Соколъ корабль,
Скоро-борзо выноси, мой тугой лукъ,
Мой тугой лукъ въ двѣнадцать пудъ,
Калену стрѣлу въ косу сажень!“
60. Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Свой тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
„Полети, моя каленая стрѣла,
65. Выше лѣсу, выше лѣсу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрѣла,
Не на воду, не на землю,
А пади, моя каленая стрѣла,
Въ турецкой градъ, въ зеленъ садъ,
70. Въ зеленой садъ, во бѣлъ шатерьъ,
Во бѣлъ шатерьъ, за золотъ столъ,
За золотъ столъ, на ременчатъ стулъ,
Самому Салтану въ бѣлу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
75. Рациби ему ретиво сердце!“
Ахъ, тутъ Салтанъ покался:
„Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ,
Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,

Не внучатамъ, не правнучатамъ,
80. Не правнучатамъ, не пращурятамъ!“

Мѣсто записи неизвестно. Былина помѣщена въ числѣ двухъ другихъ въ рукописномъ сборникѣ, доставленномъ въ Императорскую Публичную библиотеку изъ Вологодской губерніи. Напечатана Л. Н. Майковымъ въ „Живой Старинѣ“, Вып. I 1890 г.

17. То-же.

- Доселево про Кіянъ-море не слыхано,
А понѣче на Кіянъ-море собираются
Супкой, Пруцкой, Новоторженской.
Собирали они тридцать кораблей безъ единаго,
5. Про себя они украшали „Соколъ“ корабль:
Деревца ставятъ кипарисовы,
На немъ снасточки бичевочки шелковыя.
Они на корму сажаютъ Илью Муромца,
А на носъ посажаютъ Добрыню Никитьевича.
10. Ильюшенька Добрынюшкѣ рѣчь возговорилъ:
„Ты отваливай отъ бережка отъ крутаго,
Ты отваливай отъ песочка отъ сыпучаго“.
Вдругъ несчастье надъ корабликомъ приключилося,
Что садился на деревцо сизой орелъ,
15. Потоплялъ онъ корабличекъ во синѣ море.
Какъ на то ли нашъ Ильяхонька разсержался,
Онъ тугой лукъ своей рученькой натягивалъ,
Калену стрѣлу на тетивочку онъ накладывалъ,
Онъ убилъ орла въ бѣлую грудь, въ ретиво сердце,
20. Онъ упалъ, нашъ сизой орелъ, во синѣ море.

Записана на Уралѣ и помѣщена І. И. Желѣзновымъ въ соч. „Уральцы“ — Очерки быта Уральскихъ казаковъ. Т. III изд. 2-е 1888, стр. 123.

18. Добрыня.

(Скимень-звѣрь, рожденье).

- Какъ издалеча, далеча, изъ чиста поля,
Изо того было раздольца изъ широкова,
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы вѣтры подымалися,—
5. Выбѣгало бы тамъ стадечко змѣиное;
Не змѣиное бы стадечко—звѣриное.
Напередъ то выбѣгаетъ лютой Скимень-звѣрь.
Какъ на Скимень-то шерстечка буланая;

- Не буланая-то шерстечка—булатная;
10. Не булатна на немъ шерстечка—серебряна;
Не серебряная шерстечка—золотая,
Что на каждой на шерстинкѣ по жемчужинкѣ.
Напередъ-то его шерстечка sproкинулась,
У того у Скимна рыло, какъ остро копые,
15. У того у Скимна уши—калены стрѣлы,
А глаза у звѣря Скимна, какъ ясны звѣзды.
Прибѣгаетъ лютой Скимень ко Днѣпру рѣкѣ;
Становился онъ, собака, на задни лапы,
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака, по змѣиному,
20. Засвисталъ онъ, воръ-собака, по соловьему,
Заревѣлъ онъ, воръ-собака, по звѣриному.
Отъ того было отъ шипу отъ змѣинова
Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула.
Отъ того было отъ свисту отъ соловьева
25. Темны лѣсы ко сырой землѣ клонилися,
Отъ того было отъ рева отъ звѣринова
Быстрой Днѣпръ-рѣка сколыбалася,
Съ крутымъ берегомъ рѣка Днѣпръ поровнялася,
Желты, мелкіе песочки осыпалися,
30. Со пескомъ вода въ Днѣпрѣ возмутилася;
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася;
Съ крутыхъ горъ камни повалилися;
Крупны каменя по дну катятся,
Мелки каменя по верху несеть.
35. Какъ слышалъ лютой Скимень да невзгодушку:
Ужъ какъ на небѣ родился свѣтель мѣсяць,—
На землѣ-то народился могучъ богатырь.

Былина эта была записана С. И. Гуляевымъ въ Локтевскомъ заводѣ и напечатана въ *неполномъ* видѣ въ Прибавл. къ Извѣст. Императорской Акад. Наукъ т. II, стр. 173—174, а затѣмъ перепечатана въ Сборникъ Кирѣвскаго (II стр. 9—10). Впоследствии она была вновь записана въ болѣе исправномъ видѣ С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ и въ Чумышской волости.

19. То-же.

(Начало).

- Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося;
Не галичья стая въ перелетъ летить,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжить:
5. Напередъ бѣжить собака, лютой Индричкѣ-звѣрь.
У Индричка копыточки булатныя,

- Шерсточка на Индричкѣ бумажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спиночкѣ два блюдечка серебряны,
10. На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченкѣ, къ быстру Днѣпру.
Засвисталь-то онъ, загаркаль по звѣриному,
15. Зашипѣль-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

Записана въ 50-хъ годахъ І. И. Желъзновымъ отъ 80-лѣтняго старика казака Ивана Никитича Чакрыгина. Напечатана въ соч. Желъзнава: „Уральцы.“ Очерки быта уральскихъ казаковъ. Т. III, стр. 3. 1888 г.

20. Алеша (Добрыня) и Скимъ-звѣрь ¹⁾.

- Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Приклоняется *Алеша* къ своей матушкѣ,
Приклоняется *Алеша* ко родимой.
Онъ и просить у ее благословеньица,
5. Онъ и просить у ее, онъ великаго:
„Благослови-ка ты меня, матушка,
Благослови-ка меня ты, родимая,
Да со Скимомъ-звѣремъ поборотися,
Да со Скимомъ-звѣремъ порататися“.
10. А дала-же ему матушка благословеньице,
А дала-же ему родимая великое.
Онъ садился-же *Алеша* на добра коня,
На добра коня богатырскаго;
Онъ поѣхаль-же *Алеша* во чисто поле,
15. Онъ поѣхаль-же *Алеша* во раздольице.
Выѣзжалъ-то *Алеша* на долинушку,
Выѣзжалъ-то *Алеша* на широкую.
Увидаль-же *Алешу* самъ-отъ Скимъ-отъ звѣрь,
Онъ вставаль, воръ-собака, на задни ноги,
20. На задни ноги, на востры когти,
Напередъ на немъ шерстка перепрокинулася.
Закричалъ-же, воръ-собака, по звѣриному,
Засвисталь-же воръ-собака, по змѣиному.

¹⁾ Въ этомъ былинномъ отрывкѣ вмѣсто Добрыни бой со Скимомъ-звѣремъ приписывается Алешѣ.

- Да дрались они, рубились трои суточки,
25. Не пиваючи, не їдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.
Иарубиль его Алеша на мелкі части,
Раскидалъ его Алеша по чисту полю,
По чисту полю, по раздольицу.
30. Выѣзжалъ-же Алеша на дороженьку,
Выѣзжалъ-же Алеша на широкую,
Онъ поѣхалъ-же Алеша къ своей матушкѣ...

Записана Н. Пальчиковымъ и напечатана въ его сборникѣ: „Крестыянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ.“ Сиб. 1888 (№ 37).

* 21. Добрыня Никитичъ и отецъ его Никита Романовичъ

(Бой со змѣемъ).

- Доселева Рязань селомъ слыла,
А нынѣче Рязань слыветъ городомъ.
И жилъ въ Рязани богатый гость
Что по имени Никита, сынъ Романовичъ;
5. Девяносто лѣтъ жилъ Никита, не старился.
Выводилъ изъ стойла добра коня,
Накладывалъ потнички бумажные,
На потнички ковры сорочинскіе,
На коврики сѣделочки черкасскія;
10. Подтягивалъ подпруги шелковыя,
Двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Садился старой на добра коня.
Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,
Не бѣлый кречеть перепархивалъ,
15. Тутъ ѣхалъ удалой, добрый молодець.
Подъ нимъ добрый конь, какъ бы лютой звѣрь,
На конѣ-то сбруя подъ оправою,
Подъ оправою однозолотною;
Самъ на конѣ, какъ соколъ сидить.
20. Ёдетъ онъ ко городу Кіеву,
Ёдетъ онъ ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
Ёдетъ онъ ко высокому ко терему,
Выѣзжаетъ на улицу на широку.
25. Со добра коня Никитушка соскакивалъ,
Ни къ чему онъ коня не привязывалъ,
Никому онъ коня не приказывалъ.

- Спрашивалъ онъ у воротъ привратниковъ,
Спрашивалъ у дверей придверниковъ,
30. Отворялъ двери по тихошеньку,
Запиралъ онъ двери по малехоньку,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь,
35. Со душечкой со княгинею!“
— Добро пожаловать, удалый, добрый молодець,
Ты Никита, сынъ Романовичъ,
За одинъ ты столъ хлѣба кушати.—
Онъ кладетъ крѣпокъ ¹⁾ и со панцыремъ,
40. Кладетъ на дубовый столъ.
Отошедши Никита поклоняется:
„Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Ты давай мнѣ попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и пострижника,
45. Давай монаха и учителя;
При старости мнѣ лѣтъ душу спасти“.
И проговорить ласковой Владимиръ князь:
„Гой еси ты, удалой доброй молодець,
Гой еси Никита, сынъ Романовичъ!
50. На кого ты оставляшь стольный Кіевъ-градъ?
На кого оставляшь меня, князя Владимира?“
Проговорить Никита, сынъ Романовичъ:
„Я надѣюся на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича“.
55. Проговорить ласковый Владимиръ князь:
— Гой еси, Никита, сынъ Романовичъ!
Онъ малешенекъ ишшо и глупешенекъ,
Глупешенекъ,—только трехъ годовъ.—
Онъ даетъ ему попа, отца духовнова,
60. Даетъ игумна и пострижника,
Даетъ монаха и учителя.
Не много Никита пожилъ—переставился;
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богатство,
65. Остается у Никиты молодая жена
Молода Амельфа Тимоеевна;
Остается у Никиты чадо милое,
Молодой Добрыня Никитъевичъ,
Молодой Добрыня семи годовъ.

¹⁾ Нагрудникъ по объясненію С. Н. Гуляева.

70. Сталь Добрынюшка на возрастъ,
Сталь на возрастъ, пятнадцать лѣтъ,
Сталь по улицѣ похаживать,
Сталь онъ палицей помахивать,
Зачаль сабелькой пофыркивать,
75. Сталь онъ копыцомъ подпиратися.
У Добрыни сердце възъярилося,
Могучи плечи расходилися:
Не можетъ уничтожить свое ретиво сердце.
Идетъ онъ во свѣтлую во свѣтлицу,
80. Самъ говорить таковы слова:
„Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимоеевна!
Сдавай ты мнѣ коня богатырскаго“.
И проговорить ему родима матушка:
85. —Ахъ ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенекъ еще и глупешенекъ.
Поживи-ко ты ишшо малешенько,
Покопи-ко ты ишшо ума-разума,
Потерять тебѣ будетъ буйна голова.—
90. „Ахъ, ты, матушка моя родимая!
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мнѣ охота съѣздить далече,
Съѣздить далече, во чисто поле,
Пострѣлять мнѣ гусей-лебедей,
95. И пушистыхъ, перелетныхъ, сѣрыхъ уточекъ“.—
Не могла мать переставить таковы слова,
И выводить она ему добра коня,
Изъ тоя изъ конюшни изъ новыя,
И выносить всю сбрую богатырскую.
100. И накладывалъ Добрыня потнички бумажные,
И на потнички ковры сорочинскіе,
И на коврички клалъ сѣделочки черкасскія.
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Надѣвалъ на себя платье соотцовое;
105. Соотцово платье ему узехонько и коротохонько.
И ставалъ онъ въ стременышко гольяшное,
И садился въ сѣдельшко черкасское.
И стоять его матушка у стремена,
Молода Амельфа Тимоеевна,
110. И плачетъ она, какъ рѣка течеть,
И сама говоритъ таковы слова:
—Ахъ, ты мое дитятко сердечное!
Поѣдешь ты далече во чисто поле,

- Пострѣляшь ты сколько гусей, лебедей
115. И пушистыхъ, перистыхъ малыхъ уточекъ,
И приѣдешь ты къ батюшку Днѣпру рѣкѣ,
Захотись тебѣ будетъ покупатися,
Захотись тебѣ будетъ, Добрынюшка, потѣшишься,
И станешь ты, сѣрый селезень, поплавати,
120. И сѣрый гоголь поныривать.
Черезъ первую ты струичку переплывешь,
Черезъ втору струичку переплывешь,
Черезъ третью струичку не плавай ты:
И тутъ струи вмѣстѣ соходятся,
125. И унесетъ тебя къ горамъ высокимъ,
Ко тому тебя ко люту змѣю;
Пожретъ тебя злой Змѣишшо-Горынишшо.—
Благословился онъ у своей родимой матушки
И поѣхалъ въ далече въ чисто поле.
130. И стрѣлялъ онъ сколько гусей, лебедей
И пушистыхъ, перистыхъ малыхъ уточекъ.
И приѣхалъ онъ ко батюшку Днѣпру рѣкѣ,
И вздумалъ онъ покупатися,
И вздумалъ онъ, удалый добрый молодецъ, потѣшиться.
135. И сталъ онъ, сѣрый селезень, поплавати,
И сталъ онъ, ярой гоголь, поныривать.
Черезъ первую струичку онъ переплылъ,
И черезъ втору струичку онъ переплылъ.
У Добрыни сердце возъярилося,
140. И могучи плечи расходилися;
Переставилъ онъ матушкино благословеньицо.
И тутъ струи вмѣстѣ соходилися,
Унесло его къ горамъ, горамъ ко пещерамъ.
Услышалъ змѣишшо за пятнадцать верстъ
145. Поплавку его богатырскую,
Вылетать изъ пещеры глубокия
И летить на Добрыню Никитича,
И зычить, кричить зычнымъ голосомъ:
„И святы отцы писали, прописалися,
150. Сказали: мнѣ отъ Добрыни смерть будетъ;
Я теперъ Добрынюшку живьемъ сглону,
Живьемъ сглону и хоботомъ убью,
И Добрыню искрой засыплю.“
И тутъ Добрыня приужахнулся:
155. „Ахъ, ты, змѣишшо, злой Горынишшо!
Не честь твоя, хвала молодецкая,
Наступаешь ты на тѣло нагое,

- Тѣло нагое—тоже мертвое.
Дай ты мнѣ, змѣй, сроку на три дни,
160. На три дни и на три часа,
На три часа, на три минуточки“.
И даетъ онъ ему сроку на три дни,
И даетъ онъ ему сроку на три часа,
И даетъ онъ ему сроку на три минуты,
165. Улетать опять змѣй въ пещеры глубокия.
И выходятъ Добрыни три дня, три часа,
И выходятъ Добрыни три минуты;
Все онъ плавать на синемъ морѣ.
И летить опять змѣишшо, злой Горынишшо,
170. Изъ той пещеры глубокия.
И доплывать Добрыня до желта песка,
И доплывать Добрыня до крута бережка,
И выскакивалъ Добрыня на желты пески;
По желтымъ пескамъ Добрыня сталъ поскакивать,
175. Зажималъ Добрыня комъ желта песка,
Бросалъ въ змѣишша, зла Горынишша,
Отшибъ змѣишшу тридцать хоботовъ;
И падалъ змѣишшо на сыру землю,
И билъ его Добрыня о сыру землю.
180. И тутъ Змѣишшо Добрынѣ взмолился:
„Я тебѣ, Добрыня, давалъ сроку на три дня,
Я давалъ тебѣ сроку и на три часа,
Я давалъ тебѣ сроку на три минуты“.
Проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
185. —Ты не будешь-ли летать по городу,
И не будешь-ли ты летать по Кіеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
Не будешь-ли уносить княгиню Апраксию?—
190. Проговорить змѣишшо Горынишшо
„Я не буду летать по городу,
И не буду летать по Кіеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
И не буду уносить княгиню Апраксию“.
195. Проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
—Ты врешь, собака, неустойчивой!—
Говорить тутъ змѣй Горынишшо:
„Ты будь-ко мнѣ, Добрыня, бѣльшій братъ,
А я тебѣ буду, змѣишшо, меньшій братъ.“
200. Я дамъ тебѣ добра коня богатырскаго,
Я дамъ тебѣ потнички не почены ¹⁾,

¹⁾ Пропитанные потокомъ.

- Я дамъ тебѣ коврички не держаны,
Я дамъ тебѣ сѣдельшко черкасское
И со всею сбруей богатырскою“.
205. Туто молодцы побраталися:
Добрыня сталъ бѣльшій братъ,
Змѣишшо сталъ меньшій братъ.
Отпустилъ змѣя Добрыня въ живности,
И улетѣлъ змѣишшо въ пещеры глубокия,
210. И поддѣлалъ себѣ крылья бумажныя,
Полетѣлъ онъ въ стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю ко Владимиру.
И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
215. Со бѣла камня ступала на люта змѣя.
Вкругъ ногъ ея змѣишшо обвивается,
Садить ее на могучи плеча
И унесъ ее въ пещеры свои глубокия...
А тамъ Добрыня приуправился,
220. И идетъ онъ въ стольный Кіевъ-градъ,
Ко своей онъ матушкѣ родимыя.
И выходитъ его матушка на красно крыльцо,
И встрѣчатъ она свое чадо милое,
Молодова Добрыню Никитича,
225. На великихъ своихъ радостяхъ.
И проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
„Здорово, ты, матушка родимая,
Молодая Амельфа Тимоеевна,
И здорово ты живешь, здоровешенько?“
230. И проговорить родима матушка:
—Ахъ ты, мое дитятко сердечное!
Я здорово живу здоровешенько,
А у ласкова князя Владимира
Случилося несчастьицо великое:
235. Вечоръ было поздымъ поздешенько
И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
Со бѣла камня ступала на люта змѣя;
И обвивался змѣишшо Горынишшо,
240. Обвивался вкругъ рѣзвыхъ ногъ;
И садилъ ее змѣишшо на могучи плечи
И унесъ ее въ пещеры глубокия.—
И тутъ Добрынь за бѣду стало,
За великую досаду показалося:
245. „Ахъ ты, моя матушка родимая!

- Мнѣ змѣишшо меньшей братъ,
А я змѣю большой де братъ;
А поѣду ему скорую смерть предамъ“.
Поворачивать Добрыня добра коня
250. И свое поворачивать бѣло лицо;
Мать его стоитъ у стремена,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ахъ ты, мое дитятко сердечное!
Онъ поддѣлалъ крылья бумажныя,
255. На крыльяхъ змѣишшо славной воинъ.
И ты поѣдешь къ змѣишшу Горынишшу,
И станешь подѣзжать ко горамъ ко высокимъ,
И ко тѣмъ ко пещерамъ ко глубокимъ,
И услышитъ змѣишшо за пятнадцать версть,
260. И станеть надлетать на тебя, удала добра молодца,
И станеть кричать зычнымъ голосомъ;
И тутъ ты, Добрыня, приужахнешься;
И зними ты свои руки кверху на небеса,
И проси ты: „Спасъ, ты Спасъ, Боже милостивъ,
265. И мати Пречистая, Пресвятая Богородица!
За Вашъ я домъ стою, за церковь соборную,
И создай Ты, Господи, дождичка!““
И не откуль грозна туча накатится,
И скорымъ-скоро крупенъ дождь пойдетъ,
270. Подмочить его крылья бумажныя,
И падеть змѣишшо на сыру землю.
Станете вы палицами битися,
По насадкамъ ¹⁾ палицы будутъ разгоратися;
Вы тотъ бой бросайте о сыру землю.
275. Станете вы саблями рубитися,
Сабельки у васъ изщербятся;
И тотъ бой бросайте о сыру землю.
Станете вы копьями колотися,
По насадкамъ у васъ копья изломаются;
280. И тотъ бой бросайте о сыру землю.
И вы другъ друга чумбурами сподергайте,
Сохватаетесь вы, молодцы, ручнымъ боемъ,
Распахивай ты свою полу правую,
И выдергивай ты шельгу подорожную,
285. И стегай ты змѣишша по могучимъ плечамъ,
И стегай ты, приговаривай:
Что отъ конскаго поту змѣя пухла.

¹⁾ Насадка—наконечникъ. Гул.

- Застегашь ты его до смерти,
Своей плетью шелковою.—
290. Благословился онъ у своей матери родимыя
И поѣхалъ въ далече въ чисто поле.
И ѣдетъ онъ къ горамъ, горамъ ко высокимъ,
И ко тѣмъ пещерамъ ко глубокимъ.
Услышалъ змѣишпо Горынишпо,
295. Услышалъ за пятнадцать версть:
Ѣдетъ де Добрыня Никитичъ младъ.
И летить къ нему настрѣчу,
И зычить, кричить зычнымъ голосомъ:
„Что святы отцы писали, прописалися,
300. Сказали: мнѣ отъ Добрыни смерть будетъ,
Смерть будетъ, живу не быть, живу не слыть.
Я теперь Добрыню живьемъ сглону,
Живьемъ сглону, хоботомъ убью,
Хоботомъ убью, дымомъ задушу,
305. Дымомъ задушу, искрой засыплю“.
Тутъ Добрыня приужахнулся,
Знималъ свои руки на небо,
Самъ говоритъ таковы слова:
—Спась ли, Спась, Боже милостивой!
310. Мати Пречистая, Пресвятая Богородица!
Создай, Господи, дождичка!—
Не откуль гроза-туча накатилася,
И скорымъ-скоро крупенъ дождь пошелъ;
Подмочило у змѣя крылья бумажныя;
315. Падаль змѣишпо на сыру землю.
Они зачали палицами битися,
По насадкамъ у нихъ палицы разгоралися;
Они тотъ бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубитися,
320. Сабельки ихъ разщербилися;
И тотъ бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у нихъ изломалися;
И тотъ бой бросали о сыру землю.
325. Они другъ дружку чунбурами сподергали,
Сохватались молодцы ручнымъ боемъ.
Распахивалъ Добрыня полу правую,
Вытягалъ шельгу подорожную
И стегалъ онъ змѣя по могучимъ плечамъ,
330. И стегалъ, самъ приговаривалъ:
„Отъ конскаго поту змѣя пухла“.

- И застегаль Добрыня змѣишша до смерти,
Изрубиль змѣишша въ куски во мелкіе.
И сядилса Добрыня на добра коня,
335. И поѣхаль въ пещеры глубокиа,
И нашель онъ княгиню Апраксию.
Лежить княгиня на перинѣ на перовыя,
На подушечкахъ на пуховыхъ;
На правой рукѣ у ней лежить змѣинчишко,
340. И на лѣвой рукѣ змѣинчишко.
Такъ она ему Добрынѣ израдовалась,
Израдовалась, слезно заплакала:
„Ахъ, ты гой еси, удалой доброй молодець!
Прилетить змѣишшо, злой Горынишшо,
345. И пожретъ обоихъ насъ, добрый молодець“.
И проговорить удалой доброй молодець:
— Великая ты княгиня Апраксиа!
Побѣдилъ я змѣишша Горынишша,
Изрубиль его на мелки куски,
350. Своей сабелькой вострою.—
Тутъ княгиня возрадовалась,
И стаеть она на рѣзвы ноги.
Одного змѣинчишка онъ взялъ разорваль
И другого змѣинчишка взялъ растопталъ;
355. И сядилса Добрыня на добра коня,
И сядиль княгиню Апраксию,
И повезъ ко князю ко Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславъичу.
И дорогой говорить таковы слова:
360. „Гой, еси ты, молода княгиня Апраксиа!
Покрестоваемса мы крестами однозолотными,
И ты будь мнѣ сестра крестовая,
А я тебѣ буду крестовой братъ“.
Тутъ они крестами покрестовались.
365. И приѣхаль Добрыня со княгинею
Во Кіевъ-градъ, на улицу на широку,
И идетъ онъ на улицу на широку.
И увидѣль ласковый Взадимиръ князь
Во то окошечко косящато,
370. Во ту околенку стекольчату.
И бѣжитъ онъ скоро на красно крыльцо,
И радуется онъ удалу добру молодцу
И своей княгинѣ Апраксиа,
* И самъ говорить таковы слова:
375. „Гой, еси ты, Добрыня Никитичъ младъ!

- Гдѣ ты взялъ княгиню Апраксию?“
Отвѣчать Добрыня Никитичъ младъ:
„А взялъ я ее у змѣя у Горынишша,
Во тѣхъ во пещерахъ во глубокихъ;
380. И похитилъ я змѣишша Горынишша,
Застегалъ его до смерти,
Изрубилъ змѣишша на мелки куски“.
И тутъ ласковый Владимиръ князь возрадовался,
И собиралъ онъ бесѣду-столованье,
385. Столованье-почестный пиръ;
И собиралъ онъ князевъ, бояровъ,
И веселился онъ, радовался.
Какъ говорить Владимиръ князь:
„Гой еси, ты, Добрыня Никитичъ младъ!“
390. Доступилъ ты княгиню Апраксию
Отъ того отъ змѣя Горынишша,
Дакъ благословляю тебѣ ее взять въ замужество“.
Проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
—Гой еси, ласковой Владимиръ князь!
395. Мнѣ нельзя ее взять за себя замужъ:
Она будетъ мнѣ, княгиня, сестра крестовая.—

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тупицына въ Барнаулѣ.

22. Добрыня въ отъѣздѣ.

- Не громъ гремитъ у насъ въ Кіевѣ,
Не громъ гремитъ передъ дождичкомъ,
Не молонья свѣтитъ передъ тучкою:
Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
5. Передъ старой вдовой Афимьей Александровной:
„Ужъ ты гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Афимья Александровна!
Ужъ ты дай-ка мнѣ свое де благословеньице—
Отнынѣ мнѣ и во вѣки—
10. Во чисто поле, Добрынѣ, ѣхати.
Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле, разгуляюся,
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показаковать,
Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
15. Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
Богатырскую силу испровѣдати“.
Тутъ возговорить его матушка родимая,

- Стара вдова Афимья Александровна:
„Ужь ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
20. Добрынюшка, сынъ Никитивичъ!
Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владать.
Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ,
25. На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ,
По большому полю по Куликову“.
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужь ты, гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Афимья Александровна!
30. Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ,
Я поѣду отъ восхода до запада,
Къ тому озеру къ Бѣлозерову,
Ко дядюшкѣ своему ко родимому,
Для грѣховъ своихъ избавленія“.
35. Тутъ возговорить его матушка родимая,
Стара вдова Афимья Александровна:
„Ужь ты, гой еси, дитя мое, дитятко,
Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Будутъ-ли отъ сухова дерева отрасли,—
40. Тогда будь надъ тобой мое благословеньце.
На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?
Молоду свою жену кому прикажешь“?
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужь ты, гой еси, родима, мила матушка,
45. Стара вдова Афимья Александровна!
Я покину тебя, матушка, на Бога,—
Молодой женѣ своя ей воля:
Хошь замужъ иди, хотъ вдовой сиди,
Хошь за князя поди, хошь за боярина,
50. Иль за сильнаго могучаго богатыря,
Только не ходи, моя жена, за Алешку Поповича:
Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ,
Мы въ полѣ съ нимъ сѣзжались,
Крестами съ нимъ мѣнялися.
55. Благослови, матушка, взойти на конюшень дворъ,
Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,
Коня добраго, все иноходаго“.
Тутъ входилъ Добрыня на конюшеньку
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
60. „Ужь вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходые!

- Сослужите мнѣ службу не дальнюю и не ближнюю,
Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, къ Бѣлозерову“...
65. Тутъ всѣ кони испугалися,
Повѣсили свои буйны головы,
Потушили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ изъ нихъ держалъ одинъ буланный конь:
„Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
70. Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Сослужу я тебѣ службу не дальнюю и не ближнюю,
Когда минетъ двѣнадцать лѣтъ“...

(Былина не кончена).

Записана I. И. Желъзновымъ въ 1858 г. отъ казака Ивана Михайловича Бакирова въ
станци Красноярскомъ-еористъ и напечатана въ его книгѣ „Уральцы“ 2-е изд. 1888 г. стр. 222—223.

* 23. Добрыня и Марина.

- Что не бѣла береза къ землѣ клонится,
Не шелкова трава въ полѣ разстилается,—
Ужъ какъ кланяется сынъ-отъ своей матери:
„Государыня, родная моя матушка!
5. Ты пожалуй-ка свое мнѣ благословеньице,
Я поѣду въ чисто поле гулять.
Поищу ли я своего брата названнаго,
Что стараго казака Илью то Муромца“.
—На кого-жъ ты оставляешь молодую жену?—
10. „Ей давнымъ давно, Настасѣ, было сказано,
За недѣлюшку, Микулишнѣ, приказано,
Что сидѣть бы ей вдовою ровно девять лѣтъ,
На десятомъ годочкѣ хотъ бы замужъ шла,
Хотъ за князя, хотъ за боярина,
15. Не ходитъ бы ей за Алешу за Поповича“...
Ужъ какъ три года Добрынюшка бражничалъ,
На четвертый годъ Добрыня погулять захотѣлъ,
По стольному по городу по Кіеву,
По тѣмъ ли по частымъ переулочкамъ,
20. Переулочкамъ, закоулочкамъ.
На встрѣчу Добрынѣ старъ матеръ человекъ,
Старъ матеръ человекъ Илья Муромецъ.
Они вмѣстѣ сошлись поздоровались,
Они ручку объ ручку ударились
2 5. И во сахарны уста цѣловались.

„Чего же ты, Добрынюшка, бражничаешь,
Чего же ты, другъ Никитьевичъ, спрашиваешь?“

—Хожу ли я, ищущи ли я Маришкина двора.—

„Маришкина двора тебѣ по вѣкъ не сыскать:

30. Маришкинъ дворъ середь Кіева стоитъ,
Середь Кіева стоитъ, середь площади.
Кругъ Маришкина двора все шелковая трава,
Шелковая трава и желѣзный тынъ.
На каждой на тычинкѣ по головушкѣ есть,
35. По головушкѣ есть—богатырской,
На одной лишь на тычинкѣ нѣтъ головушки.
На Маришкиномъ дворѣ да два терема стоятъ,
На тѣхъ то теремахъ да два голубя сидятъ,
Цалуются и милуются,
40. Они сизыми крыльями обнимаются“.
Ужъ какъ тутъ то Добрынѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалось.
Онъ натягиваль тугой лукъ въ этихъ пару голубей,
Онъ попасть не попалъ въ этихъ пару голубей,
45. А попасть то попалъ ко Маришкѣ въ окно,
Разбилъ банку со лютымъ зельемъ.
На ту пору Маришка бѣлилася,
Бѣлилася и румянилася:
„А и хочешь-ли, Добрыня, я те клячей ворочу,
50. А и будешь ты, Добрыня, у насъ воду возить?“
—Ужъ и хочешь-ли, Маришка, я те сукой ворочу,
А и будешь ты, Маришка, кобелей съ собой водить?—

Два былинныя отрывка, сведенные вмѣстѣ, записаны въ Москвѣ С. И. Лапшинимъ отъ московскаго мѣщанина И. А. Лашина, постоянно жившаго въ Москвѣ. Первая часть поется протяжно, а начиная со стиха 16-го напѣвъ измѣняется и темпъ учащается.

24. То-же.

- Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ.
Какъ у князя было Володимира,
Заводилася (солучилася) пирь-бесѣдушка,
5. Пирь-бесѣдушка, пирь почестный столъ.
Всѣ князья-бояре сошлись, съѣхались;
Они пьютъ, ѣдятъ, проклажаются,
Промежду себя выхваляются:
Сильный хвалится своей силою,
10. А богатый хвалится богатствомъ,

- А кто хвалится молодой женой,
А кто хвалится добрымъ конемъ.
„Ужь ты, есте есть, ты Добрынюшка,
Ты, Добрынюшка, добрый молодець,
15. Ты ничѣмъ, Добрыня, не похвалишься?“
—Еще чѣмъ мнѣ будетъ похвалитися?
Еще жилъ я у тебя ровно девять лѣтъ:
Еще три года водовозничаль,
Еще три года приворотничаль,
20. Еще три года ложкамоичаль;
Трое на трое стало девять лѣтъ;
Еще нѣтъ у меня коня добраго,
Коня добраго, сбруи ратныя,
Сбруи ратныя, копыя булатнаго.—
25. „Ты поди, Добрыня, на конюшій дворъ,
Ты бери узду ты тесьмяную,
Обратай коня самолучшаго;
Ты бери-ка сбрую ратную,
Сбрую ратную, копые булатное;
30. Поѣзжай, Добрыня, по всѣмъ улицамъ,
По всѣмъ улицамъ, по продольнымъ.
Ты не ѣди-ка въ одну улицу,
Въ одну улицу во Маришкину.
У Маришки дворъ на семи верстахъ,
35. На семи верстахъ дворъ, желѣзный тынъ;
На тыниночкѣ есть по маковкѣ,
Что по маковкѣ,—буйной головушкѣ.
На одной только нѣту маковки,
Нѣту маковки, буйной головушки.
40. Возѣзжаетъ Добрыня въ эту улицу,
Въ эту улицу да во Маришкину.
Да Маришка-то курва, плѣшница,
Да сидитъ она предъ краснымъ окномъ.
На красномъ окнѣ на Маришкиномъ,
45. Не два голубя сидять, цѣлуются,—
Да цѣлуются они милуются,
Да Маришка курва съ полюбовникомъ.
Вынимать Добрыня кленову (калену) стрѣлу,
Онъ стрѣлялъ Добрыня во красно окно,
50. Во красно окно во Маришкино,
Онъ и снесъ съ ней буйну головушку,
Онъ прималъ ее на востро копые,
Онъ сажалъ ее на тыниночку.

Записана Н. Пальчиковымъ и напечатана имъ въ сборникъ: „Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мезвельнскаго уѣзда, Уфимской губерніи“. Спб. 1888 (№ 37).

25. То же (начало).

- Жиль Микитушка, не старился,—
При старости померъ.
Осталось у Микитушки
Спорожное дитя Добрыня.
5. Енъ, Добрынюшка, матушки спрашивалъ:
„Отпусти меня, матушка,
Въ Новы города гулять!“
Походить Добрыня со двора здолой,
Береть Добрыня калену стрѣлу,
10. Натягиваетъ Добрыня калену стрѣлу,—
Походить Добрыня со двора вѣдь здолой.
Есть въ томъ городѣ Маринушка,
Прекрасная Маринка безбожница,
Злая еретица халтурная.
15. Кругъ ея двора стѣна каменная,
На каменной стѣнѣ два голубя сидять,
Два сизые сидять, златымъ крыльемъ оплетаются.
Захотѣлося Добрынѣ два голубя устрѣлить,
Два сизыхъ устрѣлить;
20. Права ножка покатиалась,
Лѣва ручка подрожала,
Устрѣлили Добрыня во Маринино окно,
Устрѣлили прекраснаго Змѣевича.
Кинулась Маринушка во косечато окно:
25. „Кто здѣсь въ городѣ невѣжа есть?
Устрѣлил мила дружка“
У Добрыни сердечко неуимчивое:
Походить ко Маринину двору,
Береть за булатную скобу,
30. Отвореть дубовныя двери,
Садится возлѣ Маринушки,
День съ утра сидили, не говаривали.
У Добрыни сердечко неуимчивое:
Обувать сапожки зеленъ сафьянъ,
Походить Добрыня со двора здолой.
35. Кинулась Марина за Добрынюшкой,
Поколола дровечъ мелкошечко,
Затопляла палаты жарчешенько,
Слѣды собирала, въ палату бросала...

Изъ рукописнаго сборника (начала XIX столѣтїя), поступившаго въ Императорскую Публичную бібліотеку изъ Вологодской губерніи; издана Д. Н. Майковымъ въ „Живой старинѣ“, Вып. I, Отдѣлъ II, стр. 2.

26. То-же.

- Ходиль-гуляль Добрынюшка по городу,
Ходиль-гуляль Микитиць по Кіеву.
Добрынюшкѣ-то матушка наказывала:
„Не ходи-ко ты во улоцку возвратную,
3. Во тѣ-ли переулоцки Маринкины,
Тамъ живетъ курва Маринушка Игнатъевна,
Она зеленщица да и отравщица;
Она много отравила добрыхъ молодецвъ,
Она сильныхъ, могучихъ богатыревъ“.
10. Ходиль Добрынюшка по Кіеву
И зашелъ во улоцку возвратную,
Во тѣ-ли переулоцки Маринкины.
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатъевна,
Выпущала голубка да со голубкою.
15. Тутъ увидѣлъ Добрынюшка Микитиць младъ,
Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,
Каленую-то стрѣлопку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
„Ты убей да голубка да со голубкою“.
20. Да не убилъ голубка да со голубкою,
Убило у Маринушки околелку,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго—Идолица поганаго,
Поганаго да некрещенаго.
25. Еще тутъ молодець да пораздумался:
„Не честь-слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская;
Да не пропасть то моей каленой стрѣлы,
Да у той-ли у Маринки Игнатъевны“.
30. Заходитъ Добрыня во высокъ теремъ,
Крестъ онъ кладетъ да по писаному,
Да поклонъ-то ведетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня поклоняется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
35. Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
А Добрынюшка Маринушки челомъ не бьетъ.
Браль то Добрынюшка калену стрѣлу,
Пошелъ то Добрынюшка вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Марины за бѣду пришло,
40. За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,

- Добрынины-то слѣдочки подрѣзвала,
Клала она въ печь на дрова на дубовья,
45. Сама да ко слѣдочкамъ приговаривала:
„Шайте *) и войте Добрынюшкины слѣдочки,
Чтобы нояло у Добрынюшки сердце,
По мнѣ-ли по Марины по Игнатъевны“.
Приходить да Добрыня къ родной матушки,
50. Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
„Что ходило, мое дитятко, дохѣдило,
И гуляло, мое милое, догуляло?“
Вѣдь не можетъ Добрынюшка не пить, не ѣсть,
И не можетъ вѣдь Добрыня темной ночи спать.
55. И встаетъ-то Добрынюшка поутру ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
Снаряжается Добрынюшка хоропохонько,
И походить-то ко ранней ко заутреньки,
И выходить-то Добрынюшка на улоцку;
60. Стоючись да тутъ Добрыня пораздумался:
„Да что мнѣ дѣлать у церкви у соборныя,
У той-ли у заутреньки у райнїя?
Пойду лучше къ Маринки ко Игнатъевны“.
И заходить то Добрыня во высокъ теремъ,
65. И крестъ онъ кладетъ да по писаному,
Поклоны-то ведетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня поклоняется;
Добрынюшка Маринки низко кланяется,
Маринушка Добрынюшки челомъ не бьетъ.
70. Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
„Вчерась-то какъ ты былъ, то не то творилъ,
А сегодня-то ты да во моихъ рукахъ,
Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.
Возьмешь-ли ты, Добрыня, за себя замужь?“
75. Говорилъ вѣдь тутъ Добрынюшка Маринушки:
„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная“.
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
— „Обверну тебя жабой подземельною,
80. Которой жабы отвороту нѣтъ.
Ты возьмешь-ли, Добрыня, за себя замужь?“
— Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Обверну я тебя, Добрынюшка, борзымъ кобелемъ,

*) Тгайте.

85. Спущу я по городу по Киеву,
Сберать тебя кусочковъ подстольныхъ“.
Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно суточки,
И приходитъ ко Маринки ко Игнатьевны.
„Находился-ли Добрынюшка по городу по Киеву,
90. И наѣлся-ли кусочковъ подстольныхъ?
Возьмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
— Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Обверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
95. Всечиной-то тура да изукрашу я,
Одна щетинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока да рыту бархату,
Я спущу тебя, Добрыня, во чисто поле,
Поѣшь-ко ты, Добрынюшка, ковыль травы
100. И попей-ко ты, Добрынюшка, водушки болотнія“.
У того-ли было князя у Владимира,
Сдѣлался у него да почестный пиръ.
Да всѣ-ли на пиру да порасхвастались;
105. Кто вѣдь хвасталъ добрымъ конемъ,
Иной хвасталъ молодой женой.
Похвастала Маринушка Игнатьевна:
— Ужъ какъ есть у меня да во чистомъ полѣ
Девѣтъ туровъ да дѣвѣтъ гнѣдыхъ,
110. Десятой-етъ туръ онъ хорошъ, красивъ:
Одна шерстинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока рыту бархату,
Рожка-те у тура позолоченные.—
Вставала Катерина Микитица на ноги
115. И брала она Маринку рукой за воротъ,
А другой била по бѣлу лицу:
„Ужъ ты вѣдьма ты, Маринушка Игнатьевна!
Какъ не отвернешь моего братца милаго Добрынюшки Микитица,
Обверну тебя саму жабой подземельною,
120. Которой жабы отвороту нѣтъ“.
И обернулася Маринушка сорокою,
И полетѣла-то Маринка во чисто поле,
И садилася она Добрыни на золотой рожокъ,
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
125. — Ты возьмешь-ли теперь да за себя замужъ?—
„Отверни ты этихъ всѣхъ добрыхъ молодецвъ,
Сильныхъ могучихъ богатыревъ,—
Я въ тупорь-то тогда тебя въ замужъ возьму“.
Приходитъ тутъ Добрынюшка къ матушки,

130. И рассказывает Добрынюшка тутъ матушки,
Что далъ заповѣдь великую взять Маринушку Игнатьевну.
Тутъ-то они да обручались,
Тутъ-то они да обвѣнчались.
Приходить-то Добрыня съ молодой женой.
135. „Слуги мои да слуги вѣрные,
Ужъ вы дайте-ко мнѣ чару оправшую,
Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой съ Игнатьевной“.
И слуги у него были догадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
140. Срубилъ то Добрыня у Марины буйну голову
И клалъ да на дрѣва дубовыя,
И пепель разсіялъ по чисту полю.
Тутъ встаетъ то Добрынюшка ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
145. И снаряжается Добрыня хорошохонокъ,
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутренки.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ-то поздравляютъ:
„Здравствуй ты, Добрынюшка Микитиць младъ!
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
150. Со своей да со княгиней со обручною,
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной“.
Говорилъ вѣдь тутъ Добрынюшка Микитиць младъ:
„Ужъ вы други мои да вы пріатели!
Всякой-то на семь да свѣтъ женится,
155. Да не всякому женитьба удавается,
Вчерась-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу“.

Записалъ учитель Мошнинскаго сельскаго училища Александръ Громовъ съ голоса дѣвчцы Феклы Степановны Савиной. Былина эта та же, что записана въ Мошнѣ отъ Малыгина А. Ф. Гильердингомъ (Онежскія былины № 316); но въ предлагаемомъ спискѣ она полнѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и украшеніяхъ. Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ. Напечатана въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1885 г. № 1, стр. 46—49.

27. Добрыня Никитиць.

(Сводная былина).

- Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
Ужъ какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
Добрый молодецъ Никитушка Добрыничъ-сынъ ¹⁾,
- б. Что честной вдовѣ, Афимьѣ Александровнѣ:
„Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,

¹⁾ Тамъ въ большей части былины переставлены имя и отчество богатыря.

- Что честна вдова Афимья Александровна!
Ужь ты дай мнѣ-ка свое благословеньице,
Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
10. Что искать себѣ названнаго брателки,
Что стараго казака да Илью Муромца!“
Какъ возговорить ему да родна матушка:
— Ужь ты гой еси, родимо мое дитятко!
На кого ты оставляешь свою матушку,
15. На кого ты покидаешь молоду жену?—
Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодець:
„Оставляю я васъ, матушка, на Бога.“
Что даетъ ему мать свое благословенье:
— Благословить ты Богъ, мое дитя родимое,
20. Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
Ужь ты ѣди-ко, дитя, во чистомъ полѣ,—
Чистѣхонько, хорошѣхонько!—
Тутъ началъ сряжаться добрый молодець;
Онъ въ сѣдельце черкасское коня сѣдлалъ,
25. Во уздицу во тесменную зауздывалъ,
Что бралъ нитку шелку шамаханскаго,
Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
Осѣдлавши, онъ садился на добра коня,
Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
30. „Ужь ты гой еси, родима матушка,
Что честна вдова Афимья Александровна!
Ты жди-ко-ся меня ровно три года;
Ты не дожدهшься меня ровно въ три года,
Ты бери мои золоты ключи,
35. Отпирай-ка тогда золоты ларцы,
Вынимай мою золоту казну,
подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
По честнымъ по родителямъ,
Поминайте меня добра молодца.
40. А ты гой еси, моя молода жена,
Хороша Настасья, дочь Никулишна!
Ужь ты жди меня ровно девять лѣтъ;
Если въ девять лѣтъ меня не дожدهшься,
Хоть замужъ пойдѣ, хоть вдовой сидѣ!“
45. Ужь какъ видѣли добра молодца, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли, какъ со двора сѣзжалъ.
Что не пылъ столбомъ поднималася,—
Одна откопоть оставалася,
Какъ уѣхалъ Никитушка во чисто поле,
50. Добрыничъ свѣтъ во раздольице.

- Онъ годъ ѣздилъ по чистому полю,
И не можетъ наѣхать Ильи Муромца.
Съ той печали со кручинушки
Натягиваетъ онъ свой тугой лукъ
55. И спускаетъ свою калену стрѣлу.
Улетала та его стрѣлочка
Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
Къ красной дѣвушкѣ, да во высокъ теремъ,
Во окошечко во косячатое,
60. Во стеклышко во заморское.
Увидалъ тутъ добрый молодець
Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
„Ужь ты гой еси, бабушка задворенка!
Ты сходи ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
65. За моей ли то каленой стрѣлой!“
Тутъ пошла бабушка задворушка скорѣшенько.
Пришедши ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Поклонилась ей низѣшенько,
Говорила ей частѣшенько:
70. „Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
Что послалъ меня къ тебѣ добрый молодець,
Добрый молодець Добрыня Никитичъ сынъ,
Велѣлъ онъ тебѣ поклониться,
И просить у тебя его калену стрѣлу!“
75. Какъ отвѣтила Марина, красна дѣвица,
Той ли бабушкѣ задворенкѣ:
„Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.“
Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
80. Воротилась во чисто поле
Ко удалу добру молодцу,
Ко Никитѣ Добрыничу.
А Маринка, красна дѣвица,
Полетѣла вслѣдъ сорокою,
85. Чтобы выслушать его рѣчи.
Говорить ему тутъ бабушка задворенка:
„Ужь ты гой еси, удалой добрый молодець!
Отвѣтила мнѣ Марина, красна дѣвица,
Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
90. Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.“
Какъ отвѣтилъ добрый молодець
Той бабушкѣ задворенкѣ:
„Я не иду къ ней сукѣ гончія,
Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семиглавья!“

95. Что услышала таковы слова,
Та Марина, красна дѣвица,
Отъ тѣхъ словъ она осердилась.
Обернула за то Никитушку,
Обернула туромъ—золоты-рога.
-
100. Черезъ дальнее перечаильце, (?)
Шли калики перехожіи,
Перехожіи, переброжіи
До села его родной тетушки,
Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
105. Пришедши къ ней, просятъ милостыню.
Какъ спросить ихъ Татьянушка:
„Вы отколь идете, калики перехожіи,
Изъ какой страны изъ дальнія?“
Отвѣчали ей калики перехожіи:
110. „Мы идемъ теперь изъ чиста поля.“
— Ужъ вы что тамъ въ полѣ видѣли?—
„Ужъ мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
Три тура да три великіи,
Что единъ-отъ туръ да золоты-рога.“
115. Говорила тутъ стара дѣвица
Тѣмъ каликамъ перехожимъ:
„Вы послушайте меня, калики перехожіи,
Воротитесь вы въ обратный путь
Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
120. Вы снесите ей мою грамотку
И скажите ей съ угрозою,
Чтобы того она тура—золоты-рога
Отвернула бы въ прежній видъ;
Буде она меня не послушаетъ,
125. То я сама подымуся къ ней,
Оберну ее сорокой бѣлохвостю
И пуцу летать весь вѣкъ безъ отдыху.“
Тутъ калики послушались,
Низѣшенько ей поклонилися,
130. Поклонившись, шли въ обратный путь
Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Принесли ей строгу грамотку,
Говорили таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
135. Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку
Отъ родимой твоей тетушки,

- Отъ Татьяны Александровны.“
Тутъ Марина испугалася,
За ту грамоту робко принималася
140. И читала ту грамоту скорёшенько.
Прочитавши, пошла во чисто поле
И кричала тура—золоты-рога.
Прибъжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
Тутъ стала она тура уговаривать:
145. „Ужь ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
Что удалый добрый молодець Никитушка!
Ты возьми меня за себя замужъ.“
Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодець:
„Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
150. Еще есть у меня молода жена,
Хороша Настасья, дочь Никулишна.“
Тутъ Марина повинялася,
Говорила ему таковы слова:
„Ужь я думала, что ты холость есть.“
-
155. Во пути то во дороженькѣ
Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
Его мать родна и молода жена
Дожидалися, дожидалися,
Не могли его дожидатися.
160. А жена то его была умная,
На ней стали сваты свататься.
Тутъ позволила ей мать родна,
Позволила ей замужъ ийти,
За Алешеньку за Поповича.
165. Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
И поѣхали они ко Божьей церкви,
Ко святому храму вѣнчатися.
Провожала ихъ его матушка,
У високаго терема съ дубова крыльца
170. Горючими слезами заливалася.
Во слезахъ она рѣчь промолвила:
Что не знаетъ—то и не вѣдаетъ
Мое милое чадо, Никитушка,
Что идетъ замужъ его молода жена
175. За Алешу за Поповича....
На ту пору, на то времячко,
Не ясенъ соколъ пролетывалъ,
Не ясной то онъ пропархивалъ,
Какъ пріѣхалъ Никита изъ чиста поля,

180. А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольца.
Онъ скрычалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
„Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
Честна вдова, Аѳимья Александровна?
Шлетъ тебѣ челобитые любезный сынъ,—
185. Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.“
Какъ услышала она таковы слова,
Говорила она добру молодцу:
— Ужъ ты гой еси, пролетной младъ ясенъ сокольъ
И проѣзжій добрый молодець!
190. Ужъ ты гдѣ видалъ Никитушку?—
Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
Приворачивалъ коня къ дубову крыльцу,
Онъ вязалъ коня къ золотому кольцу,
Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
195. Говорилъ ей таковы слова:
„Ужъ ты здравствуй, моя мать родна,
Что честна вдова Аѳимья Александровна!
Что здорова-ли моя молода жена?“
Родна матушка тутъ заплакала,
200. Во слезахъ ему слово молвила:
„Ужъ ты гой еси, любезный сынъ,
Ты Никитушка Добрыничъ свѣтъ!
Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
Говорилъ ты намъ таково слово—
205. Девять лѣтъ тебя дожидатися;
Девять лѣтъ уже миновалося,
Не могли мы тебя дождатися.
Твоя жена была умная, разумная,
На ней стали сваты свататься;
210. Я дала ей благословенье замужъ ийти,
За Алешеньку да за Поповича,
И теперъ у нихъ почестень пиръ,
Какъ пріѣхали они изъ Божьей церкви.“
Тутъ возговорить Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
215. „Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,
Что честна вдова Аѳимья Александровна,
Ты дай-ка мнѣ свое благословеньице.
Мнѣ-ка ѣхати къ Алещѣ на почестень пиръ
И надѣтъ мнѣ платье скоморохово,
220. Взять съ собой гудки скомороховы.“
Какъ дала ему мать благословеньице,
Тогда бралъ Никита золоты ключи,
Отпиралъ свои ларцы кованые,

- Браль казны золотой сколько надобно,
225. И поѣхалъ Никита на почестенъ пиръ.
Приѣхалъ ко двору да ко Алешину
И давалъ слугамъ злата-серебра;
Никто Никиту не задерживалъ.
И входилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
230. Гдѣ Алешенька сидѣлъ съ молодой женой,
За широкими столами за дубовыми.
Не дойдя Никита низко кланяется:
„Еще здравствуй, ты первобрачный князь,
Со своей со княгиней—другобрачною!
235. Ты изволь-ка, князь, да слова молвити,—
Мнѣ възграть въ гудки да скомороховы.“
Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
„Ты играй скоморохъ сколько надобно!“
Заигралъ онъ въ гудки скомороховы.
240. Тутъ Настасьюшка да догадалася:
Ужъ какъ быть тѣмъ гудкамъ да Никитушки,
Какъ возговорилъ Добрыня Никитичъ свѣтъ:
„Ты позволь-ка мнѣ, первобрачный князь,
Со своей княгиней другобрачною,
245. Мнѣ налить тебѣ чарку зелена вина,
А другую чару меда сладкаго.“
Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
„Наливай, скоморохъ, сколько надобно,
Подноси-ко кому тебѣ хочется.“
250. Наливалъ онъ чару зелена вина,
Подносилъ ее князю первобрачному,
А другую чару меду сладкаго,
И спускалъ туда свой злаченъ перстень,
Подносилъ княгинѣ другобрачные,
255. Подавалъ ей чару приговаривалъ:
„Выпивать до дна, увидать добра,
А не выпивать до дна, не видать добра.“
Она выпила чару всю до дна,
Увидала она злаченъ перстень,
260. Обручальный перстень со Никитою,
Надѣвала перстень на праву руку,
Выходила вонъ изъ-за дубова стола,
Со слезами къ Никитѣ падала:
„Я твоя жена мужа перваго!“
265. Тогда стоя Алеша призаплакался,
Онъ всплеснулъ свои руки бѣляя,
Во слезахъ Алеша слово молвилъ:

- „Ужъ вы гой еси, бояре и князья,
И всѣ гости мои любезные!
270. Я теперь Алеша посмѣшенъ сталь.
Ужъ какъ всякой женится, снаряжается,
Да не всякому женитьба удавается,
Какъ мнѣ-то Алешенькѣ Поповичу,
Что не усано-то, не улежано,
275. За бѣлы груди не подержано.
Тутъ всѣ гости съ пиру собиралися,
Собиравшисъ домой развѣзжалися,
А Никитушка Добрыничъ свѣтъ
Уводилъ домой молоду жену,
280. Что Настасью дочь Никулишну.

Эта сильно подправленная былина была записана кн. Н. А. Костровымъ въ с. Верхне-Кужебарсомъ, Минусинскаго округа Енисейской губерніи, и сообщена Л. Н. Майковымъ П. В. Шейну, напечатавшему ее въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1877, кн. III-я, отд. 2-й, стр. 9—16.

* 28. Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ.

- Алеша Поповичъ младъ
Со Екимомъ, сыномъ Ивановичемъ,
Вывѣзжали на разстани на широкія;
На разстаняхъ лежитъ бѣлъ горючъ камень,
5. На камешкѣ подписи подписаны,
Всѣ пути-дороженьки рассказаны.
Тутъ-то Алеша, тученъ человекъ,
Соскакивалъ съ добра коня,
На камешкѣ надписи разсматривалъ,
10. Всѣ пути Екиму рассказывалъ.
„Слушай-ка, Екимъ, сынъ Ивановичъ,
Первая дорожка въ Черниговъ градъ,
Вторая дорожка въ Путерему (?),
Третья дорожка въ славенъ Кіевъ градъ.
15. Во Черниговѣ городѣ не бывано,
И пива, ви́па много не пивано,
Калачъ бѣлъ-крупичатъ не рушиванъ,
И бѣлая лебедушка не кушана;
Дома, кабаки были вольные,
20. Молодушки были привѣтливы,
Дѣвушки красныя прелестливы;
А мы съ тобой, Екимушка, упрячливы,
Запьемся, Екимушка, загуляемъ,
Потерять то намъ будетъ слава добрая,

25. Вся де выслуга богатырская.
Тоже въ Путеремѣ не бывано,
И пива и вина много не пивано,
Калачь бѣль-крупичать не рушивань,
И бѣлая лебедка не кушана,
30. Дома, кабаки были вольные,
Молодушки были привѣтливы,
Красныя дѣвушки прелестливы;
А мы съ тобой, Екимушка, упьянчивы,
Запьемся, Екимушка, загуляемся,
35. Потерять-то намъ будетъ слава добрая,
Вся де выслуга богатырская.
Во Кіевѣ городѣ было бывано,
Много пива, вина было пивано,
Калачь бѣль-крупичать много рушивань,
40. Бѣлая лебедка много кушана.
Завладѣль у князя Владимира
Хорошую дочь княжну-королевишну
Змѣй Тугаретинь.
Туда побѣжимъ на встрѣчу“.
45. Садились они на добрыхъ коней,
Они били коней по тучнымъ бедрамъ,
Туть де ихъ кони приразсердились,
Съ горы на гору кони перескакиваютъ,
Темны лѣса промежь ногъ пуцають,
50. Рѣвки, озера хвостомъ устилають.
Подбѣжали ко городу ко Кіеву,
Скакали черезъ стѣну бѣлокаменную.
Ко тому ко столбу ко дубовому,
Ко тому колечку ко злаченому
55. Коней они не привязываютъ,
Никому держать не приказываютъ,
Отпирають гридню на пятау,
Запирають гридню наплотно,
Приходятъ среди пола кирпичатаго,
60. Молитву творять сами Сусову (Исусову),
Крестъ кладутъ по-писаному,
Поклонъ ведутъ по-ученому,
Кланяются, поклоняются,
На всѣ на четыре стороны,
65. Князю и княгинѣ на особицу,
На особицу и особь стають.
„Милости просимъ, люди добрые,
Люди добрые, храбрые воины,

- Садитесь вы въ куть по лавицѣ“.
70. — То, де, мѣсто не по рядинѣ.—
„Второе мѣсто—въ дубову скамью“.
— То, де, намъ мѣсто не по вотчинѣ.—
„Третье мѣсто куда хочете.“
— Неси-ко ты, Алешенька Поповичъ младъ,
75. То ковришко волокитное.—
Ковришку Владимиръ князь удивился:
„Хорошо де ваше ковришко волокитное.“
Краснымъ золотомъ оно было вышивано,
Въ углахъ то было вшивано
80. По дороге камню самоцвѣтному;
Отъ его то отъ пацыря (?) какъ лучъ стоитъ,
Какъ лучъ стоитъ отъ красна солнышка.
„Стели-ко его за пешной за столъ“.
И садятся они съ Екимомъ за пешной за столъ.
85. Не отъ вѣтричку палаты зашаталися,
Не отъ вихря палаты всколыхалися:
Прилетѣлъ змѣишко Тугаретинъ,
Отпиратъ онъ гридну на пятю,
Запиратъ онъ гридню не наплотно,
90. Господу Богу не молится,
Чуднымъ образамъ не кланяются.
Садятъ его за столы за дубовые,
За скатерти садятъ за браня,
За ѣствы за сахарныя.
95. Калачъ бѣль-крупичатъ за праву шпоку бросаетъ,
Бѣлую лебедь за лѣвую шпоку.
Говоритъ Екимъ таковы слова:
„У попа было у Ростовскаго
Быль кобелище цингалище (?),
100. Охоче по подполью ходить,—
Костью подавился,
Оттого и переставился;
А тебѣ, змѣю, не миновать того“.
— Что у тѣ, князь, за пешнымъ столбомъ?
105. Что за сверчекъ пищить?—
Отвѣчатъ Владимиръ князь:
„А маленьки ребятишки промежъ себя говорятъ,
Сами бабки дѣлятъ.“
Подаютъ змѣю чару зелена вина,
110. Зелена вина въ полтора ведра,
А вѣсомъ чара въ полтора пуда.
Принимаетъ онъ чару единой рукой,

- Выпиваетъ онъ чару на единый духъ.
Говоритъ Екимъ, сынъ Ивановичъ,
115. Говоритъ онъ таковы слова:
„У попа у Ростовскаго
Корова была бурая,
По поварнямъ ходила,
Барды по чану выпивала,—треснула;
120. А тебѣ, змѣю, не миновать того.“
Схватилъ змѣишко Тугаретинъ
Ножишко чинжалишко,
Бросилъ за печной за столбъ.
Туть-то Алешенька подхватливъ былъ,
125. Подхватывалъ ножишко чинжалишко
Правою полою кафтанною.
Туть-то они возопіяли:
„Самъ-ли ты, Екимъ, бросишь,
Или, Екимъ, мнѣ велишь?“
130. — Самъ я не брошу и тебѣ не велю:
Нечего кровенить палату бѣлокаменну,
Надо со змѣемъ перевѣдаться
На полѣ на Куликовомъ,
На томъ елбанѣ раскатистомъ.—
135. Покатился змѣи Тугаретинъ
Изъ палаты бѣлокаменной,
Надѣлъ онъ крылья бумажныя
И полетѣлъ на поле на Куликово,
На тѣ елбаны раскатисты.
140. Выходили Екимъ со Алешою
На улицу на широкою.
Екимъ Алешѣ наказывать:
„Ежели два часа не буду, бѣги на выручку“.
И самъ садится на добра коня,
145. Бѣжалъ на поле на Куликово,
На тѣ елбаны раскатисты;
Втыкалъ копье мурзоецкое
И вбѣгалъ на тупой конецъ
И смотрѣлъ во чисто поле.
150. Завидѣлъ змѣя Тугарина
Выше лѣсу ходячаго ¹⁾,
Ниже облака поплувчаго.
Говоритъ змѣи Тугаретинъ:
„Что тебя, Екимъ, огнемъ сожечь,

¹⁾ Стоячаго.

155. Или живьемъ сглотить,
Или тебя дымомъ заглушить?“
Взмолился Богу Господу
Екимъ, сынъ Ивановичъ,
Наипаче пресвятой Богородицѣ:
160. „Сошли, Господи, крупчата дождя,
Помочи у змѣя крылья бумажныя!“
И повалился змѣй на сыру землю.
Тутъ подхватываль его Екимъ
На копьѣ мурзомецкое
165. И притыкаль ко сырой землѣ
И отсѣкъ буйну голову.
Тутъ то миновалось два часа,
Побѣжалъ Алеша на выручку;
Не видитъ онъ свѣта бѣлаго,
170. Не видитъ онъ солнца краснаго.
Собѣгался онъ со Екимомъ на встрѣчу
И билъ его палицей боевой
И сшибъ со добра коня,
Притыкаль его въ грудь бѣлую
175. Копьемъ мурзомецкимъ.
И угодиль въ крестъ чувственный.
Соскакивалъ Алеша со добра коня,
Бралъ его на руки бѣлыя,
Садиль въ сѣдло черкатское.
180. Поѣхаль путемъ-дорожкой
Ко князю Владимиру.
И бросали голову змѣя Тугарина
За стѣну бѣлокаменную.
Выходилъ князь Владимиръ
185. Сеславичъ красно солнышко
На улицу на широкую:
„Милости просимъ, храбрые воины,
За единый столъ хлѣба кушати“.
Отвѣчали они князю Владимиру:
190. „На прїѣздѣ гостя не учествоваль,
На отъѣздѣ не учествовати!“

Записана С. И. Гуляевымъ въ Сузунскомъ заводѣ со словъ старика нищаго.

29. Алеша Поповичъ и Тугаринъ.

Два коня, два коня да коня добрые,
Два копыя, два копыя да бурауменскія,
Еще двѣ да сабли вострыя.

- Пріѣзжаютъ они да ко могилочкѣ.
5. На могилочкѣ лежитъ камушѣкъ,
Тутъ на камушкѣ-то написано,
Три дороженьки да написаны:
Еще перва-то дорога Тугарину.
Приклоняются они да ко камушку:
10. „Мы поѣдемъ мы, слуга, да мы Тугарину“.
— Намъ Тугарину яхать не выхатъ:
У Тугарина дѣвки заманчивыя;
Намъ за дѣвками гузнѣми залежатися.—
„Мы поѣдемъ мы, слуга, на Вуяндину“.
15. — На Вуяндину яхать не выхатъ:
На Вуяндиной дѣвки заманчитыя,
Намъ за дѣвками гузнѣми залежатися.
Мы поѣдемъ, Олѣшенька, блаать,
Мы поѣдемъ мы Солнышку Владимиру!—
20. Поѣхали да они Солнышку Владимиру,
Пріѣзжаютъ они солнышку Владимиру.
Олеша вежетъ своево-то коня за золочено кольцо,
Это тотъ-ли ево слуга за мѣдное кольцо.
Приходили они да Солнышку Владимиру.
25. Испогворитъ Солнышко Владимиръ-отъ:
„Еще первое мѣсто Олѣшенькѣ,
Еще первое мѣсто на переднюю кровать;
А другое тебѣ мѣсто подлѣ вобраза;
Еще третьѣ-то мѣсто подлѣ меня!“
30. Да садился этотъ Олѣшенька.
Пріѣзжаетъ Тугаринъ-отъ Солнышку Владимиру,
А несутъ его Тугарина во домъ;
Подъ однимъ-те концомъ тридцать богатырей,
Подъ другимъ-те концомъ да другихъ тридцетъ.
35. Приносили Тугарина Солнышку Владимиру,
Посадили Тугарина на кровать Владимировой женѣ;
Еще ноги-то положилъ на колѣнки ей,
Еще голову-то ей на грудь положилъ.
Подносили Тугарину полведра вина,
40. Подносили Олѣшенькѣ полведра вина:
Олѣшенька-та да потихоньку пьетъ,
А Тугарина-отъ да на одинъ душокъ;
А Тугаринъ-отъ на одинъ духъ вынивать.
Подносили-то Тугарину бѣлу лебедь-то,
45. Подносили Олѣшенькѣ другу бѣлу лебедь:
А Тугаринъ-отъ онъ сѣлкомъ ее глотать,
Только косточки-суставчики выплѣивать,

- А Олѣшенька да потихоньку (помаленьку) вѣсть,
Да половину-то да слугѣ даётъ,
50. Половину-то онъ да слугѣ своему даётъ.
Какъ Олѣша спроговорить слугѣ своему:
„Ты слуга, ты мой слуга, да слуга паревокъ!
Ты не будь, не будь слуга Тугарина Змѣевича;
Еще будь ты, будь Олѣшеньки Поповича.
55. Еще спомнишь-ли, Екимша,
Еще спомнишь-ли, Екимша, вспомятуешь-ли,
Какъ у нашего у свѣта у батішка,
У Левонтя попа да у Ростовскова,
Была у него собачища жадная,
60. Еще жадная еобака обжорчитая;
По подлавицамъ собака каталася (валялася),
Лебедино костьѣ грызла, подавилася;
Оттого этой собацѣ смерть случилася,
Еще завтра-те по утру Тугарину то-же будѣтъ!
65. Еще вспомнишь-ли, Екимша, вспомятуешь-ли?
Какъ у нашего у свѣта у батішка,
У Левонтия попа да у Ростовскова,
Была у него корова-то жадная;
Какъ помои-те хлебала, охлебалася,
70. Лебедино костьѣ грызла, подавилася;
Оттого этой коровѣ смерть случилася.
Еще завтра то по вутру Тугарину то-же будѣтъ!“
А Тугарину то показалоса за досадочку;
Онъ стрѣлялъ ево да онъ булатнымъ ножемъ.
75. Этотъ тотъ ево Екимша подхватливъ былъ,
Этотъ тотъ ево булатный ножикъ на полетехъ подхваталь,
На полетехъ те хваталь.
Еще тотъ-то Олѣша спроговорить:
„Не хочу я ево бѣлу душечку губить,
80. Не хочу я ево да кровь горячую пролить,
Не хочу я да бѣлы столики марать.
Выѣзжай ты, Тугаринъ, на войну завтрѣ,
Выѣзжай ты, Тугаринъ, въ чисто поле,
То твоя-то головушка на плаху пойдѣтъ!“
85. А не хто за Волѣшу не ручаѣтся:
Одинъ Солнышко-тъ Владимиръ-отъ ручаѣтся,
А за Тугарина да весь городъ ручаѣтся.
Выѣзжаетъ Тугаринъ на чисто поле:
„Посмотри-ка, слуга, выѣхаль-ли Тугаринъ на чисто поле?“
80. Еще выскочилъ слуга да посмотрѣтъ ево;
Еще выехалъ да Тугаринъ на чисто поле;

- Кругъ Тугарина змѣи огненные,
Змѣи огненные да оплетаются.
Онъ шель-то Олѣша во Божью церковь,
95. Богу молится:
„Еще Богъ ты Богъ, да Богъ Спаситель мой!
Принеси ты тучу грозную,
Еще вымочи да у Тугарина,
Еще вымочи у Тугарина гумажны крылья!“
100. А пришла-то туча, туча грозная,
Еще вымочила у Тугарина гумажны крылья;
Еще паль-то Тугаринъ на сыру землю.
Поѣхаль-то Олѣша Тугарину,
Приѣхаль-да Олѣша Тугарину-те:
105. „Еще хочѣшь ты, Олѣша, тебя дымомъ задушу?
Еще хочѣшь ты, Олѣша, такъ искрами засыплю?
Еще хочѣшь ты, Олѣша, огнѣмъ пламенемъ спалю?
Еще хочѣшь ты, Олѣша, живымъ тебя сглочу?
Еще хочѣшь ты, Олѣша, головнями застрѣлю?“
110. Изъ дыры-те головни выскакиваютъ.
— На что ты, Тугаринъ, за собой силу ведѣшь?
Я одинъ да одинъ, какъ да пѣрстичѣкъ,
Ты, Тугаринъ, да за собой силу ведѣшь!—
Онъ поворачиваль коня да коня накруто.
115. Этотъ тотъ-то Олѣша подвертливъ былъ,
Подвертывался да подъ конину гриву,
Отсѣкаль онъ своей да саблей вострой,
Отсѣкаль онъ своей да саблей востренькой
(Голову Тугарину Змѣевичу ¹⁾).
Какъ Тугаринъ-отъ упаль, да земля на трое раскололася,
120. Какъ Тугарину голову на востро копые соткнуль,
Своево-то коня да поводу повель,
На Тугариновомъ-те конѣ онъ поѣхаль-да,
На Тугариновомъ-те конѣ поѣхаль онъ,
Своево-то коня да поводу ведеть.
125. Этогово Солнышка Владимира жена-то его да спроговорить:
„Еще знать-то добра молодца по поѣздочкѣ,
Еще знать-то Тугарина по поѣздочкѣ да по походочкѣ:
А Тугаринъ-отъ ѣдетъ, Олѣшину-то голову
На востромъ копыѣ везѣтъ“.
130. (Слуга):—Ты не ври, ты не ври да не вобманывай!
Какъ Олѣша-то ѣдетъ на Тугариновомъ конѣ,
Своево-то коня да поводу ведѣтъ,

¹⁾ Въ записи былины этого стиха нѣтъ.

- Какъ Тугаринову-то голову на востромъ копѣ (везеть).
Приѣзжаетъ Олѣша Солнышку Владимиру,
135. Онъ бросаетъ эту голову стекольчато вокно:
„Ты возьми ты, Солнышко Владимирова жена,
Ты возьми, возьми Олѣшину голову,
Тугаринъ-отъ привезъ тебѣ!“
Еще тотъ-то Солнышко Владимиръ спроговорить:
140. — Еще первую мѣсто—переднѣ мѣсто,
А друго-то тебѣ мѣсто подлѣ меня,
Еще третье-то мѣсто куда самъ хочешь! ¹⁾—
(Алеша): „Какъ былъ-бы ты да не мой бы дядюка,
Я бы назвалъ тебя я бы прямо сводничкомъ,
145. Какъ-бы не тетушка была-бы, назвалъ курвой б...ю!“

Записана И. А. Худяковымъ въ Верхоянскомъ округѣ Якутской области, въ сел. Русское устье, близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый Океанъ. Напечатана въ „Верхоянскомъ Сборникѣ“, составляющемъ т. I. вып. 3-й Записокъ Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Р. Географ. Общества. Иркутскъ 1890 г. стр., 303—307.

* 30. Алеша Поповичъ.

(Начало).

- Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Состроена была палатушка бѣлокаменна,
Крыта палатушка жестью бѣлою,
Изукрашена палатушка мѣдью красною.
5. Во той палатушкѣ столы дубовые,
На столикахъ скатерточки шелковыя;
На скатерточкахъ тарелочки золотыя.
Во тарелочкахъ жвочки сахарныя.
Собирались тамъ князья—бояры.
10. Всѣ-то князья-бояры кушаютъ,
Бѣлую лебедь они рушаютъ.
Всѣ то князья-бояры принакушались,
Принакушались, порасхвастались.
Кто-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
15. Кто-то хвастаетъ удачей молодецкою,
Кто-то хвастаетъ услугой княженецкою.
Расхвастался Алеша Поповичъ младъ,
Расхвастался удачей богатырскою:
Не боялся де онъ въ чистомъ полѣ недруга.
20. Недруга, ни своего брата...

Былинный отрывокъ записанъ А. И. Лазебниковымъ со словъ крестьянина Чумышской волости въ Барнаульскомъ округѣ. Взятъ нами изъ рукописнаго сборника С. И. Гуляева.

¹⁾ „Это своей бабѣ говорить, чтобы она легла съ нимъ“. Объясненіе сказителя.

31. Адеша Поповичъ и Илья Муромецъ.

- Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ
У того попа Ростовскаго
Едино было чадо милое,
Удаль добрый молодецъ на возрастѣ
5. По имени Алешинька младъ.
И сталъ Алешинька конемъ владѣть,
И сталъ Алешинька мечемъ владѣть,
Приходитъ Алешинька ко своему родителю
Къ тому поцу Ростовскому
10. И падаетъ ему во рѣзвы ноги,
И просить у наго благословеньица
Възять да во чисто поде во раздольице
Ко тому ли ко Сияю морю,
На тѣ-же тихи заводьи,
15. Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перистыхъ, пушистыхъ сѣрыхъ утицей.
И стрѣлять во мѣрочки во польскія,
Во то ли вострее ножевое.
И просилъ онъ себѣ у роднаго батюшки,
20. У того ли попа Ростовскаго,
Себѣ дружинишку хорошую,
Хорошую да хоробрую;
И далъ ему Ростовскій попъ
Своему чаду милому
25. Благословенье съ буйной головы до рѣзвыхъ ногъ;
И пошелъ же Алешинька на конюшенъ дворъ
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыхъ,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія,
30. И затягивали подпруги шелковыя,
И застегивали костылечки булатныя
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговариваютъ:
„Ужъ ты конь, ты конь, лошадь добрая!
35. Не оставь ты, конь, во чистомъ полѣ
Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
Чернымъ воронамъ на возграенье,
А сильнымъ паляницамъ на восхваленье“.
40. И сами коню приговариваютъ:
„То не для-ради басы,—ради крѣпости,

- А не для ради поѣздки богатырскія,
Для ради выслуги молодецкія“.
- Надѣвалъ Алешинька латы кольчужныя,
45. Застегивалъ пуговики жемчужныя
И нагрудничекъ булатный,
И бралъ свою сбрую богатырскую:
Во первыхъ копье долгомѣрное,
Во вторыхъ саблю острую,
50. Во третьихъ палицу боевую,
Въ налушничекъ тугой лукъ
Да двѣнадцать стрѣлочекъ каленныхъ;
Не забылъ чинжалище, свой острый ножъ.
Только видѣли удала, какъ въ стремена вступилъ,
55. А не видѣли поѣздки богатырскія,
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, да дымъ столбомъ валить.—
У рѣкъ молодцы не стаивали,
Перезова молодцы не крикивали.
60. Они ѣхали изъ утра день до вечера
И доѣхали до разстаньюшка великаго
На три дорожечки шірокія:
Первая дорожечка во Кіевъ градъ,
Друга дорожечка во Черниговъ градъ,
65. Третья дорожечка ко Синю морю,
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На тѣ же тихи вешни заводья.
И говорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ;
70. „Ужъ ты гой еси, дружина добрая,
Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ,
Въ Кіевъ ли ѣхать, аль въ Черниговъ,
Аль къ тому морю Синему?“
И говоритъ дружина хоробрая:
75. „Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Если ѣхать намъ да во Черниговъ градъ,
Есть во Черниговѣ вина заморскія,
Вина заморскія да заборчивыя,
По стаканчику выпьемъ, по другому хочется,
80. А по третьему выпьешь, душа горитъ;
Есть тамъ калашницы хорошія,
По калачику съѣдимъ, по другому хочется,
По другому съѣдимъ, по третьему душа горитъ.
Есть тамъ дѣвушки хорошія,
85. Если на дѣвушку взглянешь, такъ загуляешься,

- И пройдетъ про насъ славушка немалая,
Ото востока слава до запада
До того города до Ростовскаго,
До того ли попа до Ростовскаго,
90. До твоего батюшки родителя.
Поѣдемъ ко мы, Алешинька, въ Кіевъ градъ
Божьимъ церквамъ помолитися,
Честнымъ монастырямъ поклонитися“.
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
95. Подъ тѣмъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Солучилося несчастьице великое:
Обостала его сила невѣрная
Изъ той орды да великія,
По имени Василій Прекрасный,
100. И страшно, грозно подымается
Нехорошими словами похваляется:
Хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
Святныя церкви въ огонь спустить,
А силу Кіевску съ собою взять,
105. А князя Владимира повѣситъ,
Евпраксию Иикитишну въ замужъ взять.
И гововиль то тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, дружинушка хоробрая!
Не поѣдемъ-ко мы теперича во Кіевъ градъ,
110. А напустимся на рать силу великую
На того ли Василя Прекраснаго,
И слободимъ отъ бѣды крашенъ Кіевъ градъ;
Выслуга наша не забудется,
А пройдетъ про насъ слава великая
115. Про выслугу нашу богатырскую,
И узнать про насъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Не дошедши старикъ намъ поклонится“.
И попускалъ онъ съ дружинишкою хороброю
120. На ту силу рать великую,
На того Василя Прекраснаго,
И прибили тое силу рать великую,
Кое сами, кое кони топчуть,
И разбѣжалась рать сила великая
125. По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракиновымъ,
Очистила дорожку прямоѣзжую.
Заѣзжали они тогда во крашенъ Кіевъ градъ
Ко тѣмъ же ко честнымъ монастырямъ.

130. И спросилъ то ихъ Владимиръ князь:
„И откуда таки вы добры молодцы,
И коими дорогами, какимъ путемъ?“
— Заѣхали мы дорожкой прямоѣзжею.—
И не просилъ ихъ князь на почестень столъ,
135. И сѣдѣли тутъ добры молодцы на добрыхъ коней
И поѣхали они во чисто поле
Ко тому ли городу Ростовскому,
Ко тому ли попу Ростовскому.
Прошла славушка немалая
140. Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,
До тое ли до горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявья,
145. До того ли шатра бѣлополотнянаго,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжая
Отъ того ли Алешиньки Поповича;
150. И самъ же старѣй да удивляется,
Ужъ какъ ѣздили добры молодцы да по чисту полю,
А не заѣхали удалы добры молодцы ко старому
Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить.
Сѣдѣтся старѣй да на добра коня,
155. Пріѣзжаетъ старѣй да въ крашенъ Кіевъ градъ
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжескому,
Ко тому крылечку прекрасному.
160. Не ясенъ соколъ да опускается,
А то старѣй казакъ съ коня соскакиваетъ,
Оставляетъ коня не приказана, не привязана,
Забѣгаетъ старѣй на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни,
165. И заходитъ во свѣтлу гридню,
И приходитъ старѣй Богу молится,
На всѣ стороны поклоняется.
Челомъ бьетъ ниже пояса:
„Ужъ ты здравствуешь, князь стольно-Кіевскій,
170. Ужъ ты здравствуешь, Апраксія Королевишна!
Поздравляемъ васъ съ побѣдою немалою.
Залетались сюды добры молодцы,
По имени Алешинька Поповичъ младъ

- Со своей дружинишкой хороброю?“
175. Отвѣчаетъ ему князь стольно-кїевскїй:
„Заѣзжали добры молодцы ко тѣмъ честнымъ пастырямъ,
Ужъ я ихъ къ себѣ въ домъ да не принялъ,
И уѣхали они во далече чисто поле“.
И сказалъ тутъ старъ казакъ:
180. —Собериткося, князь Владимїръ, почестенъ пиръ,
Позовиткося Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
Посадиткося Алешу во большо мѣсто,
И уподчуйкося Алешу зеленымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ да медомъ сладкїимъ,
185. И подариткося Алешу подарочкомъ великїимъ.
И прошла уже славушка не малая
Про того Алешиньку Поповича
До той орды до великїя,
До той Литвы до поганя—
190. До того Батей Батеевича.—
„Да кого же намъ послать за Алешинькой,
Да попросить его на почестенъ пиръ?
И послать намъ Добрынюшку Никитича“.
И поѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
195. Не дошедши, Добрынюшка низко кланялся:
„Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Поѣдемъ-ко ся во крашенъ Кїевъ градъ
Ко ласкову князю ко Владимїру
Хлѣба-соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить
200. И хочеть тебя князь пожаловать“.
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ младъ:
„На прїѣздѣ гостя не употчиваль,
На отѣздѣ гостя не употчивать.“
Говоритъ тутъ Добрынюшка во второй законъ:
205. „Поѣдемъ, Алешинька, во крашенъ Кїевъ градъ
Хлѣба-соли ѣсть, пиво съ медомъ пить,
И подарить тебя князь подарочкомъ хорошимъ.
Да еще звалъ тебя старой казакъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
210. Да звалъ тебя Дунаюшко Ивановичъ,
Да звалъ тебя Василїй Касимеровъ,
Да звалъ тебя Потанюшко хроменькїй,
Да звалъ тебя Михайлушко Игнатъевичъ“.
Тогда садился Алеша на добра коня
215. Съ той дружинишкой хороброю,
Поѣхали они во далече чисто поле
Ко тому ко граду ко Кїеву,

- И заѣзжаютъ они не дорожкой, не воротами,
А скакали черезъ стѣны городовныя,
220. Мимо тое башенки наугольня
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясенъ соколь съ воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своихъ коней соскакиваютъ;
225. У того же столба у точенаго,
У того же колечка золоченаго,
А оставили коней неприказанныхъ, непривязанныхъ.
Выходилъ тутъ на крыльцо старый козакъ
Со княземъ со Владимиромъ, со княгинюшкой Апраксією;
230. По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги въ золотѣ
А по локоть-то руки въ скатномъ жемчугѣ,
На груди у Апраксіи камень и цѣны ему нѣтъ.
Не дошедши, Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешинькѣ Поповичу:
235. „Ужь многолѣтно здравствуй, ясенъ соколь,
А по имени Алешинька Поповичъ младѣ!
Побѣдилъ ты не мало силы нонь,
И слободилъ ты нашъ крашенъ Кіевъ градъ
Отъ того ли Василя Прекраснаго;
240. Чѣмъ тебя мы станемъ теперь Алешу жаловать?
Пожаловать намъ села съ приселками,
А города съ пригородками.
И тебѣ будетъ казна не затворена,
И пожалуй ко ся ты къ намъ на почестень столѣ“.
245. И брала Алешиньку за бѣлу руку
И вела его въ гридни столовныя,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатныя,
За кушанья сахарныя,
250. За напитки розналивчатые,
За тую же за матушку бѣлу лебедь.
Да сказалъ же тутъ Владимиръ стольно кіевскій:
„Слуги вѣрныя, наливайте-тко-съ зелена вина,
А не малую чарочку,—въ полтора ведра;
255. Наливайте-тко-съ еще меду сладкова,
Наливайте-тко-съ еще пива пьянаго,
А всего четыре ведра съ половиною“.
И принимаетъ Алешинька одною рукой,
И отдаетъ чело на всѣ четыре стороны
260. И выпивалъ Алешинька чары до суха;
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу.

- И тутъ-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братомъ старшимъ,
А середнимъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
265. А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ,
И стали Алешиньку тутъ жаловать:
Села съ приселками, города съ пригородками,
А казна то была ему не закрыта.
И ставаль тутъ Алеша на рѣзвы ноги
270. И говорилъ Алеша токово слово:
„Не надоть мнѣ-ко села съ приселками,
Не надоть мнѣ города съ пригородками,
Не надоть мнѣ золотой казны,
А дай-ко мнѣ волю по городу Кіеву,
275. И чтобы мнѣ-ко кабаки были не заперты,
А въ трактирахъ чтобы гулять дозволялося“.
И бралъ онъ тутъ свою дружинишку хорошую да хоробрую,
И своихъ братьицей названныхъ.
И гуляли они времени не мало тутъ—
280. Гуляли недѣлю, гуляли двѣ,
А на третью недѣлю просыпалися,
И садилися удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое,
285. Ко той же рѣки ко Черниговкѣ,
Ко той же горы ко высокія,
Ко той же шеломя окатистой,
Ко той же березонки кудрявья,
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
290. И поставили они своихъ добрыхъ коней,
И раздернули шатры, столы убранные.
Начали молодцы пить, ѣсть, кушати,
Начали молодцы разговаривать.
Выходилъ же въ ту пору старъ козакъ изъ бѣла шатра
295. И смотрѣлъ старикъ изъ трубки подзорныя на всѣ четыре
стороны:
Во первыхъ глядѣлъ на сине море,
На тѣ же тихи заводья,
Во вторыхъ смотрѣлъ во чисто поле,
Да увидѣлъ во чистомъ полѣ во раздольицѣ кучу немалую,
300. А потомъ усмотрѣлъ добра коня,
А на конѣ усмотрѣлъ паляницу преудалую;
А и ѣдетъ она потѣшается;
На лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ,
На правомъ-то плечѣ у ней бѣлыи кречетъ,

305. Да палица у ей боевая тридцати пудовъ,
Правой рукой она ее выкидывала выше лѣсу стоячаго
Да пониже-то облака ходячаго,
Да другой рукой подхватываетъ,
А до земли палицу не допускаваетъ.
310. И тутъ старому занятно палоса,
И долго старый позамѣшкался,
Засмотрѣлся на гулянку паляницы
И самъ тому удивляется.
Вскрикнулъ тутъ Алешу Поповича:
315. „Ужъ ты гой еси, Алешинька Поповичъ младъ!
На тебя будетъ служебка накинута,
Сади-тко-сь, Алешинька, на добра коня,
Поѣзжай-ко-ся во чисто поле,
Ко той же паляницѣ преудалыя,
320. Ты спроси-тко-сь у ей: какой земли,
Какого городу, какого роду, отца, матери,
И какъ зовуть тебя по имени, величаютъ по изотчеству,
И спроси-тко ты, Алешинька Поповичъ младъ:
Куда же ты ѣдешь, куда путь держишь,
325. Али ты ѣдешь въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
Али ты посмотришь хочешь стара козака“?
И скочилъ тутъ Алеша скорешенько на добра коня,
А полетѣлъ-то Алешинька во чисто поле.
Доѣхалъ онъ до паленицы преудалыя.
330. Не спрашиваетъ у ей имени, отчины,
Ни роду не спрашиваетъ, ни племени,
Оборачиваетъ Алешинька востро копьѣ
И хочетъ принять на его ту паляницу преудалую,
Да была паляница на то ухватчива—
335. Ухватила у его востро копьѣ,
Да убростила его во чисто поле,
Ахватила Алешиньку за шиворотъ,
Да сбросила съ добра коня сдолой
И сказала ему таково слово:
340. „Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Ужъ ты силою не силенъ, да напускомъ смѣлъ,
Не спрашиваешь ни имени, ни отчины,
Напускаешься на паляницу преудалую,
А хочешь я тебя смерти предамъ?
345. Поѣзжай-ко-ся ты ко бѣлу шатру,
Пошли-ко-ся ты самого Илью Муромца,
Мнѣ ка хочется съ нимъ поназваниться“.
Садился Алешинька на добра коня и ѣхалъ ко бѣлу шатру,

- А что было то Алеша не сказываль.
350. Посылають тутъ старый Добрынюшка во второй наконѣ:
„Узнай-ко-ся, Добрынюшка, кто ѣздитъ во чистомъ полѣ“?
Садился тутъ Добрынюшка на добра коня, да и ѣхаль во чисто поле;
- Не доѣхавши, Добрынюшка шапку складываль
И сходилъ съ добра коня низко кланялся:
355. „Ужъ ты здравствуй-ко-сь, паляница преудалая,
Какого же ты города, какой земли,
Какого же ты отца, матери,
Какъ же тебя звать по имени,
Звеличать тебя по изотчеству,
360. Куда же ты ѣдешь: въ Кіевъ градъ, аль въ Черніговъ градъ,
Или ѣдешь отъ синя моря,
И хочешь увидать стара казака?“
Отвѣчаетъ ему паляница преудалая:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!“
365. Пошлит-ко-сь-ты ко мнѣ стараго:
Прошла про его славушка немалая,
Ото востока прошла слава до запада,
Отъ той орды великія, отъ того же отъ Мамайя сильнаго,
Сторожить де старъ казакъ три дорожечки широкійхъ*.
370. Поѣхаль ли тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И не доѣдучи старому рассказываль;
И на то-ли старому за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
375. Садился старый на добра коня,
Ѣхаль да во чисто поле ко той паляницѣ преудалыя.
Разъѣхались тутъ удалы въ первой разъ,
Кололися копыцами вострыми,
А по посадочки копыца ихъ свернулись,
380. И тѣмъ боемъ они другъ друга не ранили.
Рубилися потомъ сабельками вострыми,
И тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Потомъ билися палицами боевыми;
Отъ рукъ палицы загорѣлися,
385. По спаямъ палицы распаялися,
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Соскочили они съ добрыхъ коней,
И хватилися они боемъ рукопашнымъ,
Не много они времени поводелися,
390. А по колѣно въ землю утопталися,
По участи было по старого,

- По злосчастыицу было паленицыну,
Правая рука у ей опустилася,
Хватилъ же ее старый за бѣлы груди,
395. Падала тутъ паленица на сыру землю.
Наскакивалъ тутъ старый на бѣлы груди къ ей,
Отстегивалъ пуговики вальянскія,
Отворачивалъ латы кольчужныя,
Вынимаетъ чинжалище, вострый ножъ,
400. Хочетъ поротъ ей груди бѣлыя,
Хочетъ смотрѣть ретиво сердце,
На то старый былъ жалостливъ:
Увидать у паляницы бѣлы груди,
А на бѣлы груди былъ упадчивый.
405. И почаль онъ тутъ ее спрашивать:
„Откуль ты и какой земли?
И какого ты отца, матери,
Какъ тебя именемъ зовутъ“?
Говорила же тутъ паленица преудалая:
410. „Была бы ужъ я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивала бы имени отчества,
Порола бы я бѣлы груди, да смотрѣла ретиво сердце“.
Бралъ же тутъ ей старый да за бѣлы руки,
И подымалъ ей на рѣзвы ноги,
415. И цѣловалъ ей въ уста сахарныя,
И обнималъ ей за шею бѣлую,
И садилъ ей на добра коня,
И велъ ей ко своему шатру бѣдополотняному,
И садилъ ей за столы убранные,
420. И пили ѣли они кушали,
И сами двоима забавлялися,
И тайными словами занималися,
И ночи по три они проспали,
И понесла она отрока,
425. И далъ ей съ правой руки злаченъ перстень,
Со вставкою со драгоцѣнною,
Со надписью именною старою.
Самъ же ей онъ уговаривалъ:
„Принесешь если ты дочь засѣну,
430. Отдай ей перстень въ приданое;
А если принесешь удала добра молодца,
Благослови его дорогимъ перстнемъ,
Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
А пошли его, наказывай:
435. Если увидить онъ во чистомъ полѣ стараго,

- Такъ не дошедши пусть поклонится.
Поѣхала отъ стараго паляница преудалая
Ко тому же ко синю морю,
Ко тому же ко камешку ко сѣрому,
440. Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
И почала жить у синя моря,
И ожидать себѣ время засѣяно.
И спородила она себѣ чадо милое,
Не яснаго сокола, а удала добра молодца,
445. И дала ему имя сильный, могучій
И славный богатырь по имени Подсокольникъ.
Удалъ молодець не по годамъ растеть, а по часамъ;
Сталъ же добрый молодець шести годовъ,
Сталъ онъ на улицу показивать,
450. Сталъ съ ребятами поигрывать,
А ребята были не схватчивы,
Называли его безотеческимъ,
Называли его сколотышемъ ¹⁾.
Еще нѣтъ у тебя родна батюшка.
455. На этомъ молодцу за бѣду встаетъ,
За великую досаду ему кажется;
Подходилъ онъ къ матушкѣ родимой:
„Ужъ ты гой еси матушка родимая!
Отчего же у меня нѣту батюшки родителя?“
460. Подарила она ему тогда злаченъ перстень,
А на злачномъ перстнѣ имя-изотчина.
Наложилъ тутъ Подсокольничекъ перстень на руку,
А все носить этотъ перстень нелюбя,
И все зло несетъ на батюшка;
465. Сталъ Подсокольничекъ двѣнадцати лѣтъ;
Не ясенъ соколъ на возлетѣ,
Подсокольничекъ сталъ на возрастѣ,
Сталъ Подсокольничекъ мечемъ владѣть,
Сталъ Подсокольничекъ и конемъ владѣть,
470. Да садился Подсокольничекъ на добра коня,
Поѣзжаетъ Подсокольничекъ во чисто поле.
Говорила тутъ ему матушка родимая:
„Ты поѣдешь да во чисто поле,
Ты увидишь во чистомъ полѣ да стараго,
475. Не дошедши старому да кланяйся,
А челомъ бей о сыру землю“.
И поѣхалъ тутъ Подсокольничекъ во чисто поле,

¹⁾ Въ Мезени слово *незаконнорожденный* не употребляется, а вмѣсто него *сколотный*.

- И прямо ѣдетъ ко бѣлу шатру.
Кричалъ тутъ Подсокольничекъ громкимъ голосомъ:
480. „Ужь ты гои еси, русскій богатырь,
Удалый добрый молодець, а по прозванью Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ,
Тебѣ не пора ужъ спать, а пора вставать,
Пора вставать да время ѣхати;
485. Пріѣхалъ къ тебѣ непріятель невѣрный,
И хочеть онъ съ тобой поборотися“.
Ото сна ли старый пробужается,
Садился старый на добра коня,
Сѣѣхались тутъ удалы да во чистомъ полѣ,
490. И ударилъ Подсокольничекъ старого по правой щекѣ,
И подхватилъ копьемъ долгомѣрнымъ подъ правой пахъ,
И вывихнулъ изъ сѣдла черкальскаго
Со добра коня со сивушка,
И палъ старый на сыру землю, какъ овсяный снопь,
495. И вышибъ онъ старого изъ ума изъ памяти;
Садился Подсокольничекъ старому на бѣлы груди
И отстегивалъ пуговики жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И вынималъ чинжалище, острый ножъ,
500. И хочеть пороть бѣлы груди,
И хочеть смотрѣть ретиво сердце,
А тѣло хочеть разбросать по чисту полю.
Увидѣлъ тутъ старый на правой рукѣ имянной перстень,
И взмолился онъ Спасу Пречистому и вздохнулъ крѣпко:
505. „Стоялъ я за церкви Божіи, за тѣ же честны монастыри,
И хранилъ я стольный Кіевъ градъ,
Да еще хранилъ я Черниговъ градъ,
Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую“.
И слетѣлъ Подсокольничекъ у Ильи со бѣлыхъ грудей,
510. И слетѣлъ Подсокольничекъ какъ овсяный снопь.
Наскакивалъ тутъ старый ему на бѣлы груди,
Отстегивалъ пуговики жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И устращивалъ добра молодца, самъ его спрашивалъ:
515. „Ты какой земли, какого рода племени,
Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?“
Тутъ молодець отвѣтъ держитъ:
„Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
Не спрашивалъ бы роду племени,
520. Не спрашивалъ бы я отца матери,
Пороль бы я бѣлы груди, смотрѣлъ бы ретиво сердце.

- Разбросалъ бы я бѣло тѣло по чисту полю,
Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
Чернымъ воронамъ на возграенье,
525. На славу всему міру, всѣмъ людямъ“.
Говорить тутъ старый во второй наконѣ:
„Ты какой земли, какого города?
Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?“
Отвѣтъ держитъ добрый молодець:
530. „Я отъ моря- моря синяго,
Отъ камешка отъ сѣраго,
Отъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
Отъ той паляницы преудалыя,
Отъ той отъ Златыгорки отъ сильныя,
535. А батюшка себѣ не знаю я.
И какъ поѣхалъ я во чисто поле,
Тогда мнѣ-ко матушка наказывала:
„Какъ увидишь стара казака Илью Муромца,
Не дошедши ему ему низко кланяйся.““
540. И велѣла она сойти съ добра коня,
И велѣла бить челомъ сыру землю“.
На то старый былъ жалостливъ,
Узналъ, что тотъ его Подсокольничекъ
Отъ той лютой отъ Златыгорки;
545. Бралъ онъ его за бѣлы руки,
И цѣловалъ его въ уста сахарныя,
Называлъ его сыномъ родимымъ,
Благословилъ его благословеньцемъ великимъ:
„Ты гуляй-ко, дитятко, по чисту полю,
550. Не проливай крови безвинныя,
Не губи силу напрасную,
Поѣзжай-ко ся да ко синю морю
Ко своей матушкѣ родимой,
И скажи-тко отъ меня низкій поклонъ,
555. Низкій поклонъ отъ меня отъ старого
Отъ своего родна батюшка“.
И поѣхалъ добрый молодець ко синю морю,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко той же матушкѣ Златогоркѣ.
560. Подъѣзжаетъ онъ ко красну крыльцу
И кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, зла лиха паляница преудалая!
Встрѣчай-ко меня добра молодца!“
Выходитъ тутъ Златогорка на красно крыльцо,
565. Встрѣчала его, низко кланялась:

- „Ужь ты здравствуй, дитятко родимое,
Ты удалый добрый молодець, по имени Подсокольничекъ“.
А встрѣтилъ-то ее добрый молодець вострымъ копьемъ,
И падала тутъ она на красно крыльцо.
570. Оборотилъ онъ коня да во чисто поле,
И подѣхалъ онъ, добрый молодець, ко бѣлу шатру,
И засталъ тамъ старого да спящаго,
И оборотилъ онъ на старого востро копье,
И ткнулъ старого въ ретиво сердце
575. Своимъ копьемъ вострымъ.
А у стараго былъ на груди чуденъ крестъ,
Вѣсу-то былъ онъ трехъ пудовъ,
И пало копье въ чуденъ крестъ,
По посадочку копье извернулося.
580. Тутъ ли старый отъ сна просыпается,
Не отъ лютой ли хмелинки пробуждается.
Ретиво его сердце загорѣлося,
А могучи плеча расходилися,
Бѣлыя руки подымалися,
585. И хватилъ онъ тутъ Подсокольничка
За буйну голову, за русы кудри,
И отхватилъ онъ буйну голову,
И разрубилъ его на части мелкія,
И разбросалъ по чисту полю.
590. И тутъ Подсокольнику славу поють.

Записана въ г. Мезени, Арханг. губ., А. М. Никольскимъ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныхъ П. С. Еоименномъ“, ч. 2-я (см. Извѣстія И. Общества Любит. Естественнаго т. XXX, вып. 2, стр. 25—32).

32. Дунай Ивановичъ.

- Заводился у Владимира почестень пиръ.
Всѣ на пиру пьяны, веселы,
Всѣ на пиру напивалися,
Ужь какъ всѣ на пиру наѣдалися,
5. Ужь какъ всѣ на пиру приразхвастались:
Иной-то хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Глупой-то хвастаетъ молодой женой,
10. А неразумной похваляется родной сестрой.
Ходитъ Владимиръ по палатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ,

- Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Всѣ у меня въ городѣ поженены,
15. Всѣ красны дѣвицы исподаваны;
Одинъ-то я Владимиръ холость хожу,
Холость хожу,—не женать слыву;
Не знаетъ ли кто мнѣ обручницы,—
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы,
20. Чтобы возрастомъ не мала, умою сверстна,
Бѣлое лицо будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
А ясны очи, какъ у сокола,
Черны-то брови, какъ у соболя,
25. Чтобы было кому поклониться“?
Спрашиваетъ Владимиръ во второй наконѣ:
„Не знаете-ли мнѣ-ка обручницы,
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы
Чтобы возрастомъ не мала, умою сверстна“?
30. Изъ за того стола изъ за окольнаго,
Изъ за той изъ за скамьи бѣлодубовой
Выходитъ дородній добрый молодець
На имя Добрынюшка Никитичъ нашъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
35. „Благослови-тко се, Владимиръ, слово молвити,
Не моги-тко се меня за слово скоро сказнити;
Ужъ я знаю тебѣ обручницу,
Обручницу знаю сопротивницу.
Она возрастомъ не мала,—умою сверстна;
40. Бѣло лицо, будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
А ясны-то очи, какъ у сокола,
Черны-то брови, какъ у соболя.
Ужъ я самъ не видалъ, такъ отъ людей слыхалъ;
45. Ужъ я слышалъ отъ брата названаго,—
Отъ названаго —отъ крестоваго—
Отъ сильнаго Дунаюшка Иванова.
Сидить-то Дунай въ темномъ погребѣ,
Сидить-то Дунай ровно три года“.
50. Бери-тко, Добрынюшка, золоты ключи,
Отмыкай-ко темны погребы,
Выпуцай-ко Дунаюшка на бѣлый свѣтъ.
У меня право Дунай въ забытѣи пришель*.
Ужъ беретъ-то Добрыня золоты ключи,
55. Отмыкаетъ Добрыня темны погребы.
Сидить-то Дунай въ темномъ погребѣ,

- Читаетъ книгу Дунай Ивановичъ;
Самъ сидючись, прирасплакался:
„На что я Владимиру понадобился,
60. Или хочеть сказнить меня, вѣсити“?
Говорить-то Добрынюшка Никитичъ:
„Добро жаловать ко Владимиру на почестень пиръ,
На почестень хлѣба соли ѣсть,
Хлѣба соли ѣсть, пива меду пить“.
65. Выходить Дунаюшко Ивановичъ,
Выходить изъ темна погреба;
Идутъ-то Дунай въ палаты бѣлокаменны,
Идутъ на почестень пиръ съ Добрынюшкой Никитичемъ,
Идутъ во гридню княженецкую.
70. Зашель-то Дунай во гридню княженецкую;
Онъ крестъ-то кладеть по писаному,
Поклонъ-то ведеть по ученому,
Бьетъ-то челомъ князю Владимиру,
Всѣмъ русскимъ богатырямъ по обычаю.
75. „Садись-ко, Дунаюшко, за дубовой столъ—
За дубовой столъ хлѣба соли ѣсть“.
Садили Дуная во больше мѣсто,
Во больше мѣсто во большой уголъ.
Наливали чару зелена вина,
80. Зелена вина полтора ведра;
Другу наливали пива пьянаго,
Пива пьянаго полтора ведра.
Принимаетъ вино Дунаюшко единой рукой,
Выпиваетъ Дунаюшко единымъ духомъ,
85. Запиваетъ Дунай пивомъ пьянымъ,
Хмелина у Дуная въ головѣ появилась.
Говорить-то Володимиръ стольно-кѣвскій:
„Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановичъ!
Не слыкаль-ли ты мнѣ-ка обручницы,
90. Обручницы мнѣ сопротивницы,
Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна,
Бѣло-то лице, какъ бѣлый снѣгъ,
Ягодницы-то, будто маковъ цвѣтъ,
Ясны-то очи, какъ у сокола,
95. Черны-то брови, какъ у соболя,
Чтобы было кому поклонитися“?
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Ужъ я знаю тебѣ обручницу,—
Знаю тебѣ сопротивницу:
100. Есть, у короля Задонскаго

- Есть у короля двѣ дочери.
Перва дочь Настасья королевшна:
Настасья королевшна не тебѣ верста.
Ѣдитъ во чисто поле, полякуеть,
105. Слыветъ паляницей преудалою.
А есть Опраксея королевшна:
Сидитъ Опраксея въ новой горницѣ,
Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили.
110. Говорить-то Владимиръ стольно-кѣвскій:
„Ты гой еси, Дунаюшко Ивановичъ!
Ты бери силы, сколько надобно,
Ты бери казны, сколько надобно“.
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
115. „Мнѣ не надо твоя сила великая,
Мнѣ не надо твоя золота казна;
Ужъ я съ силой-то пойду не воевать стану,
Казной твоей не торговать стану;
Ужъ я силой возьму богатырскою
120. А грозою возьму княженецкою.
Только дай мнѣ-ка два брателки названья,
Два названья крестовья:
Во-первыхъ-то Добрынюшку Никитича,
Во-вторыхъ Алешеньку Поповича“.
125. Говорить-то Владимиръ стольно-кѣвскій:
„Бери-тко, Дунай, что тѣ надобно“.
Сбирается Дунай со братьями крестовыми.
Пошли да братаны на конюшенъ дворъ,
Берутъ-то коней своихъ добрыхъ,
130. Удаютъ во уздицы во тесмянныя,
Сѣдлаютъ во сѣделечка черкасскія,
Сбираются богатыри, сряжаются.
Провождаетъ Владимиръ стольно-кѣвскій,
Провожаетъ со чести со радости.
135. Поѣхали братаны во чисто поле;
Во чистомъ полѣ курева стоитъ.
Ѣдутъ ко царству Задонскому,
Къ тому королю ко Задонскому,
Заѣзжаютъ въ королевство Задонское,
140. Въѣзжаютъ къ королю на широкій дворъ.
Они мечутъ коней на широкомъ дворѣ,
Непривязанныхъ мечутъ, неприказанныхъ,
Не разнузданныхъ, не разсѣдланыхъ.
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:

145. „Ужь ты брателко, Олешенька Поповичъ,
Останься-ко, Олешенька, на широкомъ дворѣ,
Сѣки-ко ты татаръ стараго и малаго,
Не покидай ни одинаго на сѣмена“.
Пошли со Добрыней со Никитичемъ,
150. Пошли на новы сѣни.
Оставляетъ Добрынюшку Никитича,
Самъ говоритъ таковы рѣчи,
Съ боку на бокъ палата сколебаются:
„Сѣки-тко стараго и малаго,
155. Не оставляй ни одинаго на сѣмена“.
Пошелъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
Зашель въ палату королевскую,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Онъ крестъ-отъ кладетъ по писанному,
160. Поклонъ-отъ ведетъ по ученому,
Челомъ бьетъ королю Задонскому:
„Здравствуй, король земли Задонскія“!
— Здравствуй, Дунаюшко Ивановичъ!
Ты зачѣмъ ко мнѣ пріѣхаль,
165. Жить-служить по старому?—
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Я пріѣхаль жить къ тебѣ не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Я пріѣхаль къ тебѣ сватомъ свататься,
170. Что на той Опраксеѣ королевишнѣ,
Да на той же на Настасьѣ Королевишнѣ“.
Говоритъ-то король земли Задонскія:
„Кабы была Настасья Королевишна,
На долонь бы посадила, другой сжала,
175. Межъ долонями мокро стало“.
Лишѣ тутъ-то Дунаю за бѣду пало,
Горяча кровь раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ пермѣнилася.
Хватилъ татарина онъ за ноги,
180. Сталъ татаринѣмъ помахивать;
Прибилъ всѣхъ пановей улановей,
Всѣхъ поганыхъ татаровей.
Вышелъ Дунай на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ всѣ мертвы лежатъ.
185. Пошелъ-то Дунай во высокъ теремъ,
Свернулъ Дунай двѣнадцать замочиковъ всячѣихъ,
Онъ прибилъ тутъ всѣхъ крѣпкихъ сторожевъ.
Зашель-то въ горницу высокую

- Ко той Опраксеѣ Королевишнѣ.
190. Сидить Опраксея Королевишна,
Вышиваетъ ширинку красна золота.
Встала Опраксея на рѣзвы ноги,
Береть-то Дунай за праву руку
Опраксею Королевишну;
195. Повель-то Дунаюшка Ивановичъ.
Идетъ-то Опраксея Королевишна,
Идетъ по новымъ сѣнямъ.
Тутъ Опраксея прирасплакалась:
„Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить вскормить,
200. Не умѣлъ меня, батюшко, замужъ отдать.
Отдаешь ты меня не съ чести, не съ радости,—
Не съ чести, не съ радости,—съ кровопролитыца“.
Выходитъ король земли Задонскія,
Зоветъ онъ Дунаюшка Иванова:
205. „Добро жаловать, Дунаюшко Ивановичъ,
Хлѣба соли ѣсть, вина съ медомъ пить“.
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
„На приѣздѣ гостя не учествовать,
На отъѣздѣ гостя не употчивать“.
210. Подходить Дунай ко добрымъ конямъ,
Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садилъ позади себя.
Поѣхали Дунаюшка Ивановичъ,
Поѣхали вонъ изъ города.
215. Ъдутъ Дунай по чисту полю,
Наѣхали Дунай ископыть глубокую.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Ты братецъ, Добрынюшка Никитичъ,
Бери-тко Опраксею Королевишну,
220. Бери-ткось на добра коня;
Я поѣду по ископыти глубокія“.
Отдавать Добрынюшкѣ Никитичу,
Говоритъ: „поѣзжай-ко, Добрынюшка Никитичъ,
Поѣзжай во красенъ Кіевъ градъ
225. Со той со Опраксеей Королевишною.
Я поѣду по ископыти глубокія“.
Еще тутъ братаны разѣхались.
Наѣхаль Дунаюшко паляницу преудалую;
Разѣхались съ паляницею преудалую.
230. Какъ ударилъ копьемъ бусорменскимъ,
Вышибъ паляницу преудалую,
Пала паляница на сыру землю;

- Приступилъ-то копытомъ его добрый конь,
Беретъ паляницу за бѣлы руки,
235. Садитъ паляницу на добра коня.
Поѣхалъ Дунаюшко Ивановичъ,
Наѣхалъ Добрынюшку Никитича.
Ѣдутъ ко городу ко Киеву,
Заѣзжаютъ въ Киевъ скорошенько.
240. Встрѣчаютъ ихъ во Киевѣ,
Встрѣчаютъ со чести, со радости;
Встрѣчаетъ Владимиръ стольно-киевскій.
Повелось пированьице-почестенъ пиръ.
Пировали,-столовали по первой дѣнь,
245. И законъ Божій приняли.
Тутъ Дунаюшко обручился
Съ той Настасьей Королевишной.

Записана священникомъ Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотца. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Арханг. губ., собран. П. С. Есенинкомъ“, ч. 2-я, стр. 11—14.

* 33. Дунай Ивановичъ.

- Какъ во стольнѣмъ во городи во Киеви,
Да ѣ у ласковаго князя у Владимира,
Заводился поцестенъ пиръ да столованьице.
Тутъ вси да на пиру напивалиси,
5. Още вси да на пиру наѣдалиси,
Вси-то на пиру да пьяны, вѣселы,
Още вси-то на пиру поросхвастались:
Йнной-тотъ видъ хвастатъ крестьянамы,
Още йнной-тотъ хвастатъ видъ боярамы,
10. Ай Добрынюшка Микитиць-тотъ добрымъ конемъ,
Ай Олешенька Поповиць—своей смѣлосью,
Ай Дунаюшко Иваныць да своей силой богатырскою.
Ай зъ за того стола, да зъ за окольного,
Още зъ за того стола, да зъ за мѣста зъ за бѣльшого
15. Ай выходитъ-то Владимиръ князь да стольнѣкиевской:
„Ай же вы вси князи, да вси бѣяра,
Вси руськіи могуці богатыри,
Вси вы у меня были поженены,
Да повыбраны кнегини супротивныи;
20. Вы не знаете-ли мнѣ кнегини супротивъ меня?
Супротивъ меня кнегини супротивницы“?
Зъ за тогѣ-то стола зъ за стола дубового,
Още зъ за того стола, зъ за бѣльшого
Повѣскоцилъ Дунай сударь Ивановичъ:

25. „Ай же ты Владимиръ князь да стольнёкіевской,
Благослови-тко мнѣ словецюшко повымолвить;
Я теби вѣдаю кнегиню супротивную:
Какъ во той-то во земли да во татарської,
У тогб-то королевського велицесства
30. Есь видь ббольшая Настасья королевична,
Още мѣньшая Опракса королевична:
Станникомъ она да есь ровнешенька,
Още ростомъ есь она высокошенька,
Тѣломъ-то она да снѣгу бѣлого,
35. Оци-ты у ей да ясна сокола,
Брови-ты у ей да цѣрна соболя“.
Тутъ Владимиръ князь да стольнёкіевской:
„Ай же ты, Дунаюшко Ивановичь,
Ты бери-тко съ мѣня силы хоть и нѣсколько,
40. Поѣзжай-то ты во зѣмлю во татарскую,
Ко тому-ли королевскому Велицесству,
Ты постватайсе добромъ, да онъ добромъ не дастъ,
Ай добромъ не дастъ, да ты силѣй возьми“.
— Мнѣ не надо съ теби силы хоть и нѣсколько,
45. Только дай мнѣ-ка Олешеньку Поповиця,
Да проси-тко у Добрынюшки добра коня.—
Ужь онъ даль ему Олешеньку Поповиця,
Оны взяли у Добрынюшки добра коня.
Още видли добрыхъ мблодцевъ тутъ сядуцись,
50. А не видли добрыхъ мблодцевъ поѣдуцись;
Да ѣ поѣхали оны да изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да къ королю въ Литву,
А во тую-ту во землю во татарскую,
Ко тому ли королевскому Велицесству.
55. А приѣхали оны на ёго бѣлой дворъ,
Становилиси оны да на бѣломъ двори:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Становись-ко на двори да у добрыхъ коней,
Я пойду-то во полаты королевські“.
60. Онъ зашелъ-то во полаты королевські,
А и крестъ-отъ онъ кладетъ по писаному,
А поклонъ-то онъ ведетъ да по уценому,
На двѣ, на три, на четіре на сторонюшки,
Королевскому Велицесству въ особину.
65. „Ай же ты, Дунай сударь Ивановичь,
Ты цего же сюда ѣдешь, зачимъ путь держишь?“
— Още ѣду я сюда, да сюды путь держу,
Ай за дбрыимъ за дѣломъ тымъ за свѣтовсствомъ

- На твоёй ли на Опраксы королевичьной.—
70. Тутъ спроговорилъ король да таковó словó:
„На моёй ли на Опраксы королевичьной?
Още мёньшую ты доцерь нонце сватаешь,
А большúю мою доцерь засадилъ.
На моёй ли на Опраксы королевичьной
75. Ай былó-то видь на ней да тридцать свáтуховъ;
Ужь я всимъ-то видь я сватамъ головú срубилъ;
Ай тебá-то видь, Дунай, да живу нé бывать“!
Тутъ выходитъ-то король да на крутó крыльцё,
Още крыкнуль-то король да громкимъ гóлосомъ,
80. Още крыкнуль онъ да по звѣрýному,
Още свиснуль-то видь онъ да по змѣйному:
„Ай же вы нонце тутъ слуги королевськiи,
Ай же вы тутъ палаци да немилóсливы“!
Ай нахлынуло татаровой да пóлонъ дворъ.
85. Тутъ-то видь Дунаюшко Ивановиць,
Разгорѣлось ёго сердце богатырскоё;
Пошелъ онъ изъ полатъ изъ бѣлокаменныхъ,
Подынулъ онъ свою руку выше гóловы,
Опустилъ онъ свою руку о дубовой столъ.
90. Его новыя полаты пороскрятались,
Его старыя полаты порозсыпались;
Ай бѣжить-то видь Дунай да на широкой дворъ:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Пособи-тко мни, Олешенька, поправитесе“!
95. У Олешеньки видь тростоцька въ рукахъ да сорокá пудовъ;
Още сталъ онъ пó двору похаживать,
А молодыхъ коней повáживать,
Ужь онъ сталъ-то эвтой тростоцькой помахивать:
Кудá махнетъ, тутъ падё улицей,
100. Перемахнетъ, тутъ падё видь переулоцькомъ.
Ай у Дунаюшка въ рукахъ-то ницего не пригодилосе;
Ай хватилъ-то онъ татарина видь зá ноги,
Сталъ-то онъ видь пó двору похаживать,
Сталъ татаринómъ видь онъ помахивать:
105. Кудá махнё, падё видь улицей.
Още видитъ тутъ король да таковú бѣду,
Такову-то бѣду, да неминуцúю.
„Ай же ты, Дунаюшко Ивановиць,
Украти-тко свое сердце богатырськое,
110. Ты оставь-ко хотъ татаръ мнѣ-ка на сѣмена;
Ты бери мою Опраксу королевичьну;
Поѣзжай ко стольнѣму ко городу ко Киеву,

- Ко ласковому князю ко Владимиру“!
- Туть брали все Опраксу королевичьну,
115. Садѣлисе оны видѣ на добрыхъ коней,
Да поѣхали ко стольнѣму ко городу ко Кіеву,
Ко славному ко князю ко Владимиру;
Выѣзжали-то оны да во цистѣ поле,
Раздѣрнули оны да тонкой бѣль шатеръ.
120. Туть-то все Дунаюшко Ивановиць
Онъ и спѣтъ, да ѣ пробуждается,
Ай выходитъ-то Дунай на улоцьку на шѣроку,
А и видѣль-то татарина въ цистѣмъ поли проѣдуцисъ:
Зá пять поприщевъ даваетъ-то онъ поסקаки,
125. Да по пѣдику онъ камѣнь съ земли вывѣртывать.
Ай туть-то все Дунаюшко Ивановиць
Ай пришелъ же онъ во бѣль шатеръ:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Ты ставай-ко нунь, Олешенька, ранѣшенько,
130. Умывайсе-тко, Олешенька, бѣлѣшенько,
Ты бери-тко нунь Опраксу королевичьну,
Поѣжайте нунь ко городу ко Кіеву;
Я поѣду за татаринѣмъ въ цистѣ поле“.
Какъ ставаль-то туть Олешенька ранѣшенько,
135. Онъ и браль-то туть Опраксу королевичьну,
Да ѣ поѣхали ко стольнѣму ко Кіеву,
Да ко ласковому князю ко Владимиру.
Поѣхаль туть Дунаюшко Ивановиць,
Ай поѣхаль-то подáлеце въ цистѣ поле,
140. Онъ догналь-то туть татарина въ цистѣмъ поли;
Да ѣ разѣѣхались оны да во цистѣмъ поли,
Ай ударились туть пáлицьми военнымъ,
Ай татаринъ-отъ упаль да туть видѣ подѣисподъ,
Ай Дунаюшка Ивановиць туть нá верѣхъ;
145. Онъ туть сталъ видѣ у татарина выспрашивать:
„Ты цѣго же, скажи, роду, цѣго племени,
Ты цѣго, скажи, отця, да цѣй же матери?
А по пѣлкамъ тебя вижу, што ты женщина“!
Ай спрѣговорить татаринъ таковѣ словѣ:
150. —Кабы бѣла-то видѣ я да на твоихъ грудяхъ,
Я не спрашивала-тѣ-бы роду племени,
Не спросила бы отця твоего, матери,
Я рубила бы твою да буйну голову,
Я пластала бы твои да груди бѣлыя!—
155. Да ѣ спрѣговорить Дунаюшко Ивановиць:
„Ты скажисъ мни, цѣго роду, цѣго племени,

- Ты цѣго, скажи, отца, да цѣй же матери?⁴
А ѿ спроговорить татаринъ таково слово:
Кабы была-то видѣ я да на твоихъ грудяхъ,
160. Я не спрашивала-тѣ-бы роду племени,
Не спросила бы отца твоего, матери,
Я рубила бы твою да буйну голову,
Я пластала бы твои да груди бѣлыя!—
Да ѿ спроговорить Дунаюшко Ивановиць:
165. „Ты скажись мни, цѣго роду, цѣго племени?
Ты цѣго, скажи, отца, цѣй же матери“?
— Аѿ же ты, Дунаюшко Ивановиць,
Годъ-то ты видѣ жилъ у насъ во конюхахъ,
А другой-то ты видѣ жилъ у насъ во стольникахъ,
270. А третѣй-то жилъ у насъ во ключникахъ,
А нунь, Дунай, да мѣня не узналъ!—
Ужь онъ взялъ-то тутъ Настасью королевичну.
А за тѣ-то видѣ за рученьки за бѣлыя,
А за тѣ-то видѣ за перси за злацѣнные,
175. Цѣловаль ю во уста да во сахарныи;
А ѿ сажидилиси оны да на добрыхъ коней,
А ѿ поѣхали оны ко стольнѣму ко Киеву,
Да ѿ ко ласковому князю ко Владимиру.
Още прѣѣзжали-то ко стольнѣму ко Киеву,
180. Ко ласковому князю ко Владимиру.
Още ѿ мѣньшая сестра да отъ вѣнця идѣтъ,
Още бѣльшая сестра да ко вѣнцю пошла.
Национали оны пиръ да столованьицѣ;
Вси-то на пиру да наѣдалиси,
185. Вси-то на пиру да напивалиси,
А вси-то на пиру да пьяны, веселы,
Оны вси-то навесѣли поросхвастались.
Поросхвасталась Настасья королевична:
„Я повыѣду теперь да во цистѣ поле,
190. Я видѣ стрѣлю-то видѣ стрѣлоцку каленую
За пять поприщевъ, да въ золоцѣнъ перстѣнъ,
Въ золоцѣнъ перстѣнъ, да во булатный ножъ“!
Тутъ-то все Дунаюшко Ивановиць,
Разгорѣлось ѣго серцѣ богатырское;
195. Выѣзжали съ ей оны да во цистѣ поле,
Оны стрѣлили тутъ стрѣлоцку каленую
За пять поприщевъ да въ золоцѣнъ перстѣнъ,
Въ золоцѣнъ перстѣнъ, да во булатный ножъ.
Аѿ Дунаюшко Ивановиць
200. Въ перьвой разъ-то онъ видѣ стрѣлить да не дѣстрѣлилъ,

- Въ другой разъ-то онъ видъ стрѣлилъ да перестрѣлилъ,
Ужь онъ третій разъ намѣтилъ-то Настасья во бѣлыя груди.
Тутъ взмолиласе Настасья королевична:
„Ужь ты ай же все, Дунай, сударь, Ивановичь,
205. Ужь ты дай же строцно времяцко повѣходить,
Во цѣреви младеньчика повыносить:
Какъ во цѣреви у Настеньки младенчикъ есь:
По колѣнкамъ ёго ноженки во злоти,
По локѣтки ёго руценьки во сѣребри,
210. Въ темѣни у ёго да видъ свѣтѣль мѣсѣць,
По косицкамъ у ёго да цясты звѣздоцьки“.
Ницего-то тутъ Дунаюшко Ивановичь:
Разгорѣлось ёго серцѣ богатырское,
Ни на што-то онъ видъ тутъ да ни позарилси;
215. Стрѣлилъ онъ Настасья въ бѣлыя груди,
Распласталь-то онъ у ей да груди бѣлыя.
Да й во цѣреви у Настеньки младенчикъ есь:
По колѣнкамъ его ноженки во злоти,
По локѣтки его руценьки во сѣребри,
220. Во темѣни у егѣ да цесты звѣздоцьки.
Още тутъ-то видъ Дунаюшко Ивановичь,
Още взялъ-то онъ да видъ булатный ножь,
Тупымъ концѣмъ поставилъ во сырѣ землѣ,
А вострымъ концѣмъ поставилъ во бѣлѣю грудь.
225. Тутъ видъ бны оба переставились.
Отъ Настасья протекла да тутъ Настасья рѣка
Да й въ тую-ту во землю во татарскую;
А отъ Дуная протекла да тутъ Дунай рѣка
Ко стольнему ко городу ко Кіеву,
230. Ко ласковому князю ко Владимиру.

Записана въ 1886' году Ѡ. М. Истоминымъ отъ крестьянки Параскевы Гавриловой Юховой, въ деревнѣ Оятевщиной, Петрозаводскаго у., Олонецкой губ.

34. То-же.

(Н а ч а л о).

- Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У славнаго у князя у Владимира,
У солнушки у краснаго, сына Всеславича,
Собирался пирь-бесѣдушка
5. Честнохвальная да почетная.
Ужь какъ пьютъ они да гуляютъ,
Князья-бояре прохлаждаются,
Межъ собою они похваляются:
Сильный хвалится своей силою,

10. Богатый хвалится богатствомъ,
А убогий хвалится Божьею милостью.
Лишь Владимиръ князь одинъ не хвалится
И какъ солнышко князь улыбается;
Держить рѣчь онъ свою ко бесѣдушкѣ:
15. „Всѣ друзья мои братья поженилися,
Вся голдыба моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодецъ, холостой хожу,
Холостой хожу—не засватанный....

Напечатана въ книгѣ *И. Понко*—Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Вып. I. Гребенское войско. Сиб. 1880. Приложение VIII, стр. 500. Записана со словъ станичныхъ пѣвцовъ; но сильно подправлена.

* 35. То-же.

- Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
Было пированьице сопочестенъ пиръ
На всѣхъ князей на всѣхъ бояровъ,
5. На всѣхъ могучихъ богатырей.
И всѣ на пиру порасхвасталися,
Умный-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный-то хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный-то похваляется молодой женой да неудачливой.
  10. Спроговорить Владимиръ князь таково слово:
„Вси вы, князи и бояры,
Вси вы пьяны и веселы,
И вси на пиру были поженены;
Одинъ я князь да неженатый есть.
  15. Знаете-ли вы, вѣдаете-ли
Про мою княгиню сопротивную?
Ростомъ великую, станомъ становитую,
Походочку часту да у ней рѣчь баску,
Было бы князю съ кѣмъ жить да быть,
  20. Да съ кѣмъ думу думати,
Долгіе вѣки коротати,
И всему бы городу Кіеву
Было бы кому поклоняться?
Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичъ!
  25. Бери-ко-съ ты казны да сорокъ тысячей
И силы десять тысячей,
Поѣзжай-ка ты во хоробру Литву
Къ этому ко князю ко Литовскому,
Бери-тко-съ ты Настасью дочь Микуличну
  30. И добрымъ словомъ посватайся.

- А буде такъ не дають, ты силой возьми“.
Какъ спроговорить Дунай, сынъ Ивановичь:
„Ай же ты, Солнышко Владимиръ князь,
Позволь-ка мнѣ словечко повымолвити:
35. Не надо мнѣ казны да сорокъ тысячей,
Не надо мнѣ силы да десять тысячей,
Пожалуй-ка мнѣ добраго товарища Добрыню Никитича.“
Спроговорить Солнышко Владимиръ князь:
„Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичь,
40. Беритко-сь ты добраго товарища
Того-ли Добрынюшку Никитича“.
Какъ видѣли добрыхъ молодцевъ сядучись,
А не видѣли поѣдучись.
И желтые песочки вслѣдъ покурились,
45. Лошадочки до щетки въ землю угрязывали,
И за три стрѣлица камешки выметывали.
Хоть скоро скажется да тихо дѣется,
Только будутъ они въ матушкѣ хороброй Литвѣ.
Въ этой пути да въ дороженькѣ
50. Приходитъ палата бѣлокаменная.
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь,
Ты у коней стой, да коней паси,
Въ каково бы намъ время приѣхати“.
Какъ приходитъ Дунай во палаты бѣлокаменныя,
55. А знаетъ онъ да порядки татарскіе:
Не надо ни креститися, ни молитися.
И бьетъ челомъ, поклоняется
На двѣ, на три, на четыре сторонушки:
„Здрастуй-ко, батюшка, король хороброй Литвы!“
60. Какъ спроговорить король хороброй Литвы:
„За твои услуги молодецкія
Посажу-ка тебя, Дунаюшко,
За большой столъ и во большо мѣсто,
И то у тебя у молодца повыспрошу:
65. Куда же ты, Дунаюшко, поѣхалъ?
Куда ты, Дунаюшко, путь держишь?“
А спроговорить Дунай таково слово:
„Ай же ты, батюшка, король хороброй Литвы!
Позволь-ко мнѣ словечко повымолвить:
70. Я приѣхалъ-то посвататься
На твоей Настасѣ, дочь Микуличнѣ,
За этого князя за Владимира“—
И эти рѣчи королю не слюбились,
Какъ спроговорить король таково слово:

75. „Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичъ,
Что же ты меньшую дочь посватываешь,
А большую чѣмъ засадилъ?
Ай же вы, слуги королевскіе,
Палачи вы немилосливы,
80. Возьмите Дуная на свси руки,
Ведите Дуная во чисто поле,
Засовте заложками желѣзными.
Пусть-ка Дунай во Литвѣ поживеть
Да въ погребу посидить“.
85. Тутъ-то Дунай сдогадается,
Въ Дунаѣ сердце разгорѣлося,
И взымалъ онъ ручки бѣлыя
Выше буйныя головушки
И спускалъ ихъ о дубовой столѣ.
90. Всѣ столы пораскрыталися,
На нихъ питья проливалися,
Всѣ татаровья поганые
По покоямъ разбѣжались.
Приходятъ со двора да королевскаго
95. Вѣдома да нехорошія:
„Ай же, батюшка, король хороброй Литвы!
Ѣшь ты, пьешь да утѣшаешься,
Надъ собою невзгодушки не вѣдаешь:
На дворѣ стоитъ дѣтинушка незнай собою,
100. Во лѣвой рукѣ держитъ два повода,
Два повода добрыхъ коней,
А во правой рукѣ дубину сорочинскую;
Какъ ясный соколъ покурхиваетъ,
Такъ этотъ дѣтинушка поскакиваетъ,
105. Убилъ татаръ и бояръ до одинаго,
Не оставилъ ихъ и на сѣмена“.
Какъ спроговоритъ король хороброй Литвы:
„Ай же ты, Дунай, да свѣтъ Ивановичъ,
Бериткось ты Настасью дочь Микуличну“.
110. Видли добрыхъ молодцевъ да сядучись,
А не видѣли поѣдучи.
Хоть скоро скажется, да тихо дѣтется.
Какъ проѣхали до вечера во чистомъ полѣ,
На ночь шатры пораздернули,
115. Конюшекъ клали во ноженъки,
Сабли выше буйныхъ головушекъ,
Сами молодцы спать легли.
Ѣхалъ татаринъ погонею вслѣдъ,

- Лошадка по щетку въ землю угрязывала,
120. За три стрѣлица камешки выметывала.
Какъ спроговорить Дунай да свѣтъ Ивановичь:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
Бериткось ты Настасью дочь Микуличну,
Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву,
125. Принимайкось ты чудны вѣнцы, златы кресты
Отъ этого князя Владимира.
А я за этимъ татаринѣмъ погоню въ слѣдъ,
Гдѣ бы татарина конемъ доѣзжать,
Гдѣ вы татарина мечемъ убивать“.
130. Сшибъ-то онъ татарина съ добра коня,
Видитъ онъ татарина женской полъ:
„Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
Чьего ты, татаринъ, роду племени?
Чьего ты, татаринъ, отца матери?“.
135. Какъ спроговорить татаринъ таково слово:
„Ай же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
Была бы я на твоей груди,
Не спрашала бы ни родины, ни дядины,
Пластала бы у тѣ бѣлы груди,
140. Вынимала бы сердце ретивое“.
- Какъ спроговорить Дунаюшка Ивановичь:
„Не будемъ мы ни биться, ни кровавиться,
Поѣдемъ ко городу ко Кіеву,
Примемъ чудны вѣнцы, золоты кресты“.
145. Меньшая дочь отъ вѣнца пошла,
А большая ко вѣнцу пришла.
И тутъ Дунаюшка расхвастался:
„Самъ себя женилъ да дружка подарилъ!“
Какъ спроговорить Апракса дочь Микулична:
150. „Не много я во Кіевѣ пожила, много признала:
На силу нѣту старого казака Ильи Муромца,
А на смѣлость нѣтъ Алешеньки Поповича,
На щаленьице нѣтъ Добрыни Никитича,
А на выстрѣлъ нѣтъ Апраксы дочь Микуличной“.
155. Разгорѣлось у Дуная ретиво сердце,
Наставлялъ онъ стрѣлочку каленую
На Апраксыны бѣлы груди.
Тутъ она ему взмолилася:
„Ай же ты, Дунай свѣтъ Ивановичь!
160. У меня во чревѣ младенецъ есть:
По локоточки ручки въ золотѣ,
А по колѣнца ножки въ серебрѣ,

Въ теми свѣтелъ мѣсяць, во лбу красно солнышко,
По косицамъ частыя звѣздочки“....

Эта сильно скончанная былина была записана лѣтомъ 1892 года воспитанниками И. Александровскаго Ляца, Михаиломъ Веселинымъ и Сергѣемъ Новиковымъ, со словъ крестьянина Олонецкой губ., Петровсковаго уѣзда, Великогубской волости, Свиногубскаго общества, деревни Лонгасы, Петра Свѣрикова. Окончаніе рассказчикъ передаетъ въ короткихъ словахъ.

36 то-же.

- Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира
Заводился пированьице—почестень пиръ
На многихъ на князей, на бѣяръ,
5. На русскихъ могучихъ богатырей.
Проговоритъ Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевской:
„Знаете-ли, рускіи могучіи богатыри,
Княжну во супружество взять,
Было бы съ кимъ вѣкъ коротать
10. И съ кимъ княжество держать“?
И проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ты Солнышко Владимиръ князь!
Есть у короля храбра три дочери:
Первая дочь Опракса королевична,
15. Вторая дочь—Настастья королевична,
Третья дочь—нѣвдорость“.
Скажетъ князь Владимиръ стольно-Кіевскій:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
Посватай-ко Опраксу королевичну
20. За Солнышка князя за Владимира.
Испроговорилъ Добрыня таково слово:
„Не честь молодцу ѣхать русскому богатырю единому,
Другаго надо русскаго змогучаго богатыря!“
—Выбирай себѣ, Добрынюшко, по разуму.—
25. „Поѣдемъ-ко, Дунай, сынъ Ивановичъ“!
И сѣли на коней да богатырскихъ;
Куды ископыть летитъ,
Туды дымъ столбомъ стаеть.
Видѣли богатыревъ посадучись.
30. И скакали кони съ горы на гору,
Перемахивали съ холмы на холмы,
И ѣхали оны изъ земли въ землю,
Изъ орды въ орду.
И пріѣхали оны къ королю въ Литву,
35. Пріѣхали оны на королевскій дворъ;

- Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановичь,
Лошадей да богатырскихъ
Отъ этихъ татаръ да отъ поганныхъ“.
40. Зашель Добрыня въ покои королевскіи
И дѣлалъ поклоны королю въ особину,
И утупилъ-то очи ясны во калиновъ мость.
И проговорить король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по прежнему,
45. Приѣхалъ къ королю въ Литву во служеніе?“
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Приѣхалъ я, король земли Литовской,
Посватать у тебя Опраксы королевичны,
За Солнышка князя за Владимира“.
50. Проговорить король земли Литовской:
„Садись-ко ты, Добрынюшко,
Съ дороженьки на широкъ стулъ и поѣдохни“.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же ты, король земли Литовской!
55. Недосугъ послу сидѣть да разсиживать;
За то посла скоро жалуютъ!“
Приходитъ татаринъ въ покои королевскіи
И проговорить королю да таково слово:
„У тебя на дворѣ татаръ да мало ставится, проѣдается“.
60. И проговорилъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрыня Никитичъ!
Не одинъ же ты приѣхалъ къ королю храбрѣ Литовскому!
Уйми-тко ты русскаго могучаго богатыря,
Чтобы нѣ рубилъ моихъ татаръ поганныхъ“.
65. Проговорить король земли Литовской таково слово:
„Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву, Добрынюшко!
Отдамъ я Опраксу королевичну
За Солнышка князя за Владимира“.
Прощались русскіи могучіи богатыри—
70. Добрынюшка Никитичъ и Дунай сынъ Ивановичь,
И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
Поѣхалъ Добрынюшка ко городу ко Кіеву
И къ тому князю ко Владимиру.
Остался Дунай, сынъ Ивановичь,
75. У короля храбра у Литовскаго.
Были оны во почестномъ во гостебищѣ
У Настасьи королевичны.
Проговорить Дунай, сынъ Ивановичь, таково слово:
„Идешь ли ты за Дуная Ивановича въ супружество?

80. Говорила Настасья королевична:
„Иду да во супружество.
Выдемъ-ко, Дунай, сынъ Ивановичь,
На это ли поле, да на широко;
Стрѣляй стрѣлочекъ да каленныхъ,
85. Изъ этого изъ луку да изъ тугаго“.
Наладили размѣръ да на сто сажень,
Поставили кольцо да серебряно,
И во этомъ во полѣ широкоемъ;
Поставили ножичекъ булатный
90. Противо кольца да серебряна,
И стрѣляли эту стрѣлочку
Во это кольцо да серебряно
И во этотъ во ножичекъ булатный,
И разрубляли эту стрѣлочку каленую:
95. Одна половина—другой не больше
И вѣсомъ не тяжельче.
И стрѣлила Настасья королевична
Изъ этого изъ лука да изъ тугаго,
И попала во кольцо да во серебряное,
100. И попала въ этотъ ножичекъ булатный,
И разрубила эту стрѣлочку каленую;
Одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она не тяжельче.
И проговорить Настасья королевична:
105. „И не стрѣлай-ко ты, Дунай, сынъ Ивановичь,
И стрѣлочки да каленой
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго;
И не попасть тебѣ въ кольцо да во серебряно,
И не попасть тебѣ во ножичекъ булатней,
110. И не разрубить тебѣ стрѣлочки каленой“.
И наладился Дунай, сынъ Ивановичь,
И стрѣлятъ-то стрѣлочкой каленою
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
Онъ первый разъ стрѣлилъ, да не дострѣлилъ;
115. Онъ во второй разъ стрѣлилъ, да перестрѣлилъ.
И проговорить Настасья королевна:
„Не стрѣлай-ко ты, Дунай, сынъ Ивановичь,
Попадешь-де ты въ мои да во бѣлы груди.
И я тебѣ спорожу сына одинаго,
120. И по колѣна-то ножки въ серебрѣ,
И по локоточки да ручки въ золотѣ;
Брови спорожу—ясна сокола
И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,

- И на головы да мѣсяцъ свѣтлый“.
125. Онъ стрѣлилъ да Дунай, сынъ Ивановичь,
Стрѣлочку да каленую;
Попала та Настасьѣ королевичнѣ
И во эти да во бѣлы груди;
И пала Настасья королевична о сыру землю.
130. И прослезился Дунай сынъ Ивановичь.
Распотрошилъ онъ чрево дѣвичье,
И засѣянъ младенецъ, какъ выговаривала.
И проговорилъ Дунай да сынъ Ивановичь:
„И куды легла Настасья королевична,
135. И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичь“.
И отъ Настасьи королевичной
И отъ Дуная сына Ивановича
И прошла тутъ Дунай рѣка.

Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василія Щеголенкова. Напечатана Е. В. Барсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества Олонецкой губерніи“ стр. 57—60. Срав. ту же былинку въ записи Гильфердинга (№ 125).

*37. Василій Назимерской.

- У ласкова князя Владимира
У Солнышка у Сеславьича
Было столованье почетный пиръ,
На многихъ князей, бояровъ
5. И на всю поленицу на удалую,
И на всю дружину на храбую.
Онъ всѣхъ поить и всѣхъ чествуетъ,
Онъ всѣмъ князь поклоняется.
И въ полупиру бояре напивалися,
10. И въ полукушаньяхъ наѣдалися.
Князь по гридницѣ похаживать,
Бѣлыми руками помахивать,
И могучими плечами поворачивать,
И самъ говоритъ таковы слова:
15. „Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
Ой ты вся поленица удалая
И вся моя дружина храбая!
Кто бы послужилъ мнѣ князю вѣрой, правдою,
Вѣрой, правдою неизмѣнною?
20. Кто бы съѣздилъ въ землю дальнюю,
Въ землю дальнюю Поленецкую,
Къ царю Батуру ко Батвѣсову?
Кто бы сvezъ ему дани пошлины,

- За тѣ́ за годы за прошлые,
25. И за тѣ́ времена за двѣ́надцать лѣ́тъ?
Кто бы свезъ сорокъ телѣ́гъ чиста серебра?
Кто бы свезъ сорокъ телѣ́гъ скатна жемчуга?
Кто бы свезъ сорокъ телѣ́гъ красна золота?
Кто бы свезъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ?
30. Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей?
Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ?
Кто бы свелъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ?
Тутъ большой за меньшаго хоронится,
Ни отъ большаго, ни отъ меньшаго отвѣ́та нѣ́тъ;
35. Изъ того только изъ мѣ́ста изъ средняго
И со той скамеечки бѣ́лодубовой
Выступалъ удалой добрый молодець
На свои на ноженьки на рѣ́звья,
На тѣ́-ли на сапожки зеленъ сафьянъ,
40. На тѣ́-ли каблучки на серебряны,
На тѣ́-ли гвоздички золочены,
По имени Василій сынъ Казимерской.
Отошедши Василій поклоняется,
Говорить онъ таковы слова:
45. „Ой ты гой еси, нашъ батюшко Владимиръ князь!
Послужу я тебѣ́ вѣ́рой, правдою,
Позаочи—въ очи не измѣ́ною;
Я де съѣ́зжу въ землю дальнюю,
Въ дальнюю землю Поленецкую,
50. Ко тому царю Батуру ко Батвѣ́сову;
Я свезу твои дани пошрины
За тѣ́ за годы, годы прошлые,
За тѣ́ времена за двѣ́надцать лѣ́тъ.
Я свезу твое золото и серебро,
55. Я свезу твой скатный жемчугъ,
Свезу сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
Свезу сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Свезу сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
Я сведу сорокъ сивыхъ жеребцовъ“.
60. Тутъ Василій закручинился,
И повѣ́силъ свою буйну голову,
И потушилъ Василій очи ясныя,
Во батюшко во кирпичать полѣ́.
Надѣ́валъ онъ черну шляпу, вонъ пошолѣ́
65. Изъ того изъ терема високаго.
Выходить онъ на улицу на широкую,
Идетъ по улицѣ́ по широкой;

- Навстрѣчу ему удалой добрый молодець,
По имени Добрыня Никитичъ младъ.
70. Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодець,
По имени Василій, сынъ Казимерской!
Что идешь ты съ пиру невеселый?
Не дошло тебѣ отъ князя мѣсто доброе?
75. Не дошла-ли тебѣ чара зелена вина?
Или кто тебя, Василій, избезчествовалъ?
Или ты захвастался куда ѣхати?“
И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгать Добрынюшка во второй разъ,
80. Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодець,
Ты по имени Василій, сынъ Казимерской!
Что идешь ты съ пиру невеселой?
И не весель идешь ты, не радошень.
85. Не дошло-ль тѣ, Василій, мѣсто доброе?
Не дошла-ль отъ князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василій, куда ѣхати?“
И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгать Добрынюшка въ третій де разъ,
90. Пухову шляпу снимать, низко кланяется:
„Здравствуешь, удалый, добрый молодець,
По имени Василій, сынъ Казимерской!
Что ты идешь съ пиру невеселой,
Не весель ты идешь съ пиру, не радошень?
95. Не дошло-ль тебѣ, Василій, мѣсто доброе?
Не дошла-ль тебѣ чара зелена вина?
Али кто тебя, Василій, избезчествовалъ?
Али ты захвастался куда ѣхати?
Я не выдамъ тебя у дѣла ратнаго
100. И у того часу скоро смертнаго!“
И тутъ Василій возрадуется;
Сохваталъ Добрыню онъ въ беремячко,
Прижимать Добрынюшку къ сердечушку
И самъ говоритъ таковы слова:
105. „Гой еси, удалой, добрый молодець,
По имени Добрыня Никитичъ младъ!
Ты, Добрыня, будь большой мнѣ братъ,
А я Василій буду мѣньшой братъ:
Я у ласкова князя Владимира
110. На бесѣдѣ на почестныя,
На почестныя, на большомъ пиру,

- Я захвастался отъ князя съѣздити
Во ту во землю во дальнюю,
Ко царю Батуру ко Батвѣсову
115. Свезти ему дани выходы
За тѣ годы за двѣнадцать лѣтъ:
Свезти туда золото, серебро,
Свезти туда скатный жемчугъ,
Свезти сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
120. Свезти сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Свезти сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
Свезти сорокъ сивыхъ жеребцовъ“.
И проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
„Не возьмемъ везти отъ князя отъ Владимира,
125. Не возьмемъ отъ него дани пошщины:
Мы попросимъ отъ собаки Батура Батвѣсова,
Мы попросимъ отъ него дани пошщины“.
И тутъ молодцы побратались,
Воротились назадъ ко князю Владимиру.
130. Идутъ они въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому;
Поклоняются на всѣ стороны:
„Здравствуешь, Владимиръ князь,
135. И со душечкой со княгиней“!
Князьямъ боярамъ на особицу.
И проговорить ласковый Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василій, сынъ Казимерской,
140. Со Добрынюшкой со Никитичемъ!
За одинъ бы столъ хлѣбъ-соль кушати“!
Наливаетъ князь чары зелена вина.
Не малы чары—въ полтора ведра;
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
145. Принимаютъ молодцы единой рукой,
Выпиваютъ чары единымъ духомъ;
И садятся на скамеечки дубовыя,
Сами говорятъ таковы слова:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
150. Не желаемъ мы везти отъ тебя дани пошщины;
Мы желаемъ взять отъ Батура отъ Батвѣсова,
Привезти отъ него дани пошщины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимиръ князь,
155. Садись ты за дубовый столъ,

- И пиши ты ярлыки скорописчаты:
Дай ты мнѣ, собака, дани пошлины,
За тѣ за годы за прошлые,
И за тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ,
160. И дай ты намъ злата серебра,
И дай ты намъ скатна жемчуга,
И дай ты намъ ясныхъ соколовъ,
И дай ты намъ черныхъ соболей,
И дай ты намъ черныхъ выжлыковъ,
165. И дай ты намъ сивыхъ жеребцовъ“.
Подаетъ ласковый Владимиръ князь
Удалымъ молодцамъ ярлыки скорописчаты,
И беретъ Василій Казимерской
И кладетъ ярлычки во карманчики;
170. И встаютъ молодцы на рѣзвы ноги,
Сами говорятъ таковы слова:
„Благослови насъ, ласковый Владимиръ князь,
Намъ съѣздить въ землю Поленецкую“.
И выходили молодцы на красно крыльцо,
175. Засвистали молодцы по соловьиному,
Заревѣли молодцы по звѣриному.
Какъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля
Два коня бѣгутъ, да два могучіе
Со всею сбруею богатырскою.
180. Брали молодцы коней за шелковъ повѣдъ
И вставали въ стременышки гольяшныя
И садились въ сѣдельшки черкасскія.
Только отъ князя и видѣли,
Какъ удалы молодцы садилися,
185. Не видали куда уѣхали;
Первый скокъ нашли за три версты,
Другой скокъ нашли за двѣнадцать верстъ,
Третій скокъ не могли найти.
Подбѣгаютъ они въ землю дальнюю,
190. Въ землю дальнюю, Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрыхъ коней;
195. Ни къ чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у воротъ приворотниковъ,
Не спрашивали они у дверей придверниковъ,
Отворяли они двери на пята,

200. Заходили въ палату бѣлокаменну.
Богу молодцы не молятся,
Собака Батуру не кланяются,
Сами говорятъ таковы слова:
„Здравствуешь, собака, царь Батуръ!“
205. Привезли мы тебѣ дани пошрины
Отъ ласкова князя Владимира“.
И выниматьъ Василій Казимерской
Выниматьъ ярлыки скорописчаты
Изъ того карману шелковаго
210. И кладетъ на дубовый столъ.
„Получай, собака, дани пошрины,
Отъ ласкова князя Владимира“.
Распечатываль собака Батуръ Батвѣсовъ,
Распечатываль ярлыки скорописчаты,
215. А самъ говорилъ таковы слова:
„Гой еси Василій, сынъ Казимерской,
Отсель тебѣ не уѣхати!“
Отвѣчатъ Василій, сынъ Казимерской:
„Я надѣюсь на Мати, Чудную, Пресвятую Богодицу,
220. Надѣюсь на родимаго на брателка,
На того-ли братца на названого
На Добрыню-ли на Никитича“.
Говоритъ собака Батуръ таковы слова:
„Поиграемъ-те-ко, добры молодцы, костью, картами!“
225. Проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:
„Таковой игры я у тѣ не зналъ здѣсь,
И таковыхъ людей изъ Кіева не братья я“.
И сталъ Батуръ играть костью, картами
Со младымъ Добрынею Никитичемъ.
230. Первый разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ Добрыня Никитичъ младъ.
И второй разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
И въ третій разъ собака не могъ обыграть,
235. Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
Тутъ собака за бѣду стало,
Говоритъ Батуръ собака таковы слова:
„Что отсель тебѣ, Василій, не уѣхати!“
Проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:
240. „Я надѣюсь на мати Пресвятую Богородицу,
Да надѣюсь на родимаго на брателка,
На того на братца названого,
На того Добрыню Никитича!“

- Говорить собака таковы слова:
245. „Ой ты гой еси, Василиї, сынъ Казимерской,
Станемъ мы стрѣлять за три версты,
За три версты пятисотныя,
Въ тотъ сырой дубъ кряковистый,
Попадать въ колечко золоченое“.
250. И проговорить Василиї, сынъ Казимерской:
„Я такой стрѣльбы у тебя не зналъ,
И таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева“.
Выходилъ собака на красно крыльцо
Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
255. „Гой еси, вы, слуги мои вѣрныя!
Несите мѣ-ка тугой лукъ
И несите калену стрѣлу“.
Его тугой лукъ несутъ девять татариновъ,
Калену стрѣлу несутъ шесть татариновъ.
260. Береть собака свой тугой лукъ,
И береть калену стрѣлу;
Натягаетъ собака свой тугой лукъ,
И кладеть стрѣлу на тетивочку;
И стрѣляетъ онъ за три версты
265. За три версты пятисотныя.
Первый разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Второй разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—не могъ попасть.
И подаетъ свой тугой лукъ Добрынюшкѣ,
270. Добрынюшкѣ Никитичу,
И подаетъ калену стрѣлу.
Сталь натягивать Добрыня тугой лукъ,
И заревѣлъ тугой лукъ, какъ лютые звѣри,
И переламывалъ Добрыня тугой лукъ надвое,
275. И бросилъ онъ тугой лукъ о сыру землю,
Направлялъ онъ калену стрѣлу впередъ жаломъ,
И бросалъ онъ стрѣлу за три версты,
За три версты пятисотныя,
И попадалъ въ сырой дубъ кряковистый
280. Въ то колечко золочено.
Разлетался сырой дубъ на драночки.
И тутъ собакѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалось;
Говорить собака таковы слова:
285. „Ой ты гой еси, Василиї, сынъ Казимерской,
Что отсель тебѣ не уѣхати!“
Проговорить Василиї, сынъ Казимерской:

- „Я надѣюсь на Пречистую Богородицу,
Да надѣюсь на родимаго на брателка,
290. Да на того братца названова,
На того Добрыню Никитича!“
Проговорить собака царь Батурь:
„Да нельзя-ли съ вами молодцы побороться?“
Проговорить Василій, сынъ Казимерской:
295. „Я такой борьбы, собака, не знаывалъ,
Таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева“.
И тутъ собакѣ за бѣду стало;
Онъ кричалъ, зычалъ, собака, зычнымъ голосомъ,
Набѣжало татаръ и силы смѣтъ нѣтъ.
300. И выходилъ Добрыня на улицу на широку,
И сталъ онъ по улочкѣ похаживати.
Сохватились за Добрыню три татарина:
Онъ перваго татарина взялъ разорвалъ,
Другого татарина взялъ растопталъ,
305. А третьяго татарина взялъ за ноги;
Сталъ онъ по силѣ похаживать,
Зачалъ бѣлыми руками помахивать,
Зачалъ татаръ поколачивать;
Въ одну сторону идетъ—дѣлать улицу,
310. Въ бокъ вернуть—переулочекъ.
Стоялъ Василій на красномъ крыльцѣ,
Не попало Василью палицы боевныя,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копья мурземецкаго,
315. Попала ему ось бѣлодубова,
Ось бѣлодубова семи сажень.
Сохваталъ онъ ось бѣлодубовую,
Зачалъ онъ по силѣ похаживать
И зачалъ татаръ поколачивать.
320. Тутъ собака испужается,
По подлавкѣ навалается;
Выбѣгалъ собака на красно крыльцо,
Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, удалы, добры молодцы!
325. Вы оставьте мнѣ хотъ на приплодъ татаръ,
Вы оставьте мнѣ татаръ хотъ на племена“.
Тутъ его голосу молодцы не слушаютъ.
Зычитъ, кричитъ собака зычнымъ голосомъ:
„Я отдамъ ласкову князю Владимиру,
330. Отдамъ ему дани и пошрины
За тѣ за годы за прошлые,

- За тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ;
Отдамъ сорокъ телѣгъ красна золота,
Отдамъ сорокъ телѣгъ скатна жемчуга,
335. Отдамъ сорокъ телѣгъ чиста серебра,
Отдамъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
Отдамъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ.
340. Тутъ его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идутъ они ко высокому нову терему.
Выдаетъ имъ собака дани пошлины;
Насыпаетъ телѣжки златокованная,
345. Отправляетъ въ стольной Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тутъ сажались добры молодцы на добрыхъ коней,
Ставали въ въ стременишки гольяшныя,
350. И сажались въ сѣделышки черкасскія,
И поѣхали молодцы въ свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Ѣдутъ ко высокому нову терему,
Становятся на улицу на широку;
355. Воходятъ во палату бѣлокаменну,
Крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь!“
— Добро жаловать удалы добры молодцы!—
360. Онъ садитъ ихъ на скамейки на дубовыя,
Наливаетъ чары зелена вина,
Не малыя чары—въ полтора ведра,
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
Принимаютъ добры молодцы единой рукой,
365. Выпиваютъ добры молодцы единымъ духомъ.
На рѣзвы ноги стають, низко кланяются:
„Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь,
Привезли мы тебѣ дани пошлины,
Отъ сабаки Батура Батвѣсова“.
370. Кланяется имъ ласковый Владимиръ князь,
Кланяется до сырой земли:
„Спасибо вамъ, удалы добры молодцы,
Послужили вы мнѣ вѣрой, правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною!“

Записана С. И. Гулжевымъ въ Барнауль, Томск. губ., отъ крестьянина Леонтія Тупицына.

* 38. Василій Игнатьевичъ и Батыга.

- Изъ-подъ той было было березки кудряватої,
Изъ-подъ чуднаго креста Евандіева,
И шли выбѣгали четыре тура,
Игленные ¹⁾ туры златорогіе.
5. Шли оны бѣжали мимо Кіевъ славенъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую,
Мимо тѣя башни науголнія,
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
10. По той по стѣны городовые
Ходитъ душа красна-дѣвица
И носитъ во бѣлыхъ рукахъ божью книгу,
Божью книгу Евангельску;
Она столько не читаетъ, а вдвое плачетъ.
15. Говорить-то турамъ родна матушка:
„Ай вы, глупые туры златорогіе,
А ничего вы, туры, да не знаете:
Не душа то красна дѣвица ходила по стѣны,
Это плакала стѣна мать городовая
20. По той ли по вѣрѣ христіанскія.
Это будетъ надъ Кіевъ градъ погубелье“.
Подымается Батыга, сынъ Сергѣевичъ,
И со сыномъ Батыгой Батыговичемъ,
И со зятемъ Тороканникомъ Каранниковымъ,
25. И со думнымъ дьякомъ, воромъ выдумщикомъ.
У Батыги есть то силы набрано,
Понабрано то силы сорокъ тысячей,
И у сына у Батыга у Батыговича
Набрано силы сорокъ тысячей,
30. И у зятя Тороканника Коранникова
Набрано силы сорокъ тысячей,
И у думнаго дьяка, вора выдумщика,
Набрано силы сорокъ тысячей.
Что-ль не вешняя вода обмелѣла,
35. Обступала кругомъ сила поганая;
И соколу кругомъ не облетѣтъ
На меженный долгой день.
И пишетъ Батыга съ угрозою князю:

---

¹⁾ Тагъ въ рукописи. Можетъ быть: игрѣніе—по Далю: игрѣній—ковская мазь: рыжій съ гривой и хвостомъ бѣлесоватыми, свѣтлѣе стана.

- „Ай ты старый песь, ты Владимиръ князь,
40. Подай ты мнѣ поединщика;
А нѣтъ—пожгу, попаляю славенъ Кіевъ градъ“.
Закручинился князь, запечалился
Чтоль той печалью, тоской великою,
Что молодцовъ то во градѣ не случилось,
45. Никакого богатыря не пригодилось:
Илья Муромецъ уѣхалъ на желтые пески,
А Самсонъ богатырь въ дальнихъ городахъ,
Алеша Поповичъ за синимъ моремъ гулялъ.
Просказали то князю голи кобацкіе:
50. „Солнышко нашъ, Владимиръ князь,
А есть у насъ Василій, сынъ Игнатьевичъ,
А можетъ со Батыгою онъ поправиться.
Только пропишь Васильюшко житье свое,
Житье свое бытъе, все богатство,
55. А теперь нечѣмъ Василью опохмелиться,
И лежитъ нынъ Василей въ кабакъ на печи“.
И солнышко нашъ Владимиръ князь
Пошелъ по кружаламъ государевымъ,
По тѣмъ по царевымъ по кабакамъ,
60. И по темнымъ домамъ,
И нашелъ онъ Василья въ кабакъ на печи.
И соходитъ Васильюшко съ печки долей,
И съ лица онъ зашелъ и поклонился князю:
„Ой ты, Солнышко, нашъ Владимиръ князь,
65. А не знаешь тоски моей великой.
У тебя есть кручина великая,
У меня горе-печаль еще больше твоей:
А трещить-то, болить буйная голова,
А дрожать у меня жилы подколѣбныя,
70. Не могу теперь я владать добрымъ конемъ,
Не могу теперь владать саблей вострою,
Не могу теперь ступать ножками рѣзвыма;
Избавь меня горя великаго,
А я тебя избавлю кручины великія;
75. Опохмель меня чарою похмельною“.
А тутъ много князь не выпрашиваетъ,
А наливаютъ ему чару вина въ полтора ведра,
И вторую наливаютъ пива пьяного,
И третью рыну ³⁾ меду сладкаго,
80. И всѣ составили питья въ одно мѣсто,

³⁾ рыну—чару.

- И становилося питія полпята ровно ведра.
И принимается Василей единой рукой,
И выпиваетъ-то Василей на единый вздохъ.
И тутъ зачалъ-то Василей похаживати
85. И правой ручкой Васильюшко размахивати:
„И могу теперь Васильюшко владать добрымъ конемъ,
И могу теперь владать саблей вострою“.
Заскочилъ-то онъ на стѣну городовую
И стрѣляетъ Василей ко Батыгѣ во шатеръ.
90. Онъ убилъ три головки кои лучшенькія:
Убилъ сына-то Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканника Коранникова
И убилъ думнаго дьяка, вора выдумщика.
И тутъ пишетъ Батыга князю съ угрозою:
95. „И ты старый песь, ты Владимиръ князь,
Ты пода-ко сюда да виноватого,
А ще кто у меня убилъ ровно три головы,
Которыя головки мои лучшенькія:
Моего сына Батыгу Батыговича,
100. А ще зятя Тороканника Коранникова,
А ще думнаго дьяка было выдумщика“.
И тотъ-ли Василей, сынъ Игнатьевичъ,
Попелъ по конюшнямъ кленовымъ,
Выбераль себѣ жеребчика неѣзжаннаго,
105. Онъ садился на жеребчика неѣзжаннаго,
И прѣзжаетъ Василей ко Батыгѣ на лицо,
И прощается Василей во первой большой винѣ:
„Прости меня, Батыга, въ первой большой винѣ:
Я убилъ три головки кои лучшенькія, —
110. Твоего сына Батыгу Батыговича,
У тебя зятя Тороканника Коранникова,
У тя думнаго дьяка, вора выдумщика.
Опохмель-ко меня чарою похмельною,
Пособлю я тебѣ взять славенъ Кіевъ-градъ“.
115. Какъ на эти рѣчи Батыга обнадѣялся;
Наливаль онъ чару вина въ полтора ведра,
Другую наливаль цива пьяного,
А третью наливаль рыну меду сладкого,
А все составили питье въ одно мѣсто,
120. Становилось питія полпята ровно ведра.
Принимается Василей единой рукой,
Выпиваетъ Василей на единой вздохъ,
И говоритъ тутъ Василей, сынъ Игнатьевичъ:
„Аи же ты, Батыга, сынъ Сергѣевичъ!

125. Дай-ко ты мнѣ силы сорокъ тысячей,
Я пойду подступлю подъ славенъ Кіевъ градъ“.
И на ты рѣчи Батыга обнадѣялся,
И давалъ ему силы сорокъ тысячей.
Уѣзжаетъ Василей во чистое поле,
130. Во тѣ-ли во степи во Саратовскія,
Всѣхъ прибилъ, пригубилъ сорокъ тысячей.
И размахалась у Василья ручка правая,
И разгорѣлось у Василья ретивое сердце,
И вѣхаль онъ въ силу во поганую,
135. Всѣхъ прибилъ, пригубилъ до единого,
Не оставилъ тутъ Батыгѣ онъ на симена.
И уѣзжаетъ тутъ Батыга отъ Кіева
Со тою со клятвой со великою:
„А не даѣ Богъ бывать подъ Кіевомъ,
140. А ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
И ни внучатамъ моимъ да и правнучатамъ!“

Записана крестьяниномъ-сказителемъ Касьяновымъ. Напечатана нами съ записи, хранящейся въ Архивѣ И. Русс. Географ. Общества.

*39. Василій-пьяница.

- Плаваются, переплавляются черезъ сине море
Два тура однорогіе, златорогіе,
Златорогіе, одношерстные.
Встрѣчаетъ ихъ родная матушка
5. Родная матушка-турица,
Однорогая, златорогая, одношерстная:
„Вздравствуйте, дѣтушки родимыя!
Гдѣ вы, туры, жили и гдѣ пожили?“
Были мы въ Ахтѣ городѣ и въ Араховѣ,
10. Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У той было у церкви у соборныя.
Выходила тамъ душа красна-дѣвица,
Выносила на рукахъ мала вьюныша,
Клала его на горючь камень,
15. Сама жалѣла, горько плакала“.
— Глушые вы, туры, неразумные,
По лѣсу вы ходите, звѣрей не знаете,
По людямъ ходите, людей не знаете.
Не душа къ вамъ красна-дѣвица выходила,
20. Выходила къ вамъ Мать Пресвятая Богородица,
Выносила на рукахъ книгу Евангелъе,

- Клала его на престоль Христовъ,
Сама бы жалѣла, слезно плакала:
О вы, дѣтушки родимья,
25. Пойдите за стольной Кіевъ градъ,
За домъ Пресвятыя Богородицы
За ту ли церковь соборную*.
Какъ на батюшка стольный Кіевъ градъ
Наступаетъ собака Подольской царь
30. Со своей силой невѣрною,
Со невѣрною силой, бусурманскою.
У него силы много множество:
Въ меженный день черну ворону не облетати,
Въ осеннюю ночь сѣрому волку не обрыскати.
35. Никого въ Кіевѣ въ ту пору не годилося,
Ни князей, ни бояръ, ни богатырей.
Володимиръ князь закручинился,
Повѣсилъ буйну голову въ кирпичать поль,
Кручиной ему не откручиниться,
40. Печалью ему не отпечалиться.
Посылалъ онъ слугъ вѣрныхъ по Васиньку,
По Васиньку—голь кабацкую.
Слуги вѣрные не ослушались,
Не ослушались, тотчасъ пошли:
45. „Ступай-ко, Васинька, тебя князь зоветъ“.
На то Васинька не ослушался,
Приходитъ онъ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ онъ таковы слова:
„Ты на что, князь, звалъ, на что требовалъ?“
50. Сослужи-ко, Васинька, голь кабацкая,
Сослужи, Васинька, службу великую:
Наступаетъ собака Подольскій царь,
Со своей силой со невѣрною,
Силы у него множество“.
55. Беретъ Васинька узду тесьмяную,
Выходитъ Васинька, голь кабацкая,
Выходитъ ко князю на конюшину,
Выбирать коня богатырскаго.
На котораго коня руку накинеть,
60. Конь накорачъ падеть;
И выбралъ онъ по себѣ добра коня,
Надѣвалъ узду тесьмяную,
Накладывалъ ковры сорочинскіе,
Сѣдлалъ сѣдельшкомъ черкацкімъ,
65. Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,

- Не для красы, ради крѣпости.
Береть палицу боевую въ пятьдесятъ пудовъ,
Стаетъ во стременышко булатное,
Садился во сѣдельшко черкацкое,
70. Выѣзжалъ онъ въ чисто поле,
Забѣгалъ онъ въ силу невѣрную.
Впередъ бѣжитъ—дѣлать улицу,
Повернется—дѣлать переулочекъ,
Выбиваетъ онъ силу бусурманскую.
75. Бусурманскій царь въ побѣгъ пошлетъ,
Въ догонъ погнался за нимъ Васинька.
Провѣщился тутъ добрый конь
Мудрымъ языкомъ человѣческимъ:
«Не бѣгай ты, Васинька—голь кабацкая,
80. Не бѣгай ты въ землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра, мудра:
Не быть намъ обоимъ живымъ».
- Обратился Васинька во Кіевъ-градъ,
Встрѣчаетъ Васиньку Владимиръ князь
85. Со великою честью, съ радостію,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Чѣмъ я тебя, Васинька, буду жаловать?
Возьми ты города съ пригородками,
Возьми ты терема съ притеремками».
90. Отвѣчатъ Васинька—голь кабацкая:
„Не надо мнѣ города съ пригородками,
Не надо терема съ притеремками.
Отдай ты мнѣ три погребѣ:
Первой погребъ зелена вина,
95. Второй погребъ пива пьянова,
Третій погребъ сыты медвяныя“.
- Затѣмъ тебѣ, Васинька, слова нѣтъ!—

Записана С. И. Гуляевымъ въ Чумышской волости, Барнаульскаго округа Томской губерніи.

40. То-же.

- Изъ подъ бѣлыя березки кудревастенкія,
Изъ подъ чуднаго креста да Леванидова,
Выходила тутъ турица златорогая
Съ молодыми турама, малыма дѣтушкама.
5. Лучилось идти турама да мимо славной Кіевъ-градъ;
И находить тутъ дѣвнца,
Держить книгу то Евангелія,

- Не столько читаетъ, все она плачетъ:
Она видѣла подѣ Кіевымъ чуднымъ-чудно,
10. Она видѣла надѣ городомъ дивнымъ-дивно.
Тутъ наѣхалъ, вѣдь, Богатушко-Богатовичъ
Со зятемъ Тараканьскимъ Корабликовымъ
И со дьячкомъ да выдумщицькомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысяцей,
15. У зятя то силы сорокъ тысяцей,
У дьячка-то, вѣдь, силы сорокъ тысяцей.
Тутъ князь то закручинился,
Владимиръ запечалился...
По голямъ голи шатаются,
20. По царевымъ кабакамъ да столыпаются,
А Василиій въ кабаки лежитъ на печи.
Говоритъ то Василиій таково слово:
„Наливайте-ко Василью чару зелена вина,
Да другую пива пьянова,
25. Да третью сладкого меду“.
Становилося того питья полтора ведра.
Выпиваетъ-то Василиій на единый духъ,
Говоритъ-то, вѣдь, Василиій таково слово:
«Я могу теперь добрымъ конемъ владѣть»,
30. Я могу теперь вострой саблей махать!»
Садился тутъ Василиій на добра коня,
Видали тутъ добра молодца сядуци,
А не видѣли поѣдуци.
Поѣхалъ тутъ Василиій воротами,
35. Черезъ тую-то стѣну городовую.
Вѣдь убилъ то Василиій Батьгуишку-Батыговича,
Убилъ зятя Тараканьска Корабликова,
Да убилъ-то, вѣдь, дьячка да выдумчицка.
Да и тутъ-то Василью славу поемъ!..

Сильно скомканная былина напечатана въ Оловедскихъ Вѣдомостяхъ 1856 № 13 изъ бумага А. П. Б.

* 41. Михаилъ Казарятинъ.

- Изъ того было Волынца крѣпка города
Изъ той Корелы изъ богатыя
Выѣзжалъ удача-добрый молодець
Молодой Михайло, сынъ Казарятинъ,
5. Казары попа церкви соборныя.
Подѣ нимъ добрый конь—какъ бы лютый звѣрь:
На конѣ то сбруя подѣ оправою,

- Подъ оправою однозолотною.
Самъ на немъ какъ соколъ сидитъ.
10. Вывозилъ онъ съ собой триста стрѣлъ,
И каждая стрѣла стоитъ по три тѣмы,
Что по три тѣмы, по три тысячи.
Да не тѣмъ тѣ стрѣлки были дороги,
Потому стрѣлки были дороги,
15. Кабы строганы стрѣлки изъ кипарисъ-древа;
Кипарисъ-дерево здѣсь не водится,
Здѣсь не водится оно, не плодится;
Оно плодится за Ефратъ рѣкой.
Да не тѣмъ стрѣлки были дороги:
20. Да перо было тагулиное;
Тагула птица здѣсь не водится ¹⁾,
Здѣсь не водится, здѣсь не плодится,
Она плодится на Ефратъ рѣкѣ.
Клеены тѣ стрѣлочки китомъ рыбой;
25. А китъ рыба здѣсь не водится,
Она плодится во Ефратъ рѣкѣ.
Да не тѣмъ тѣ стрѣлки были дороги:
Онъ днемъ стрѣлятъ, по ночамъ собирать;
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ,
30. Свѣча горитъ да воску ярова.
Бѣжитъ Михайло чистымъ полемъ,
Во чистомъ полѣ стоитъ часть ракитовъ кустъ,
На кусту сидитъ пташка вѣшшая,
Пташка вѣшшая, знать перелетная,
35. Перелетна пташка—младъ черной воронѣ.
И беретъ Михайло свой тугой лукъ,
Изъ колчана беретъ калену стрѣлу,
Хочетъ онъ застрѣлить пташку вѣшшую.
Провѣщуетъ пташка руськимъ языкомъ:
40. «Ой ты гой-еси, удалый добрый молодецъ!
Не стрѣлай ты меня, пташку вѣшшую,
Пташку вѣшшую, знать перелетную.
Я скажу тебѣ вѣстку радостну:
Какъ у батюшка, да у синя моря,
45. У синя моря, да у сыра дуба,
Стоитъ бѣлъ шатеръ, да бѣлъ полотняный;
Во шатрѣ сидятъ три татарина,
Три татарина, три бусурманина,
Межъ имъ сидитъ дѣвка руськая,

¹⁾ Что за птица тагула—сказитель не могъ объяснить: говорилъ только, что *заморская*. С. Г.

50. Дѣвка русская, полоняпенка».
Туть Михайло черна вороѣна послушался.
Ѣдетъ онъ ко синю морю
Ко синю морю да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да ко бѣлу шатру.
55. Подѣвѣжаетъ онъ къ шатру да помалесеньку.
Да первый татаринъ проговорить:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка русская,
Дѣвка русская да полоняночка;
Увезу я тебя да во свою землю,
60. Отдамъ тебя замужъ за мила сына».
Второй татаринъ проговорить:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка русская,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдамъ я тебя за племянника
65. И будешь ты мнѣ племяненка».
Третій татаринъ проговорилъ:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка русская,
Дѣвка русская да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
70. Возьму тебя за себя замужъ,
Будешь ты мнѣ да мила жена».
Туть Михайлу за бѣду стало,
Сдергивать съ нихъ онъ бѣлъ шатерь,
И бѣлъ шатерь да полотняной.
75. Сохватались три татарина,
Сохватались за Михайла Казарятина.
Онъ первого татарина взялъ розорвалъ,
Другого татарина взялъ рѣстопталъ,
Третьяго татарина взялъ за ноги,
80. Бросилъ его въ батюшко въ сине море.
И собиралъ онъ бѣлъ шатерь полотняный
И завязывалъ въ тороки во шелковыя,
И садился добрый молодець на добра коня,
Вставалъ онъ въ стременышко вальяжное,
85. И садился въ сѣделышко черкасское,
И садилъ за себя душу красну дѣвицу,
И везетъ ее отъ синя моря,
Отъ синя моря, отъ сыра дуба.
Сколько ѣхалъ удалой, добрый молодець,
90. Сколько ѣхалъ по чисту полю,
Одержалъ своего добра коня ступисчата ¹⁾,

¹⁾ *Ступисчатъ* конь — шагистый, который идетъ скорымъ, плавнымъ шагомъ, *ступкою*, легкою иноходью. С. Г.

- Слѣзалъ онъ, добрый молодецъ, со добра коня,
И сниматъ онъ красну дѣвицу,
И ставитъ свой бѣль шатеръ полотняный.
95. И сталъ онъ съ дѣвицей опочивъ держать;
По бѣлымъ грудямъ красну дѣвицу утрепыватъ.
И плачетъ красна дѣвица, какъ рѣка течетъ,
Сама говоритъ таковы слова:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
100. Скажи ты мнѣ напередъ свою отчину:
Царь-ли ты царевичъ, король-ли ты королевичъ,
Али ты роду крестьянскаго,
Али ты роду мѣщанскаго?»
Тутъ де молодецъ не слушаетъ,
105. По бѣлымъ грудямъ дѣвицу утрепыватъ.
И плачетъ красна дѣвица, какъ рѣка течетъ,
И возрыдаючи слово молвила:
«Ой ты гой еси, удалый, добрый молодецъ,
Скажи ты напередъ свою отчину:
110. Царь-ли ты царевичъ, король-ли ты королевичъ,
Али роду ты крестьянскаго,
Али ты роду мѣщанскаго?»
И тутъ молодецъ ее не слушаетъ,
По бѣлымъ грудямъ ее утрепыватъ.
115. Тутъ дѣвица плачетъ, какъ рѣка течетъ:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ,
Ты скажи мнѣ напередъ свою отчину».
И проговоритъ удалой добрый молодецъ:
Я не царь да не царевичъ, не король я, не королевичъ,
120. И я роду не крестьянскаго,
И я роду не мѣщанскаго:
Я изъ того Волынца крѣпка города,
Изъ той Корелы изъ богатя,
Молодой Михаило Казарятинъ,
125. Казары (сынъ?) попа церкви соборныя.
И проговоритъ красна дѣвица,
Сама плачетъ, какъ рѣка течетъ:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ,
Я сама оттуль красна дѣвица,
130. Изъ того Волынца—крѣпка города,
Изъ той Корелы изъ богатя
Казары дочь попа церкви соборныя».
И тутъ-то добрый молодецъ возрадовался,
И скакалъ онъ скоро на рѣзвы ноги,
135. Беретъ ее за бѣлы руки,

- И цѣлуетъ ее во уста сахарныя:
«Здравствуй ты, моя сестрица родимая,
Молода Настасья дочь Казаришна!»
Собиралъ онъ бѣлѣ шатеръ полотняный
140. И завязывалъ въ тороки во шелковыя,
И садился добрый молодецъ на добра коня,
И ставалъ въ стремянышко гольяшное,
И садился во сѣделышко черкасское,
Садилъ онъ за себя родну сестру.
145. И везетъ онъ ее въ свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей родимой матушкѣ,
Къ тому Волинцу крѣпку городу,
Ко той Корелы богатя,
150. И къ Казары попу церкви соборныя.
Ѣдутъ они на улицу на широку
Ко тому ко терему высокому.
И увидѣла ихъ родимая матушка
Скрозь тое окошечко косящито,
155. Скрозь тое околенку стекляную.
И бѣжитъ она скоро на красно крыльцо,
Сама плачетъ, какъ рѣка течеть:
«Ой вы гой еси, мои дѣти милыя!
Изъ которой вы сторонушки пріѣхали?»
160. Толь съ востоку, то-ли съ западу?»
Соскакивалъ удалой добрый молодецъ со добра коня,
Подхватывалъ онъ матушку подъ праву руку
И ведутъ они ее въ свѣтлую свѣтлицу.

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тушцына въ Барнаулѣ.

* 42. Иванъ Годеновичъ.

- «Хочешь ли, Иванушка, жениться?»
Я бы радъ жениться, да мнѣ негдѣ взять:
Гдѣ я сватаюсь, такъ тутъ мнѣ не дають,
Гдѣ не сватаюсь, такъ двѣ дають,
5. И двѣ дають, да мнѣ не надобно.
А мнѣ-ка охота съѣздить въ Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу, Митреевичу,
Мнѣ посвататься Настасьи Митреевишны.
И собиралась свадьба богатырская,
10. Собиралося на свадьбу тридцать богатырей:
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ легкій друженька,

- И ласковый Владимиръ князь былъ тысяцкимъ,
Алепа Поповичъ былъ подружьемъ,
Добрыня Никитичъ былъ бояриномъ,
15. Василій Казімерскій поѣзжаниномъ,
Молода княгиня была свашенька.
Сѣдлали своихъ добрыхъ коней,
Накладывали они пѣтнички бумажныя,
И на потнички ковры сорочинскіе,
20. На коврички сѣделочки черкацкія;
Подтягали подпруги шелковыя,
Садились молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали молодцы въ Черниговъ-градъ.
И подъѣзжаютъ молодцы ко синю морю,
25. И стегаютъ коней по тучнымъ бедрамъ;
И скачутъ кони черезъ быстрой Днѣпръ.
И не далеко отъ моря отѣхали,
Становились на луга на зелены;
Разставливали шатры полотняны,
30. И стали въ шатрахъ опочивъ держать.
Не спится Ивану, не дремлется;
Ему вдвое, втрое грезится.
Выходилъ Иванъ изъ бѣла шатра
Говорилъ Иванъ таковы слова:
35. «Ой вы, гой еси мой князья-бояры,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ,
Со Алешенькой со Поповичемъ,
Со Добрынюшкой со Никитичемъ,
40. Со Васильемъ, сыномъ Казімерскимъ!
Съѣздите вы во Черниговъ-градъ,
Съѣздите на широкой дворъ,
Ко тому купцу ко Митрею Митреевичу,
Посватайтесь Настасью Митреевишну“.
45. Тутъ молодцы не ослушались;
Поѣхали они скоро въ Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И ѣдутъ они на улицу на широку,
И бѣгутъ они ко двору широкому.
50. Со добрыхъ коней молодцы соскакиваютъ,
Ни къ чему коней не привязываютъ,
Никому они коней не приказываютъ.
Воходили во свѣтлую во свѣтлицу,
Во тое палату бѣлокаменну;
55. И крестъ кладутъ по писаному,

- Поклонъ ведутъ по ученому;
И сами говорятъ таковы слова:
«Здравствуешь, Митрей гость-купецъ!»
— Добро жаловать, удалы добры молодцы,
60. Ты старой казакъ Илья Муромецъ,
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ,
Со Алешенькой со Поповичемъ,
Со Добрынюшкой со Никитичемъ,
Со Васильемъ сыномъ Казимерскимъ.
65. За одинъ бы столъ со мной хлѣба купати.—
«Мы пришли къ тебѣ не столы столить,
Не столы столить, не пиры пирить,
А со добрымъ словомъ, со сватаньемъ,
Молоду Настасью Митреевишну
70. За того Ивана за Годенова».
Проговорить Митрей гость-купецъ:
— И ладно бы ладнешенько,
Да вечеръ было позднымъ позднешенько,
Прилеталъ Кошшеишпо Безсмертный;
75. Запросваталась Настасья за Кошшеишпа,
Обручалась перстнями однозолотными.—
И тутъ молодцамъ за бѣду стало,
Надѣвали шляпы черны, сами вонъ пошли.
Идутъ на улицу на широку,
80. Садились молодцы на добрыхъ коней
И бѣгутъ во дальню во чисто поле
И ко тѣмъ шатрамъ бѣлымъ полотнянымъ.
И встрѣчаетъ ихъ Иванушко на радостяхъ,
И спрашивáтъ: «высватали-ль вы
85. Мнѣ Настасью Митреевишну?»
— И наше несчастье великое:
И вечеръ было позднымъ поздно,
Прилеталъ Кошшеишпо Безсмертный,
И запросваталась Настасья за Кошшеишпа;
90. Обручилась перстнями однозолотными.—
Тутъ Ивану за бѣду стало:
«Сгой-еси, мои удалы добры молодцы,
Возьмете мы Настасью нечестно.
Увеземте мы Настасью во свою землю».
95. Туто молодцы не ослушались,
Поѣхали они во Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И ѣдутъ они на широкій дворъ,
И пили они туто, гуляли, забавлялися,

100. Забавлялись трои суточки.
И брали они Настасью за бѣлы руки,
И за тѣ перстни за злаченые,
И садили они за Ивана Годенова
И повезли во свою землю.
105. И ѣдутъ они ко синю морю,
И стегаютъ коней по тучнымъ бедрамъ,
И скачутъ кони черезъ быстрый Днѣпръ.
И тутъ Настасья испугалася,
Ее бѣлыя ручки отрывалися,
110. И падала она во быстрый Днѣпръ.
На лету старой казакъ Настасью подхватываль
И садилъ за Ивана Годенова.
Не подалеку отъ моря отѣхали,
Попалъ имъ звѣринный слѣдъ,
115. И прошолъ вепришпо-кабанишпо;
И отсылали туда десять богатырей.
Не подалеку они опять отѣхали,
Попалъ имъ опять звѣринный слѣдъ,
Прошла де лань златорогая;
120. Отсылали они опять десять богатырей.
Опять завѣчали ¹⁾ на участь на Иванову.
Опять не подалеку отѣхали,
Попалъ имъ опять звѣринный слѣдъ,
Прошла кобыла сѣропѣгая.
125. Опять отсылали они десять богатырей,
Опять завѣчали на участь на Иванову;
Остался Иванушко съ Настасьюшкой.
Не подалеку онъ отѣхавши,
Подѣзжать Иванъ ко сыру дубу,
130. Слѣзатъ Иванъ со добра коня,
И сниматъ Настасью Митреевишну;
И разоставилъ Иванъ бѣлъ шатеръ
И сталъ съ Настасьей опочивъ держать.
И не много поры время миновалося,
135. Опочиваль онъ съ Настасьей три часа,
И прилеталь Кошпеншпо Безсмертный,
И садился онъ на сырой дубъ крековистый,
И зычалъ-кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Ахъ, не честь твоя, хвала молодецкая,
140. Иванъ, сынъ Годеновичъ!
Отъ жива ты мужа жену берешь.

---

¹⁾ Завѣчать—загадывать.

- Не пора тебѣ лежать въ бѣломъ шатрѣ,
Пора тебѣ выходить со мной перевѣдаться“.
Выскакивалъ Иванъ изъ бѣла шатра,
145. Въ одной тоненькой рубашкѣ безъ пояса,
Во однихъ тоненькихъ порточкахъ безъ чоботовъ.
Сохватались добры молодцы ручнымъ боемъ:
У Ивана борьба не ученая,
Не ученая—роженная:
150. Сохваталъ Кошшейишна Безсмертнаго,
Онъ ударилъ его о сыру землю,
Садился ему на черны груди,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Стой еси, Настасья Митреевишна,
155. Неси ты мнѣ ножище-чинжалище,
Распорю я у Кошсея груди черныя,
Посмотрю я сердце богатырское“.
И тутъ Настасья не ослушалась,
Идетъ она изъ бѣла шатра,
160. Несетъ ножишпо-чинжалишпо.
И проговоритъ Кошшейишно Безсмертный:
„За него ты выйдешь, будешь слыть поляницею;
За меня ты выйдешь,—будешь слыть царицею,
И будутъ тебѣ поклоняться тридцать идолишповъ“.
165. Тутъ Настасья за бѣду стало,
За великую досаду показалось;
Сохватала Ивана за черны кудри,
Сдергивала съ Кошсея Безсмертнова
И привязали Ивана ко сыру дубу,
170. И стали съ Кошшеемъ опочивъ держать, •
Опочивъ держать въ бѣломъ шатрѣ.
Не много поры-время миновалось,
Прилетѣли два голубя,
Прилетѣли два сизые
175. И садились на сырой дубъ крековистый.
Увидалъ ихъ Кошшей изъ бѣла шатра,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Настасья Митреевишна,
Прилетѣли два голубя,
180. Прилетѣли два сизые“.
И говоритъ Настасья Митреевишна:
„И не два голубя, не два сизые,
Это наша съ тобой смертонька“.
Выскакивалъ Кошшей изъ бѣла шатра,
185. Братъ Кошшей свой тугой лукъ,

- Накладывалъ калену стрѣлу
И стрѣлялъ онъ въ двухъ голубей.
На лету Алешенька стрѣлу подхватывалъ
И подаетъ старому казаку Ильѣ Муромцу.
190. Поворачивалъ старый казакъ калену стрѣлу
Востреемъ на Кошшея Безсмертнаго
И бросилъ, ушибъ Кошшея до смерти,
И расшибъ ему груди черныя.
И улетѣли два голубя,
195. И выходила Настасья изъ бѣла шатра,
И говорила Настасья таковы слова:
„Что ты, Иванушко Годеновичъ,
Не будешь-ли меня бить, бранить?“
„Я тебя, Настасья, не буду бить, бранить,
200. А только буду, Настасья, на умъ учить“.
Тутъ Настасья за бѣду стало,
За великую досаду показалось.
И беретъ она саблю вострую
И беретъ она чуденъ крестъ.
205. „Вотъ тебѣ, Иванъ Годеновичъ, чуденъ крестъ
И вотъ тебѣ сабля вострая!“
И поднимать она саблю выше буйной главы
И хочетъ ему сѣчь буйну голову.
По кудрямъ его сабля покатила,
210. И обрѣзала всѣ ченбуры богатырскіе.
Иванушко всталъ тутъ на радостяхъ,
Собиралъ свой бѣлъ шатеръ полотнятый
И садился Иванъ на добра коня
И садилъ онъ Настасью Митреевишну;
215. Везетъ ко колодцу глубокому.
„Слѣзай, Настасья Митреевишна,
Слѣзай со добра коня;
Обмывай свое тѣло грѣшное“.
Взялъ онъ у ней уши обрѣзалъ:
220. „Эти мнѣ уши не надобны,
Слушали рѣчи Кошшеишна.
Взялъ онъ у ней глаза выкопалъ:
„Прилешпались они глядючи на Кошшеишна“.
Ноги ей взялъ обрѣзкъ:
225. „Оплетали онъ Кошшея Безсмертнаго“.
Руки обрѣзалъ ей:
„Эти руки мнѣ не надобны,
Обнимали Кошшея Безсмертнаго.

Схоронилъ ее тѣло бѣлое,
230. Поѣхалъ въ свое отечество.

Записана С. И. Гудиевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тупицына, въ Барнаулѣ. Начало былинныя связатель не могъ припомнить.

43 То-же.

- Во стольнѣмъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкового князя у Владимира,
У Владимира князя у Солнышка,
Заводился у Владимира почестенъ пирь,
5. Какъ на многихъ князей да на бояровъ,
На сильнѣихъ могучѣихъ богатырей,
На всѣхъ поляницъ на удалыхъ,
На всѣхъ гостей да приходящихъ.
Какъ всѣ-то на пиру ¹⁾ да напивалисе,
10. И всѣ-то на пиру наѣдалисе,
И всѣ-то на пиру пьяны веселы сидятъ.
Какъ сидитъ тутъ Иванушко Гбрдиничъ,
Онъ не ѣсть, не пьетъ Иванъ да видъ не кушаетъ,
Бѣлой лебедушки Иванъ да вѣдь не рушаетъ,
15. Бѣлымъ сахаромъ Иванъ да не закусываетъ.
Тутъ подходитъ къ нему Солнышко Владимиръ князь стольнѣ-
киевской,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
„Ай же ты, Иванушко Гбрдиничъ,
Ты почто не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаешь,
20. Бѣлой лебедушки, Иванушко, да ты не рушаешь,
Бѣлымъ сахаромъ, Иванъ, да не закусываешь“?
Какъ отвѣтъ держалъ Иванъ да сынъ Гординовичъ:
«Ай же солнышко Владимиръ стольнѣкиевской,
Какъ у насъ-то видъ во гбродѣ во Кіевѣ
25. Всѣ мблодцы у насъ да испоженены,
Красныя дѣвушки замужъ повываны,
И я-то Иванъ да не жѣнать хожу“.
Тутъ прогбворилъ Владимиръ стольнѣкиевской:
„Ай же ты, Иванъ Гординовичъ,
30. Ты знаешь-ли себѣ богосужену,
Ты знаешь-ли себѣ супротивную“?
Тутъ прогбворитъ Иванушко Гординовичъ:
„Я знаю себѣ богосужену,

¹⁾ Слово пиру въ произношеніи слышится пѣру.

Я знаю себѣ супротивную:

35. Какъ во томъ-ли то во городѣ Черниговѣ,
У того-ли Дмитрія, гостя торгового,
У его есь дочь Настасья Дмитревна;
Она станомъ статна и умомъ умна,
Личько у еѣ быдто бѣлый снѣгъ,
40. Щечки у нее какъ маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней павинная,
А рѣчь-погбвора лебединная“.
Туть прогбворилъ Владимиръ стольнекіевской:
„Ай же ты Иванушко Гординовичъ,
45. Ты бери-ко себѣ золотой казны,
Золотой казны бери, сколько надобно,
И бери-тко себѣ сила—армія“.
Туть прогбворилъ Иванушко Гбрдиньчъ:
„Ай же солнышко, Владимиръ стольнекіевской,
50. Мнѣ не надо-то золотой казны,
И не надо мнѣ сила—армія,
А только дай-ко мнѣ Ефимка, слѣгу поробка“.
Какъ изъ-за того-ли изъ-за стола дубового
Вставаеъ Ефимъ на рѣзвъ ноги,
55. Самъ онъ говоритъ таковó словó:
„Тебѣ спáсибо, Иванушко Гбрдиньчъ,
Што ты мной, Иванъ, да не побрезгиваль“!
Туть сáдилисе да на добрѣхъ коней,
Поѣхали ко городу Чернигову,
60. Ко тому-ли Дмитрію гостю торговому.
Говоритъ имъ Дмитрій гость торговый:
„Вы гóсти есь незванные,
И вы гóсти есь нежданые,
Вы зачѣмъ, гості, сюда пріѣхали“?
65. Говоритъ Иванушко Гбрдиньчъ:
„Мы пріѣхали къ тебѣ на вашей дочери посвататсе“!
Какъ отвѣтъ держаль Дмитрій гость торговый:
„У меня прежде васъ дочь просватанная
За того-ли цáря Кощея Трапетовича“.
70. Какъ тутъ-ли Иванушко Гбрдиньчъ
Хватилъ гостя торгового за бѣлу грудь
И бросилъ его о сыру землю,
И взяли силкой силою Настасью Дмитревну,
И поѣхали ко городу ко Кіеву
75. Ко ласковому князю ко Владимиру.
Не доѣзжаючи до города до Кіева,
Раскинули шатеръ бѣлъ полóтнянной;

- Говорить тутъ Иванушко Гординычъ:
„Ай же ты, Ефимко, слуга пѣробокъ,
80. Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву,
И скажи-тко ты князю Владимиру,
Што ѣдетъ Иванъ съ богосуженой,
И ѣдетъ Иванъ съ супротивной“.
- Тутъ наѣхалъ вслѣдъ Кощей да царь Трапетовичъ,
85. Самъ онъ говоритъ таковѣ словѣ:
„Ай же ты Иванушко Гординычъ,
Ты почто у меня увезъ да богосужену,
Ты почто у меня увезъ да супротивную?
У меня прежде тебя было сосватано“!
90. Тутъ схватилися оны за жолтыя кудры,
И тутъ-ли Иванушко Гординовичъ
Бросилъ Кощей царя Трапетовича о сырѣ землѣ.
Тутъ проговорилъ Кощей да царь Трапетовичъ:
„Ай же ты, Настасья Дмитревна,
95. За мной тебѣ жить, — царицей слыть,
А за Иванушкомъ быть, портомойницей слыть“!
- Какъ тутъ-ли Настасья Дмитревна
Ухватила Ивана за жолтыя кудры,
Да бросила она да о сырѣ землѣ.
100. Тутъ связали Ивану ручки бѣлыя,
И сковали Ивану ножки рѣзвыя,
Привязали его ко кусту да ко ракитову,
И зашли онѣ въ шатеръ бѣлополотнянныи,
И стали онѣ спать да опочивъ держать.
105. Говорить тутъ Настасья Дмитревна:
„Ай же ты, Кощей да царь Трапетовичъ,
Ты предай Ивана смерти лютой.
Какъ наѣдутъ кіевскіе богатыри,
И не уѣхать намъ во свою землѣ“.
110. Тутъ прилетѣла птичка изъ города изъ Кіева,
Запѣла она таковѣ словѣ:
„Добрѣ стоятъ Иванушку Гординычу
У того-ли у куста да у ракитова,
Смотрѣть на забавушку великую“.
115. Какъ тутъ-ли Кощей да царь Трапетовичъ
Натягивалъ онъ да тѣгой лукъ,
И накладывалъ стрѣлу да онъ каленую,
И спускалъ онъ въ Иванушка Гординыча.
Какъ эта стрѣла да каленая
120. Отлетала да вздѣпять къ самѣму во грудь
Ко царю-ли Кощею Трапетовичу.

- Какъ тутъ-ли Настасья Дмитревна
Береть себѣ въ руки саблю вострую
И сама говоритъ таковó слово:
125. „А я глупая дѣвушка неразумная,
А отъ бережка я да откачнулась,
А къ другому я да не прикачнулась.
Ай же ты, Иванушко Гординовичъ,
Прости-тко ты меня во той вины,
130. Што яхватила тебя за жолты кудри,
А ежели ты меня не простишь,
Дакъ отрублю я тебѣ буйну голову“.
Тутъ задрожали у ней да ручки бѣлыя
И выпала изъ рукъ сабля вострая
135. По тымъ-ли по путамъ да по желѣзнымъ.
Какъ тутъ сталъ Иванъ да на своей волѣ,
И взялъ въ руки Иванъ да саблю вострую,
Самъ онъ говоритъ таковó слово:
Ай же ты, Настасья Дмитревна,
140. Я не буду тебя не бить, не бранить,
Но дамъ тебѣ угрозы великія:
Эты мнѣ ручки не надобно,
Што хвашили меня за жолты кудры,
Бросили меня о сырú землю“.
145. Взялъ отсѣкъ ей руки бѣлыя.
„Эты мнѣ ножки не надобно,
Што зашли въ шатерь бѣлополотнянной
Съ этымъ-ли Кошеемъ Трапетовичемъ“.
И отрубилъ онъ ноги рѣзвыя.
150. „Эты мнѣ губки не надобно,
Што цѣловали Коцея Трапетовича“.
И отрубилъ ей губы бѣлыя.
„Этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
Зачѣмъ велѣлъ губить Ивана Гбрдиныча“.
155. И самъ онъ говоритъ таковó слово:
Ай же ты, Настасья Дмитревна,
„Теперь отъ меня тебѣ воля вольная“.
И самъ поѣхалъ ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
160. Тутъ встрѣчаетъ Владимиръ столнѣкѣвскоѣ,
Думаль, ѣдетъ Иванъ съ молодой женой,
Ажно ѣдетъ Иванъ да ѣдинѣшенѣкъ.
Тутъ проговоритъ Владимиръ столнѣкѣвскоѣ:
„Ай же ты, Иванушка Гординовичъ,
165. Гдѣ-жь у тебя богосужена,

Гдѣ-жь у тебя супротивная“?
Тутъ прогбворилъ Иванушко Гординовичъ:
„Всякъ-то, братцы, жéнитсе,
А не всякому жанитьба удаваетсе;

170. А намъ-то съ Олѣшей Поповичемъ жанитьба то не йздалась“.

Записана Ѡ. М. Истоинимъ отъ сказителя И. А. Касьянова въ погостѣ Космозеро, Петро-
заводскаго уѣзда, Олонецкой губ.

*45. Чурило Пленковичъ.

- Со вечера пороха, со полуночи бѣлой снѣгъ;
По этой по порохѣ, по бѣлу снѣжку,
Не зайко пробѣжалъ, не горностайко проскакалъ, —
Пробѣжалъ-то Чурилко сынъ Пленковичъ.
5. Онъ тропилъ тропинку къ Берметеву двору,
Къ задней избушечкѣ въ поваренную,
Въ поваренную, въ челядинную,
Ко этой Василисѣ Никулишнѣ,
Ко той ко честной королевишнѣ.
10. Онъ гость гоститъ во двѣнадцать лѣтъ;
Никто про то не знаетъ, не вѣдаетъ.
Пошла дѣвушка Чернавушка по широку двору,
Увидала Чурила сына Пленковича.
„Здравствуй, Чурила сынъ Пленковичъ!“
15. — Благодарствую, дѣвушка Чернавушка!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
Я у васъ въ гостяхъ гощу, дары подарю,
Подарю золотой перстень въ пятьдесятъ рублей,
Еще я тебѣ подарю золотой крестъ,
20. Еще я тебѣ подарю свѣтлы денежки,
Не сказывай Берметѣ Васильевичу. —
Пошла дѣвушка Чернавушка;
Встрѣчу ей Берметя сынъ Васильевичъ.
„Здравствуй, дѣвушка Чернавушка!“
25. — Благодарствую Берметя сынъ Васильевичъ,
На многія на лѣтчики.
Не знаешь про то, не вѣдаешь:
У насъ гость гоститъ по двѣнадцать лѣтъ
Во задней избушкѣ во поваренной,
30. Во поваренной, во челядинной,
У той Василисы Никулишны,
У той честной королевишны. —
„Что, дѣвушка, врешь или правду говоришь?“

- Отпущу я тебя на свою волю“.
35. — А поди-ко ты въ задню избушечку,
Въ задню поваренную челядинную;
На лѣвочко сермяжка лежитъ,
Сермяжечка хитра-мудра:
Покрою она нѣмецкова,
40. Намету турецкова,
Шитья ярославскова.
Шапочка, рукавички на лавкѣ лежать:
Шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковенькія,
45. Чулочки бумажные.
Подъ лавочкой сапожки лежать,
Сапожки—зеленъ-сафьянъ:
Подъ носокъ—яйцо прокатить,
Подъ каблукъ—воробей пролетить. —
50. Идетъ Берметя въ задню избушечку
Во поваренную, челядинную,
Кладетъ руку на скобу,
Отворяетъ дворъ на пятау,
Стаетъ среди пола,
55. Среди пола кирпичата.
„Здравствуй, Василиса Никулишна!“
— Благодарствую, Берметя, сынъ Васильевичъ. —
„Чья у те на лавкѣ сермяжка лежитъ, —
Сермяжка хитра-мудрая:
60. Покрою-то нѣмецкова,
Намету турецкова,
Шитья-то ярославскова?
Чья-то шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковенькія,
65. Чулочки бумажные?
Подъ лавочкой сапожки лежать
Сапожки—зеленъ сафьянъ?“
— Это я у батюшка была,
Меня погода изняла;
70. Я сермяжку надѣла на себя;
Со младеномъ я была,
На младена я сапожки надѣла. —
Не глядитъ онъ на ея отговорочки,
Беретъ ее за бѣлыя ручки
75. За перстни злаченые,
Выводитъ на красное крыльцо,
Отсѣкаетъ ей буйну голову.

Увидѣль онъ Чурилу Пленковича:

„Пойди-ко, братецъ, возьми свое добро,

80. Ты былъ, Чурило, званный гость“.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Чумышской волости, Барнаульскаго округа.

*46. То-же.

На славномъ-то кануни Благовѣщенья

Выпадала пороша снѣгу бѣлаго;

Не бѣлой заюшко проскакиваетъ,

Не бѣлой горносталько слѣдъ прокладываетъ,

5. По этой пороши ходилъ тутъ, гуляль

Да поповъ молодець,

По имени Чурило сынъ Пленковичъ.

Приѣзжае Чурило къ Обемялому двору,

Не случилось Обемяла во дому,

10. И выходи Катерина дочь Микулична:

„Гости-ко къ намъ пожалуй на широкій дворъ,

Тутъ ко мнѣ родимой братъ ¹⁾“.

Сходитъ Чурило со добра коня,

Привязывать коня къ столбу точеному.

15. Къ тому-ли да колечку золоченому.

Говорила тутъ дѣвушка Черनावушка:

„Не порядки, Катеринушка, задумываешь,

Накучу и намучу Обемялу твоему“.

Говорила тутъ дѣвочка служаночка:

20. „Ай же Обемяль да сынъ Васильевичъ,

Ты стоишь да стоишь да Богу молиссе,

А у тебя есть въ гостяхъ да постылой гость“.

Говорить тутъ Обемяль сынъ Васильевичъ:

„Ай же, ты, дѣвочка служаночка,

25. Если правду говоришь, тебя жаловать буду,

Если неправду говоришь, тебѣ головушку срублю“.

— Ай же, Обемяль сынъ Васильевичъ,

Если мнѣ не вѣришь, дакъ изволь самъ посмотри.—

Приходитъ Обемяль ко широкому двору,

30. Видитъ у столба будто Чуриловъ конь;

Стучѣль онъ, гремѣль во серебрянно кольцѣ,

Спитъ Катеринушка съ Чуриломъ, не пробудитце;

И въ другой-отъ разъ стучаль, Катерина не пробудитце;

¹⁾ Пѣвецъ самъ замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ выходитъ неловко.

- Въ третій разъ стучаль, — терема всѣ пошаталисе,
35. Катеринушка съ Чуриломъ перепаласе ¹⁾,
Вышла въ тоненькой рубашкѣ безъ пояса,
Въ однѣхъ тоненькихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
Говорить тутъ Обемяль таково слово:
„Что ты, Катерине, несурядная живешь“?
40. — Ай же, Обемяль сынъ Васильевичъ,
Нельзя мнѣ Катеринушкѣ сурядной теперь быть:
Какъ болить-ли, болить буйная голова,
Щемить-ли, щемить ретиво сердце. —
„У тебя, Катерина, есть постылой гость“.
45. Ай же, Обемяль сынъ Васильевичъ,
У меня въ гостяхъ есть родимой братъ.
Да беретъ тутъ Обемяль да саблю вострую,
Да отрубилъ онъ Чурилову головушку.
„Упалъ да доброй молодець, —
50. Пади-тко, пади да лебедь бѣлая“!
Не вострая да сабелька просвиснула,
Не черная-то кровка пробрызнула,
Отлетѣла Катюшина головушка.
Беретъ замужъ дѣвушку Черनावушку.

Записана Г. И Куликовскимъ лѣтомъ 1886 года въ деревнѣ Трихнова горка, на Кенозерѣ,
отъ крестьянина Якова Семенова Еремѣева.

*47. То-же.

- Вдетъ-то Цюрилушко Щипленковиць:
Пбѣдъ пята, пята воробей пролетить,
Около носа — яйцько кати;
Дѣвки глядятъ, — золотыя пялы ломають,
5. Стары бабы глядятъ, — ящицья ломають.
Кто-то за ворбѣтамы колѣтитсе?
Колотитсе Цюрилушко Щипленковиць.
Выбѣгала Катерина Микулицьна,
Въ одной тоненькой сороцецьцѣ, бѣзъ пояса,
10. Ай стрѣцала тутъ Цюрилушку Щипленковиця:
„Што-же, ты, Цюрилушко, вецеръ не бываль?
Още сладкии напитоцьки непитыи стоятъ,
Крупѣсцяты колацики неѣденни“.
Ай коня-то брала, она въ конюшенку вела,
15. Она санки брала, да на дворъ ставила,

¹⁾ Перепугалась.

- Она шапоцьку брала его, на гвоздицѣкъ клала,
Цюрилушку взяла, да въ нову горенку свела.
Ай прислуга была дѣвкѣ Тиляицьна:
Прогбворить дѣвушка Тиляицьна:
20. „Я скажу теперъ Ярмы сударь Васильевицю“!
Прогбворить Цюрилушко Щипленковиць:
— Не скажи-тко ты, дѣвушка Тиляицьна;
Още я тебѣ, дѣвка, сарафанъ куплю!—
Говорить Катерина Микулицьна:
25. „А я сарафанъ-то сама сдержу“.
Ай прогбворить Цюрилушко Щипленковиць:
— Не ходи-тко, ты, дѣвушка Тиляицьна,—
Още я тебѣ, дѣвка, башмацьки куплю!—
Говорить Катерина Микулицьна:
30. „Още я башмацьки-то сама стопцю“.
Побѣжала тутъ дѣвка Теляицьна;
Приходить во церькву во божью,
Она крестъ-отъ кладеть по писаному,
Ай поклонъ она ведеть по уценому
35. На двѣ, на три, на цетыре на сторонушки,
Да Ярмы-то Васильеву въ особину:
„Ай же ты, Ярма, сударь, Васильевиць!
Богу молисьсе, да проклаждаеьсе,
Ай въ своемъ домѣ невзгодушки не вѣдаешъ:
40. У тебя въ домѣ да нелюбимой гость,
Нелюбимой гость—Цюрилушко Щипленковиць“.
— Ай же ты, дѣвка Тиляицьна,
Буде правду говоришь, дакъ я замужъ возьму,
А неправду говоришь, дакъ голову срублю!—
45. Приходили оны да ко своимъ дворамъ.
Кто-то за воротамы колотитсе?
Ай колотитсе Ярма сударь Васильевиць.
Выходила Катерина Микулицьна
Во одной тонкѣй сороцецькѣ, бѣзъ пояса,
50. У ней женскіи волосы не убраны;
Пускала Ярму она Васильевиць;
Ай заходить Ярма на широкой дворъ,
Заходить во конюшенку во конную:
„Ай же, Катерина Мукулицьна,
55. Што же во конюшенкѣ Цюрилинъ конь стоитъ“?
— Вѣдилъ мой братецъ во цистѣ поле гулять,—
Съ Цюрилушкой конямы смѣнялися.—
„Што это санки Цюрилины стоятъ“?
Говорить Катерина Микулицьна:

60. — Ъздиль мой братаецъ во цистѣ поле гулять,—
Да съ Цюрилушкой санками смѣнялися.—
Онъ заходитъ во полату бѣлокаменну,—
Тутъ шапка Цюрилина на гвоздикѣ висить.
„Што это шапка Цюрилина висить“?
65. — Ъздиль мой братаецъ въ цистѣ поле гулять,
Да съ Цюрилушкой шапками смѣнялися.—
Въ нову горницьку зашелъ, ды Цюрилу увидалъ.
Онъ схватилъ съ гвоздя да саблю вострую,
Отрубилъ Цюрилы буйну гѣлову.
70. Спроговорить Катерина Микулицьна:
„Гдѣ пала головушка Цюрилушкина,
Още й тутъ паде головка Катеринина“.
Онъ схватилъ съ гвоздя саблю вострую,
Отрубилъ Катерины буйну гѣлову.
75. — Ай же, ты, дѣвушка Тиляницьна,
Сдѣлала двѣ головки безпровинныхъ.—

Записана Ѡ. М. Истоминымъ лѣтомъ 1886 года отъ крестьянки Параскевы Гавриловой Юховой изъ деревни Оятевшинной, Петрозаводскаго у. Олонецкой губ.

48. То-же.

- Чурилушко Пленковичъ, добрый молодець,
Вставай по-утрушко ранешенько,
Снаряжайся, Чурило, хорошохонько,
Обувай сапожки на ножки—зелень-сафьянъ,
5. Зеленаго сафьяну турецкаго,
Баскаго покрою нѣмецкаго,
Щегольскаго шитья новгородскаго—
Подъ пята-пята воробей пролетаетъ.
Наливаетъ онъ тазъ ключевой воды,
10. Умываетъ Чурило лицо бѣлое,
Утираетъ Чурило въ тонко полотно,
Надѣваетъ Чурило цвѣтно платьеце,
На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
15. Сзади бы не видно кудерь желтыхъ.
Ходить Чурилушко Пленковичъ
Во стойло во кониное,
Онъ беретъ себѣ коня да мелатарманка (?),
Сдѣлаетъ сдѣлышко черкасское,
20. Онъ подтягиваетъ двѣнадцать крѣпкихъ подпруговъ;
Подпруги были шелковыя,

- Шелку были шемахпнскаго,
Не ради красы, а ради крѣпости.
Только видѣли Чурилушку,
25. Сидючи на добра коня,—
Не видѣли Чурилушку поѣдуци,
Видѣли во чистомъ полѣ куревку.
Увидѣла Катерина Микулична,
Поскорешенько въ окошечко бросалася:
30. „Слава Богу да славу Господу,
Что пріѣхалъ Чурилушко Пленковичъ“.
Она скоро тутъ шла по новымъ сѣнямъ,
Отпирала тутъ двери дубовыя,
Встрѣчала Чурилушку Пленковича,
35. Брала его за бѣлы руки,
Чѣловала его да въ сахарны уста;
Она провела во свѣтлую свѣтлицу,
Сажала на стульица кленовыя,
За эти за столы за дубовыя;
40. Нанесла ѣства сахарніи,
Налила питья медьяныя,
Подходящи ко столу да поклонялася:
„Что кушай-ко, гостыюшко родимой“.
Сажалася она вмѣстѣ кушати съ нимъ.
45. Схватилася Катерина Микулична
За этого коня да вѣдь за добраго,
Она скоро тутъ шла широкимъ дворомъ,
Отворяла воротечка широкія;
Она брала Чуриловина конюшка,
50. Она вела на стойло на кониное,
Она сыпала пшонушки сытніи.
Приходила тутъ во свѣтлую свѣтлицу,
Она брала дощечку да шашечну:
„Станемъ-ко, Чурилушка, во шашки играть“?
55. Они часъ тотъ играли.
Тутъ и спроговорить Чурилушка:
„Ай же ты, Катерина Микулична,
Лучше сядемъ на кроваточку забавимся“.—
Изъ заднихъ воротъ да изъ челядинныхъ
60. Тутъ увидѣла дѣвчоночка черная,
Она черна злодѣйка челяденная,
И спроговорить Катеринѣ Микуличнѣ:
„Это што у тя, Катерина, за гость гостить,
(Гость гостить) будто братъ родной?
65. Донесу Бермасу сыну Васильевичу“.

- Испроговорить Чурилушка Пленковичъ:
„Ай же ты, дѣвченокка черная,
Не доноси на Катерину Микуличну,
Вотъ тебѣ полтина на бѣлилушка,
70. И другую тебѣ дамъ да на румянушка,
Вотъ же третья полтина на костычь-сарафанъ.
Ай же ты, дѣвченокка черная,
Вотъ тѣ шапочка въ пятьсотъ рублей,
Пушиста, ушиста, зависиста,
75. Чтобы спереди невидно лича чернаго,
Чтобы сзади не видно пучка вшиваго“.—
Тутъ испроговорить Катерина Микулична:
„Лучше эти полтинушки мнѣ отдай,
А эту шапочку самъ сноси“.—
80. Поворотъ держитъ дѣвчинушка черная,
Она скоро-то шла по чисту полю,
Поскорѣ того да во Божью черкву;
Не крестя она идетъ да лича чернаго.
Увидалъ да Бермасъ сынъ Васильевичъ
85. Онъ вѣрную свою да служаночку,
Подходя-жь онъ къ ней поближененько,
И разговариваетъ ричь да умильнешенько:
„Ай же моя вѣрная служаночка,
Со какимъ идешь со радостнымъ извѣстиемъ“?
90. И спроговорить дѣвченокка черная:
— Какъ у твоей Катерины Микуличны
Да гость гоститъ будто братъ родной.—
Тутъ ужъ онъ запирае книги да Божьи,
Замыкаетъ церкви онъ священныя,
95. Садится тутъ онъ да на добра коня,
Поѣзжаетъ онъ да къ своему дому.
Увидала тутъ Катерина Микулична,
Что приѣхалъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ:
Куды класть Чурилушку Пленковича?
100. И спроговорить Чурилушко Пленковичъ:
„Ай же, Катерина Микулична,
У васъ есть-то въ домѣ да кованы ларцы,
Вы замкните меня во кованный ларець“.
Какъ пошла она по новымъ сѣнямъ,
105. Тутъ встрѣчала она да своего мужа.
„Что же ты, Катерина Микулична,
Въ одной рубашечкѣ безъ костычка ¹⁾,

---

¹⁾ Сараяна.

- Въ однихъ чулочикахъ, безъ башмаковъ“?
Отвѣчать тутъ Катерина Микулична:
110. — Послѣ васъ-то вѣдь я да понеразамоглась.—
Поворотъ тутъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
Ко той дѣвченочкѣ черной:
„Стала говорить, такъ договаривай,
Стала доказывать, доказывай“.
115. — Ай же ты, любимой нашъ хозяйнушко,
Сходите вы на стойку на кониную,
Тамъ увидите конюшка Чурилина.—
Сходилъ-то Бермасъ да сынъ Васильевичъ
На стойло на кониное,
120. Увидалъ тамъ конюшка Чурилина.
Тутъ приходитъ онъ ко своей Катеринѣ Микуличнѣ:
„Что же есть Чурилино конишечко“?
Отвѣтъ держитъ Катерина Микулична:
— Во чистомъ полѣ оны да разѣзжаются
125. Со моимъ оны братцемъ родимымъ,
Оны другъ другу встрѣчу стрѣчались,
Оны златыми крестами побратались,
И добрыма конями помѣнялися.—
И поворотъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
130. Онъ ко своей ко вѣрной служаночкѣ:
„Что знаешь, такъ теперь-же ты доказывай“.
И спроговоритъ вѣрная служаночка:
— Ай же ты, любимый нашъ хозяинъ,
Извини, прости ты насъ да во всей глупости:
135. У васъ есть-то въ домѣ кованы ларцы.
Ты возьми-ко ларець да во бѣлы руки,
Подъыми-ко ларець да выше головы,
Ты пусти-ко ларець да на дубовый полъ—
На три части ларець да поразлетится,
140. Отгуль выскочить Чурилушко Пленковичъ.—
Поскорешенько онъ тутъ поворачается
Во свои во свѣтлыя свѣтлицы;
Тутъ бралъ онъ свои да кованы ларцы,
Онъ кидаетъ ларець да о дубовый полъ,—
145. Отгуль повыскочилъ Чурилушка Пленковичъ.
Молодецкое сердечко разгорѣлося...
Онъ беретъ да свою саблю острую,
Срубилъ тутъ у Чурилы буйну голову.
Онъ сдымаетъ саблю да выше головы,
150. Срубить хочеть у Катерины буйну голову.
Съ горячими слезми она да помолилася,

Своему да мужу покорилася,
Чтобы не срубиль-бы онъ да буйной головы.
Молодецкое сердечко уходилося.

Записана Е. В. Барсовыхъ въ Обонежи; напечатана П. В. Шейномъ въ Читеніяхъ въ
И. О въ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1877 г., кн. 3.

49. Дюкъ Степановичъ.

- Нѣту на силу Самсонову
Что того же Самсона Колыбанова,
Нѣтъ на счастье осударя Ильи Муромца,
На вѣжество Добрынюшки Никитича,
5. На ярость Олешеньки Поповича,
На имѣнье Садка — купца богатаго,
На злату казну Дюка сына Степанова.
Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ,
Крыть былъ мѣдью зеленою,
10. Зеленою мѣдью козарскою,
Котора дороже красна золота.
Кругъ Дюкова широка двора
Оградушка ведена была булатная;
По той по оградѣ булатныя
15. Сажены были вѣнчики красна золота;
Во той во оградѣ булатныя
Надѣланы были бойни-кузницы,
Теплы конюшни стоялыя;
Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣзжалые,
20. Пьютъ-то, ѣдятъ траву шелковую,
Запиваютъ водой свѣжей, ключевою;
Во той-то оградѣ булатныя,
Было триста столбовъ серебряныхъ,
Четыреста было золоченыхъ,
25. Мѣдныхъ и желѣзныхъ числа-смѣты нѣтъ.
Хорошо-то было у Дюка устроено:
Крылечко у Дюка хрустальное,
Тетивка(?) у Дюка позолочена,
Дворцы у Дюка хрустальные,
30. Колечко у Дюка красна золота,
Подворотенка у Дюка рыбій зубъ,
Мостики у Дюка всѣ казѣнные(?),
Печки у Дюка муравлены,
А топятъ дровами калеными ¹⁾,

¹⁾ Кленовыми?

35. Помѣлышкомъ пашутъ самошелковымъ,
Пекутъ-то колачики крупичаты,
Въ сыту воду купаютъ медвяную.
Колачикъ съѣшь, другого хочется,
А третьяго колачика душа бѣжить(?).
40. Не бѣлинька березка къ землѣ клонится,
Ужъ какъ Дюкъ-отъ передъ матушкой челомъ бьетъ:
„Благослови меня, матушка родимая,
Мнѣ-ка съѣздити во городъ-отъ во Кіевъ-отъ,
Посмотрѣть мнѣ на князя со княгинею,
Посмотрѣть мнѣ всѣхъ русскихъ богатырей“.
45. Говоритъ ему матушка родимая:
„Ты напьешься, Дюкъ, зелена вина,
Во хмелю мое чадо неустройное,
На рѣчахъ мое чадышко зашибисто,
50. Похвастаетъ, Дюкъ, широкимъ дворомъ,
Похвастаетъ, Дюкъ, золотой казной“.
Говоритъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ,
Говоритъ во второй законъ:
„Благослови-тко се, матушка родимая,—
55. Съѣздитъ ко городу ко Кіеву“.
Говоритъ ему матушка родимая:
„Ты похвастаетъ широкимъ дворомъ,
Ты похвастаетъ золотой казной,
Ты похвастаетъ родной матушкой.“—
60. Говоритъ-то Дюкъ во третей законъ:
„Благослови-тко, матушка родимая,
Съѣздитъ ко городу ко Кіеву,
Посмотрѣть князя со княгинею,
Русскихъ могучихъ богатырей“.—
65. —Тебя Богъ благословитъ, дитяtko,
Ѣхать ко городу ко Кіеву.—
Сбирается Дюкъ сынъ Степановичъ;
Ведетъ-то лошадочку малешеньку;
Малешенька лошадочка, удалешенька.
70. Поѣхалъ Дюкъ сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву
На той на лошадоchkѣ малешенькой,
На малешенькой лошадоchkѣ, удалешенькой;
Она горы и доли промежъ ногъ беретъ,
75. Быстры рѣчки перескакиваетъ.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Ѣдетъ Дюкъ къ Божьей церквѣ,
Сходитъ со добра коня,

- Привязываетъ ко злату кольцу.
80. Пошелъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ
Во ту церковь воскресенскую.
Служать тамъ, читають
Службу воскресенскую.
Запелъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ
85. Во ту церковь во Божію.
Крестъ-то кладеть по писаному,
Поклонъ-то ведеть по ученому.
Кланяется чуднымъ образамъ,
Еще кланяется на всѣ четыре стороны,
90. Ставился во мѣсто во удаленое;
Никто Дюка не можетъ признати.
Служать, поють попы церковные.
Отслужили обѣдню воскресенскую,
Пошли-то отъ обѣдни воскресенскія;
95. Пошелъ Владимиръ стольно-кіевскій
Со своими русскими богатырями.
Пошелъ осударь Илья Муромецъ,
Идетъ осударь Илья Муромецъ,
Призналъ онъ Дюка Степановича,
100. Что быть-то Дюку Степановичу.
Зоветь Дюка на почестенъ пиръ,
Зоветь Дюка Степановича.
Пошли-то изъ Божьей церкви,
Садилась они на добрыхъ коней,
105. Поѣхали они по городу,
Поѣхали они по городу по Кіеву.
У нихъ кони скакомъ скачуть,
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говорить Дюкъ: „У меня такія лошабочки водовозныя“.
110. А говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Ты не хвастай, Дюкъ Степановичъ“.
Приѣхали ко Владимиру на широкій дворъ,
Заходили ко Владимиру во палаты бѣлокаменны,—
Во гридню княжескую.
115. Повелся у Владимира почестенъ пиръ;
Садилась-то Дюка во больше мѣсто,
Во больше мѣсто,—во большой уголь,
Обносятъ по чарѣ зелена вина;
Хмелина во Дюкъ появилась.
120. Сидить-то Дюкъ прирасхвастался;
Вотъ-то колачики крупнчаты,—
Обѣдаетъ корочки верхнія,

- Нижнія корочки подь столъ спущаетъ:
„У васъ пахнуть колачики на сосенку;
125. У нашей у матушки
Колачикъ съѣшь, другого хочется,
О третьемъ колачикѣ душа бѣжитъ“.
Говорить-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
„Есть-то у меня добрыхъ коней,—
130. Добрыхъ коней наступчивыхъ,
Есть-то у меня золотой казны“.
Говорятъ-то бояра Владимиру:
„Что наѣхаль мужикъ—засельщина“.
Говорить-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
135. „Еще нѣтъ у васъ имѣнья столько въ Кіевѣ:
Я ношу каждый день платье перемѣнное“.
Говорятъ бояра Владимиру:
„Посадить надо его въ крѣпость високу!“
Говорить-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
140. „Поѣзжайте ко матушкѣ родимыя,
Берите бумаги со чернилами,
Опишите мой широкій дворъ;
Накланяетесь вы служаночкамъ“.
Тутъ поѣхаль Михайлушко Петровичъ
145. Со Олешей съ Поповичемъ.
Никто за Дюка не ручается,
Поручился за Дюка Илья Муромецъ.
Пріѣхали ко матушкѣ родимыя,
Заходятъ во палаты бѣлокаменны.
150. Идутъ-то Дюковы служаночки:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Отвѣчаютъ Дюковы служаночки:
„Мы не Дюкова матушка, —
Мы Дюковы служаночки“.
155. Идутъ Дюковы портомойницы:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Мы не Дюкова матушка, —
Мы Дюковы портомойницы“.
Идетъ-то Дюкова матушка:
160. „Здравствуйте, русскіе богатыри!
Гдѣ мое чадышко Дюкъ Степановичъ?“
Отвѣчаютъ-то Михайлушко
Со Олешенькой Поповичемъ:
„Остался во городѣ во Кіевѣ.“
165. Хвастался Дюкъ широкимъ дворомъ,
Хвастаетъ Дюкъ золотой казной,

- Хвастаетъ Дюкъ добрыми конями“.
Говорить-то имъ матушка родимая:
„Опишите вы широкій дворъ“.
170. Писали-то Михайлушко широкій дворъ
Что со тѣмъ Олешей Поповичемъ.
Не стало у нихъ чернилъ со бумагою.
Говорить-то матушка родимая:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Петровичъ!“
175. Свези осударю Ильѣ Муромцу
Сапожки обродочки.
Подъ пяты пяты, хотъ яйцо кати,
Подъ носки носки, воробей полети:
То Дюковы обродочки“.
180. Поѣхали Михайлушко
Съ Олешенькой ко Киеву.
Пріѣхали Михайлушко ко Владимиру;
Отвѣчаютъ они Владимиру:
„Не стало-то у насъ бумаги со чернилами,“
185. Не могли описать широка двора;
Не пустымъ дѣтина похваляется“.
Отдають сапожки осударю Ильѣ Муромцу.
Туть Дюкъ съ осударемъ поназванились,
Поназванились, покрестовались.

Записана свящ. Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ.
Напечатана въ V книгѣ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О-ва Любителей Естествознанія“ въ
„Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, ч. II-я, Народная сло-
весность.

* 50. То-же.

- Во славномъ во городѣ во Галичи,
У славнаго у Дюка у Степаныча,
Поѣзжаетъ Дюкушко во Києвъ градъ.
Садился Дюкушко на добра коня
5. На бурушка косматаго.
Говорила ему матушка
Вдова чесна Мамельфа Тимофеевна:
„Ай же, ты, Дюкушко Степановичъ,
Молодой ты Дюкушко, да молодешенекъ,“
10. Поѣдешь, Дюкушко, во Києвъ градъ,
Есть на пути — дорожки широкія,
Три заставушки великіи:
Первая заставушка черныхъ грачевъ, —
По-русски сказать да черныхъ вороновъ,

15. Вторая заставушка сѣрыхъ волковъ,
Третья заставушка и минутъ нельзя“.
Видали молодьца саждаючи,
Не видали поѣзжаючи,
Пріѣзжае Дюкушко ко первой ко заставушкѣ, къ черныхъ грачевъ;
20. Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Бурушко поскакивае,
Отъ черныхъ грачевъ бурушко унашивае.
Ко другой заставушкѣ сѣрыхъ волковъ;
Бьетъ онъ бурушко косматаго по крутымъ бедрамъ,
25. Бьетъ да онъ наказываетъ;
Бурушко поскакивае,
Отъ сѣрыхъ волковъ бурушко унашивае.
Пріѣзжае Дюкушко къ той заставушки великіи
И которые минутъ нельзя,
30. Къ тому-ли шатру бѣлополотнянну;
Рычить Дюкушко зычнымъ голосомъ:
„Въ семъ шатри есть-ли живъ человѣкъ?“
Отвѣчае старый козакъ Илья Муромецъ:
„Есть въ шатри въ семъ живъ человѣкъ.“
35. Ай, да, Дюкушко Степановичъ,
Молодымъ ты, Дюкъ, да молодешенекъ!“
Такъ этотъ Дюкушко испуганъ былъ,
Говорилъ тутъ Дюкушко слово ласково:
„Одно солнышко на семъ свѣти,
40. Одинъ богатырь на святой Руси“.
Беретъ Илья Дюкушка за бѣлы руки
И кидаетъ Дюкушка подъ облоко,
Подфатитъ Дюка на бѣлы руки
И говорилъ Дюкушку таково слово:
45. „Ай же Дюкушко Степановичъ!
Не дамъ теби смерти напрасны
За твои рици умильны.
И поѣзжай, Дюкушко, во Кіевъ градъ,
Смотри, Дюкушко, гораздо не похваствай!“
50. Пріѣзжае Дюкушко во Кіевъ градъ
Къ тому ли ко князю ко Владимиру.
Говоритъ тутъ князь да слово ласково:
„Ай, же ты, молодець удалне,
Сильный ты могучій богатырь,
55. Поляница ты удалая!
Какимъ ты путемъ проѣзживалъ,
Сухимъ али мокрымъ?“
— Вхалъ путемъ-дорожкой широкою.—

- „Тамъ у меня стоить старой козакъ Илья Муромецъ,
60. Обережатель граду Кіеву,
Никто его мимо не проѣзживалъ
И никто и не прохаживалъ“.
Заводили они пиръ великіе,
Сидить Дюкушко да угощаетце,
65. Сидить да выговариваетъ:
„У моей то у матушки у родные,
У вдовы честной Мамельфы Тимофеевны,
Калачикъ то съѣси, дакъ по другомъ душа горить;
Квасу то у насъ погреба стоятъ широкіе,
70. Трубы шатались мѣдныя, квасы не затыхалисе.
У моей то у матушки помелька-ты шековыи,
У васъ во городъ во Кіеви
Помелька ты сосновыи“.
Они спорилисе со Дюкомъ со Степановичемъ,
75. Да и со княземъ со Владимиромъ,
Да и со Чуриломъ сыномъ Пленковичемъ
Щапить щеголять по три года,
Въ каждой день держать да платье смѣнное.
Посылае Дюкушко Степановиць
80. Ко своей матушкѣ ко родные
Обцѣньщиковъ и переписчиковъ
Оцѣнить животы Дюка Степановича.
Выбирае князь людей хорошихъ,
Молодыхъ ребятъ ученыхъ.
85. Пріѣзжаютъ во городъ во Галицинь,
Смотрѣли на животы Дюка Степановича:
Идутъ работники отъ службы великіе,
На ихъ да платье цвѣтное,
Работницы убраны,
90. Оны думали идетъ да родна матушка
Того ли Дюка да Степановиць,
Они да имъ да поклоняютце,
Говорили они: „да что за люди вельможи великіи?
Ай же государыня, матушка Дюка Степановича,
95. Пріѣзжаемъ мы цѣнить животы Дюка Степановича“.
Не могли оны толку дать да своимъ размыслить разумомъ,
Воротились во градъ да стольнокіевскій
Къ тому ли ко князю ко Владимиру.
Посылае Дюкушко Степановиць
100. Своего бурушка косматаго
Ко своей матушкѣ къ Омельфы Тимофеевнѣ
За платьями убранными,

- Которы держать на три годы,
Каженъ день платя смѣнныи.
105. Говоритъ Владимиръ таково слово:
„Ай же ты, Дюкушко Степановиць,
Дороги-ли у васъ бурушки
Во городъ во Галичини?“
— Есте бурушки по одному рублю,
110. Есть и по два рубли,
Моему то бурушку и цѣны нѣтъ. —
Обряжали Чурила всѣмъ градомъ Кіевомъ;
На остатню обѣдню Христовскую,
Надѣвае Чурило шубу соболиную:
115. Во петелькахъ да красны дѣвушки,
А во пуговкахъ добры молодци,
А Дюкушко Степановиць одѣвае шубу соболиную:
Во пуговкахъ да львы - звѣрье,
А во петелькахъ да люты змѣи.
120. Выходили отъ службы да отъ Христовскія,
Да у Дюка у Степановича,
Львы - звѣрье да запокракивали,
Люты змѣи да запосвистывали,
Народъ да люди добрыи
125. Пошли всѣ за Дюкомъ за Степановицемъ,
Говоритъ тутъ Дюкушко да таково ласково слово:
„Ай же ты, Чурило сухоногіе,
Тебѣ щеголять съ дѣвками да съ бабами,
А не съ нами тебѣ щеголять да съ молодцами“.
130. Эта суть съ Чуриломъ да прикончилась;
Уѣзжае Дюкушко во городъ свой во Галичь
Ко своей матушкѣ да родныи
Ко честной вдовы Мамельфы Тимофеевны.

Записана Г. И. Куликовскимъ лѣтомъ 1886 года отъ крестьянина Якова Семенова Еремъ-ева въ деревнѣ Трихнова Горка, на Кенозерѣ, въ Олонецк. губ.

51. То-же.

- Было у Дюка испостроено,
Все было у Дюка исподѣлано:
Домъ у его на семи верстахъ,
А и крытъ онъ мѣдью казарскою,
5. Еще котора была дороже красна золота;
Огородочка была да на семидесяти верстахъ,

- Еще триста столбовъ да серебряныхъ,
Еще четыреста столбовъ да позолоченныхъ,
А и мѣднымъ да желѣзнымъ еще счету нѣтъ.
10. Въ дому его было три церкви, три Божіихъ:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь Дюковой родной матушкѣ.
Просился Дюкъ сынъ Степановичъ:
15. „Пусти-ка меня, мати, ко князю ко Владимиру,
Еще на людей посмотрѣть да себя показать“.
— Ужъ ты гой еси, мое чадушко, родимое да любимое,
Ты еще годами молодешенекъ, а умомъ глупешенекъ;
Поѣдешь ко Владимиру, еще прирасхвастаешься
20. Своимъ житьемъ-бытьемъ да богатствомъ.—
А и поѣхаль тутъ Дюкъ да не дорогою,
Выѣзжалъ-ли Дюкъ да не воротами;
Горы да доли промежъ ногъ онъ бралъ,
Быстрыя рѣки перескакивалъ.
25. Приѣзжаетъ онъ во крашенъ Кіевъ градъ,
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Перескакивалъ черезъ башни науголныя,
Доѣзжалъ до князя до Владимира;
Оставлялъ онъ коня не приказана да не привязана;
30. Заходилъ Дюкъ да на красно крыльцо;
Заходилъ онъ да во новы сѣни;
Новыя сѣни выгибалися;
Заходилъ тутъ Дюкъ да во свѣтлу гридню:
„Ужъ ты гой еси, княгинюшка Апраксія!
35. Ужъ и гдѣ у насъ Владимиръ да стольно-кіевскій“?
Владимира да дома не случилось,
Владимиръ то былъ во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да Богу молился.
Поѣхаль тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ
40. Ко той-ли да ко Божьей церкви.
Становилъ коня не приказана да не привязана,
Самъ пошелъ Дюкъ да во Божью церковь,
Становился Дюкъ во мѣстечко гостинное.
На отходѣ у Владимира служба стала,
45. Посылалъ да Владимиръ своихъ слугъ вѣрныхъ:
„Ужъ вы гой еси, да слуги вѣрные!
Вы спросите-тко да добра молодца,
Какого онъ отечества, какого молодчества“.
Говорилъ онъ имъ: „зовутъ меня Дюкъ Степановичъ“.
50. Подходилъ тутъ Владимиръ стольно-кіевскій

- Ко тому-ли да добру молодцу:
„Ужь ты здравствуй-ка, Дюкъ Степановичь!
Просимъ милости ко мнѣ хлѣба соли ѣсть,
Хлѣба соли ѣсть да пиво съ медомъ пить“.
55. Пошли они изъ Божьей церкви,
Сѣли на коней своихъ добрыхъ.
Ѣдетъ Дюкъ ступью бродовою,
А Владимиръ ѣдетъ во всю рысь лошадиную.
Доѣхали до палатъ княжевскихъ,
60. Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они во новы сѣни,
Заходили они во свѣтлу гридню.
Садились они за столы за дубовые,
Садились они за кушанья за сахарныя,
65. Садились они за столы за медвяные.
Принесла тутъ княгиня перву ѣству калачики,—
Верхню - то корочку Дюкъ ѣсть,
А исподню-то подъ столъ спускаетъ.
Говорилъ тутъ Владимиръ да стольно-кѣвскіи:
70. „Что ты, Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Верхню корочку ѣшь, а исподню подъ столъ спускаешь“?
Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
„Пахнуть у васъ калачики да на сосенку:
Пашутъ у васъ печи да помелышками сосновыми,
75. Да купаютъ помелышки въ ключевой воды.
У меня-то матушка да испечетъ калачики
Первый съѣшь да пуще хочется,
И второй-то съѣшь да пуще хочется,
На третьей-отъ калачикъ душа бѣжитъ.
80. А и пашетъ она помелышками шелковыми,
А купать-то она помелышки да въ медову воду“.
И разпорилъ тутъ Дюкъ да со Владимиромъ:
„Проносу, говоритъ, три года платье на обновочку“.
И выискалось тутъ три боярина у Владимира:
85. „Проносимъ, говорятъ, и мы три года платье на обновочку“.
Носили тѣ бояра платье на обновочку,
А носили онѣ годъ да полгода.
А Дюкъ-то Степановичъ носилъ три года,
А и каженный день носилъ онъ сапожки шиты краснымъ золотомъ,
90. Высажены сапожки скатнымъ жемчугомъ.
Посылалъ тутъ Владимиръ Алешеньку Поповича
Да еще того Илеюшку Муромца:
„Поѣжайте-ка вы да ко Дюковой родимой матушкѣ,
Отнимите вы все его имѣнье богатство“.

95. Ужъ и говорить имъ Дюкъ Степановичъ:
„Ужъ вы гой еси, Алешинька Поповичъ да Илеюшка Муромецъ!
Ужъ кланяетесь вы моимъ да портомойницамъ,
Вмѣсто моей родимой матушки“.
Приѣхали они да ко Дюкову дому,
100. Заходили они да во свѣтлу гридню
И кланялись они Дюковымъ портомойницамъ,
Вмѣсто Дюковой родной матушки.
Говорятъ имъ портомойницы:
„Мы не Дюкова родна матушка,
105. Мы-ли да портомойницы;
Дюковой матушки дома не случилось,
Дюкова матушка да во Божьей церкви“.
Пошли тутъ оңи да во Божью церковь,
А на встрѣчу имъ идутъ да портомойницы,
110. Они кланяются да тѣмъ портомойницамъ,
Да вмѣсто Дюковой родной матушки.
А Дюкова матушка позади идетъ:
По косичкамъ у ей часты звѣзды,
На затылкѣ у ей младъ ясенъ мѣсяцъ,
115. А на лбу у ей красно солнышко.
И кланяются они Дюковой родной матушкѣ.
Говорить-то имъ да Дюкова матушка:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
Просимъ милости хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить“.
120. — Мы пришли къ тебѣ не хлѣба соли ѣсть,
Мы пришли къ тебѣ имѣніе-богачество описывать.
Заводила она ихъ да во первую комнату;
Не могли они описать всего имѣнія и въ одной комнатѣ.
Тутъ приносила она имъ первую яству колачика:
125. Ужъ какъ первый съѣшь, пуще хочется,
И второй-отъ съѣшь, да пуще хочется,
На третей-отъ калачикъ душа бѣжить.
Тутъ поѣхали они ко князю ко Владимиру
И рассказали ему все, что съ ними прилучилося.
130. И похвасталъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
Ты продай, говорить, крашенъ Кіевъ градъ,
Ты купи-ко бумаги со чернилами,
Поѣзжай да описывай мой широкій дворъ.
„Ужъ вы гой еси, Илья Муромецъ, Добрынишка да Алешинька,
135. Поѣдемъ-ко скакать черезъ быстру рѣку
На тѣхъ же коняхъ добрыхъ“.
Приразѣхались удалы да на три поприща:
Скакалъ первый Дюкъ Степановичъ,

- Добрый конь его горы промежь ногъ бралъ,
140. Выскакивалъ онъ да черезъ быстру рѣку.
А и не могли тѣ выскочить черезъ быструю (рѣку).
Тутъ-де они и уходилися.

Записана А. М. Никольскимъ въ г. Мезени, Арханг. губ. Напечатана въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Архангел. губ.“, собранныхъ П. С. Есименкомъ. Ч. 2-я, стр. 35—37.

52. То-же.

- Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатня,
Снаряжается, убирается
Молодой бояринъ боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ:
5. „Свѣтъ государыня матушка,
Дай-ко ты прощенье и благословеньице
Вхать ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру;
Скажутъ—Кіевъ-градъ на горы стоить,
10. А Владимиръ князь ласковъ есть,
На пріѣзди добрыхъ молодцевъ чествуетъ,
А на поизди дарить несчетной золотой казной“.
И поѣхалъ послѣ заутрини Христовскія,
А пріѣзжаетъ ко обидни ко Христовскія
15. Въ Кіевъ-градъ, на широкъ дворъ,
И привязывать своево добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
И приходитъ во Божью церковь,
20. Онъ крѣсть-то кладеть по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.
Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владимиру въ собину:
25. „Здравствуй, Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!“
— Ты отколь, удалъ дородней, добрый молодець,
Тебя какъ именёмъ зовутъ,
И какъ величаютъ по отечеству?—
„Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
30. Изъ тоя Корелы изъ богатня
Молодой бояринъ, боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ“.
— Пожалуй-ко, молодой бояринъ,
Боярской сынъ, Дюкъ Степановичъ,

- Ко мнѣ хлѣба-соли покушати.—
35. Приходитъ во гридню-палату бѣлокаменну,
Онъ крѣсть-то кладе по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому.
Онъ кланяется, поклоняется
На всѣ на четыре-то стороны;
40. „Здравствуй, княгина Апраксія!“
— Ты поди-ко, удалъ, дороднѣй добрый молодець,
Ты коей земли, коей орды?
Какъ тебя именёмъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?—
45. „Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатыя
Молодой бояринъ, боярской сынъ, Дюкъ Степановичъ“.
— Садись-ко ты, Дюкъ Степановичъ,
Хлѣба-соли кушати.—
50. Всѣ силы князи и бояри
Хлѣба-соли кушати,
И взялъ молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ
Колачикъ крупивчатой,
И увидалъ молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ
55. Подъ колачикомъ сосновую иголочьку.
„Здѣсь-то“, говорить, „видно помелча сосновни,
А какъ у моёй-то родители-матушки
Помялча-то шелковыи“.
И говорить тутъ Олеша Поповичъ:
60. „Этой, дядюшка, дѣтнине-обманище,
У боярина уѣхаль, коня угнать“.
И говорить тутъ Чурила Щапоплѣнковичъ:
„Что ты прѣхаль, дѣтнине-обманище,
Своимъ животомъ хвастаешь,
65. Да своей родитель-матушкой? —
Ударимъ со мной о великъ закладъ на три года:
Чтобы въ каждый день носить платья перемѣнныи“.
И ударили они о великъ закладъ
Въ каждой день носить платья перемѣнныи,
70. Щеголять во Кіевѣ во городѣ;
И по Чурилы Щапоплѣнковѣ
Ручается весь Кіевъ градъ,
А по Дюкъ Степановичѣ
Нехтѣ не ручается,
75. Только ручается старой казакъ, Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня Никитинець.
И посылаетъ молодой князь

- Владимиръ стольно-Кіевской
Дюкова имѣнья описывать,
80. И посылать Добрыню Микитинца:
„Поѣзжай, Добрыня Микитинецъ,
И опиши имѣніе Дюково,
И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
Платья перемѣнны на три годѣ,
85. Каждой день перемѣнять“.
И поѣзжать Добрыня (Микитинецъ)
Ко Волынцу городу Галичу,
Ко той Корелы да богатыя.
И пріѣзжать Добрыня Никитинецъ
90. Ко Дюку ко Степанову на широкъ дворъ,
И привязывать своево коня добрава
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
95. Встрѣтилась ему Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня Никитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Да нѣтъ,—говоритъ,—я не Дюкова матушка,
А Дюкова портомойница.—
100. Опять встрѣчается ему Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Микитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Я не Дюкова матушка,
А Дюкова постельница.—
105. Еще подходитъ Добрыня Микитинецъ,
Встрѣчается ему Дюкова стольница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Я не Дюкова матушка,
А Дюкова стольница.—
110. И приходитъ Добрыня Микитинецъ
Во гридни столовыи,
Онъ крѣсть-то кладѣ по писаному,
Поклонъ-то ведѣ по ученому,
Кланяется-поклоняется
115. На всѣ на четыре стороны:
„Здравствуй-ко, Дюкова матушка!“
— Ты поди-ко, удалъ да дородній добрый молодецъ,
Ты откуль ѣдешь,
Откуль путь держишь?—
120. „Я отъ города отъ Кіева,
Отъ ласкова князя отъ Владимира;

- Твой-то молодой Дюкъ Степановичъ
Ударилъ о великъ закладъ
Съ Чурилой Шапоплѣнковымъ—
125. На три года въ каждой день
Носить платья перемѣнныи,
И захвастался онъ своимъ богатствомъ несчетнымъ;
И приказалъ мнѣ князь
Владимиръ стольно-Кіевской
130. Описать ваше имѣніе“.
И говорить тутъ Дюкова матушка:
„Ай вы, вѣрныи мои служаночьки,
Возмите-тко коромыселко желѣзное
И положите-тко на коромыселко золотыи ключи,
135. И ведите-тко Добрыню Микитинца
Во погребы глубокии,
Покажите Дюково имѣніе“.
И прошелъ Добрыня Микитинецъ
По погребамъ глубокимъ,
140. И написалъ онъ три строчки злаченныхъ:
„Три года жить — имѣнія описывать,
Да не описать Дюкова имѣнія“.
И приказалъ Дюковой матушки
Везти Дюку платья перемѣнныи
145. Ко Кіеву ко городу,
И привезли платья перемѣнныи
Во Кіевъ градъ, и стали щеголять
Съ Чурилой Шапоплѣнковымъ,
И въ каждый день все платья лучше
150. У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платья Христовскія —
Идти ко заутрени Христовскія.
И отходятъ они отъ заутрени Христовскія,
155. И глядитъ князь Владимиръ стольно-Кіевской
На платья на Чурилины,
И говорить Владимиръ князь:
„Ну, Чурила Шапоплѣнковичъ,
Платья были у Дюка Степановича лучше твоихъ,
160. А топерь ты перещеголялъ Дюка Степанова, —
Платья твои лучше Дюки Степанова“.
И поглядитъ на платья на Дюковы,
И говорить Владимиръ стольно-Кіевской...
И повелъ Дюкъ Степановичъ
165. По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,

- На пуговкахъ были написаны змѣи лютыи,
И засвистали змѣи лютыи
На тѣхъ пуговкахъ злаченныхъ.
И говорить князь Владимиръ стольно-Кіевской:
170. „Нечево бы тебѣ, Чурила Щапоплѣнковичъ,
Соваться и бить съ Дюкомъ о великъ закладъ,
Въ каждой день тебя
Дюкъ Степановичъ перещеголивалъ“.
Это Чурилы пришло не по сердцу,
175. И говорить Чурила Щапоплѣнковичъ:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
Перескочить на коняхъ на добрыхъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
О своихъ головахъ-то о буйныхъ:
180. Которой перескочить,
Тотъ удалъ дородней доброй молодець,
А кто не перескочить,
Отсѣчь тому буйная гѣлова;
Будеть ходить по бѣлу свѣту, шататися
185. И хвастаться своей удачей молодецкою“.
И поѣхалъ Дюкъ Степановичъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
На своѣмъ на кони доброемъ,
И перескочилъ его конь доброй
190. Черезъ Днѣпру черезъ широкую.
И поѣхалъ вслѣдъ Чурила Щапоплѣнковичъ,
Упогрузъ его конь доброй
Осередь Днѣпры широкія,
Съ Чурилой Щапоплѣнковымъ.
195. И видитъ Дюкъ Степановичъ,
Что потонетъ Чурила Щапоплѣнковичъ
Осередь Днѣпры широкія,
И скочилъ Дюкъ Степановичъ
Назадъ черезъ Днѣпру черезъ широкую
200. И вытащилъ Чурилу со добрымъ конемъ.
И говорить Дюкъ Степановичъ:
„Теперь надо отсичъ тебѣ буйна гѣлова“.
И стали Дюка опрашивать всѣмъ Кіевомъ:
„Ну пусть ты, Чурила Щапоплѣнковичъ,
205. Упрошенъ всѣмъ Кіевомъ,
Я тебѣ по бѣлу свѣту второй батюшко„.

Записана со словъ Пудожскаго уѣзда, Кугонаволоцкой волости, прихода Водолазерско-Пречистенскаго, деревни Большой-Поги, 75-лѣтняго крест. Ивана Григорьева Захарова, священникомъ Иоанномъ Первенцевымъ. Напечатана Е. Барсовымъ въ „Памятникахъ Народ. Творчества въ Олонецк. губерніи“, стр. 71—77.

53. То-же.

- Изъ-за лѣсику было, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокиихъ,
Выѣзжалъ-то тутъ добрый молодець Дюкъ Степановичъ
На своемъ-то на добромъ конѣ съ буромъ бахматѣ.
5. Подъ нимъ добрый конь, что лютой звѣрь разыграется,
Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ, какъ ясень соколъ,
За плечами-то у него крѣпкій лукъ-колчанъ,
Въ колчанѣ-то у него не мало стрѣлъ,
Что кажинная *быстра* стрѣлочка во пятьсотъ рублей,
10. А тремъ стрѣлочкамъ завѣтнымъ и цѣны-то нѣтъ;
Во ухахъ у нихъ перышки орлиныя,
Не тѣхъ орловъ, орловъ турецкихъ, все заморскихъ,
Что *вилися* на синемъ морѣ, на Кіань-морѣ,
Да роняли свои перышки во Кіань-море.
15. Собирали-то эти перышки корабельщики,
Привозили они эти перышки въ каменну Москву,
Добрымъ молодцамъ эти перышки въ калены стрѣлы,
Краснымъ дѣвушкамъ, да молодушкамъ на диковинку,
Вотъ поѣхалъ онъ, Дюкъ Степановичъ, во чисто поле,
20. Онъ натягивалъ тугой лукъ *круткой* ручкою,
Онъ накладывалъ на тетивочку калену стрѣлу;
Онъ по днямъ стрѣлялъ, по ночамъ собиралъ *свои* стрѣлочки;
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ воску яраго...

Сильно подправленное начало былинны записано у Уральскихъ казаковъ, напечатано въ „Библиотека для чтенія“ 1861 г. № 3 и затѣмъ помѣщено Н. Г. Мянущинымъ въ его „Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“, стр. 7-я. Курсивомъ отмѣчены выраженія очевидно подправленные. Въ ст. 4-ой—собственное названіе коня *Бахматъ* принято повидимому за *бысматъ*.

*54. Суханьша Замантьевъ.

- Выѣзжалъ Суханьша Замантьевъ сынъ
За зайцами, за лисицами,
За тѣми волками рысучами.
Случилось ему доѣхать до *быстра* Днѣпра.
5. Течетъ быстрой Днѣпръ не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Пожирать въ себя круты бережки,
Вырывать въ себя желты, скатны пески,
По подбережку несетъ ветловой лѣсъ,
10. По струѣ несетъ крековой лѣсъ,

- Посередь Днѣпра несеть добрыхъ коней
Со всей приправой молодецкою,
Со всей доспѣхой богатырскою.
— Что ты, батюшка, быстрый Днѣпръ,
15. Не по старому течешь, ты не по прежнему? —
„Надо мной стоитъ сила невѣрная
Того Мамаю безбожнаго:
Идетъ онъ на домъ Пресвятыя Богородицы,
На славенъ батюшко на Кіевъ-градъ.
20. Половина силы переправилась,
Другая половина на другой сторонѣ;
Черному ворону въ ночь силы не скаркати,
Сѣрому волку въ ночь не обрыскати,
Доброму молодцу въ день не объѣхати“.
25. Тутъ Суханьши ретиво сердце возгорѣлося,
Могучи плечи расходилися;
Бѣжалъ въ силу Мамаеву,
Во днѣ бѣжалъ, во второмъ часу,
И бился, дрался трои сутоки,
30. Не пиваючи, не ѣдаючи.
Куда бѣжить — тутъ улица,
Заворотится — переулочекъ.
Навалить труповъ коню до стремени,
Горячей крови до подчереза.
35. Въ трупахъ конь не можетъ поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.
Тутъ Суханьшу приобранили,
Дали Суханьшѣ тридцать ранъ;
Тѣ раны были сносныя,
40. А три раны сердечныя,
Сердечныя раны, кровавыя.
Побѣжить онъ изъ силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочкѣ болотинной.
45. Клалъ сѣделышко черкасское
На ту кочку болотную,
Подъ облако поплавучее,
И клалъ свою буйну голову
На сѣделышко на черкасское.
50. Выѣзжаетъ Владимиръ князь
Во чисто поле погудять
И на Суханьшу наѣхалъ Замантьева.
„Ты, гой, еси, добрый молодець,
Какой ты есть и откудова?

55. Если вѣрной силы — побратаемся,
А не вѣрной силы — перевѣдаемся“.
Говорить тутъ Суханьша Замантьевъ сынъ:
— Ты, гой, еси, батюшка Володимирь-князь,
Сеславичъ, солнышко красное!
60. Неужели ты не узналъ Суханьшу Замантьева? —
Тутъ скоро князь соскакивалъ съ добра коня
И велъ его во Кіевъ градъ,
Во ту ли церковь соборную.
Тутъ Суханьша покаялся,
65. И тутъ Суханьша переставился.

Записана отъ старика крестьянина Половникова на Сузунскомъ заводѣ Д. П. Соколовымъ
и доставлена имъ С. И. Гуляеву, изъ рукописи котораго мы взяли былинку.

*55. Иванъ Гостиный сынъ.

- Доброму, братцы, вездѣ добро,
Хорошему, братцы, вездѣ хорошо,
Удалому, доброму молодцу погибели нѣтъ!
Какъ во славномъ во стѣльномъ городѣ Кіевѣ
5. Что у ласковаго князя Володимира
Было пиrowанье, почестной пиръ,
Было столованье великое.
Собирались всѣ князья и бояры,
Могучіе, сильныя богатыри,
10. Вся поленица удалая.
День-то стоитъ со полудня,
Столъ-то стоитъ въ полустольѣ,
Сладкія кушанья въ полукушаньѣ,
Бѣлая лебедь въ полурушаньѣ.
15. Напиваются бояры во полупитьѣ,
Наѣдаются бояры во полу выти.
Ласковый Владимиръ князь
По полу похаживать по кирпичату,
По свѣтленькой гриденькѣ.
20. Говорить то князьямъ боярамъ,
Русскимъ могучимъ богатырямъ,
Всей поленицѣ удалыя:
„Кто изъ васъ, бояры, охочъ пиво пить?
Кто изъ васъ охочъ пить зелено вино?“
25. Кто изъ васъ охочъ пить сладкой медъ?
Кто охочъ скакать на добромъ конѣ,
Отъ Кіева скакать до Чернигова?

- Тридевяносто мѣрныхъ версть,
Съ моимъ-то со первымъ синегривымъ жеребцомъ,
30. Съ моимъ-то со вторымъ половогривымъ жеребцомъ,
Съ моимъ-то со третьимъ полоненымъ воронкомъ,
Который полоненъ въ хороброй Литвѣ
У татарина Тугарина Измѣевича?
Полонилъ воронка Илья Муромецъ,
35. Воронкомъ онъ князя жаловаль.
Положимте, братцы, великъ закладъ,
Что великъ закладъ во пятьсотъ рублей“.
Большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
40. Не то было изъ мѣста большаго,
Не то было изъ середняго,
Не то было изъ меньшаго,—
Вставаль тутъ съ дубовой скамьи
Иванушко Гостиной сынъ,
45. Говорилъ Ванюшка таковы слова:
„Я былъ охочъ пиво пьяно пить,
Былъ охочъ пить зелено вино,
Былъ охочъ сладки меды пить,
Былъ охочъ на конѣ скакать
50. Отъ Кіева и до Чернигова.
Тридевятъ мѣрныхъ версть,
На своемъ бы то буромъ жеребцѣ,
На бурочкѣ на косматочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ.
55. Положимте, братцы, великъ закладъ.
Дай мнѣ, Владимиръ князь, сроку на три дня“
Недосугъ Ванюшкѣ во пиру сидѣть:
Сходилъ съ подворьяца дворянскаго,
Приходилъ ко своему подворьяцу,
60. Заходилъ къ коню на конюшеньку,
На ту-ли на конюшню бѣлодубову,
Падалъ коню въ праву ноженъку.
„Гой еси, мой бурочко косматочко,
Косматочко, троелѣточко!
65. Былъ я у князя Владимира,
На томъ почестномъ пиру,
Пропилъ, заложилъ буйну голову:
Держаль я великъ закладъ
Скакать изъ Кіева до Чернигова,
70. Скакать тридевятъ мѣрныхъ версть,
Съ его-то первымъ синегривымъ жеребцомъ,

- Съ его вторымъ половогривымъ жеребцомъ,
Съ его третьимъ полоненымъ воронкомъ,
Который полоненъ въ хороброй Литвѣ
75. У татарина Тугарина Змѣевича.
Полонилъ воронка старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ;
Онъ воронкомъ князя жаловаль“.
- Провѣщился конь мудрымъ языкомъ,
80. Мудрымъ языкомъ человѣческимъ:
„Гой еси, Ванюшка Гостиной сынъ!
Корми-ко меня пшеномъ бѣлояровымъ,
Пой-ко медовой сладкой сытицой,
Выводи-ко на луга на зеленые,
85. Напой меня росой медвяною.
Синегривъ-отъ жеребецъ мнѣ меньшій братъ,
Половогривъ-отъ жеребецъ середній братъ,
Полоненъ-отъ воронко—въ полѣ ровного бою,
За исто поѣду, отъ него уѣду“.
90. Поилъ-то, кормилъ коня Ванюшка
Три дня, трое сутоки.
Накидываль коврички на добра коня,
Сѣдлалъ онъ сѣдельшкомъ черкацкіимъ;
Сѣдельшко черкацкое о двѣнадцать подпругъ,
95. О двѣнадцати подпругъ шолковыхъ,
Не для-ради красы, ради крѣпости;
Стаеть онъ въ стремянышко булатное,
Пріажаеть онъ ко князю ко Владимиру,
Заѣжаеть въ княженецкій дворъ не воротами,
100. А скакаетъ черезъ стѣны бѣлокаменны,
Кричить зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ко, ласковый Владимиръ князь,
На широкую на улицу“.
Выходитъ ласковый Владимиръ князь
105. На красное свое крылечушко,
Кладеть свои ручки на перилочки,
Глядитъ онъ на бурочка на косматочка:
Отдаеть онъ денегъ пятьсотъ рублей.
Видѣлъ, какъ этотъ молодецъ стоялъ,
110. Невидаль, куды молодецъ убѣжалъ.

Записана въ Чумышской волости Барнаульскаго округа С. И. Гуляевымъ.

*56. Ставерь Годеновичъ.

- У ласкова князя Владимира
Было столованье почестной пирь,
На многихъ князьевъ и бояровъ,
На всю поленицу удалую,
5. На всю на дружину храбрую.
Онъ всѣхъ поить, всѣхъ чествуетъ,
Самъ по гриднѣ похаживать,
Могучими плечами поворачивать;
Самъ говорить таковы слова:
10. „И кто меня, князя, есть славнѣе,
И кто меня, князя, есть вышее,
И кто меня, князя, есть богачее?“
Большій за меньшаго хоронится,
Отъ большаго, отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
15. Изъ того изъ мѣста изъ середняго
Выступалъ удалый, добрый молодець
На тѣ на ноженьки на рѣзвыя,
На тѣ сапожки зеленъ-сафьянъ,
На тѣ каблучки на серебряны,
20. На тѣ гвоздочки золочены,
По имени Ставерь сынъ Годеновичъ:
—Я тебя, князя, не славнѣе,
Я тебя, князя, не вышее,
Только я тебя, князя, побогачее:
25. У меня то было въ Столѣ-городѣ
Стоялъ домишко не корыстненькой,
Не корыстный домишко на верстѣ стоять,
На той верстѣ пятисотныя;
Кругъ того дома желѣзный тынъ,
30. На каждой тынинкѣ по маковкѣ,
По маковкѣ да позолоченной;
По свѣчкѣ горить да воску яровой.
Во тѣмъ во тыну стоять три терема,
Три терема златоверховаты:
35. Поль-середа одного серебра,
Лавицы, булавицы золотыя,
Стѣны лисицами убиваны,
И не здѣшними лисицами, заморскими.
Во первомъ терему золотая казна,
40. Во второмъ терему платье цвѣтное,
Во третьемъ терему молодая жена,

- Молодая Василиса, дочь Никулишна.
У ней бѣлое лицо ровно бѣлый снѣгъ,
Ягодицы ровно маковицы,
45. Черныя брови черна соболя
Ясныя очи—ясна сокола,
Ретивымъ она сердцемъ хитра-мудра.—
Злые бояры подмолчивые
Говорятъ таковы слова:
50. „Гой еси, батюшко Владимиръ князь!
Хвастаетъ Ставеръ да небыльей своей,
Небыльей своей да молодой женой;
Нѣтъ ничего у него!“
За то его посадили въ шанцы глубокиѣ,
55. Заслонили заслонами желѣзными,
И заклали дерномъ чернымъ муренымъ,
Уростили травами зелеными.
И тутъ послылатъ ласковый Владимиръ князь
Алешу Поповича, Добрыню Никитича
60. Взять Василису дочь Микулишну
И везти ее во стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру;
Дорогой надъ ней насмѣяться.
Узнавала Василиса, дочь Микулишна,
65. Сбирала она пятьдесятъ молодцовъ,
Сбирала она пятьдесятъ лошадей.
Подстригала она себѣ русы волосы,
Назвала себя Василій сынъ Васильевичъ.
Садилась они на добрыхъ коней,
70. И поѣхали они во стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру;
И дорогой ей попадаютъ
Два удалые добра молодца —
Добрыня Никитичъ да Алеша Поповичъ младъ.
75. И спрашиваетъ Василій сынъ Васильевичъ:
„Вы куда, ребятушки, поѣхали?“
— Мы поѣхали отъ ласкова князя Владимира
Во Черниговъ-градъ взять Василису, дочь Микулишну,
Взять ее нечестно,
80. Да дорогой надъ ней наругатся. —
„Нѣтъ, вы, ребятушки, не ѣдите!
Ѣдетъ отъ нее посоль грозень
И ѣдетъ Василій, сынъ Васильевичъ.
Поѣжайте вы, ребятушки, во Кіевъ-градъ
85. И скажите князю Владимиру,

- Чтобы ладилъ онъ пятьдесятъ фатеръ,
Я самъ стану ко ласкову князю Владимиру
Въ хоромы княженецкія“.
- Тутъ то молодцы воротилися,
90. Пріѣзжаютъ ко ласкову князю Владимиру;
Говорятъ они Солнышку Сеславьичу,
Говорятъ таковы слова:
— Гой еси, батюшко Владимиръ князь,
Ѳдетъ отъ Василисы, дочь Микулишна,
95. Ѳдетъ грозень посоль. —
И велѣлъ онъ очистить пятьдесятъ фатеръ,
А самъ посоль ко ласкову князю Владимиру
Въ княженецкій дворець.
Пріѣзжаетъ Василій, сынъ Васильевичъ,
100. Заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь,
Со душечкой со княгинею!
105. — Добро жаловать, удалый, добрый молодець,
И ты Василій сынъ Васильевичъ!
Поиграемъ-ко со мной костью, картами.—
И пили, играли, проклажались,
Костью, картами забавлялися.
110. И узнала его молодая княгиня Апраксія:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Это не Василій сынъ Васильевичъ,
Это Василиса, ровно, дочь Микулишна;
Потому она идетъ тихошенько,
115. На лавку садится — колѣнцы жметъ“.
- И проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
— Гой еси, мои слуги вѣрные!
Истопите-ка банюшку-парушу,
Этого я посла извѣдаю. —
120. Истопили банюшку-парушу.
— Пожалуйте, Василій сынъ Васильевичъ.
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ
Во банюшку - парушу. —
У нее ужъ были вѣнички измылены,
125. Мыльца были припасеныя;
Докуль ласковый Владимиръ князь
Ладился въ банюшку - парушу,
Василій Васильевичъ вымылся, выпарился,
Идетъ навстрѣчу князю Владимиру:

130. „Спасибо тебѣ, ласковый Владимиръ князь,
Спасибо на банюшкѣ-парушѣ:
Я выпарился, вымылся“.
И сходилъ ласковый Владимиръ князь,
Сходилъ одинъ въ банюшку-парушу.
135. И зачали они опять играть костью, картами.
И проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
— Не умѣешь-ли ты, Василій, поборотися?—
„Пожалуй, могу сходить, поборотися“.
И высылаетъ онъ на Василья Алешу Поповича.
140. И пошелъ Алеша Поповичъ младъ
Съ Васильемъ Васильевичемъ боротися.
И поборолъ Василій Васильевичъ
Алешу Поповича, пнулъ подъ гузно.
И высылатъ ласковый Владимиръ князь Добрыню Никитича.
145. И поборолъ она Добрыню, пнула подъ гузно.
И проговоритъ Василій сынъ Васильевичъ:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Не нашла я такихъ борцовъ молодцовъ,
Супротивъ Ставра, сына Годеновича,
150. Выводите его изъ шанца глубокаго!“
И вывели Ставра сына Годеновича
Изъ того шанца глубокаго.
И беретъ она его за бѣлы руки,
За тѣ за перстни злаченые,
155. И цѣлуетъ его въ уста сахарныя.
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь,
Не нашла я супротивъ его борцовъ молодцовъ:
Да у него была свачка серебряная,
У меня колечко золоченое;
160. Только онъ своей свачкой обыгрывалъ
Меня въ колечко золоченое.
И прощай, ласковой Владимиръ князь“.
Посадила Ставра, сына Годеновича,
Посадила на добра коня,
165. Повела во свою сторону во Черниговъ-градъ.
Тутъ-то сказала княгиня Апраксія
Ласкову князю Владимиру:
„Не умѣлъ ты развѣдати:
Не Василій вѣдь это, сынъ Васильевичъ,
170. Сама Василиса, дочь Микулишна:
Идетъ по полу — потихоньку шагаетъ
И на лавку садится — колѣнцы жметъ“

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнауль со словъ крестьянина Леонтія Тушцына.

57. То-же.

- Какъ во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
Ужъ какъ было пированье, почетный пиръ,
Ужъ какъ было столованье, почетной столъ,
5. Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свѣту-русскихъ,
Да про всю поленину удалую.
А и былъ ужъ пиръ во полу-пиру,
Сѣхались всѣ князы и боярины,
10. Только нѣту одного добра молодца,
Боярина Ставра Гудимовича.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрные!
Поѣзжайте-ко вы за добрымъ молодцомъ
15. За Ставромъ бояриномъ Гудимовичемъ;
Вы подайте-ко Ставру мою грамотку,
Позовите Ставра на веселый пиръ“.
Какъ не дивно тому время миновалось,
Пріѣзжаетъ ко князю бояринъ Ставръ.
20. Онъ вступаетъ во палаты бѣлы-каменные,
Онъ крестъ-то кладетъ да по писанному,
Онъ поклоны-то ведетъ по ученому;
Онъ кланяется да покланяется
На всѣ на четыре сторонушки,
25. А Владимиру князю на особицу.
И посяли всѣ за дубовы столы,
За скатерти браныя шелковыя,
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Какъ до сыта бояре наѣдались,
30. Какъ до пьяна бояре напивались,
Промежъ собою они расхвастались.
Хвастались бояре градомъ Кіевомъ,
Хвастались бояре златомъ, серебромъ,
Еще хвастались бояре скатнымъ жемчугомъ.
35. Тутъ возговорилъ, промолвилъ бояринъ Ставръ
На единѣ своему товарищу:
„Ой глупые бояре, неразумные!
Они хвалятся градомъ Кіевомъ,
Они хвалятся златомъ, серебромъ,
40. Еще хвалятся скатнымъ жемчугомъ:
А что это за ограда во Кіевѣ

- У ласковаго князя Владимира?
У меня-ли, у Ставра, широкій дворъ
Не хуже будетъ города Кіева:
45. Онъ строенъ у меня на семи верстахъ,
Свѣтлы свѣтлицы дуба бѣлаго,
Покрыты свѣтлицы сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ въ свѣтлицахъ черныхъ соболей,
Поль-середа чиста серебра, —
50. Крючья, пробой по булату злачены.
У меня-ли, у Ставра у боярина,
Злата, серебра стоятъ кованы дарцы,
Крупну жемчугу бурмицкому нѣсть числа;
У меня ли, у Ставра Гудимовича,
55. Молода жена Василиса Васильевна:
Она ростомъ, дородствомъ дороднѣе всѣхъ,
Красотою, лѣпотою она краше всѣхъ,
Ея бѣлое лицо—словно бѣлый снѣгъ,
Ея черныя брови—какъ у соболя,
60. Ея ясныя очи—какъ у сокола;
Умѣетъ она и прясть и ткать,
Умѣетъ она изъ лука стрѣлять
Въ семисотную версту въ золотъ перстень“.
А и были тутъ у князя слуги вѣрныя,
65. Доносили они таковы слова.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ужъ вы гой еси, князи и боярины,
Вы могучи богатыри свѣту-русскіе!
Не напрасно-ли Ставръ похваляется?
70. Ужъ не больно-ли онъ завирается?
Вы возьмите-ко его за бѣлы руки,
Посадите-ко въ подвалы глубокіе,
Заприте-ко дверями желѣзными,
Замкните-ко замками булатными,
75. Замечите-ко песками рудо-желтыми;
Снарядите-ко посла грознаго
• Ко двору его хвальному, широкому—
Опечатать его широкій дворъ,
Съ златомъ, серебромъ, крупнымъ жемчугомъ,
80. И привестъ во Кіевъ молодую жену,
Молодую Василису Васильевну,
Ко мнѣ ко князю Владимиру!“
Какъ не дивно тому время миновалось,
Перепадала къ Ставровой молодой женѣ,
85. Къ молодой Василисѣ Васильевнѣ,

- Перепала вѣсточка нерадостная,
Что Ставрѣ де бояринѣ во Кіевѣ
Посажень въ подвалы глубокіе,
Замкнуть на замки на булатные,
90. Засыпанъ песками сыпучими.
Тутъ велить она искать ¹⁾ коня добраго
На ту на уздицу на тесмѣнную;
Сѣдлаетъ коня во черкасское сѣдло,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шолковыхъ,
95. Надѣваетъ на себя кудри черныя,
А на ноги сапоги зеленъ-сафьянъ;
Подпоясываетъ палицу тяжелую,
Да подстегиваетъ свой тугой лукъ,
Что тугой свой лукъ вѣдь разрывчатый;
100. Называется она грознымъ посломъ
Изъ дальнія земли Золотой орды.
Что не темная туча подымалася,
Что не вихри по полю повѣяли,
Подымалася Ставрова молода жена
105. Со своею свитою великою
Ко славному городу ко Кіеву.—
Половину дороженьки проѣхали;
Тутъ на встрѣчу изъ Кіева грозень посоль
Отъ славнаго князя Владимира.—
110. Они слѣзали, сошли еъ добрыхъ коней,
Разбивали въ чистомъ полѣ полотнянъ шатеръ,
Какъ послы они попословались,
По три раза они поцѣловались,
А послѣй того садились за дубовый столъ,
115. За скатерти бранья шелковыя,
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Тутъ спрашивалъ изъ Кіева грозень посоль:
„Ой гой еси, удалые добры молодцы!
Вы откуда ѣдете, куда Богъ несѣтъ“?
120. Отвѣчаетъ послу таковы слова
Молодая Василиса Васильевна:
„А мы ѣдемъ изъ орды, золотой земли,
Отъ грознаго царя, хана Крымскаго,
Ко славному городу ко Кіеву,
125. Къ великому князю Владимиру,
Брать еъ него дани, невыходы,
Еще тѣ ли пошрины великія,

¹⁾ Уздать.

- Ни много, ни мало за двѣнадцать лѣтъ,
За каждый годъ по двѣ тысячи“.
130. Изъ Кіева посоль призадумался,
Призадумался онъ, прикручинился,
Поговариваетъ онъ таковы слова:
„А я, де, изъ Кіева грозенъ посоль,
Ѳду ко Ставрѣ-боярину
135. Опечатать его широкой дворъ
И привести его молодую жену
Ко великому князю Владимиру“.
Отвѣчаетъ Василиса Васильевна:
„Какъ ѳзжали мы прежь изъ Золотой орды,
140. Во дворѣ Ставра боярина
Останавливались на перегути;
А нонѣ заѳзжали—двери заперты;
Знать бояринъ Ставръ съ молодой женой
Снарядился по гостямъ гостить“.
145. Изъ Кіева посоль воротился назадъ;
Поѳхаль онъ дорогой прямоѳзжею
Ко славному городу ко Кіеву.
А и былъ онъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
150. Доносилъ онъ князю про грозна посла.
Ужь и больно тутъ князь запечалился
Со княгиней своей Апраксѣвной.
Въ тужъ пору пріѳзжалъ и грозной посоль
Къ княженецкимъ палатамъ бѣлымъ-каменнымъ,
155. Скоро слѣзаль со добра коня,
Входилъ во свѣтлицу во свѣтлую,
Садился на скамью богатырскую.—
А и тутъ княгиня Апраксѣвна
Выводила князя на тесовъ крылецъ,
160. Говорила словечко по-тихохоньку:
„Ни о чемъ ты, князь, не печалуйся;
То не грозный посоль изъ Золотой орды,
А то Ставровъ молода жена,
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
165. Она по двору идетъ словно уточка,
А по горенкѣ частенько переступываетъ,
А на лавку садится, колѣнца жметъ“.
Тутъ собираль князь Владимиръ почетный столъ
Про многихъ князей, про бояриновъ,
170. Про великихъ богатырей свѣту-русскихъ.

- А и былъ ужъ день въ половинѣ дня,
А и былъ ужъ столъ во полу-столѣ,
Напивались гости, наѣдались.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь
175. По-тихоньку княгинѣ Апраксѣвнѣ:
„Ой ты гой еси, княгиня Апраксѣвна!
Я ли грознаго посла провѣдаю:
Заставляю его боротися
Съ моими богатырями могучими“.
- 180 Въ ту пору прилучилися въ Кіевѣ
Удалые бойцы, добры молодцы:
Алѣша Поповичъ, Илья Муромецъ,
Кунгуръ богатырь Самородовичъ,
Суханъ богатырь сынъ Дементьевичъ,
185. Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Да еще ребята Хапиловы.
Выходили всѣ на широкій дворъ,
Становились въ рядъ двѣнадцать человѣкъ;
А того ли посолъ не попятился:
190. Перваго онъ хлестнулъ въ голову,
А другаго хлестнулъ промежь ребрами,
А третьяго хлестнулъ поперекъ хребта;
У одного мозги разлетѣлися,
У другаго ребра повыскакали,
195. А третій по двору окарачъ поползъ;
Остальные же всѣ разбѣжались.
Плюнулъ тутъ Владимиръ да и прочь пошелъ.
Говорилъ онъ княгинѣ Апраксѣвнѣ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная!
200. У те волосы долги, да умъ коротокъ:
Называешь ты богатыря бабою;
Такова посла у насъ еще не бывало“.
А княгиня съ княземъ заспорила:
„Эй ты ласковый, сударь, Владимиръ князь!
205. Да не быть этому послу грозному,
А быть Ставровой молодой женѣ.
У ней бѣлое лицо словно бѣлый снѣгъ,
У ней ягодицы—словно маковъ цвѣтъ,
А пальцы на ручкахъ тонѣшеньки“.
210. Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ой ты гой еси, княгиня Апраксѣвна!
Я ли посла грознаго провѣдаю:
Заставлю его изъ лука стрѣлять .

- Съ богатырями моими могучими“!
215. Выводилъ тутъ ласковый Владимиръ князь
Двѣнадцать богатырей въ поле чистое;
Стали они стрѣлять по сыру дубу.
Попадаютъ они по сыру дубу,
Да отъ стрѣлочекъ ихъ отъ кленовыхихъ
220. Сырой дубъ только шатается,
Будто отъ погоды сильныя.
Тутъ взяла Василиса Васильевна
Во бѣлы руки волокитный лукъ,
Да тонкую стрѣлочку кленовую;
225. Тянула тетивочку за ухо,
Спускала тетивочку до слова;
Спѣла тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла кленова стрѣла,
Угодила она въ крыковястый дубъ,
230. Раздвоила дубъ на двѣ на полы,
Изломала въ черенья ножевыя.
Плюнулъ князь Владимиръ да и прочь пошелъ;
Говорить онъ княгинѣ громкимъ голосомъ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная;
235. Называешь ты богатыря бабою;
Такого посла у насъ еще не было.
Посмотри-ко ты на крыковястый дубъ:
Мнѣ не жаль сыра дуба крыковястаго,
Только жаль мнѣ стрѣлочки кленовыя.
240. Не найдти ее теперь во чистомъ полѣ.
Развѣ самъ я посла провѣдаю“.
Тутъ сядилъ ласковый Владимиръ князь
Во своихъ во палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ
Со грознымъ посломъ за широкій столъ.
245. Стали они играть въ шахматы
Тавлеями кленовыми, вальящетыми.
Первую заступъ заступовали—
Выигралъ у князя молодой посолъ;
Другую заступъ заступовали—
250. И другую заступъ посолъ поигралъ;
Третью заступъ заступовали
Шахъ да и матъ, да и подъ доску.
И сказали тутъ посолъ таковы слова:
„Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь!
255. Я пріѣхалъ къ тебѣ въ гости не тѣшиться:
Ты отдай-ко мнѣ дани, невыходы,

- Еще тѣ ли пошрины великія,
Ни много, ни мало, за двѣнадцать лѣтъ
За всякой годъ по двѣ тысячи“.
260. Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
А и нонѣ пришло время невзгодливое;
Не торгуютъ купцы, нѣту пошрины,
А и звѣря пушнаго давно не видать;
265. Не чѣмъ мнѣ платить дани-пошрины,
Еще тѣ ли невыходы великіе:
Развѣ изволишь самого меня
Головою взять со княгинею“!
— „Ладно“,—проговорилъ грозенъ посоль.
270. Ну, а чѣмъ же ты, князь, потѣшаешься?
А и нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть“?
Тутъ припомнилъ ласковый Владимиръ князь
Про Ставра боярина Гудимовича.
А кромѣ его въ городѣ Кіевѣ
275. Не было горазднѣй на гуслихъ играть.
Посылалъ онъ по Ставра боярина.
Приводили Ставра на почетный пиръ,
Сажали Ставра супротивъ посла;
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывать:
280. Сыгрыщъ сыгралъ Царя-града
Танцы навель ерусалимскіе,
Величалъ князя со княгинею,
А кромѣ того сыгралъ еврейскій стихъ.
Посоль задремалъ и спать захотѣлъ;
285. Говорилъ онъ князю Владимиру:
„Ой ты гой если, ласковый Владимиръ князь!
Хоть хотѣлъ я тебя головою взять
Со княгиней твоей Апраксѣвной,—
Да не надо мнѣ дани-пошрины,
290. Еще тѣхъ ли невыходовъ, невыплатовъ
За двѣнадцать лѣтъ по двѣ тысячи;
Ты отдай мнѣ про все добра молодца,
Боярина Ставра Гудимовича“.
Въ ту пору князь Владимиръ сталъ радощенъ;
295. Отдавалъ онъ Ставра молодцу послу,
Затѣвалъ пированье веселое
Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свѣту-русскихъ,
Да про всю поленину удалую.
300. А Ставръ бояринъ съ молодымъ посломъ

Сѣдлали коней черкасскихъ
И поѣзжали въ землю дальнюю.

Былина записана кн. Костровымъ и напечатана имъ въ его статьѣ „Онскія селенія“ (Москвитининъ 1851 г. Ч. 6, № 24, кн. 2-я, стр. 245). Не смотря на заявленіе кн. Кострова, что былина записана дословно, въ ней замѣтны нѣкоторыя литературныя подправки.

*58. То-же.

- Во стольномъ во городѣ въ Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
У Владимира у князя у Солнышка,
Заводился у него почестень пирь
5. На многихъ на князей на боярь
И на русскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ поленицъ на удалыхъ;
И всѣ на пиру и сыты, и пьяны, и веселы.
Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій
10. Похвастьвать самъ городомъ Кіевомъ,
Богатыри похвастьвали силою,
Силою своею богатырскою.
Гости, купцы тутъ торговли
Похвастьтали они тутъ товарами,
15. Тьма ли товарами заморскими
И соболемъ заморскимъ,
Куницами заморскими.
Добрынюшка похвастьталъ своимъ дбрымъ конемъ,
Олешинька, Поповъ сынъ, похвастьталъ
20. Своей да золотой казной:
Есть у молодца да золотой казны безчетной;
А умный хвастьтатъ отцемъ, матерью,
А неумный хвастьтатъ молодой женой.
Прогдворятъ богатыри таково слово:
25. „Ты, неумный удалый добрый молодецъ!
Ты не хвастьтай своей да молодой женой“.
И вси богатыри его да обезчестили.
И крестьяна-мужички были пособраны,—
Богатыи крестьяна похвастьтываютъ
30. Своима-ли то добрыма конюшками,
А не богаты-то крестьяна—малымъ дѣтушками.
И сидить-то младъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ
И сидить-то онъ, ничѣмъ не хвастьтаеть.
Прогдворитъ Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій:
35. „Что же ты сидишь ничѣмъ не хвастьтаешь?
Вси-то людишки похвастьтались“.
И прогдворитъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ:

- „Есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати:
Есть у Ставра тридцать молодцовъ, портныхъ мастеровъ,
40. Шьютъ-то они кафтанцы снова на ново;
Которой кафтанчикъ я день держу и другой проношу,
И снесу эти кафтанцы на рыночекъ,
Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
Возьму за нихъ цѣну полную.
45. Есть еще, Солнышко Владимиръ князь-стольно-кѣвскій,
У Ставра да чѣмъ похвастати:
Есть тридцать молодцовъ, чоботныхъ мастеровъ,
Оны шьютъ-то сапожки снова на ново;
Которы сапожки я день держу и другой проношу,
50. И снесу эти сапожки на рыночекъ,
Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
Возьму-то за нихъ цѣну полную“.
- И проговорить Ставеръ да таково слово:
„Солнышко Владимиръ князь да стольно-кѣвскій!
55. Еще есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати:
Есть у Ставра добры мѣлодцы на дворѣ да не старятся“.
Спросить Солнышко Владимиръ князь стольно-кѣвскій:
—Отчего же у тебя добры мѣлодцы не старятся?—
Проговорить Ставеръ сынъ Гоудиновичъ:
60. „Оттого-то у меня добры мѣлодцы не старятся:
День-то придетъ—мѣлодецъ со двора долой,
А два да три—на дворъ домой.
Еще есть чѣмъ у Ставра да похвастати,
Солнышко Владимиръ князь стольно-кѣвскій!
65. Золота казна да не держится,
Малы денежки да не торщатся“.
Проговорить Солнышко Владимиръ князь:
—„Ай же ты, Ставеръ да Гоудиновичъ!
Отчего же у тебя золота казна да не торщится,
70. Малы денежки не держатся?“—
„Оттого-то у меня золота казна не торщится,
И малы денежки не держатся:
Была кобылица златылица,
И дано за кобылицу пятьсотъ рублевъ,
75. И носить жеребчиковъ хорошенькихъ;
Которы жеребчики получше,
На тыхъ-то жеребчикахъ я самъ ѣзжу;
Которы жеребчики похуже,
И сгоню этихъ жеребчиковъ на рыночекъ,
80. Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
И возьму-то за нихъ цѣну полную“.

- Еще проговорить младъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ:
„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-кїевскїй!
Еще есть у Ставра да чѣмъ похвастати:
85. Молода жена Настасья Микулишна
Князей-то бояръ съ ума сведеть,
Владимира вонъ повыведеть
Изъ покоя княженецкаго“.
И эти слова Солнышку князю Владимиру да не казалися.
90. Приказать-то Солнышко Владимиръ князь да стольно-кїевскїй
Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
“Ай же вы, мои слуги вѣрныи!
Вы возьмите-тко Ставра да Гоудиновича
За его за хвастанья за великии
95. Засадить его въ погребы великии“.
Шли тутъ слуги его вѣрныи
Во это во поле во широкое,
Копали да яму великую,
Засадили туда Ставра да Гоудиновича,
100. Засадили его да по бѣлымъ грудямъ,
Не на много, не на мало—на тридцать лѣтъ.
Написалъ-то Ставеръ сынъ Гоудиновичъ скорописчату грамотку
Къ молодой жены Настасьи Микулишной:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
105. Засаженъ-то твой мужъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ
У Солнышка князя Владимира стольно-кїевского
Во этии во погребы глубокии
Не на много, не на мало—на тридцать лѣтъ“
Взяла Настасья Микулишна
110. Обрубилa волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Кїеву;
Прїѣхала ко Солнышку князю ко Владимиру на княжїй дворъ;
Заходитъ она въ покои княженецкии;
Она крестъ кладеть по писаному,
115. Поклонъ ведеть по ученому,
На двѣ, на три, на четыре сторонки покланяется,—
И Солнышку князю Владимиру
Она дѣлаеть поклонъ да въ особину.
Проговорить Солнышку князю Владимиру:
120. „Посоль земли Турецкой!“
Проговорить Солнышко Владимиръ князь:
„Садись-ко ты съ дороженьки
На дубовой стуль да поотдохни“.
И проговорить посоль земли Турецкой:
125. „Недосугъ сидѣть послу разсїивать,

- За то посла скоро жалуютъ.
Есть у тя племянница любимая,
У Солнышка князя у Владимира;
Отдай-ко ты да во супружество
130. За этого посла да за Турецкаго“.
Проговорить Солнышко Владимиръ князь да стольно-кїевскїй:
„Мы подумаемъ да думу крѣпкую,
Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ,—
Могу отдать, посоль земли Турецкой,
За тебя да во супружество“.
135. Проговорить посоль земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-кїевскїй!
Ты выпусти невольниковъ изъ погребовъ великихъ
По своему да слову княженецкому“.
Приходить Ставеръ да сынъ Гоудиновичъ
140. Ко послу да ко Турецкому;
Береть-то за рученьки за бѣлыи
Ставра сына Гоудинова,
За этии за перстни за злаченни,
145. Цѣлуеть во уста да во сахарныи
И этого Ставра да Гоудиновича.
Благодарить-то посоль земли Турецкой,
Пишетъ Солнышку Владимиру стольно-Кїевскому эпистолю:
„Благодарю тебя, Солнышко Владимиръ князь,
150. Выпустилъ невольниковъ изъ погребовъ глубокихъ;
Не надо мнѣ племянницы любимой,
А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ,
Тотъ мой мужъ законный“.

Записана М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова. Напечатана Е. В. Барсовымъ въ „Памятникахъ народного творчества Олонец. губ.“ стр. 67—71.

*59. То-же.

- Во славномъ было городѣ во Кїевѣ,
У ласкового князя у Владимира,
Заводился у Владимира почесной пиръ
На многихъ князей, на бояровъ,
5. На славныхъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ паленицъ на удалыхъ,
И на всѣхъ гостей приходящихъ.
Какъ пиръ идетъ у нихъ навеселѣ,
А день идетъ ко вечеру,
10. Красно солнышко идетъ да ко западу;

- Какъ всѣ на пиру напивались,
А и всѣ на пиру наѣдались,
И всѣ на пиру пьяны и веселы сидятъ,
Да и всѣ на пиру поросхвастались.
15. Идной хвасталъ золотой казной,
Идной хвасталъ добрымъ конемъ,
Идной хвасталъ шолковымъ платкомъ,
А умной хвасталъ отцомъ-матерью,
А безумной хвасталъ молодой женой.
20. Какъ сидитъ во пиру Астоверсть да сынъ Гординовичъ,
Онъ не истъ, не пьетъ, ничѣмъ не хвастаетъ,
Только въ гуселка еровчеты поигрываетъ.
И тутъ подходитъ къ нему Солнышко
Владимиръ стольно-кѣвской
25. И самъ онъ говорить таково слово:
„Ай же, Астоверсть да сынъ Гординовичъ!
Что же ты ни ѣшь, ни пьешь и ничѣмъ не хвастаешь?
Развѣ нѣту у тебя роду-племени,
И нѣту у тебя добрыхъ коней неѣзжанныхъ,
30. И нѣту у тебя золотой казны,
Или нѣту у тебя молодой жены похвальной?“
Тутъ проговорилъ Астоверсть да сынъ Гординовичъ:
„Есть у меня золотой казны по надобью,
Да есть у меня добрыхъ коней неѣзжанныхъ,
35. И есть у меня шолковыхъ платковъ недержанныхъ,
Да и есть у меня молода жена похвальная Настасья Никулична:
Она всѣхъ васъ князей-бояръ въ полонъ возьметъ,
А тебя, князя Владимира, съ ума сведетъ“.
И тутъ князю Владимиру къ стыду пришло;
40. За то посадили Астоверста Гординовича
Въ погреба да глубокие, за рѣшотки за желѣзныя,
А самы послали посла во дальну землю Леховицкую,
Ко той-ли Настасьи Никуличной съ извѣстіемъ.
Какъ-то этотъ посоль да кѣвскій
45. Приѣзжаетъ во землю Леховицкую
Ко той-ли Настасьи Никуличной,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
А самъ онъ говорить да таково слово:
„Ай же ты, Настасья Никулична!
50. Какъ твой-ли Аставерсть да сынъ Гординовичъ
Какъ на пиру-то онъ да поросхвастался
И говорилъ онъ да таково слово:
„Какъ есть у меня молода жена Настасья Никулична,—
Она всѣхъ князей-бояровъ въ полонъ возьметъ,

55. А тебя, князя Владимира, съ ума сведеть*.
За это посаженъ въ погреба во глубокиѣ,
За рѣшотки посаженъ за желѣзныя*.
Какъ тутъ-ли Настасья Никулична
Приказала посла посадить въ погреба да во глубокиа
60. За рѣшотки за желѣзныя,
А сама пошла во цырульную,
Остригла волосы по мужески,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Соберала силушки хороброей
65. И отправлялась ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
И не доѣхавши до города до Кіева
Роскинула полатки тканьевыя
И оставляла часовые свои присмотры,
70. И отправлялася ко князю ко Владимиру
На его любезная дочери посвататься.
И заходитъ она въ полаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
И поклонъ ведетъ да по ученому
75. На всѣ на четыре стороны,
А князю Владимиру да въ-особину.
„Вы здравствуйте, Владимиръ князь стольно-кіевскій,
Со своей-ли вы княгиней со Апраксией
И со своей-то вы любимой семьей“!
80. И тутъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Ай же ты, удалой доброй молодець!
Ты коей орды да ты коей земли?
Да и какъ тебя именемъ зовутъ
И нарекаютъ тебя да по отчеству“?
85. И отвѣчаетъ удалой доброй молодець:
„Я есть посоль изъ дальныя земли да Леховицкія,
Я пріѣхалъ къ вамъ, Владимиръ князь,
На вашей дочери любезной посвататься“.
Тогда ласковой Владимиръ стольно-кіевскій
90. Призываетъ свою онъ дочь любимую
Ко тому-ли послу да Леховицкому,
Что согласна-ли она съ нимъ вступить въ законной бракъ
И принять съ посломъ золоты вѣнцы.
Но какъ дочь его любимая получаетъ отъ родителя
95. Такую вѣсть то радостну,
Идетъ она къ родителю ко батьюшкѣ
Въ эти полаты кнеженецкія.
Она крестъ кладетъ да по писанному,

- Поклонъ ведетъ да по ученому,
100. На всѣ на четыре стороны,
А послу Леховицкому въ-особину,
Говорить она да таково слово:
„Ай же вы, удалой доброй молодець!
Вы коей орды, вы коей земли?
105. Какъ-то тебя да имемъ зовутъ
И нарекаютъ тебя да по отчеству“?
Какъ тутъ сталъ посолъ по свѣтлицы похаживать
И сталъ о своей земли рассказывать,
И сталъ ручкой правой размахивать,
110. И сталъ по головушки поглаживать.
Какъ тутъ проговорить дочь княжевецкая
Ко своему родителю ко батюшкѣ
Ко ласковому князю ко Владимиру:
„Ай же ты, родитель мой батюшко!
115. У тебя-то что есть да на разуми?
Не отдавай-ко ты дѣвчину за женщину,
Будеть намъ обѣимъ съ тоски умереть.
Мнѣ какъ видится, что по походочки
То онъ будто женщина,
120. И рѣчь-поговоря у него все по женьскому;
Его перстаки тонешеньки всѣ по женьскому;
Гдѣ жуковинья были, тутъ мѣсто знать;
Она стегна жметъ, все добра бережетъ.
Ай же ты, родитель мой батюшко,
125. Ласковой Владимиръ стольно-кѣвскій!
Какъ для гостя нежданого и незваного
Постелемъ-ко перину пуховую
Во эту-ли во свѣтлую во свѣтлицу,
Во столовую нашу горницу,
130. И посмотримъ-то гостя хорошохоныко,
Какъ онъ будетъ спать и опочивъ держать, —
Плечами ли будетъ толще или ж...ю“?
Но какъ этотъ прѣзжій гость
Ложился плечами на перину пуховую,
135. А ж... ю на крутое складнее зголовьицо
И закрывался соболинымъ одѣялышкомъ;
Но какъ Владимиръ князь стольно-кѣвскій
Отворяетъ дверь во свѣтлую во свѣтлицу,
Во эту-ли столовую во горницу,
140. И не посмѣли открыть одѣяла соболиного,
И видятъ, что плеча у него да богатырскія,
А ж... ю подхилъ весьма.

- А тутъ-ли гость незванный а самъ неожиданный
Онъ спить-храпитъ а самъ думу думаетъ
145. Объ своей-ли невѣстѣ богосуженой.
И тутъ проговорить дочь та княженецкая:
„Ай же ты, родитель мой батюшко,
Ласковой Владимиръ стольно-кѣвскій!
Нашему то гостю неожиданному и незванному
150. Какъ со пути-то со дальной со дороженьки
Истопить-то теплая парная баенка,
Какъ у насъ есть люди на это истопщицки и парильщицки,
Мы посмотримъ-ко гостя хорошоохонько“.
Тутъ какъ сказано, такъ и сдѣлано:
155. Была баенка истоплена,
И парильщицки были приготовлены.
Но какъ прїѣзжій гость по утру всталъ.
Доложили его слуги вѣрныя
Князя Владимира происки лицемѣрныя,
160. Что была баенка истоплена,
И парильщицки были притотовлены,
Но прїѣзжій гость по утру всталъ,
По образу встаетъ онъ смиренному,
Одѣвается по военному;
165. Поскорешенько умывается,
И крестомъ христіанскимъ знаменается,
И въ парну баенку отправляется,
И раздѣвается поскорешенько,
По военному успѣху возможному.
170. И попарился по дорожному;
Но слуги князя Владимира не догадалися:
Надо-бы попарить гостя прїѣзжаго, —
А самы остались,
А самъ прїѣзжій гость одѣвается,
175. А о парильщикахъ князя Владимира сумнѣвается.
И говоритъ въ отвѣтъ: „Ахъ, какъ долго нѣтъ!“
Но какъ слуги князя Владимира
Попарить гостя не успѣли,
А сказать князю Владимиру не посмѣли.
180. Говоритъ дочь князя Владимира:
„Ай же ты, родитель мой батюшко,
Владимиръ князь стольно-кѣвской!
Какъ у насъ-то во славномъ городѣ во Кіевѣ
Есть стрѣльцы-борцы.
185. Пускай-ко сходить гость прїѣзжій во чисто поле
Съ нашими стрѣльцами со удалыма“.

- Какъ было сказано, такъ и сдѣлано
Тутъ проговорить рѣзкій гость:
„А во что стрѣляютъ у васъ во Кіевѣ“?
190. Говорятъ стрѣльцы кіевскіе:
„У насъ стрѣляютъ во грошика“.
Тутъ проговорилъ пріѣзжій гость:
„А у насъ стрѣляютъ въ остріе ножичное“.
Какъ первой стрѣлецъ стрѣлилъ.—не дострѣлилъ,
195. А другой стрѣлецъ перестрѣлилъ,
А третей стрѣлилъ,—попасть не могъ.
И тутъ-ли пріѣзжій гость
Онъ натягиваетъ тетивочку шелковую,
И накладываетъ стрѣлу онъ каленую,
200. И попадаетъ въ остріе во ножичное;
И разсѣкло стрѣлу эту каленую
Объ остріе объ ножичное на двѣ части,
Вѣсомъ, мѣрою очень ровныя.
И тутъ проговорить дочь княженецкая:
205. „Какъ во нашемъ во городѣ во Кіевѣ
Есть сильныя могучія богатыри,
Пушай-ко сходитъ гость пріѣзжій
На нашъ-ли онъ да на широкой дворъ,
Съ нашими борцами поборотися,
210. Своей силушки поотвѣдати,
А князя Владимира припотѣшити“.
И выходили оны на широкъ дворъ;
И какъ тутъ посоль да леховицкіи
И самъ посоль да разбѣгается,
215. За нашихъ рускіихъ богатырей принимается,
На приемѣ все поохиваетъ,
А самъ кіевскихъ богатырей помахиваетъ;
Гдѣ смахнетъ, стряхнетъ—тутъ мѣсто знать;
И перекидалъ всѣхъ до единого,
220. Доходило до порошея (?) дѣтиною.
И тутъ возговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Усмирись-ка ты, пожалуста, посоль да Леховицкіи!
Пожалѣй-ко нашего роду-племени
И оставь-ко народу намъ на симена“.
225. Какъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
Своей дочери любимой:
„Не буду тебя я больше спрашивать,
Надо наговоръ твой нарушивать:
Какъ женихъ твой можетъ съ русскими богатырями пострѣчатися,
230. То надо тебѣ съ нимъ повѣнчатися“.

- Тутъ пошли въ полаты княженецкія,
Стали за дубовъ столъ садиться хлѣба кушати
И бѣлыя лебедушки рушити.
Но какъ тутъ посоль леховицкія
235. Онъ не ѣсть, не пьетъ и не кушаетъ
И бѣлой лебедушки онъ не рушаетъ,
Бѣлымъ сахаромъ посоль не закусываетъ.
И тутъ подходитъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
Ко тому послу да Леховицкому,
240. А ко своему ко зятю нареченному,
И тутъ возговорилъ Владимиръ таково слово:
„Ой-же удалой доброй молодець!
Что сидишь-то ты да закручинился и запечалился?
Или яства тебѣ да не по уму,
245. Или невѣста тебѣ не по любви,
Или гусельщички тебѣ да не по разуму“?
Тутъ проговорилъ посоль да Леховицкіи:
„Нѣтъ-ли у васъ хорошихъ гусельщичковъ
Изъ молодыхъ затюремщичковъ“?
250. Какъ тутъ Владимиръ князь прираздумался
И самъ онъ говоритъ таково слово:
„Дать Ставра и не видать Ставра,
А не дать Ставра,—разгнѣвить посла“.
И достали тутъ Ставра изъ погребовъ глубокіихъ,
255. Изъ-за рѣшотокъ за желѣзныхъ.
И тутъ началъ Аставерстъ сынъ Гординовичъ поигрывать,
И посоль да Леховицкіи сталъ продрыгивать,
И сталъ по свѣтлой свѣтлицѣ похаживать,
И сталъ онъ выговаривать:
260. „Ты послушай, Аставерстъ да сынъ Гординовичъ!
Какъ мы съ тобою съ молода любилися,
И въ грамотѣ съ тобою да училися:
У меня была чернильничка серебрянная,
А у тебя было перышко лебединое,
265. И какъ я попадала тогда, тогда,
А ты попадаль всегда, всегда“.
А тутъ проговорилъ Аставерстъ да сынъ Гординовичъ:
„Какъ мы съ тобою съ молода не любилися,
Въ грамотѣ съ тобою не училися“.
270. И тутъ возговорилъ посоль да Леховицкіи:
„Ты послушай, Аставерстъ да сынъ Гординовичъ!
Какъ мы съ тобою въ зеленомъ саду погуливали
И въ сваячку съ тобою поигрывали,—
У тебя-то была сваячка серебрянная,

275. А у меня было колечко позолоченое:
Я попадала тогда, тогда,
А ты попадалъ всегда, всегда“.
А тутъ возговорилъ Аставерсть да сынъ Гординовичъ:
„Мы съ тобою въ зеленомъ саду не погуливали,
280. И въ свачку съ тобою не поигрывали“.
И тутъ возговорилъ посоль да Леховицкіи:
„Ты послушай-ко, Владимиръ князь стольно-кіевскій!
За что былъ посаженъ Аставерсть въ погреба во глубокія,
За рѣшотки за желѣзныя“?
285. Тутъ возговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Онъ какъ былъ у насъ на пиру, самъ расхвастался
Своей-ли онъ молодой женой похвальнойю:
„Какъ у меня-то есть молодая жена Настасья Никулична,
Она всѣхъ васъ князей-бояръ въ полонъ возьметъ,
290. А тебя, князя Владимира, съ ума сведетъ““.
За то онъ былъ посаженъ въ погреба во глубокія,
За рѣшотки за желѣзныя“.
И тутъ-ли посоль да Леховицкіи
Роскидываетъ платье цвѣтное,
295. Роскрываетъ свою бѣлую грудь,
И сама говоритъ: „А я то кто“?
Тогда видѣли молодцовъ на добрыхъ коней сядучи,
А не видѣли какъ поѣдучи.
Тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ
300. И Аставерста Гординовича.
Синему морю тишину даютъ,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана сказителемъ Касьяновымъ и доставлена имъ въ Этнографическій Отдѣлъ И.
Русс. Геогр. Общества.

*60 Молодецъ и королева *).

- Да былъ-то мблodeць да одишешенекъ,
Онъ охочъ гулетъ да загуливать,
Долги вечера прохаживать,
Осенны ночки прогуливать,
5. По зеленымъ по затрясьямъ погуливать,
Да стрѣляти сѣроплавныхъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ мблodeцвъ сѣлезней.
И жанилъ-то удалого добраго молодца
И жанилъ-то батюшко и матушка
10. Неволею и неохвотою.

*) Походженія безыменнаго молодца приписаны сказителемъ этой былинны Василію Буслаевичу.

- Да приданого много, человекъ-отъ худой;
Да приданое-то большое на грядки висить,
Да зблота монета въ кованомъ ларцы,
Да худое-то женишко на руки да лежить,
15. На руки-то лежить, ды во глаза-то гледить,
Во глаза гледить, цѣловать-то велить.
Цѣловать-то мни да ей не хочетца,
Да животъ-то сердечко не воротитца,
Да все животъ-то сердечко все болѣетца.
20. Тутъ и вздумался удалой доброй молодець;
Заплели по самоцвѣтному да по камешку
Да во эти лапотки во шелковыи,
Да съ рожденными родительмы да прощаетца;
Да худая-то жанишецька да на умъ нейдѣ.
25. Да Дунай, Дунай, да на столъ-то собирай,
Да любимой пить-ли, ись хочетца;
Да сегодняшній день удалой доброй молодець не обѣдываль,
И хлѣба нѣтъ,—не поужиналь.
Какъ отвѣтъ-то жонка подасть да голосомъ:
30. Да видь по мосту покатисься, за порогъ-то руками захватисься!
Да и день-то идѣ онъ по красному по солнышку,
Да видь ночь идѣ по самоцвѣтнымъ по камешкамъ.
И пошелъ удалой да доброй молодець
Изъ земли въ землю да изъ орды во орду,
35. Да видь шелъ удалой доброй молодець,
Да видь шелъ ѣнъ да къ королю въ Литву.
Да приходитъ удалой доброй молодець
На королевской дворъ.
Увидали тутъ его слуги вѣрные,
40. Слуги вѣрные, слуги подданны.
Ѣнъ прогворилъ удалой доброй молодець
Да прогворилъ таковъ словъ:
„Вы скажите-тко, да слуги вѣрные:
Да пришелъ удалой доброй молодець,
45. Да пришелъ-то онъ да отъ города,
И отъ города видь отъ Кіева;
Да пришелъ-ли я да къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву да въ услуженіе“.
Да видь эти тутъ да слуги вѣрные
50. Да шли-то тутъ да въ покои королевскіе,
Да сказали-то королю да таковъ словъ:
„Ай же ты король да земли Литовской!
На твоёмъ ли на двори да королевскоёмъ
Да стоять-то удалой доброй молодець;

55. Да пришель-ли то онъ да отъ города,
И отъ города ды отъ Кіева,
Да пришель-ли къ вамъ да въ у(о)служеніе“.
Говориль-ли тутъ король земли Литовскоей:
„Ай же вы мои да слуги вѣрныя,
60. Да возьмите-тко уда́ла добра мѳлодца.
Да во эты видъ покои королевські!“
Да приходитъ и уда́лой доброй молодець,
Онъ крестъ-то кладеть по писаному,
Да поклонъ-то ведеть да по ученому,
65. На двѣ, на три, на четыре сторонки поклонился,
Королю-то дѣлаё поклонъ да и въ осѳбину.
Онъ прѳговорить король да земли Литовскоёй:
„Да ты удалой доброй мѳлодецъ,
Да садись-то ты съ дороженьки со широкіе,
70. На дубовой стуль ды й побѳдохни!“
Й отвѣчае тутъ уда́лой доброй молодець:
„Ай же ты, король земли да Литовскоёй,
Недосугъ-то сидѣть да разсиживать“.
Да за-то то король да много жалуё:
75. „Ай же ты, удалой доброй молодець,
Да ты у меня на дворѣ служи да приворотникомъ!“
Тутъ я служу уда́лой доброй молодець.
На двори-то видъ служиль да приворотникомъ;
Да вина-то горькаго тутъ не пивываль,
80. Бѣлымъ сахаромъ-то видъ я да не закусываль;
Да Господь Богъ меня-то да тутъ помиловаль,
Да король-то Литовской много жаловаль;
Да и жиль-то я ды въ конюхахъ;
Да вина-то видъ удалой добрый молодець не пиваваль,
85. Бѣлымъ сахаромъ не закусываль;
Да Господь Богъ меня помиловаль,
Да король Литовской много жаловаль:
„Да видъ третій-то годъ живи да во пѳварахъ“.
Да вина-то горькаго да й не пивываль,
90. Бѣлымъ сахаромъ-то я да не закусываль.
Да щетвертый-то годъ жиль ды во ключникахъ.
Да вина-то уда́лой доброй молодець не пивываль,
Бѣлымъ сахаромъ ды я да не закусываль.
Да восемь лѣтъ онъ жиль да со дочерью,
95. Да со дочерью да съ королевською:
Спаль-ли я-то ў ней да на правѳй-то руки,
На правой-то руки, у бѣлой да груди.
Да проходитъ-то времени двѣнадцать лѣтъ;

- По рожденнымъ родителямъ ему да стосковалось,
100. Да худая-то жанишецько на умъ нейдѣ.
Пошелъ-ли добренькой мблодець,
Пошелъ отъ короля съ Литвы,
Да идетъ то онъ по городу
По городу по Кіеву ¹⁾.
105. Выходить изъ домишецька питѣйнаго,
Выходить тутъ бабеночка турыжная,
Да турыжная сама ды ярыжная,
И къ удалому добру молодцу подхаживаётъ,
Да сама-то говорила таково да слово:
110. „Ай же ты, удалой доброй молодець,
Приустали да твои рѣзвы ноженьки
Во пути большой ды дороженьки;
Примахались твои рученьки бѣлыи
Во пути большой ды дороженьки;
115. Принакачалась твоя буйная головушка
И во пути большой да дороженьки;
Призасвегли уста твои сахарныи
Во пути большой да дороженьки.
Зайди-тко ты, удалой доброй молодець,
120. Да во это-то видъ домишко, да во питейное,
Да ты выпей-ко видъ чару зелена да вина,
Да дрѹгую выпей похмельною,
Звесели свою буйнѹю да головушку,
Розмочи свое ретливое сердечюшко!“
125. Какъ заходить-то удалый доброй молодець
Во это видъ домишецько да во питейное,
Какъ сѣлъ-ли то удалой доброй молодець
Да на эту на скамеечку дубовую;
Наливаетъ она чару зелена да вина,
130. Да дрѹгую наливаѣ похмельною;
Звеселилъ свою буйную головушку,
Окатилъ свое ретливое сердечюшко;
Ѣнъ какъ выпилъ-то удалой доброй молодець,
Выпилъ чару зелена да вина,
135. Дрѹгую выпилъ похмельною,
Да похвасталъ-ли ѣнъ да красной дѣвушкой:
„Жиль-ли я удалой доброй мблодець
Жиль-ли у короля въ Литвы двѣнадцать лѣтъ,
Первой-то годъ на двори приворотникомъ;
140. Тутъ Господь меня Богъ да помиловалъ,

---

¹⁾ При повтореніи: по Кіянову.

- Да король-то Литовськой много жаловаль;
Другой-то годъ жилъ ды во конюхахъ;
Господь и Богъ мя тутъ да помиловаль;
Третій годъ-то жилъ да во поварахъ;
145. Тутъ Господь Богъ меня миловаль;
Да четвертой-то годъ жилъ во ключникахъ;
Да Господь Богъ меня тутъ помиловаль;
Тутъ я восемь лѣтъ жилъ да со дочерью,
Спаль-ли я то у ней на правбй руки,
150. На правой руки, у бѣлой груди“.
Услыхали тутъ люди вѣрныи,
Тутъ какъ сковали да дѣбру молодцу,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
Да связали тутъ ему удалому добру молодцу,
155. Да связали тутъ ему да бѣлы рученьки,
Да завѣсили ему да очи ясныи,
Да повели-то удала доброго мѣлодца
Да на это-ли поле куликовое,
Отрубить-то ему да буйна гѣлова,
160. Да придати-то смерть ему да напрасная,
Да видъ вынять-то ему сердце со печенью.
Онъ прогѣворить удалой доброй мѣлодецъ,
Проговорить да таковѣ словѣ:
„Ай же вы, слуги вѣрныи,
165. Ай же вы, слуги подданныи,
Ай же вы, слуги короля Литовскаго,
Вы ведите-тко меня да мимо королевѣ да ѣ домъ,
Послѣднѣ мнѣ съ ней да проститися,
А послѣднѣ разставатися!“
170. И повели его удала добра мѣлодца
Супротивъ дому королевичныи,
Противу окошекъ косивчатыхъ;
И крикнулъ удалой доброй мѣлодецъ
И крикнулъ онъ голосомъ громкѣимъ:
175. „Ай же ты, дочь королевская,
Послѣднѣ мнѣ съ тобой проститися,
Послѣднѣ разставатися!
А зашель-ли я на царѣвъ кабакъ,
Выпилъ чару зеленá винá,
180. Другую выпилъ похмельнюю,
И похвасталь тобой да красной дѣвушкой;
Услыхали тутъ да слуги вѣрныи,
Услыхали тутъ да слуги подданныи,
И повели меня на поле куликово

185. Придати да мнѣ смерть напрасную,
Да вынати мнѣ сердце со печенью!“
Она проговорить дочь да дочь королевская:
„Ай же вы, слуги вѣрныи,
Ай же вы, слуги подданны
190. Короля ды Литовскаго,
Вы возьмите съ меня денежекъ да пятьдесятъ рублей,
Вы роскуйте удалого добра молодца,
Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи,
Розвяжите ему да ручки бѣлыи,
195. Да откройте ему да очи ясныи;
Не ведите его да на поле куліково,
Не рубите ему да буйну голову,
Не придайте его смерти напрасныи,
Да не выньте ему сердце со печенью!“
200. Взяли съ ней да денегъ пятьдесятъ рублей,
Розвязали ему да ножки рѣзвыи,
Роспутали ему да ручки бѣлыи,
Открыли ему да очи ясныи.
Эта взяла да дочь королевская,
205. Взяла-то да удалого добра молодца,
Во новы сѣни да во рѣшетчаты,
Въ покой-то возводитъ въ королевскіи,
Да сама-то говорила таковó словó:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
210. Удалой ты да доброй молодець,
Не зайдитко ты больше на царевъ кабакъ,
Да не выпей-ко болѣ чары зелена вина,
Да не выпей-ко похмельныи,
Не похвастай мной да красной дѣвушкой.“
215. Дала эта дочь да королевская,
Дала ему денегъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ-то рублей да со полтинкою.
Онъ пошелъ удалой доброй молодець,
Не зашелъ болѣ тутъ да на царевъ кабакъ;
220. Онъ пошелъ тутъ да изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду;
Да приходитъ онъ тутъ да ко своей стороны;
Да пришло ды тутъ три рѣзтани,
Три рѣзтани, три любимыи:
225. Первая рѣзстань ведетъ да къ роду племени,
Друга рѣзстань ведетъ да къ родителямъ,
Третья рѣзстань ведетъ да къ худой женѣ.
Онъ роздумалъ да Василій-отъ Буслаевичъ,

- Да пойти мнѣ-ка, Василию Буслаевичу,
230. Да пойти мнѣ къ роду племени,—
Имъ мѣня видъ нѣ спознать;
Да пойти мнѣ къ рождѣннымъ родителямъ,—
Да живыхъ мнѣ ихъ нѣ достать;
Я пойду удалой доброй молодець
235. Къ молодой да ко худой женѣ.
Приходить тутъ удалой доброй молодець;
Да стоитъ-то тутъ палата бѣлодубова,
Да у той полаты бѣлодубовой
Два юнчика тутъ похаживаютъ;
240. Да спросить онъ этыхъ юнчиковъ маленькихъ:
„Да чьи же вы юнчики маленькіе?“
Отвѣчаютъ юнчики маленькіе:
„Ай же ты, нашъ родной дяденька,
Нѣтъ у насъ родного татеньки,
245. Ушелъ же нашъ родной татенька къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву въ услуженіе,
А проходитъ-то времени двѣнадцать лѣтъ;
Есть у насъ одна маменька.“
„Ай же вы, да юнчики маленькіе,
250. Вы скажите своей родной маменьки:
Да пришелъ нашъ родной татенька,
Стоитъ на улицы на широкой,
На площадки дубовой“.
Да бѣжали эти юнчики маленькіе
255. Да во ту полату бѣлодубовую:
„Ай же ты, наша родна маменька,
Да пришелъ же нашъ родной татенька,
Да стоитъ на улицы на широкой,
На площадки дубовой.“
260. Да стала это молода жена несчастная
На свои на рѣзвѣ ноги,
Идетъ покоемъ бѣлодубовымъ,
Выходи она во сѣни рѣшечаты,
Да на это-ли на крылецько на дубовое;
265. Увидала-то она да добра молодца,
Да стоитъ-ли онъ на улицы на широкой
Да у этой у площадки у дубовой;
Да проговоритъ она, жена несчастная:
„Ай же ты, удалой доброй молодець,
270. Ай же ты, Василий да Буслаевичъ,
Находился ты, да нагулялся ты,
Да пришелъ назадъ къ молодой къ худой женѣ!“

- Тутъ взяла молода жена несчастная
Она опуцалась по этимъ по ступенецькамъ по крутымъ
275. На эту на площадку на дубовую,
Она брала-то Василья да Буслаевича,
Брала-то за рученьки за бѣлыи,
За этыи за персни злачѣнни,
Цѣловала во уста сахарныи,
280. Сама говорила да таковы слова:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
Находился же ты да нагулялся ты,
А пришелъ же ты назадъ да къ молодой къ худой жены;
А ведетъ же тутъ въ покои бѣлодубовыи;
285. Оны крестъ-то кладутъ да по писаному,
А поклонъ ведутъ да по учѣному;
На двѣ, на три, на четыре стороны поклоняются,
Божьей Матери поклонъ въ особину.
Сталь-то жить да Василій-то Буслаевичъ,
290. Сталь-то жить да со худой да женой,
Стали оны жить да быть, добро наживать,
Добро наживать, да лихо избывать,
Лихо избывать, да медъ-пиво пить;
По усамъ текло, да въ ротъ не дошло.
295. Тебѣ, старинушка, славу поють!

Записана Ѳ. М. Истоминымъ въ 1886 г., отъ сказителя В. П. Щеголенка, въ дер. Бояршиной, Петрозаводск. у., Олонецк. губ.

*61. Василій Буслаевичъ.

- Какъ жилъ Буславлюшко девяносто лѣтъ, онъ не славился;
Поперекъ дорожки не ставился,
Съ каменной Москвой не перечился,
Съ Новымъ-городомъ да спору не было.
5. Живучись Буславлюшко представился;
Оставалось его чадо милое,
Молодой Василей да сынъ Буславьевичъ.
И зачалъ Васильюшко по Нову-граду похаживать,
И зачалъ Васильюшко шуточки пошучивать:
10. Кого хватить онъ за руку,
Руку рветъ изъ плеча онъ вонъ;
Кого хватить онъ за ногу,
Ногу рветъ изъ ходиловъ вонъ;
Кого хватить за головушку,
15. Головой вертитъ, будто пугвицей.

- И стали жалобы доходить
Къ его родной матушки
Пречесной вдовы Мальфы Тимофеевны:
„И ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
20. Унимай-ко ты свое чадо милое,
Молодого Василья Буславьевича,
Что онъ ходитъ по городу уродуетъ,
И шуточки онъ пошучиваетъ:
Кого ухватить за руку,
25. У того рука прочъ;
Кого за ногу, у того нога прочъ;
Кого ухватить за головушку,
И головой вертитъ, будто пугвицей.
А ты не уймешь, такъ мы уйдемъ“.
30. И дождалась честна вдова Мальфа Тимофеевна
Своего-ли чада милаго,
Молода Василья Буславьевича,
А сама говорить таково слово:
„Ай же ты, мое чадо милое,
35. Молодой Василей да Буславьевичъ!
Что-же ты ходишь по городу, уродуешь?
По что-же хватаешь за руки,
Руку рвешь изъ плеча вонъ,
По что хватаешь за ноги,
40. Ногу рвешь изъ ходала вонъ;
Когохватишь за голову,
Головой вертишь, будто пугвицей?
А въ твои ты годы отецъ безъ портокъ ходилъ,
Не имѣлъ онъ въ карманѣ ста рублей,
45. А имѣлъ дружину хоробрую.
И нѣту у тебя заступщиковъ,
И некому за тебя заступитися“.
Эты рѣчи Василей понимаетъ,
И беретъ чернила со бумагою,
50. И написалъ онъ письмо да скорописчато:
„И что тати, разбойники ко мнѣ на дворъ,
Плутъ, мошенникъ къ моему двору,
Къ моему двору Василья Буславьеву,
А не роботы роботать деревенскія,
55. А пить зелена вина безденежно.“
И бросалъ письмо на Волховъ мостъ
И самъ выкатилъ бочку зелена вина,
Зелена вина да сорока ведеръ,
Сорока ведеръ себѣ на шпрокой дворъ.

60. И наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
И тыя мужички да Новгородскія
Подняли письмо на Волховомъ мосту
И пошли то ко двору да ко Буславьеву.
65. Тутъ стоитъ Василей да сынъ Буславьевичъ
И говоритъ Василей таково слово:
„Кто подойметъ чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
И подойметъ чару единою рукой,
70. И выпьетъ чару на единой здохъ,
Стерпитъ-то черняной вязъ въ буйну голову,
Тотъ попадетъ ко мнѣ въ дружину хоробрую“.
Идетъ-то Иванище сильнее,
Беретъ-то онъ чару единою рукой,
75. Выпиваетъ онъ на единой здохъ,
И ударитъ Василей червяннымъ вязомъ въ буйну голову.
А стоитъ Иванище, не стряхнется,
Не стряхнется и не ворохнется,
И съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
80. И зазывалъ Василей Буславьевичъ
Иванища сильного во свой теремъ златоверховатої
Хлѣба-соли кушати
И бѣлыя лебедушки рушити,
Ко своей родители ко матушки,
85. Ко честной вдовы Мальфы Тимофеевной.
И тотъ прошоль, такъ идной пошоль:
Идетъ тутъ Потанюшка Хроменькой
И принимается за чару единою рукой
И выпиваетъ чару за единою здохъ,
90. И ударитъ Василей червяннымъ вязомъ,
Червянымъ вязомъ да въ буйну голову;
А стоитъ-то Потанюшка не стряхнется,
Не стряхнется и не ворохнется,
И съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
95. И зазывалъ Василей Буславьевичъ
Во свой теремъ златоверховатої
Хлѣба-соли кушати
И бѣлыя лебедушки рушити
Ко своей родители ко матушки,
100. Ко честной вдовы Мальфы Тимофеевны.
И тотъ прошоль, такъ идной пошоль:
Тутъ идетъ Васинька Маленькой,
Принимается за чару единою рукой

- Говорить Василей сынъ Буславьевичъ:
- 105 „Не поднять-ти чары единой рукой
И не вышить чары на единой здохъ“.
И плюнулъ Васька и прочь пошолъ
И самъ говоритъ таково слово:
„Ты молодой щонокъ, Василей да сынъ Буславьевичъ,
110. Не узналъ молодца, а обезчестилъ меня“!
И тутъ молодой Василей да Буславьевичъ
Набѣжалъ онъ вслѣдъ съ червяннымъ вязомъ
И ударить Василья червяннымъ вязомъ да въ буйну голову.
Идетъ Васька да не страшнется,
115. Не страшнется и не сворохнется,
Съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
И говоритъ тутъ Василей да Буславьевичъ:
„Развѣ сила у меня да не по старому
И вѣрно червянъ-то служить не попржнему“.
120. И лежитъ горячей бѣлой камешокъ,
И ударилъ червяннымъ вязомъ въ бѣлой камешокъ,
И разсыпался камешокъ на мелки части.
И забѣжалъ молодой Василей да сынъ Буславьевичъ
Къ Васиньки Маленькому, сталъ просить
125. Хлѣба-соли кушать, бѣлыя лебедушки рушить.
И собрались тутъ мужики Новгородскіи:
Идной-то пьеть нападкою,
А идной-то пьеть рукавицою.
И напились мужики новгородчана,
130. Поспорили оны и повздорили;
И началъ молодой Василей да сынъ Буславьевичъ
Мужиковъ онъ попинывать,
И началъ мужиковъ онъ поталкивать:
Идной-то идетъ скривя бокъ,
135. Идной-то идетъ скривя голову,
Идной-то идетъ да прихрамываетъ,
Идной идетъ руки накосо.
Говорять мужики да новгородчана:
„Какъ у двора да у Буславьева,
140. Не упито было, не уѣдено,
Безвѣчье-то на вѣкъ завезено“.
Какъ тѣ-ли мужички да Новгородчана
Завели свой-ли оны да почесной пиръ
У того у Викулы Окулова,
145. И не зовутъ молодого Василья Буславьевича
Со своей дружиной хороброю.
И проговорить Василей да Буславьевичъ

- Своей дружины хороброей:
„Ой же вы, мои братъица,
150. Пойдемте-тко вы во почесной пиръ
Ко тому-ли Викулъ да къ Окулову“.
И справился Василей да Буславъевичъ
Со своей дружиною хороброю
На тотъ хорошъ, на почесной пиръ.
155. Идутъ оны къ широку двору;
Тутъ увѣдали мужички Новгородчана,
Что идетъ Василей да Буславъевичъ,
И заложили ворота крѣпко на крѣпко.
И говоритъ молодой Василей да Буславъевичъ:
160. „Ай же ты, Васинька Маленькой!
Обскочитко ты да широкой дворъ,
Найдитко ты витрянку ¹⁾ маленьку,
Подымитко ты за широкимъ дворомъ,
И заскочитко ты на широкой дворъ,
165. И отворитко ворота ты на пятау,
И зазовитко меня да во почесной пиръ,
Ко тому-ли Викулъ къ Окулову“.
И Васинька Маленькой обскочилъ широкой дворъ,
И наполь витрянку маленьку,
170. И зашоль на широкой дворъ,
И отворилъ ворота ты на пятау,
И зазывалъ Василія въ почесной пиръ,
Ко тому-ли Викулъ къ Окулову
Со своей-то дружиной хороброю.
175. И тутъ молодой Василей да Буславъевичъ
Садился онъ во большой уголь,
Въ больше мѣсто за дубовый столъ.
И дѣлать нечего мужикамъ Новгородчанамъ,
И тутъ начали Василья то упаивать;
180. И пьяныма глазами Василей Буслаевичъ
Поросхвастался и ударилъ онъ о великъ закладъ
Биться-драться на весь Новъ-городъ.
Пировали, столовали и пошли оны
Въ свой теремъ златоверховатой
185. Ко пречесной вдовы Мальфы Тимофеевны.
И тутъ спрашиваетъ родна матушка:
„Ай же, мои дѣти, дѣти милныя,
Каково то васъ на пиру да почествовали“?
Говорять то дѣточки таково слово:

---

¹⁾ Жердь.

190. „Что большой нашъ братъ да отоманищо
Ударился онъ да о великъ закладъ
Биться-драться на весь Новъ-городъ“.
И его родна матушка
Сожалѣла своего чада милого,
195. Молодого Василья Буславьева,
Снесла перину въ погребѣ глубокиа,
Положила зголовьицо высокое,
Положила одѣяло соболиное.
И свела своего чада милого,
200. Молодого Василья Буславьева,
И заложила въ погребѣ да во глубокиа,
А сама поклала злата, серебра и скачного жемчуга
И пошла къ полицейскимъ начальникамъ,
Къ городничему Фомы да Родіоновичу:
205. „Вы возьмите-тко вы злато и серебро,
И возьмите-тко скачного жемчуга,
И не троньте-тко моего чада милаго,
Молодого Василья Буславьевича,
И простите-тко его да во большой вины,
210. И пьяны глазами ударился
Онъ да о великъ закладъ“.
И говорятъ полицейскіи начальники,
Городничинъ Фома да Родіоновичъ:
„Ай же ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
215. Не надоть намъ злата и серебра
И ни скачного жемчуга,
А надоть головка Васильева“.
И тутъ пошла чесна вдова, заплакала.
И ночь та тутъ да скороталася;
220. Заутра собирались мужички да Новгородчана,
Ищутъ молода Василья Буславьевича,
Его-то братьищовъ, дружину хоробрую.
Имъ связали ручки бѣлыя,
И сковали ножки рѣзвыя,
225. И загнали ихъ въ Пучай рѣку.
И пошла та нянька Буславьева
На Пучай рѣку мыть то платья цвѣтного.
И мужики да Новгородчана
Захватили няньку Буславьеву:
230. „Ты отдай-ко своего хозяина
Молодого Василья Буславьева,
И тебя туда же свяжемъ съ его братьямы“.
И какъ вырывалась нянька Васильева

- Отъ мужиковъ да Новгородчановъ,
235. И бѣжить она къ погребу глубокому,
И ударить коромысломъ двери погребѣ,
И разлетѣлися двери на три четверти.
И говоритъ она таково слово:
„Что молодой Василей да Буславъевичъ,
240. Спишь да ты, прохлаждаешься,
А надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
Какъ твоей дружины хороброй
Имъ связаны ручки бѣлыя,
Имъ скованы ножки рѣзвыя,
245. И загнаны оны во Пучай рѣку“.
И какъ выскочилъ молодой Василей сынъ Буславъевичъ
Изъ погребѣ глубокого,
Не попало ему червянной вязъ,
А попало ему осицо телѣжное,
250. Телѣжное осицо, желѣзное,
Желѣзное осицо девяноста пудъ,
И зачалъ онъ съ осью похаживать,
И началъ осью помахивать:
Куда махнетъ,—туда улица,
255. А повернется,—да переулочокъ.
И разбѣжались мужички да новгородчана,
И видятъ мужики бѣду неминучую,
И затыкаютъ дыру свою онучою,
Что не состоятъ буде съ Васильемъ Буславъевымъ,
260. И шли они въ монастырь Сергіевъ
И созвали старца Приугрюмища.
И идетъ старецъ Приугрюмища,
Сто пудовъ колоколь несетъ
А языкомъ онъ да подперается,
265. А самъ онъ говоритъ таково слово:
„Я иду да колоколь несу,
Не колоколь несу, а Василью смерть несу“.
Какъ наскочилъ молодой Василей сынъ Буславъевичъ
И самъ онъ говоритъ таково слово:
270. „Ай же ты, кресной батюшко!
Не даль ты яичка о Христови дни,
А я дамъ тебѣ яичко о Петрови дни“!
И ударилъ Василей сынъ Буславъевичъ,
И колоколь на мелки части розсыпался!
275. И ухватилъ Василей старца на руки
И сшибалъ его да подъ вышиночку,
А самъ стоячись пороздумался:

- Отца креснаго убить не спасенье зались ').
А самъ говорить Василей таково слово:
280. „Отецъ кресной, старецъ Приугрюмищю!
Иди-тко назадъ да во Сергіевъ,
Молись-ко Богу Господу,
А въ нашо дѣло не вникайся ты“.
И тутъ началъ Василей по Нову-городу похаживать,
285. По зауголкамъ мужичковъ поколачивать,
И тья-ли полицейскіи начальники
И Фома да Родіоновичъ,
Наклали золота, серебра,
Да и скачного жемчуга;
290. И пошли ко чесной вдовѣ Мальфы Тимофеевны,
И говорятъ оны таково слово:
„Ай же ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
Возьми-тко ты злато и серебро
А уговори-тко своего чада милого,
295. Молода Василья Буславьева“.
И тутъ проговорить чесна вдова,
Чесна вдова Мальфа Тимофеевна:
„Я къ вамъ ходила со златомъ и серебромъ
И со скачнымъ жемчугомъ,
300. А вы у меня да не приняли;
А буде такъ могу уговорить
Своего чада милого,
Молодого Василья Буславьева“.
И пошла она къ Василью Буславьеву на Новъ-городъ,
305. И зашла сзади и клала свои руки бѣлыя.
Василью на могучи плечи
И сама говорить таково слово:
„Ай же мое чадо милое,
Молодой Василей да Буславьевичъ!
310. Украти свое серцо богатырское“.
Какъ тутъ молодой Василей да Буславьевичъ
Послушалъ онъ своей родной матушки,
Укратилъ онъ серцо богатырское
И приходитъ онъ въ свой теремъ златоверховой
315. И говорить своимъ роднымъ братьяцямъ:
„Ой мои братьяца родные!
Складемся-ко мы на стружечки-витляночки
И поѣдемъ-ко мы ко граду Еросолиму,
Ко святой святыни и ко Божьей церкви,

1) т. е. зализать=найти.

320. Господу Богу помолитися,
И ко Христовой гробницы приложитися“.
И говорятъ ему родны братъица:
„Ужь ты большой братъ отоманищо,
Молодой Василей да сынъ Буславьевичь!
325. Куда ты пойдешь, туда и мы пойдемъ“.
И проговорить Василей да Буславьевичь:
„Ай ты, родимая наша маминька,
Чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
А ты дай-ко намъ прощенье съ бласловеньицомъ
330. Ёхать къ городу Еросолиму,
Ко святой святыни и ко Божьей церкви,
Господу Богу помолитися,
И Христовой гробницы поклонитися“.
И проговорить имъ родна матушка:
335. „Ой же вы, мои дѣточки!
Добро вы, дѣтушки, вздумали:
Буди на васъ прощенье съ бласловеньицомъ!“
И склались молодцы на стружочки-витляночки
И поѣхали ко граду Еросолиму.
340. Никая молодцовъ погода не сдерживала,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летить.
И пріѣзжали къ граду Еросолиму
И пошли въ Ерданъ-рѣку купатися.
Братья купаются въ рубашечкахъ,
345. А молодой Василей Буславьевичь тѣломъ нагѣимъ.
И стоитъ на другой стороны
Дѣвица прикрасивая
И сама говоритъ таково слово:
„Ахъ ты, молодой Василей да Буславьевичь!
350. Не слѣдуетъ купаться тѣломъ нагѣимъ,
А слѣдуетъ купаться въ рубашочки“.
И проговорить молодой Василей Буславьевичь:
„Ай же ты, красна дѣвица!
Какъ была ты, дѣвица, на сей сторонѣ,
355. Я бы сдѣлалъ тебѣ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ, двухъ богатырей“.
А тутъ плюнула дѣвица и прочь пошла.
И сходили оны во святу святыню во Божью церковь,
И служили-то молебны заздравныя,
360. Господу Богу молилися,
И гробницы Христовой приложилися.
И стала у Василья головушка побаливать,
И поѣхали отъ града Еросолима ко Нову-граду,

- И ѣхали оны до Фоворъ-горы,
365. И привернули на Фоворъ-гору поотдохнуть;
И лежитъ бѣль-горючей камешокъ
А на камешки подпись подписана:
„Кто камень перескочитъ, силы вдвое прибудеть“.
И начали скакать его братія,
370. И перескочили всѣ три братица
Бѣлой-горючей-то камешокъ,
И проговоритъ Василей Буславьевичъ:
„Я скочу и назадъ отскочу“!
Какъ скочилъ Василей Буславьевичъ
375. Черезъ бѣль-горючей камешокъ
И назадъ отскочилъ до полу камешка,
И палъ на бѣлой горючей камешокъ,
И розбилъ свою буйную голову,
И самъ говоритъ таково слово:
380. „Ой мои братица родные!
Поѣзжайте-тко къ родителю матушки
И скажите поклонъ ей и вѣсточку,
Что сосватался Василей
На Фоворъ славной горы,
385. А женился на бѣлоемъ-горючемъ камешки“.
И поѣхали братица ко Нову-граду,
Никакая погода ихъ не сдерживала,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летитъ.
И приѣзжали оны ко чесной вдовы,
390. Чесной вдовы да Мальфы Тимофеевной.
И стрѣчаетъ ихъ родна матушка:
„Ай же мои дѣточки милые,
Гдѣ-же у васъ большой братъ да отоманицо,
Молодой Василей да Буславьевичъ“?
395. И говорятъ оны таково слово:
„Что сосватался Василей на Фоворъ-горѣ,
А женился на бѣломъ-горючемъ камешки“.
Тутъ ихъ матушка плакала:
„Что не надо мнѣ ни злата, ни серебра,
400. Ни скачного жемчуга“.
Роздала свое имѣніе по Божьимъ церквамъ,
И по честнымъ монастырямъ,
И по нищой по братіи;
И поминала своего чада милого,
405. Молодого Василья Буславьевича.
И тутъ Василью славу поють,

Синему морю тишину даютъ,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана сказителемъ И. А. Касьяновымъ и доставлена имъ въ Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Геогр. О-ва.

*62. То-же

- Жиль Буслаюшко не старился,
Вдругъ Буслаюшко состарился.
Оставалоси да цядо милое,
Цядо милое, Василій сынъ Буслаевичъ.
5. Сталь Васильюшко конемъ владать,
Конемъ владать, копьемъ шормовать,
Сталь Васильюшко ходить по улущки,
Кого въ ногу пне—ножку выпинываль,
Кого за руки фатить—руцьку выхватить,
10. Кому въ голову ударить—тому смерть придаетъ.
Сдѣлался поцестной пиръ,
Вси-то на пиръ собиралисе,
Всѣ-то на поцестномъ напивалисе,
Всѣ-то на пиру да наѣдалисе,
15. Нашъ Васильюшко не пье, не ѣсть, не кушае.
„Что Васильюшко не пьешь, не ѣси?
Видно мѣсто теби да не по разуму,
Видно цяра теби вина не рядомъ пришла,
Пьяница-ли осмѣяласи,
20. Аль безумница огалиласъ?“
Всѣ-то на пиру да порасхвасталисе:
Умной фастать отцемъ-матерью,
Безумной фастать молодой женой.
„Я, Васильюшко, ницѣмъ не хвастаю:
25. Кабы сбитце мнѣ, сборотце съ Новымъ-градомъ,
Съ Новгородскимъ новымъ старостомъ“.
Да они сбилисе, сборолисе съ Новымъ градомъ,
Записи они записали,
Къ записямъ-то свои руценьки приложили:
30. Завтра надо идти на Волховъ мостъ,
На Волховъ мостъ на боицо.
Приходитъ Василей къ родной матушкѣ,
Садился онъ на лавоцьку бусовую,
Повѣсилъ онъ свою буйну голову.
35. „Что ты, Васинька, не весель?
Буйна головушка повѣшена,

- Развѣ ти мѣсто было не по разуму?
Цяра теби видно не рядомъ пришла?
Или пьяница да осмѣяласи?
40. Али безумница огалиласи?
— Ай, ты, мать, моя матушка,
Сбился я сборолся съ Новымъ-градомъ,
Записи мы записали,
Записямъ-то свои руценьки приложили.—
45. „Ахъ, ты, цядо мое милое,
Василій сынъ Буслаевичъ,
Рѣшилъ ты свою буйну головушку!“
Береть-то мису злата-серебра,
Другую беретъ да золотой казны,
50. Пошла-то къ Новгородскому ко нову старости:
„Ай же, ты, Новгородской новой староста,
Возьми, возьми да мису злата-серебра,
Другой возьми да золотой казны,
Поставь Васильеву головушку“.
55. — Не надо мису злата-серебра,
Друга не надо золотой казны,
Давай Васильеву головушку! —
Приходить родна матушка,
Береть-то Васю за желты кудри,
60. Повела-то Васю во чисто поле,
Посадила Васю во глубокъ погребъ,
Навалила плиту еще сто пудовъ:
„Ужъ ты спи-ко, цядо, не пробудися!“
На томъ мосту на Волховѣ
65. Сдѣлалось великое побоищо;
Увидѣла дѣвушка цѣрनावушка,
Прибѣжала она да во чисто поле,
Отсдѣнула*) плиту еще во сто пудовъ:
„Ужъ ты что ты спишь, Василей, не пробудиссе?
70. Твои-то слуги вѣрны вси полосланы,
Платоцькамы головушки повязаны“.
— Ахъ, ты, дѣвушка цѣрनावушка,
Нѣтъ фатить шалыга подорожная,—
И фачу, пойду я ось телѣжную,
75. Пойду на великое побоищо! —
Куды махне—тутъ улица паде,
Куды отмахне—тутъ переулоцекъ,
Прибилъ народу онъ какъ смѣты нѣтъ. —

*) Пряподняла.

- Видить Новгородской новой староста,
80. Видить, что бѣда неминуця,
Затыкае ж... онъ онуцею,
Береть онъ мису злата-серебра,
Другу беретъ да золотой казны,
Пошелъ онъ къ Омельфы Тимофеевой:
85. „Ахъ, ты, Омельфа Тимофеевна,
Ты бери-ко мису злата-серебра
Да другую золотой казны,
Заклици ты своего да цяда милого,
Оставь народу хоть на симяна“.
90. Вышла родна матушка на переное крылецюшко,
Зарыкала она своимъ да горькимъ голосомъ:
„Ахъ, ты, цядо мое милое,
Сокроти свое сердце ретивое,
Ты прибилъ вѣдь народу какъ смѣты нѣтъ“.
Пошелъ Васильюшко со велика со боища;
95. Стритился да кресной батюшко,
На томъ мосту на Волховомъ,
Несе колоколь да сто пудовъ,
Одинъ языкъ да еще триста пудъ.
Тутъ ему да еще смерть придалъ. —
100. Заплакала да родна матушка.
Приходитъ Василій къ родной матушкѣ,
Садился онъ на лавоцьку брусовую,
Повѣсилъ свою буйную головушку.
„Ахъ, ты, мать, ты, моя матушка,
105. Спусти меня Богу молитися,
Во грѣхахъ пойду прощатися,
Во Ердани-то пойду купатися“.
Пошелъ Васильюшко Богу молитисе,
Дошелъ до той горы, до Фараонъ горы;
110. На Фараонъ горы лежитъ голова да целовѣцеска;
Сталъ головушку попинывать,
Сталъ надъ головушкой подщувивать.
Заговорила голова да рѣзвымъ голосомъ:
„Не въ тебя я богатырь да лежу на Фараонъ горы,
115. А тебѣ со мной рядомъ лежать!“

Записана Г. И. Куликовскимъ въ 1886 году, въ д. „Трихова горка“, отъ крестьянки
Пелагеи Осиповны Еремѣевой.

* 63. То же.

- Да славныи князья, да не бояры,
Да сильныи могучии богатыри,
Да всѣ ли поляници удалыи,
Собирались оны всѣ да на почетной пирѣ;
5. На пиру да напивалисе,
На почетномъ наѣдалисе;
На пиру всѣ пьяны-веселы сидять,
Да на пиру всѣ порохвастались.
Кто фастать отцѣмъ матерью,
10. А безумно-тъ молодой женой,
А Добрынюшка пофастывать добрымъ конемъ,
А Василей сынъ Буслаевицъ
Похвастывать своей силой богатырскою.
Они клали-то залого великіе—
15. Дратьце, битьце съ Новымъ-градомъ,
Со старостой да Новгородскимъ.
Приходитъ Василей невесель, нерадошень,
Онъ повѣсилъ голову ниже плечъ.
Спросила его матушка родная:
20. „Что ты, Василей, пришелъ съ пиру невесель, нерадошень?
Развѣ мистецько было тебѣ не по разуму?
Надъ тобой пьяница огалилась?
А безумница осмѣяласе?
Или рюмоцька тебѣ да не рядомъ дошла“?
25. Говорилъ тутъ Василей сынъ Буслаевицъ:
„Мни-ка мистецько было по разуму,
Мнѣ-ка рюмоцька да рядомъ дошла,
Надо мной пьяница да не огалилась,
Безумница не осмѣяласе;
30. Какъ ужъ мы клали-то залого великіе
Дратьце, битьце со Новымъ-градомъ,
Со старостами Новгородскими“.
Вдова честна Омельфа Тимофеевна:—
Она мису брала злата-серебра,
35. А другую брала скатня жемчугу,
Пошла къ старосты Новгородскимъ,
Говорила она таково слово:
„Ай же, старосты да Новгородскіе,
Возьми-тко мису злата-серебра,
40. Возьми другую скатня жемчугу“.
Говорить тутъ староста Новгородскіе:
„Мнѣ не надоть миса злата-серебра,

- Мнѣ не набѣ другая скатня жемчугу,
Надобна Васильева головушка.
45. Дакъ пошелъ Василей на великій бой.
По тому-ли мосту по Волхвскому,
Идетъ старичище Угрюмище,
Несетъ на главѣ да колоколь да стопудовые,
Несетъ языкъ до двадцати пудовъ,
50. Говорить старичище Угрюмище:
„Молодое куро, не попархивай,
Молодое куро, не подпывай“.
Эти рици Василью не по разуму:
Ухватилъ Василей языкъ до двадцати пудовъ,
55. Убилъ старичище съ одного разу;
Слетѣлъ колоколь да стопудовые.
Выходила матушка родная
На крылечко на переное,
Вырыкала она зычнымъ голосомъ:
60. „Ай же, Василей сынъ Буслаевичъ!
Не старичица ты убилъ да крѣсна батюшка“!
Дакъ пошелъ Василей на великой бой,
Пошелъ Василей по Нову-граду,
Да ухватилъ Василей-отъ червленый вязъ,
65. Да куды махнетъ—да туды улица,
Куды отмахнетъ—да переулочѣкъ;
Дакъ прибилъ всю силу Новгородскую.
Да Новгородскіе да новой староста
Видить онъ да бѣду неминучую,
70. Затыкае онъ ж... онучею.
Онъ беретъ-то мису злата-серебра,
Онъ беретъ другу да скатня жемчуга,
Пошелъ ко вдовы честной Мамельфы Тимофеевной:
„Вдова честна, Омельфа Тимофеевна!
75. Бери-тко мису злата-серебра,
Бери другую скатня жемчуга“.
Говорить вдова честна Омельфа Тимофеевна:
„Мнѣ не надоть миса злата-серебра,
Мнѣ не набѣ другая скатня жемчуга,
80. Пусь-ко мое чадо понатѣшитце,
Радостью да принаполнитце“.
Такъ пошелъ Василей съ бою великого,
Въ чистомъ полѣ лежитъ камень превеличающой;
На камешкѣ подписано и подпечатано:
85. „Кто этотъ камень скочить да перескочить?“
Скочилъ Василій да не перескочилъ,

Другой разъ скочилъ да не перескочилъ,
Третій разъ скочилъ. назадъ палъ,
Да тутъ ему и смерть пришла.

Записана Г. И. Куликовскимъ въ 1886 г., въ д. „Трихнова горка“, отъ кр. Якова Семенова Еремѣва.

*64. То-же.

- Во стольномъ Новѣ-городѣ
Жила была матера вдова
Амелфа Тимофеевна.
Какъ и былъ у ней сынокъ
5. Свѣтъ Василій Буслаевичъ.
Отдала она его грамотѣ учить:
Грамота Василью въ руку пошла.
Обучивши его грамотѣ,
Отдала его пѣтью учить.
10. Вотъ и не было у насъ такого пѣвца,
Какъ Василя Буслаевича.
Познакомился Василій со пьяницами,
Со пьяницами, со безумниками.
Сталъ Василій Буслаевичъ
15. На кулачный бой ходить:
Кого ухватить за руку—рука прочь,
Кого ухватить за голову—голова прочь.
Бросился Василій Буслаевичъ
На всѣхъ жителей новгородскіихъ;
20. Побѣждалъ онъ по широкой улицѣ;
На дорогѣ ему попался
Старецъ Пилигримище:
На плечахъ держалъ онъ колоколъ
Во триста пудъ;
25. Говорилъ онъ ему таково слово:
„Почто дерешься, Василій Буслаевичъ,
Съ мужиками новгородскіими?“
Отвѣчалъ ему Василій Буслаевичъ:
„Бился я съ ними объ великъ закладъ
30. На свою-ли буйную голову,
Чтобъ пройти весь ихній Новгородъ,
Опричи тебя, старца Пилигримища.
А во задоръ зайду,—и тебя убью.“
Ударилъ онъ старца по колоколу:
35. Во лбу глаза у него какъ вѣкъ не было,

Пошли мужики новгородскіе
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ:
„Уйми ты свое чадо милое
Василія Буслаевича,

40. Заплатимъ мы тебѣ дани
За всѣ двѣнадцать лѣтъ.

Записана въ Москвѣ С. И. Лапшинымъ отъ Московскаго мѣщанина И. А. Лапшина, постоянно жившаго въ Москвѣ.

*65. Сурога-богатырь.

- Какъ Сурова Сурога зарождалася,
А Курганъ царь подымается.
Зарождался тутъ бѣлой царь богатырь,
Сурова Сурога Суравѣсть богатырь...
5. А сталъ тутъ Сурога конемъ владать,
По широкимъ по улицамъ поѣзживати,
По чистымъ ¹⁾ переулочкамъ;
Гусей, лебедей сталъ подстрѣливати.
Не наѣхалъ не на гуся, не на лебеда,
10. Не на ту-ли сѣру утицу:
А наѣхалъ онъ на сырой дубъ,
На сырой дубъ на крепористой ²⁾.
На сыромъ дубу сидитъ пташка вѣщая,
Пташка вѣщая и поднебесная.
15. Хочетъ эту пташечку подстрѣлити,
Подстрѣлити и подшибити.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Накладываетъ каленую стрѣлу.
И тутъ эта пташечка провѣщилася,
20. Провѣщилася, проязычилася.
Человѣческимъ она езыкомъ,
Богатырскимъ она голосомъ:
„Гой ты еси, бѣлой царь,
Сурова Сурога Суравѣсть богатырь!
25. Не то тебѣ честь, не то похвала—
Ушибить тебѣ птицу на сыромъ дубу,
Пташечку вѣщую, поднебесную.
Поѣзжай-ка ты во горы во Трепетовы:
Синее-то море всколыбалося,
30. Ужъ то Курганъ царь подымается“.

¹⁾ Частиницъ. ²⁾ Кряковистый.

- Онъ ¹⁾ поѣхалъ во горы во Трепетовы...
Возговорилъ тутъ Курганъ царь:
„Го-гой еси, татары Улановые!
Не великая мтица перелетывала,
35. А много силы приклеывала.
Какъ еще-то прилетитъ,
Такъ живымъ-то намъ не быть!
Го-гой еси, татары Улановые!
Копайте вы копи глубокіе,
40. Ставьте вы пѣторчи вострые,
Чтобы онъ, Сурога, обрящился,
Обрящился да обрѣшетился,
Подколѣлъ бы онъ добра коня,
Любимаго онъ Бахмата“.
45. Собирается тутъ еси бѣлой царь,
Собирается на сѣвѣднице.
Черезъ первую копь его Богъ перенесъ,
Черезъ вторую копь его конь перескочилъ,
Черезъ третью копь онъ обрящился,
50. Онъ обрящился, обрѣшетился,
Подколѣлъ-ли онъ добра коня,
А любимаго онъ и Бахмата.
Вынимаетъ онъ изъ зѣпи ²⁾ бумажечку,
Затыкаетъ ему рану глубокую,
55. Выводитъ коня во чистые поля,
Отпускаетъ, коню самъ наказываетъ:
„Будешь-ли ты, добрый конь,
Будешь-ли ты на пору готовъ?
Станешь-ли ты мнѣ служить
60. Всею вѣрою и правдою?“
— Стану я тебѣ служить
Всею вѣрою и правдою
Заочи безизмѣнно.—
Возговорилъ Сурогъ тутъ Курганъ царь:
65. „Станешь-ли ты мнѣ служить
Всею вѣрою и правдою?“
— Стану я тебѣ служить
Всею вѣрою и правдою:
Если-бѣ была сабля острая,
70. Снесъ-бы я, срубилъ буйну голову
По самы твои плечи по могучія;
Головы-то бы мнѣ мало,

¹⁾ Т. е. Сурога. ²⁾ Изъ пазухи.

- Я бы плечъ-то прихватилъ!“
Этотъ Курганъ царь озлобился:
75. „Вы го-гой еси, татары Улановы!
Вы возьмите Сурогу за бѣлы руки,
Поведите вы собаку во куземку,
Вы набейте обручки желѣзные,
Вывозите его во чистое поле,
80. Вы изрѣжьте его въ части мелкія,
Раскидайте его по чисту полю“.
Онъ изрекъ Сурога, возговорилъ:
„Ой еси, татары Улановые!
У кого еси есть отецъ и мать,
85. Тотъ отъ меня подальше встань;
У кого нѣтъ, тотъ отъ меня поближе встань“!
Сталь Сурога потѣшатися:
Стали обручи полопывати.
Сталь-де Сурога на ноги,
90. Схваталъ онъ татарина за ноги
И бьетъ онъ татаринѡмъ по людяхъ:
Дѣ пройдетъ—тута улица,
Поворотится—ровно площадь вѣдь.
Добился до ряду до телѣжнаго
95. И выхватываетъ ось телѣжную,
И бьетъ онъ осью по людяхъ:
Гдѣ пройдетъ—тутъ и улица,
Поворотится—ровно площадь вѣдь.
Добивался до Кургана царя,
100. До Кургана царя, царя Смородовича
И закричалъ: „Ура! Миръ!“

Этотъ вариантъ былинны о Суровцѣ, Суровенѣ былъ записанъ со словъ одного старика (ткача-рогожь) Сергаческаго уѣзда, Нижегородской губ., преподавателемъ Смоленской гимназій С. Писаревымъ. По словамъ г. Писарева, старикъ зналъ только одну эту былинну, но и ее плохо помнилъ. При пѣніи ея онъ нерѣдко останавливался, припоминая дальнѣйшія слова.

*66. Соломанъ и Василій Окульевичъ.

- Прекрасный царь Василій Окульевичъ
Заводилъ почестенъ пирь,
Собиралъ всѣхъ князей-бояровъ,
Русскихъ могучіихъ богатырей
5. И всѣхъ своихъ полениць удалыхъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру пьяны-веселы.

- Прекрасный царь Василий Окулевичъ
10. Сталь по горенкѣ похаживать,
Пословечно сталь выговаривать:
„Князи-бояре, русскіе могучіи богатыри,
Всѣ на пиру принакормлены,
Всѣ на пиру принапоены,
15. Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру испожены,
Одинъ я холостъ—не женатъ:
Выбирайте мнѣ супротигницу,
Чтобъ станикомъ она была ровнешенька,
20. Ростомъ бы она была високошенька,
Тѣло бы у ней было снѣгу бѣлого,
Очушки у ней бы были ясна сокола,
Бровушки были бы у ней доброго молодца,
Походочка бы была ланей бѣлыхъ,
25. Бѣлою лани напольскою,
Напольски лани златороги,
Чтобъ мнѣ было съ кѣмъ жить да быть, вѣкъ коротати,
А вамъ было бы кому поклоняться“.
Всѣ за столикомъ умолкнули...
30. Зѣ-за тыхъ столиковъ дубовыхъ
Выходилъ Ивашка Поваренной,
Бьетъ целомъ царю, поклоняется:
„Прекрасной царь, Василий Окулевичъ!
Знаю я тоби супротивницу:
35. Станикомъ она ровнешенька,
Ростомъ она високошенька,
Тѣло у ней снѣгу бѣлого,
Оци у ней ясного сокола,
Брови у ней доброго молодца,
40. Походочкой она ланей бѣлыхъ,
Бѣлыхъ ланей напольскихъ,
Напольски лани златороги,—
Вамъ будетъ съ кѣмъ жить да быть,
Намъ будетъ кому поклоняться:
45. Есть за славнымъ за Синемъ-моремъ,
У того у царя у Соломана,
Есть царица Соломанея“.
Онъ ¹⁾ ударилъ Ивашка по той стороны,
Ударилъ Ивашка и по другой стороны:
50. „Ай ты воръ, Ивашка Поваренной!

¹⁾ Т е. царь Василій.

- Какъ можно у живого мужа жену отнять?!“
Того Ивашка не пытается—
Бьетъ целомъ, царю поклоняется:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
55. Я знаю, какъ у живого мужа жену отнять:
Сдѣлай три насады цервленннхъ,
Сдѣлай тамъ кровати тесовыя
И клади туды периночки пуховыя,
Занавѣсточки клади туды ситцевы,
60. Сдѣлай столбики точеные,
Сдѣлай грядочки золоченныя,
Клади туды птичушекъ райскіихъ,
Чтобы пѣли оны пѣсенки царскія,
Клади туды питья забудущія,
65. Сдѣлай царю Солóману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи сдѣлай камоцику крущатой камки.“
Прекрасный царь Василій Окульевичъ
Сдѣлалъ три насады цервленннхъ,
Сдѣлалъ кроваточки тесовыя,
70. Положилъ туды периночки пуховыя,
Занавѣсточки положилъ туды ситцевы,
Сдѣлалъ столбики точеные,
Сдѣлалъ грядочки золоченныя,
Клалъ туды птичушекъ райскіихъ,
75. Чтобы пѣли пѣсенки царскія,
Клалъ туды питья забудущія,
Сдѣлалъ царю Солóману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи камоцику крущатой камки.
Воръ Ивашка бралъ себѣ народу по надобью,
80. Поѣхалъ за славно за сине-море.
Пріѣжалъ за славно за сине-море,
И становился къ царю Солóману подъ окошечко;
Бралъ онъ шубу соболиную,
Бралъ камоцику крущатой камки,
85. Шелъ Ивашка къ царю Солóману въ палаты бѣлокаменныя,
Крестъ кладеть онъ по писанному,
Поклоны ведеть по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Самой царицѣ Соломанеи въ особину.
90. Царя Солóмана дома не случилось.
Ивашка поваренный дарилъ царю Солóману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи камоцику крущатой камки,
Бьетъ целомъ царицѣ, поклоняется:
„Прекрасная царица Соломанея!

95. Сходи-тко ты на наши насады цервленныя,
Обцѣни-ка ты у насъ товаръ на насадахъ,—
Намъ бы было изъ чего торговать,
А вамъ-бы была изъ чего платить пошлина.“
Говоритъ царица Соломанея:
100. „Ай же, Ивашка поваренный!
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по годъ-поры,
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по два-году,
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по три-году,
Намъ съ тебя пошлина не надобно!“
105. Того Ивашка не пытается,
Онъ другой разъ бьетъ целомъ, царицѣ поклоняется:
„Ты прекрасная царица Соломанея!
Ты сходи на наши насады цервленныя,
Обцѣни у насъ товаръ на насадахъ—
110. Намъ бы было съ чего торговать,
А вамъ бы была платить пошлина.“
Говоритъ царица таковы слова:
„Ты торгуй, Ивашка, хоть по годъ-поры,
Ты торгуй, Ивашка, хоть по два-году
115. И торгоуй, Ивашка, хоть по три году:
Намъ съ тебя пошлина не надобно.“
Того Ивашка не пытается,
Бьетъ целомъ, царицѣ поклоняется:
„Прекрасная царица Соломанея!“
120. Сходи на наши насады цервленныя,
Обцѣни у насъ товаръ на насадахъ,
Чтобъ намъ было изъ чего торговать,
А вамъ бы была платить пошлина.“
И эта царица Соломанея
125. Надѣла чоботы на босы ноги,
Кунью шубоньку она надѣла на одно плечко,
Соболиную шапочку надѣла на одно ушко,
Шла на насады цервленныя,
Стала по насадамъ похаживать,
130. Стала по насадамъ погуливать,
Увидѣла кроваточки тесовыя,
Увидѣла перинушки пуховыя,
Занавѣсточки увидѣла ситцевы,
Увидѣла столбики точеные,
135. Увидѣла грядочки золоченныя;
Сидятъ птичущки райскія,
Поютъ пѣсенки царскія;
Увидѣла питья забудущія.

- Тутъ царица принапилася,
140. Тутъ царица обвалилася.
Повезъ Ивашка воръ поваренный,
Повезъ царицу за сине-море...
Выѣзжали середь славнаго синя-моря,
Тутъ царица прохмелилася,
145. Тутъ царица прослезилася:
„Ай ты, воръ Ивашка поваренный!
Увезъ ты царицу за сине-море“.
Говорить Ивашка поваренный:
„Ты не плачь, царица Соломанея—
150. Буде Богъ снесетъ за славно за сине-море,
И выдаемъ мы тебя за прекраснаго царя Василія Окульевича“.
Пріѣзжали они за славно за сине-море,
Приставали они ко крутому ко берегу.
Выходилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
155. И заходилъ на насады цѣрвленныя
И подходилъ къ царицѣ Соломанеи,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,*)
За ея за перстни злаченые,
Вель-то онъ ее во Божью церковь;
160. Тутъ они повѣнчались,
Златы Божіи вѣнцы принимали,
Чуденъ Божій крестъ цѣловали,
Златыми перстнями обручались;
Стали жить въ совѣтѣ и любви.
165. Жили въ совѣтѣ въ любви по три году.
Собиралъ Солѣманъ по три году
Коней да людей все крылатыхъ,
Принаказывалъ Солѣманъ своей силушкѣ:
„Сила ты моя сильная,
170. Сила сильная, сила великая,
Кони да люди крылатые!
Первый разъ я затрублю во турій рогъ,—
Такъ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
Другой разъ я затрублю во турій рогъ,—
175. Такъ вы садитесь на добрыхъ коней;
Третій разъ я затрублю во турій рогъ,—
Такъ вы сѣзжайте за славно за сине-море,
Въ славное раздольице чисто поле,
Пріѣзжайте на мою на помощь да на выручку.“
180. Пошелъ Солѣманъ за сине море

*) При повтореніи сказитель измѣнилъ эту строку такъ: „Бралъ ее за ручки за бѣлыя“.

- Къ прекрасному царю къ Василию Окульевичу,
Приходилъ онъ подъ окошечко,
Вскричалъ онъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
185. „Прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
Создай калѣки милóстину,
Чтобъ было калѣки что ѣсть да пить,
Да чего калѣки волочитися“.
Прекраснаго царя Василья Окульевича
190. Въ домѣ не случилось.
Кидалася царица до плечъ въ окно,
Говорила царица таковы слова:
„Ты поди, Солóманъ, на высокъ теремъ“.
Кормила она Солóмана досыта,
195. Пошла Солóмана до-пьяна;
Замыкала Солóмана въ кованъ-ларецъ.—
Пришелъ прекрасный царь Василий Окульевичъ.
Говорила царица Соломанея:
„Ты прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
200. Жили мы въ совѣтѣ въ любви по три году,
Мы кого боялсь по три году,
Тотъ сидитъ подъ ж . . . . бабьей.
Казни Солóмана вскорѣ-наскоро,
Ты казни Солóмана не по царьскому,
205. А казни Солóмана по холопъему:
Есть у Солóмана сила запасная,
Кони да люди все крылатые“.—
Говоритъ Солóманъ таковы слова:
„Ты, прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
210. Ты не слушай бабы с . . . . вщцы:
Какъ бы была она баба умная,
Какъ бы была баба разумная,
Она не шла бы на насады цервленныя,
Не шла бы питей забудущихъ,
215. Не вышла бы замужъ за другога!“
Говорила царица таковы слова:
„Прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
Поѣзжай-ка въ раздольное чисто поле,
Сдѣлай три столбика точенныхъ,
220. Сдѣлай три грядочки золоченныхъ,
Казни царя Солóмана“.—
Прекрасный царь Василий Окульевичъ.
Сдѣлать три столбика точенныхъ,
Сдѣлать три грядочки золоченныхъ.

225. Повезли царя Солбмана
Во славное во чисто поде,
Привезли царя Солбмана
Во славное во чисто поле.
Выходила царица Соломанея,
230. Отпоясывала отъ себя шелковъ поясъ,
Сдѣлала она три петельки шелковыхъ,
Говорила она таковы слова:
„Ай же ты, Солбманъ царь!
Пройди ты скрозь три петельки шелковыхъ“.
235. И этотъ Солбманъ царь первую петельку прошелъ хитростью,
Другу петельку прошелъ мудростью,
Третью петельку прошелъ своей глупостью.
Тутъ надо показнить царя Солбмана.
Говорилъ Солбманъ таковы слова:
240. „Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Дай-ка мнѣ при скорой смеретушкѣ турій рогъ:
Я былъ смолоду охочь коровъ пасти“.
Приказалъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
Подать Солбману турій рогъ.
245. Первый разъ онъ затрубилъ во турій рогъ:
Всѣ высокія горы пошатилися,
Темныя лѣса къ землѣ приклонялися,
Во рѣкахъ вода приусохнула,
Во озерѣхъ вода приудрогнула,
250. Во моряхъ вода всколыбалася,
Пошелъ тутъ около моря шумъ великъ.
Говорилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
„Это чтѣ, Солбманъ, около синя моря шумъ великъ?“
Говорилъ Солбманъ таковы слова:
255. „Прекрасный царь Василій Окульевичъ!
Всѣ звѣри-птицы возрадовалися
И летять глядѣть на царскую смеретушку“.
Другой ѣнъ разъ затрубилъ во турій рогъ:
Высокія горы пошатилися,
260. Темныя лѣса къ землѣ приклонялися,
Во рѣкахъ вода приусохнула,
Во озерѣхъ вода приудрогнула,
Во моряхъ вода всколыбалася,
Пошолъ около синя моря шумъ великъ.
265. Говорить прекрасный царь Василій Окульевичъ:
„Это что, Солбманъ, около синя моря шумъ великъ?“
Говорить Солбманъ таковы слова:
„Это всѣ звѣри, всѣ птицы возрадовалися

- И летять глядѣть на царьскую смеретушку“.
270. Говорить Соломанъ таковы слова:
„Ты, прекрасный царь, Василій Окульевичъ,
Позволь мнѣ затрубить въ третій разъ въ турій рогъ“.
Третій разъ онъ затрубилъ въ турій рогъ:
Налетѣла тутъ сила сильная,
275. Сила сильная, сила великая,
Кони-люди все крылатые,
Обошли прекрасного царя Василя Окульевича;
Въ первую петельку повѣсили Ивашка поваренного,
Въ другую петельку повѣсили прекрасного царя Василя Окульевича.
280. Учала царица слезно плакати:
„Ты прости, Соломанъ, во первой вины!“
— Во первой вины тебя Богъ проститъ:
Зачѣмъ шла на насады цервленныя,
Пила питья забудущія?
285. Во первой вины тебя Богъ проститъ.—
„Ты прости, Соломанъ, во другой вины“.
— Во другой вины тебя Богъ проститъ:
Зачѣмъ шла на насады цервленныя,
Зачѣмъ пила питья забудущія,
290. Зачѣмъ же ты вышла замужъ за другога?
А зачѣмъ же ты Соломана замкнула во кованъ ларецъ?
Зачѣмъ же ты велѣла сдѣлать столбики точенные?
Зачѣмъ же ты сдѣлать велѣла грядочки золоченныя?
А зачѣмъ же ты сдѣлала три петельки шолковыхъ?—
295. „Ты прости меня, Соломанъ, во третьей винѣ“.
— Во третьей винѣ не могу проститъ!—
Тутъ повѣсили царицу Соломанею...
Собиралъ Соломанъ силу свою сильную,
Всѣхъ коней-людей крылатыхъ,
300. Отправлялся Соломанъ за сине море
Со своей со силушкой великой.
Сталъ жить да быть да вѣкъ коротати.

Записана М. Н. Харузинымъ въ 1881 году въ дер. Середки, Кижской волости, Олонецкой губ. отъ крестьянина Степана Григорьевича Рабинина.

67. Т о ж е.

- Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Въ Новѣградѣ служилъ прекрасный царь Василій Окуловичъ.
Не было на силу Самсона Колыбанова,
Не было на смѣтку осударя Ильи Муромца,
5. На вѣжество Добрынюшки Никитича, .

- На ярость Олеша Поповича,
На золоту казну Дюка Степанова,
На богатство Садко купца богатаго,
На хитрость, на мудрость Соломона Окульева,
10. На красоту Василья царя Окульева.
Заводился у Окульева почестень пирь
На многихъ пановей-улановей,
На злыхъ проклятыхъ татаровей.
Всѣ на пиру сидять пьяны, веселы.
15. Василій царь по горницѣ похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, панове-уланове!
Всѣ у насъ въ городѣ испожены;
20. Красны дѣвицы исподаваны;
Одинъ я, Василій царь, холостъ хожу,—
Холостъ хожу,—не женать слыву;
Не знаетъ-ли мнѣ кто обручницы,
Обручницы, мнѣ сопротивницы,
25. Чтобы бѣло лице, какъ бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
Ясны-то очи будто у сокола,
У того у сокола перелетнаго,
Брови у ней какъ у соболя,
30. Того соболя сибирскаго;
Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна;
Чтобы было кому поклониться,
Было кого чтобы назвать царицею?*
- Большой хоронится за средняго,
35. А средній хоронится за малаго,
А отъ малаго татарина отвѣту нѣтъ.
Говорить Василій царь во второй законъ;
Говорить Василій во третій законъ;
Все большой хоронится за средняго,
40. Средній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго татарина отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ стола изъ за окольнаго,
Со той со скамейки бѣло-дубовой,
Выходилъ удалый добрый молодець
45. По прозванью Василій Пустоволосовичъ,
Младый Василій Таракашковъ сынъ.
Подходитъ Василій къ царю близехоньку,
Самъ говоритъ потихохоньку:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичь!

50. Благослови мнѣ, Василій, слово молвить,
Не моги-ко меня за слово скоро сказнати,
А скорѣе того чтобы повѣсити“.
Говоритъ царь Василій Окульевичъ:
„Говори, Василій, что тѣ надобно“.
55. Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Я знаю тебѣ обручницу,
Обручницу знаю, сопротивницу:
Бѣло лице будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы будто маковъ цвѣтъ;
60. Ясны очи будто у сокола,
Того сокола перелетнаго;
Черныя брови будто у соболя,
Того соболя сибирскаго;
Ростомъ не мала и умомъ сверстна.
65. Есть кому поклониться,
Есть кого и назвать царицею.
Есть у царя Соломона,
Есть у него молода жена—
Молодая царица Соломбнида“.
70. Говоритъ царь Василій Окульевичъ:
„Ты какъ можешь у жива мужа жену отнять?“
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Ты гой еси, Василій Окульевичъ!
Плохо у жива мужа жену отнять:
75. Дай-ко-се ты мнѣ три коробля, три червленыхъ,
Нагрузи ихъ товарами заморскими:
Первой нагрузи краснымъ золотомъ,
Другой нагрузи чистымъ серебромъ,
Третій скатнымъ жемчугомъ;
80. Наклади еще напитоковъ забудущихъ;
Пойду я, Василій, во Святую Русь,
Привезу тебѣ царицу Соломбниду“.
Эти рѣчи царю во любви пришли,
Во любви пришли, очень поглянулись.
85. Далъ ему три корабля, три червленыхъ;
Нагрузилъ ихъ товарами заморскими:
Первой нагрузилъ краснымъ золотомъ,
Второй нагрузилъ чистымъ серебромъ,
Третій нагрузилъ скатнымъ жемчугомъ,
90. Накладъ напитоковъ забудущихъ;
Пошелъ тогда Василій на Святую Русь.
Приходить во гавань корабельную,
Въ гавань заходить—платить пошлину;

- Якорь кладеть—платить пошлину;
95. Парусъ ронить—платить пошлину;
Береть онъ подарочки великіе.
Что во ту пору во то время
Соломѡна дома не случилось:
Уѣхаль во иностранныя гѡроды
100. Сбирать дани пошланы
За тѣ двѣнадцать годовъ вышедшихъ.
Взявши онъ подарочки великіе,
Идетъ онъ къ царицѣ Соломѡнидѣ.
Отворяетъ Василій двери въ пятау;
105. Не кститъ своо лица чернаго,
Не кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ царицѣ Соломѡнидѣ:
„Здравствуй, царица Соломѡнида!“
Говоритъ царица Соломѡнида:
110. „Здравствуй, Василій Пустоволосовичъ!
Зачѣмъ пришелъ, что просишь ты?“
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломѡнида!
Я пришелъ къ тобѣ съ подарками великими“.
115. Подаетъ царицѣ Соломѡнидѣ
Тѣ подарочки великіе.
Принимала царица Соломѡнида
Тѣ подарочки великіе.
„Ужъ ты гой еси, царица Соломѡнида!
120. Добро жаловать ко мнѣ на червленъ корабль
Оцѣнить мои товары заморскіе,
Чего мои корабли будутъ стоить“.
Говорила царица Соломѡнида:
„Поди, Василій, къ себѣ на червленъ корабль,
125. Буду я къ тебѣ на червленъ корабль;
Посмотрю твоихъ товаровъ заморскихъ“.
Пошелъ Василій на червленъ корабль;
Пошла царица Соломѡнида
Къ Василію на червленъ корабль.
130. Бьетъ челомъ Василій царицѣ Соломѡнидѣ:
„Здравствуй, царица Соломѡнида!“
Бьетъ челомъ въ каюту корабельную.
Заходитъ царица Соломѡнида
Въ ту каюту корабельную;
135. Напоилъ тутъ царицу Соломѡниду
Тѣми напитками забудущими.
Заспала тутъ царица Соломѡнида

- Въ той каютѣ корабельныя.
Выходитъ Василій изъ каюты корабельныя
140. На ту палубу дубовую:
„Ужъ ты гой еси, дружинушка добрая!
Отсѣките якори булатныя,
Распущайте парусы полотняны“!
- Въ ту пору дружина не ослышалась:
145. Отсѣкла она якори булатныя,
Развивала парусы полотняны;
Пошли изъ гавани корабельныя.
Падала повѣтеръ способная;
Выходитъ Василій на сине море,
150. И русска земля потаилася,
А невѣрна земля возвременилася.
Пробудилась царица Соломѣнида,
Сама говорила таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Василій Пустоволосовичъ!
155. Ты куда меня везешь, куда повезъ“?
Говорить Василій Пустоволосовичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломѣнида!
Везу тебя къ царю Василию Окульеву,
Везу тебя за него замужъ“.
160. Приходитъ Василій Пустоволосовичъ
Во ту во гавань корабельную.
Кладетъ Василій якори булатныя,
Подвиль парусы полотняны;
Выдернулъ флаги шелковые.
165. Увидѣлъ Василій, царь Окульевичъ,
Тѣ свои три корабля червленныя,
Пошелъ встрѣчать Василій, царь Окульевичъ.
Что того же Василия Пустоволосова.
Увидалъ онъ царицу Соломѣниду,
170. Беретъ онъ ее за бѣлы руки,
Цѣлуетъ въ уста сахарныя,
Повель въ палату бѣлокаменну.
У Василия повелся тогда почестень пирь
Со того со веселья со великаго.
175. Во ту пору во то время
Приѣзжаетъ Соломонъ царь Давыдовичъ,
Во тѣже палаты бѣлокаменны.
Не встрѣчаетъ его царица Соломѣнида.
Говорить Соломонъ царь Давыдовичъ:
180. „Ужъ вы здравствуйте, князи, бояри!
Ужъ вы гой еси, князи, бояри,

- Что же не встрѣчаетъ меня молода жена,
Развѣ больна она у меня находится,
Или ее въ домѣ не случилось“?
185. Говорили тогда князи-бояри:
„Ужъ ты гой еси, Соломонъ царь Давыдовичъ!
Приходилъ къ намъ Василій Пустоволосовичъ,
Приходилъ онъ на трехъ корабляхъ червленихъ,
Увезъ твою царицу Соломониду
190. Къ тому царю Василію Окульеву,
Повезъ къ Василью за него замужъ“.
Эти ему рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досаду за великую.
Сталь тогда Соломонъ собиратися,
195. Сталь онъ со дружиной собрунятися.
Собраль онъ дружину хоробрую,
Собраль тридцать безъ единаго,
Самъ былъ тридцатый.
Отправились они сухимъ путемъ,
200. Ъхать надо было три года,
Переѣхали они въ три мѣсяца;
Не доѣхали они до Новгорода,
Становились они во чистомъ полѣ,
Разставили они бѣлы шатры.
205. Говорилъ-то имъ Соломонъ царь Давыдовичъ:
„Ужъ вы гой еси, дружина храбрая!
Я вамъ стану что наказывать,
Исполните вы мое наказанье:
Пойду я калѣкой перехожею,
210. Ко тому царю Василію Окульеву,
Просить я милостыни спасення
Для-ради Царя Христа небеснаго;
Только слушайте мое наказанье:
Я заиграю во дудочку во мѣдную,
215. Хватайте вы тогда коней добрыхъ;
Заиграю во дудочку въ серебряну,
Сѣдлайте вы коней добрыхъ;
Заиграю во дудочку во золоту,
Тогда скачите на добрыхъ коней,
220. Тогда рубите стараго и малаго,
Не покидайте ни единаго на сѣмена“.
Тогда пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Тою калѣкою перехожею.
Приходить ко гридни княженецкія,
225. Кричить зычнымъ голосомъ,

- Просить милостыни спасеня
Для-ради Христа Царя небеснаго.
Окульева тогда дома не случилось;
Услышала царица Соломѣнида,
230. Сама говорила таковы рѣчи:
Не калѣка пришелъ со Святой Руси,
Пришелъ-то Соломонъ царь Давыдовичъ.
Добро жаловать ко мнѣ, Соломонъ,
Хлѣба-соли ѣсть, пива-меду пить“.
235. Пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Во ту во спальну во царевую.
Сидять, пьютъ, прохлажаются.
Во ту пору во то время
Пріѣхалъ Василій царь Окульевичъ.
240. Говорить царица Соломѣнида:
„Ты Соломонъ царь Давыдовичъ!
Куда я тебя укрою?
Есть у меня да окованъ сундукъ,
Ложись-ко-се ты въ окованъ сундукъ,
245. Не увидить тебя Василій царь Окульевичъ“.
- Легъ то Соломонъ во кованъ сундукъ,
Замкнула его царица Соломѣнида.
Приходитъ Василій царь Окульевичъ;
Стали пить, ѣсть—прохлажатися;
250. Говорить царица Соломѣнида:
„Сказали про Соломона на Святой Руси,
Что на Святой Руси Соломонъ хитерь-мудерь,
А теперъ Соломона глупѣе нѣтъ:
Лежитъ онъ въ сундукѣ кованомъ“.
255. Говорить Василій царь Окульевичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломѣнида!
Выпуцай-ко Соломона Давыдова,
Сѣку я у него буйну голову“.
- Отмыкала царица Соломѣнида окованъ сундукъ,
260. Скакалъ Соломонъ на рѣзвы ноги,
Береть Окульева за бѣлы руки,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„У насъ на Руси не сѣкутъ царей;
Сдѣлай ты реинну высокую,
265. Повѣсь на ней три петельки великія:
Первую петельку варовую,
Вторую (петельку) липову,
А третью (петельку) шелковую“.
- Говорить царица Соломѣнида:

270. „Ты гой еси, Василій царь Окульевичъ:
Пора тебѣ на Соломона указъ чинить,
Пора ему голову сказнить:
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.
Говорилъ Василій царь Окульевичъ:
275. „Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Стали дѣлать реину высокую,
Повѣсили три петельки великія:
Первую петельку варовую,
Вторую (петельку) липову,
280. Третью (петельку) шелковую.
Повели Соломона на реину высокую
Со той со славой со великою.
Говорилъ-то Соломонъ царь Давидовичъ:
„Ужъ вы гой еси, народы православныя,
285. Воротитесь вы панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будетъ“.
Мудрой-то народъ воротилися,
А глупой народъ впередъ идетъ.
Говорить Соломонъ во второй законъ:
290. „Воротитесь, панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будетъ“.
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупый-то впередъ идетъ.
Говорить Соломонъ во третей законъ:
295. „Воротитесь вы, панове-уланове
Соломону ¹⁾ смерть страшна будетъ“.
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупой-то впередъ идетъ.
Пришли ко реинѣ высокія;
300. Ступилъ Соломонъ на перву ступень,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Благослови, Василій царь,
Поиграть во дудочку во мѣдную.
Царя съ царицей приутѣшити,
305. А мнѣ край смерти возвеселитися“.
Говорить Василій царь Окульевичъ:
— Играй-ко, Соломонъ, сколько тѣ надобно.—
Говорить царица Соломониди:
„Пора тебѣ, Соломону, указъ чинить—
310. Указъ чинить, голова сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.

---

¹⁾ Соломонова.

- Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Заигралъ во дудочку во мѣдную,
315. Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣдлали нуздали коней добрыхъ.
Ступилъ Соломонъ на втору ступень.
„Благослови, Василій царь,
Сыграть во дудочку во серебряну
320. Тебя съ царицей приутѣшити,
А мнѣ по край смерти взвеселитися“.
— Играй-ко, Соломонъ, сколько тѣ надобно“.—
Говоритъ царица Соломонида:
„Пора Соломону указъ чинить—
325. Указъ чинить—голова сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Заигралъ во дудочку серебряну:
330. Услыхала дружинушка хоробрая,—
Легко скачетъ на добрыхъ коней.
Вступилъ Соломонъ на третью ступень:
„Благослови, Василій царь,
Сыграть во дудочку въ золоту“.
335. — „Играй, Соломонъ, сколько тѣ надобно“.—
Говорила царица Соломонида:
„Пора Соломону указъ чинить,—
Пора ему голову сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.
340. Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Заигралъ во дудочку во золоту:
Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣкутъ стараго и малаго.
345. Береть Соломонъ Василья за бѣлы руки,
Кладеть Окульева во петельку шелковую,
А царицу Соломониду въ варовую,
А Василья ¹⁾ во липову;
Пускай виснетъ, а не давится.
350. Вотъ тѣмъ дѣло окончилось.

Записана священникомъ Вл. Розоновымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотницѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныхъ П. С. Ефименкомъ.“ Ч. 2-я стр. 21—25.

¹⁾ Пустоволосовича.

68. Соронъ наликъ со калиною.

- Отъ моря морюшка отъ синяго,
Отъ синяго моря студенаго,
Отъ озера Маслеева,
Собиралися калики перехожіе,
5. Соронъ каликъ со каликою.
Собиралися ко кресту Леванидову,
Еще клали они заповѣдь великую,
Великую заповѣдь тяжелую:
„Не ходитъ намъ къ царямъ, царевичамъ,
10. Не ходитъ намъ къ королямъ, королевичамъ;
Кто изъ насъ, братцы, заворуетъ,
Кто изъ насъ, братцы, заплутуетъ,
Кто изъ насъ, братцы, за блудомъ поидеть,
Намъ судить таковаго своимъ судомъ,
15. Намъ копать таковаго въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи де ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечьми“.
Пошли-то калики по чисту полю,
20. День идуть и другой идуть.
На встрѣчу каликамъ идетъ Владимиръ князь,
Не доѣхаль до каликъ, онъ съ коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
25. Вы калики перехожіе,
Здравствуй-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Касьянъ сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Михайло сынъ Михайловичъ!“
Тѣхъ-то каликъ лучше краше нѣтъ:
30. Платье на нихъ словно маковъ цвѣтъ,
Сумочки были лита¹⁾ бархата,
Подсумочки были хрусчатой камки.
„Гой еси, удалы добры молодцы!
Спойти-ко мнѣ Еленинскій стихъ;
35. Захотѣлося мнѣ отъ васъ послушати“.
Ужъ и тутъ калики не ослушались,
Во сыру землю копыцца потыкали,
Запѣли калики Еленинскій стихъ,
Запѣли, захотали въ полъ-крикъ;

¹⁾ Рыта.

40. Земля-то мати потрясалася,
Во озерахъ воды всколыхалися,
Темные лѣса пошаталися,
На горахъ-де сыры дубы выгибалися.
Не можетъ Владимиръ стоячи стоять,
45. Не можетъ Владимиръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владимиръ лежучи лежать;
Увалился его Алешинько извощичекъ,
Увалился его Добрынюшко запятничекъ.
Говорилъ имъ Владимиръ таковы слова:
50. „Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы,
Не могу я стоячи стоять,
Не могу я сидючи сидѣть,
Не могу я лежучи лежать,
Увалился мой Алешинько извощичекъ,
55. Увалился мой Добрынюшко запятничекъ,
Ужъ вамъ полно пѣть Еленскій стихъ“.
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Брали сумочки бархатныя,
Пошли калики во чисто поле.
60. Ужъ и тутъ Владимиръ возговорилъ:
„Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы!
Пойдете вы мимо крашенъ Кіевъ градъ,
Приворачивайте-ко къ молодой княгинюшкѣ Апраксіѣ.
Милости просимъ хлѣба-соли ѣсть,
65. Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить“.
Пошли тѣ калики по чистому полю;
День они идутъ и другой идутъ,
Доходятъ они до палатъ княженскіихъ,
Ко тое-ли околени стеклянныя.
70. Запросили они милостинку Христа ради,
Для-ради Христа, Царя небеснаго.
Попросили они въ поль-крику:
Земля-то мати потрясалася,
На озерахъ вода всколыхалася,
75. На столахъ-то кушанья всплескались,
Муравлены печки помитусились.
Услыхала тутъ княгинюшка Апраксія,
Высовывалась она въ окошечко по поясу:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
80. Вы калики переходіе,
Здравствуй-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Касьянъ сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Михайло сынъ Михайловичъ!

- Просимъ милости хлѣба-соли ѣсть,
85. Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить
Ко молодой княгинѣ ко Апраксѣ“.
Заходили калики на красно крыльцо,—
Ступешекъ до ступешка догибается;
Заходили калики на новы сѣни,—
90. Новы сѣни выгибалися;
Заходили калики въ свѣтлу GRIDНЮ,
Ужъ и крестъ кладутъ они по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ да по ученому:
„Ужъ ты здравствуй-ко, княгинюшка Апраксія!“
95. Заходили они за столы за дубовые,
За тѣ скатерти за перчатныя,
За тѣ же за кушанья сахарныя.
Тутъ калики поѣли, покушали,
Бѣлыя лебедушки порушали.
100. Выходили изъ за столовъ дубовыхъ,
Выходили изъ за скатертей перчатныхъ,
Ужъ и крестъ кладутъ по писаному,
Ужъ и поклонъ кладутъ по ученому:
—Благодарствуй, княгинюшка Апраксія!—
105. „Ужъ вы гоѣ еси, удалы добры молодцы!
Ужъ и день идетъ ко вечеру,
Ужъ и солнышко клонится къ западу,
Не пора-ли намъ, калики, опочивъ держать?
Выведу я васъ да по единому“.
110. Стали калики да опочивъ держать,
Развела она ихъ да по единому.
Брала къ себѣ Михайла Михайловича,
Ложила его на кроваточку тесовую,
Ложила его на периночку пуховую,
115. На подушечки тяжеляя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Случилося ночи во первомъ часу,
Соходила княгинюшка со печки со муравленя,
Ложилася на кроваточку тесовую,
120. На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжеляя,
Подъ то одѣялышко соболиное,
Накинула на Михайлушку ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
125. „Ужъ ты гоѣ еси, Михайлушка Михайловичъ!
Ты влюбись-ко ся въ меня, княгиню Апраксю,
Ты наймись-ко ся къ князю Владимиру во работники.

- Ужь мы станемъ съ тобой за едино жить,
За едино жить, да любовь творить“.
130. — Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая,
Великая заповѣдь тяжелая:
Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходить намъ къ королямъ, королевичамъ,
135. И кто изъ насъ заворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ пойдетъ,—
Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать такого въ землю по поясу,
140. Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечьми.—
Ушла княгиня на ту печку на муравленую.
Случилось ночи во второмъ часу,
145. Соходила княгинюшка со печки со муравленья.
Ложилася на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелья,
Подъ то одѣялышко соболиное,
150. Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
„Ужь ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
Ты влюбись-ко ся въ меня княгиню Апраксію,
Ты наймись-ко ся къ князю Владимиру во работники.
155. Ужь мы станемъ съ тобой за едино жить,
За едино жить, да любовь творить“.
- Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая,
Великая заповѣдь тяжелая:
160. Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходить намъ къ королямъ, королевичамъ,
И кто изъ насъ заворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ пойдетъ,—
165. Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать такого въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечьми.
170. Ушла княгиня на ту печку на муравленую.
Случилось ночи во третьемъ часу,

- Заспалъ тутъ Михайлушка крѣпкимъ сномъ.
Соходила княгиня со печки со муравленья,
Брала тутъ сумку лита бархата,
175. Расшила, растягала сумку бархатную,
Клала въ нее братыню серебряную,
Изъ которой братыни князь съ прїѣзда пьетъ,
Зашила, застегала сумку по старому.
Вставали калики рано по утру,
180. Ключевой водой умывалися,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ утиралися;
Снарядилися калики переходіе,
Пошли калики во чисто поле.
Прїѣхалъ тутъ Владимиръ князь:
185. — Ужъ ты гой еси, княгинюшка Апраксія!
Гдѣ моя братынюшка серебряная,
Изъ которой я съ прїѣзда пью?—
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ князь!
Ночевали у насъ калики переходіе,
190. Украли у насъ братынюшку серебряную“.
Кому была служебка надмѣчена?—
Алешинькѣ была служебка явлена:
„Поѣзжай-ко ты, Алешинька, во чисто поле,
Состыги ты каликѣ да во чистомъ полѣ,
195. Отбери у нихъ братынюшку серебряную.
Не видали поѣздки богатырскія,
Только видѣли во чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, дымъ столбомъ валитъ,
Изъ ушей, изъ ноздрей коня пламя огненное.
200. Выѣхалъ Алеша на шеломя окатистое,
Посмотрѣлъ Алеша въ трубку подозорную
Да на всѣ четыре дальнія сторонки—
И завидѣлъ каликѣ да на чистомъ полѣ,
Завылъ, закричалъ громкимъ голосомъ:
205. «Ужъ вы гой еси, калики переходіе!
Ночевали вы у князя Владимира,
Украли братынюшку серебряную“.
Ужъ и тутъ каликамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
210. Подождали Алешиньку близко-наблизко,
Хватали Алешиньку со добра коня,
Алешинькѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали Алешинькѣ ж . . . . ку сколько надобно,
Посадили Алешиньку на добра коня,
215. Привязали Алешиньку ко стременамъ;

- Едва-едва онъ на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Выходилъ Владимиръ на высокъ балконъ,
Смотрѣлъ Владимиръ въ трубку подзорную.
220. Увидалъ, что Алешинька едва на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Доѣзжаетъ Алешинька ко Владимиру:
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ стольно-кѣвскій!
Какъ догналъ я каликъ да во чистомъ полѣ,
225. Зазычалъ я, закричалъ громкимъ голосомъ:
—Ужъ вы гой еси, калики перехожіе!
Ночевали вы у князя Владимира,
Украли братынюшку серебряную.—
Ужъ и тутъ пождали меня близко-наблизко,
230. Хватали меня со добра коня;
Ужъ и мнѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали ж . . . . сколько надобно;
Посадили меня на добра коня,
Да и привязали меня ко стременамъ“.
235. Кому служебка была надмѣчена?
Добрынюшкѣ была служебка явлена.
Выѣхалъ Добрынюшка на шеломя окатистое,
Завидѣлъ каликъ да во чистомъ полѣ.
Обѣхалъ Добрынюшка дорожками посторонними,
240. Ѳдетъ онъ каликамъ на встрѣчу,
Не доѣхалъ, со коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
«Ужъ вы здравствуйте, калики перехожіе!
Не попалась-ли какъ къ вамъ братынюшка серебряная,
245. Изъ которой братыни князь съ прїѣзду пьетъ»?
Тутъ калики другъ на друга осердились,
И стали по сумочкамъ похаживать,
Доходятъ до сумочки Михайлушки Михайловича,
Распили сумочку лита бархата
250. И вымали братынюшку серебряную;
Отдали ее Добрынюшкѣ Никитичу,
И уѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
И стали они казнить Михайлушку своимъ судомъ
И копали его въ землѣ по поясу,
255. Рѣчиствъ то языкъ тянули къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечми.
И отѣхали они близко-наблизко,—
Идетъ Михайлушка здоровешенекъ.

260. Казнили они его во второй законъ,—
Идетъ къ нимъ Михайлушка по прежнему.
Казнили они его въ третій законъ,—
Идетъ Михайлушка по прежнему.
Подождали тутъ Михайлушку.
265. «Ужь ты гой еси, Михайлушко Михайловичъ!
Ужь и какъ тебѣ попалася братынюшка серебряная?»
—Ночеваль я у княгинюшки Апраксіи
И случилось ночи во первомъ часу ¹⁾...
- И положила она мнѣ братынюшку понасередкѣ“.—
270. Тутъ калики распростилися.
Пошли калики во чисто поле,
День идутъ и ночь идутъ.
Дошли калики до Іерусалима града;
Тутъ они Богу помолилися,
275. На плакунѣ травѣ покаталися,
Во Іорданѣ рѣкѣ искупалися.
Тутъ калики всѣ представилися.

Записана въ г. Мезени г. Никольскимъ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельск. губ., собранныхъ П. С. Ефименкомъ“. Ч. 2-я стр. 41—43. По словамъ г. Никольскаго, пѣвцы называютъ эту былинну „Еленинскимъ стихомъ“.

*69. Наѣздъ Литовцевъ.

- Жили были Левики королевичи,
Чолпанá короля Политовскаго племянники,
Пріѣзжали оны къ своему дядюшки,
Чолпану королю Политовскому:
5. „Ай же ты нашъ дядюшка.
Чолпанъ король да Политовскіи,
Ты дай-ко намъ прощенье съ благословеньцемъ,
Штобы съѣздить-то намъ да на святую Русь,
На святую Русь въ каменну Москву,
10. Къ мѣлодому князю Константину Дмитричу,
Погостить къ нему, а каменну Москву подъ себя забрать“.
Тутъ отвѣтъ держаль Чолпанъ король да Политовскіи:
—Ай же вы Левики королевичи,
Я не дамъ вамъ прощенье съ благословеньцемъ,
15. Штобы ѣхать-то вамъ на святую Русь,

¹⁾ Повторяется тотъ же рассказъ, который былъ приведенъ выше.

- На святую Русь, въ каменну Москву;
А кто на Русь не ѣзживалъ,
Никто съ Руси счастливъ да не выѣживалъ;
А вамъ счастливымъ не выѣхать.
20. Поѣзжайте вы лучше въ Золоту Орду;
Въ Золотой Орды добрыѣ кони по конюшнямъ застоялисе,
Призакóптѣло платьѣ цвѣтное,
И призаржавѣла тамъ золотá казна;
Оберите-тко вы платьѣ цвѣтное,
25. И оберите-тко вы золотú казну;
Да того на вѣкъ будетъ не прожить-то вамъ.—
Какъ тутъ-ли Левики королевичи,
Чолпанá короля Политовскаго племянники,
Пріѣзжали оны въ Золоту Орду,
30. И óбрали оны добрѣхъ коней,
И óбрали да платьѣ цвѣтное,
И óбрали оны да золоту казну,
И возвратились оны въ свою землѣ.
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
35. Поѣхали оны да во святую Русь,
Во святую Русь да въ каменну Москву,
И не завернули больше къ своему дядюшки,
Къ Чолпану королю да Политовскому.
Пріѣзжали оны во первó село,—
40. Во первомъ селѣ было три церквѣ,
Было три церквѣ собóрныя;
Оны óбрали золоту казну,
Оны то село огнемъ сожгли.
Пріѣзжали оны во другó село;—
45. Во другомъ селѣ было шесть церквей,
Было шесть церквей собóрныхъ;
Оны зóлоту казну оны óбрали,
Оны то село огнемъ сожгли.
Пріѣзжали оны въ третьѣ село;
50. Во третьемъ селѣ было девять церквей,
Было девять церквей да собóрныхъ;
Золотую казну оны óбрали,
И то село огнемъ сожгли,
И полóнили тутъ половяночку,
55. Молоду княжну Настатью Дмитревну
Съ двумѣсяшнымъ со младенчикомъ,
И завернули они за быстру рѣку
За бѣстру рѣку за Смородину,
И раскинули шатеръ бѣлополóтняннóй.

60. Тутъ пріѣхалъ гонецъ въ каменнѣ Москву
Къ молодому князю Кѳнстантину Дмитричу,
Самъ онъ говоритъ таковѣ словѣ:
„Какъ пріѣхали Левики королевичи,
Чолпанѣ короля Политовскаго племянники,
65. Пріѣхали оны да на святую Русь,
На всятую Русь да во первѣ село;
Во первомъ селѣ было три церквы,
Было три церкви соборныхъ;
Золоту казну оны ѳбрали,
70. И то село огнемъ сожгли;
И пришли оны во другѣ село;
Во другомъ селѣ было шесть церквей,
Было шесть церквей соборныхъ;
Золоту казну оны ѳбрали,
75. И то село огнемъ сожгли.
И пришли оны во третьѣ село;—
Во третьемъ селѣ было девять церквей,
Было девять церквей соборныхъ;
Золотую казну оны ѳбрали,
80. И то село огнемъ сожгли,
И полонили полоняночку
Молоду княжну Настасью Митревну
Со двумѣсяшнымъ со младенчикомъ,
А самѣ завернули за быстру рѣку
85. За быстру рѣку за Смородину,
И раскинули шатеръ ѳлополотняннѣ.
Какъ тутъ-ли молѣбный князь Кѳнстантинъ да Дмитревичъ
Онъ хватилъ ножище кивжалище,
Ударилъ ножищемъ о дубовой столъ;
90. Пролетѣло ножище сквозь дубовой столъ,
Да пролетѣло ножище и сквозь кирпиченъ полъ.
Самъ онъ говоритъ таковѣ слово:
„Не дойдетъ поганымъ надъ святой Русью да насмѣхатися“!
И собралъ онъ три полка три тысячныхъ,
95. И поѣхалъ ко рѣки да ко Смородины,
И роскинули шатры ѳлополотнянны;
Самъ онъ взговорилъ таково слово:
„Ай же вы мои да князья-ѳбѣра,
Какъ закрычатъ черной воронъ на сыромъ дубу во первой разъ,
100. Тогда вы кѳней сѣдлайте;
Какъ закрычатъ черной воронъ во другѣ разъ,
Тогда переправляйтесь вы черезъ быстру рѣку Смородину;
Закрычатъ-то черной воронъ во трѣтей разъ,

- Тогда берите вы Левиковъ королевичевъ,
105. Чолпанъ короля Политовскаго племянниковъ*.
Самъ повернулся сѣрымъ волкомъ
И побѣжалъ за рѣку за Смородину,
Прибѣжалъ во конюшни во стоялые
И у всѣхъ коней глотки повыхваталъ;
110. Повернулся сѣрой волкъ добрымъ мѣлодцемъ,
И зашелъ-то онъ въ оружейныя,
И ружья-то вси онъ повыломалъ,
И пули по чисту полю порѣскидалъ;
Повернулся доброй мѣлодецъ горносталюшкомъ,
115. И забѣжалъ на шатеръ бѣлополотнянной,
И сталь-то онъ да попрыгивать,
А бѣлополотнянной шатеръ да сталь подрыгивать.
Тутъ прогѣворить Настасья Дмитриевна:
„Не твой-ли дядюшка попрыгиваетъ,
120. Што шатеръ бѣлополотнянной подрыгиваетъ?“
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
Бросили на верхъ шубу соболиную,
А горносталюшко скочилъ да на окошечко;
Повернулся горносталъ да чѣрнымъ ворономъ,
125. Садился чѣрный воронъ на сѣрой дубъ,
И закрычалъ-то онъ во все горло во первой разъ:
Тутъ русскіе могучіе богатыри
Сѣдлали они да добрыхъ коней;
Тутъ закрычалъ чѣрный воронъ во другой разъ:
130. Переправлялись войска да за быстру рѣку,
За быстру рѣку да Смородину.
Говорятъ тутъ Левики королевичи:
„Не кричи-тко, черной воронъ, на сыромъ дубу;
Мы сходимъ-то въ оружейную,
135. И подстрѣлимъ тебя чѣрна вѣрона,
А кровь прольемъ по сыру дубу“.
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
Приходятъ оны въ оружейну;—
Ружья ты вси да повыломаны,
140. И замочки изъ ружей повыщелканы,
А пульки по чисту полю порѣскиданы;
И приходятъ оны во конюшни во стоялые;—
И у всѣхъ коней глотки повыхватаны,
И кони у нихъ да повѣдавлены.
145. Тутъ закрычалъ то чѣрный воронъ во третій разъ:
И наѣхала тутъ сила армія;
Повернулся чѣрной воронъ добрымъ мѣлодцемъ

- Тутъ взяли оны Левиковъ королевичевъ:
Старшему глаза да повыкопали,
150. А младшему ноги повырубили,
И посадили младшого на старшого,
Штобы старшому нести,
А младшому дѣрога показывать,
И отпустили ихъ во свою землю,
155. Во свою землю въ погану Литву.
Приходятъ оны къ свѣему дядюшки,
Къ Чолпану королю Политовскому.
И говорить имъ рѣдной дядюшка,
Чолпанъ король Политовскій:
160. „Ай же вы мои Левики,
Ай же вы мои королевичи!
Не послушались своего дядюшки,—
Теперь на вѣкъ сдѣлались вы каликамъ.
Кто на Русь не ѣзживаль
165. Никто счастливъ съ Русі да не выѣзживаль“.

Записана въ 1886 г. Ѡ. М. Истоминамъ въ погостъ Космозеро, Петрозав. у., Олонец-губ., отъ сказителя И. А. Басьянова.

70. Конецъ богатырей.

(Отрывокъ).

- Собиралосе на поле Бойканово триста богатырей;
Енѣ думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу заединую:
„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,
5. Кругомъ всей земли, кругомъ всей орды,
Мы всю землю святорусскую внизъ повернули,
Самого бы царя въ полонъ взяли.
Кабы была на небо лисница,—
Мы бы выстали на небо,
10. Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа въ полонъ взяли“.
Услышалъ Христосъ риць похвальную,
Похвальную, супротивную,—
Спустилъ съ небесъ поляницу удалую.
15. Прибила поляница всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:
Перваго богатыря Добрынюшку,
Другаго Олешеньку,
Третьяго Илью Муромца.

20. Они со той со страсти, со ужаси
Уѣзжали на поле Боиканово,
И разставили шатры бѣлополотнянны.
Они спали три дня и три ночи,
Не пиваючи и не ѣдаючи...

Былинный отрывокъ записанъ въ Олонецкой губ., въ Вытегорск. уездѣ, учителемъ Сойдинскаго училища Константиномъ Маклюновымъ отъ крестьянина дер. Соиды Дементія Тимоеева, который при „сказываніи“ прикрѣпилъ его къ былинѣ, напечатанной у насъ выше подъ № 14 и записанной отъ того же сказителя.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І. Свѣдѣнія о крестьянинѣ пѣвцѣ былинѣ Л. Г. Тупицынѣ.

(Изъ рукописной замѣтки покойнаго сибирскаго этнографа С. И. Гуляева)¹⁾.

Большая часть былинъ, вошедшихъ въ сборникъ покойнаго Степана Ивановича Гуляева, были записаны имъ со словъ крестьянина Барнаульской волости, деревни Ересной (въ 5-ти верстахъ отъ Барнаула) Леонтія Гавриловича Тупицына, съ которымъ Степанъ Ивановичъ познакомился въ январѣ 1871 г. Желая поближе приглядѣться къ обстановкѣ жизни Тупицына, С. И. Гуляевъ въ декабрѣ 1871 года отправился изъ Барнаула въ деревню Ересную и сообщаетъ въ своей замѣткѣ слѣдующія свѣдѣнія, которыя передаемъ его же словами:

«Деревушка Ересная—небольшая и крайне бѣдная, основана прадѣдомъ Тупицына при постройкѣ Демидовымъ Барнаульскаго завода. Тупицынъ жилъ съ семьей въ маленькой кое-какъ сколоченной изъ тонкимъ бревешекъ избѣ, безъ сѣней, съ дверью прямо на улицу. Когда мы вошли въ избу, Тупицынъ «топталъ» (валялъ) сукно въ корытѣ, держась руками за жердь, уврѣвленную подлѣ стѣны. Съ печи выглядывали четверо мальчугановъ въ теплыхъ шапкахъ. Жена мыла горшки и чашки. Обстановка была самая жалкая».

По прїѣздѣ въ Барнаулъ, Тупицынъ, оставшись погостить, передалъ С. И. Гуляеву слѣдующій рассказъ:

«Прадѣдъ мой, Лазарь—говорилъ онъ—вышелъ откуда то изъ Россіи, на р. Ишимѣ, а потомъ, по основаніи А. Н. Демидовымъ Барнаульскаго завода, поселился съ другими выходцами тамъ, гдѣ теперь деревня. Сначала они жили въ землянкахъ, занимались рыбною ловлей; перевозили на заводъ дрова, руду и уголь. Дѣдъ Иванъ умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ. Отецъ Гаврило жилъ болѣе семидесяти. Оба знали много былинъ, пѣсенъ и преданій. Кромѣ того дѣдъ, какъ свадебный дружка, славился еще и знахарствомъ и выкидывалъ на свадьбахъ непостижимыя штуки противъ недобрыхъ знахарей и знахарокъ. Отецъ, занимаясь по вечерамъ какою либо работою, постоянно напѣвалъ былины, или рассказывалъ о стародавнихъ временахъ. Во время исправленія заводскаго «повытка», когда стануть, бывало, «лагеремъ» на ночлегъ, тогда всѣ, собравшись къ огню, садились около старика и слушали былины, которыя любили также и господа, и казаки, охранявшіе соляныя озера (Ямышевское и Боровыя), куда старикъ ѣздилъ за солью, и всегда дозволяли ему за пѣнье нагребать бесплатно воза по три соли. Слушая былины, я напѣвалъ ихъ послѣ одинъ и удержалъ въ памяти; но много и позабылъ». Тупицынъ былъ неграмотный.

¹⁾ Сообщаемыя нами свѣдѣнія о Тупицынѣ были уже напечатаны въ 1874 въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географа. Общества т. X № 6“ Л. Н. Майковымъ, заимствовавшимъ ихъ изъ письма къ нему С. И. Гуляева.

«Въ то время, къ которому относится разсказъ Леонтія Тупицына (умершаго въ 1878 г.), онъ считалъ себѣ болѣе шестидесяти лѣтъ. Овдовѣвъ передъ этимъ лѣтъ за двадцать пять, женился въ другой разъ. Отъ первой жены осталось у него три сына и три дочери. Отъ второй онъ имѣлъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей. Сыновья отъ перваго брака всѣ женаты, а дочери замужемъ. Когда мы посѣтили Тупицына, старшему сыну отъ второй жены было 17 лѣтъ. Занимаясь рыбною ловлей, перевозкой руды и угля, умѣя дѣлать лодки, телѣги, дровни и разную посуду, вить веревки, прясть пеньку для сѣтей и вязать ихъ, онъ жилъ хорошо; но по смерти первой жены, женитьбы сыновей и выдачи дочерей замужъ, когда семья разрознилась, хозяйство стало разстраиваться, особенно послѣ двухъ постигшихъ его несчастій, которыя довели его до крайней бѣдности.

Первое, случившееся въ 1855 или 56 году, состояло въ томъ, что однажды, когда онъ побѣгалъ на дровняхъ за сѣномъ, вонзилась въ икру лѣвой ноги сосновая «зелина» («зелъ», изъ котораго готовятъ «заѣзки» для верши). Выдергивая занозу, онъ переломилъ ее; нога въ колѣнѣ согнулась, отъ чего и отъ боли онъ девять лѣтъ ходилъ съ большимъ трудомъ на костыляхъ, но все-таки занимался домашними работами. Рана не заживала, но на девятомъ году, на другой сторонѣ ноги, противъ раны образовался нарывъ и показался конецъ занозы, которую онъ мало по малу и вытаскилъ, послѣ чего рана закрылась, нога же осталась согнутою, такъ что онъ во время ходьбы ступалъ только на оконечности пальцевъ, не касаясь подошвою земли. Другое несчастье—внезапная слѣпота, поразившая Тупицына въ 1863 году. «Въ мясопустное заговѣнье, говорилъ онъ,—я былъ въ гостяхъ у двоюроднаго брата Ивана Тупицына. Возвращаясь домой часовъ въ шесть вечера, я шелъ по переулку; погода была тихая, но вдругъ пахнулъ въ лицо налетѣвшій съ косогоора вѣтерокъ, отъ чего у меня затряслись вѣки и въ глазахъ потемнѣло, такъ что я добрался до избы уже ощупью». На эту странную причину внезапной слѣпоты я обратилъ вниманіе мѣстныхъ медиковъ, которые отзывались, что подобные случаи бывають.

Несмотря на потерю зрѣнія, Тупицынъ постоянно занимался какою-либо работою, прялъ пеньку и ленъ на сдѣланной имъ самимъ же до слѣпоты «прядеѣ» (самопрялкѣ), вязалъ сѣти и другіе рыболовные снаряды, выдалбливалъ водопойныя колоды и корыта, «сѣльницы» (сѣяльницы), «начовки» (лотки для «шанегъ» и калачей), дѣлалъ грабли и вилы, косилъ траву, когда укажутъ ему «постать» (мѣсто, гдѣ стануть косить); шилъ даже «азямы» (армяки) изъ крестьянскаго сукна, скроенные женою, причеъ кто нибудь изъ дѣтей вдѣвалъ въ иголку нитку. Не за долго передъ моимъ знакомствомъ съ нимъ, Тупицынъ нарубилъ 12 сажень дровъ для одного изъ сосѣдей. Послѣ, по моему заказу, сдѣлалъ двѣ водопойныя колоды, выдолбленныя изъ сосновыхъ бревенъ. Однажды, пріѣхавши ко мнѣ лѣтомъ 1871 года, приготовилъ пару головокъ для граблей, а изъ коры, содранной съ молодыхъ деревьевъ ветлы, свилъ веревку, употребляемую для «кошекъ» (якорей изъ «каракуль» — сучковатыхъ вершинокъ сосны, на подобіе мутовокъ). Многіе, видя Тупицына, работающаго подобно зрячему, не вѣрили, что онъ слѣпъ; но мнѣніе это совершенно неосновательно: зрачки глазъ у него были тусклы, и падающіе прямо на глаза солнечные лучи не производили на него никакого впечатлѣнія. Онъ замѣчалъ, однакожъ, солнечный свѣтъ и огонь свѣчки, но изъ окружающихъ предметовъ ничего различить не могъ.

Леонтій Гавриловичъ, —человѣкъ религіозно-нравственный,—представлялъ замѣчательный типъ даровитаго великорусса, обладавшаго обширною памятью и наблюдательностью. Въ простой ясной рѣчи онъ передавалъ обстоятельно все случившееся съ нимъ въ жизни,

видѣнное и слышанное отъ другихъ. Убѣжденный въ истинѣ того, о чемъ поется въ былинахъ, онъ пѣлъ ихъ съ выраженіемъ на лицѣ чувства внутренняго удовольствія и увлекаясь, при поэтической его натурѣ, въ міръ фантазіи. Музыка и пѣніе производили на него, очевидно, пріятное впечатлѣніе, какъ можно было судить по проявлявшейся на лицѣ улыбкѣ. Заслышавъ знакомый ему напѣвъ, онъ, при чуткомъ музыкальномъ слухѣ, не могъ удержаться, чтобы не подтягивать про себя мелодіи. Бромѣ былинъ, онъ зналъ довольно народныхъ пѣсней, обрядовыхъ, круговыхъ, сказокъ и повѣрій. Хотя голосъ у него потерялъ уже полноту и свѣжесть, однакожъ былинъ его заслушивались всѣ. Женская прислуга наша, когда онъ, бывало, начнетъ пѣть, трогалась до слезъ.

Вообще, на сколько мы можемъ судить по личнымъ наблюденіямъ, жители южной Сибири весьма сочувственно относятся къ былинамъ и стариннымъ былевымъ пѣснямъ, сложенымъ народомъ, а не сочинителями, поддѣлывающимися подъ народный ладъ.

Знаменитый натуралистъ Брэмъ, во время проѣзда въ іюнѣ 1876 г. чрезъ Барнауль въ Томскъ, со своими спутниками Финшемъ и графомъ Вальдбургъ-Цейлемъ, пожелалъ видѣть Тупицына, за которымъ я и послалъ въ Ерсуню. Тупицынъ пропѣлъ по нѣскольку стиховъ изъ былинъ и пѣсней, выбранныхъ изъ сборника по особенному характеру мелодій. Знаменитый путешественникъ, сидя противъ пѣвца, не сводя глазъ съ него, внимательно слушалъ пѣніе...

Въ заключеніе С. И. Гуляевъ замѣчаетъ: «ни одинъ изъ семи сыновей Леонтія Тупицына не имѣетъ тѣхъ дарованій и способностей, какими обладалъ отецъ, ни одинъ не перенялъ былинъ и пѣсней ему извѣстныхъ».

II. Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Илья Муромецъ и разбойники.

а)

- Воздалеченько было, воздалеченько,
Было во темномъ лѣсу,
Пролегла тамъ дороженька,
Дороженька не широкая, она неглыбокая.
5. Да никто-то, никто-то по этой дороженькѣ
Не ходилъ, не ѣзживалъ; да тамъ шелъ прошелъ,
По этой дороженькѣ, старый старичокъ;
На старинушкѣ шубеночка она вся худымъ-то худа,
(Худымъ худа) она вся излатана.
10. Какъ и лѣвая полочка стоитъ сто рублей,
А правая полочка стоитъ тысячу;
Всеи-то шубеночкѣ ей цѣны нѣтъ.
На встрѣчу старинушкѣ идутъ три разбойничка.
Да хотѣли они со старинушки шубеночку снять;
15. А старинушка на ту пору пріосторожился:

- Исправляетъ онъ свой тугій лукъ,
Закладаетъ онъ стрѣлу быструю,
Ударяетъ онъ въ трехъ разбойничковъ.
Не попалъ старикъ во разбойничковъ,
20. А попалъ онъ во сырой дубъ,
Раскололъ дубъ сверху до низу.
А съ того-то разбойнички испугалися,
И всѣ врозь они разбѣжались.
На третій день они собиралися,
25. Собиралися, думушку думали:
— «Да и что это за старинушка,
Старый старикъ?» ...

Записана В. Пятирублевымъ въ станицѣ Наурской, Грозненскаго округа, Терской области.
Напечатана въ XV вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“ 1893. Отд. I, стр. 203.

б)

- Пролежала во полѣ дороженька, она непробойная,
Непробойная она дороженька, она неторная.
Никто по ней не ходилъ, не ѣзживалъ;
Одинъ тамъ шелъ-прошелъ старый старикъ,
5. (Что старый старикъ), старикъ Илья Муромецъ;
На немъ была шубочка вся худая, излтанная:
Лѣвая полочка она была по пятьсотъ рублей,
А правая полочка во всю тысячу,
По всему хребту шубеночка—ей и смѣты нѣтъ.
10. Наѣзжаютъ на этого старинушку три разбойника,
Да хотять они его убить али зарѣзати,
А шубочку съ него сняти, между себя подуванити.
На ту пору старинушка онъ присторожился:
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
15. Онъ натягаетъ туго-на-туго,
Закладаетъ свою *гробовую* стрѣлу,
Пустилъ во разбойничковъ,
Попалъ онъ во сырокрѣпчатый дубъ
И разбилъ его на двѣнадцать частей.
20. И тогда разбойники перепужались
И всѣ врозь они разбѣжались.
Входитъ старинушка онъ во царскій кабакъ
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники вы кабатчики, вставайте поскорѣе,
25. Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,

А любимому моему товарищу (?)

Ему вина на всю тысячу!»

Цѣловальники перепужались,

30. Всѣ врозь-то они разбѣжались.

— «Что это къ намъ пришелъ за пьяница,

Что это за питухъ такой!»

Записана въ станицѣ Ищерской, Грозненск. округа. Напечатана въ томъ же изд. стр. 204.

в)

Какъ со вечера старѡй казакъ думу думангъ,

На бѣлѡй зарѣ старѡй казакъ своего коня сѣдлагъ,

На восходѣ то солнца краснаго со двора сѣзжалгъ.

Выѣзжалгъ же старѡй казакъ на чисто поле.

5. Все на чисто поле, старѡй казакъ, на Буликѡво.

Не бѣлы снѣги-снѣжочки въ полѣ забѣлѣлися,

Забѣлѣлася у стараго воина головушка,

Отъ головушки посѣдѣла вся его бородушка.

Наѣзжалгъ же старѡй казакъ на диковинку,

10. На диковинку, старѡй казакъ,—на три дороженьки.

На дороженькахъ лежить, братцы, бѣлгъ-горючъ камень,

А на камешкѣ всѣ дороженьки порасписаны:

Какъ по первой по дороженькѣ ѣхать—быть богатому,

По другой же по дороженькѣ ѣхать—быть женатому,

15. Какъ по третей по дороженькѣ ѣхать—быть убитому.

Становился же старѡй казакъ, сталгъ думу думати:

«По которой по дороженькѣ мнѣ будетъ ѣхати?

Мнѣ богатство, старому, братцы, не надобно,

Мнѣ женитьба, казаку старому, все на умѣ нейдетъ,

20. Дай, поѣду по дороженькѣ, гдѣ мнѣ быть убитому.

Поѣхалгъ я, старый, по дороженькѣ,

Наѣхалгъ я, старый, на охотниковъ,

На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.

Возговорилгъ старый, братцы, таковы слова:

25. «Примите меня, братцы, во товарищи».

Увидѣлгъ онъ, старый, ихъ злой помыселъ,

Что хотять они у стараго коня отнять.

Возговорилгъ старѡй казакъ таковы слова:

«Убить вамъ, братцы, меня не за что,

30. И снять съ меня вамъ, братцы, нечего:

Одна у меня сермяга и та—сѣрая,

Одна пола—во пятьсотъ рублей,

А другая—во всю тысячу,

А всей сермягѣ и цѣны нѣту».

35. Вынулъ же онъ изъ налучня тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю....
Туть же ему покорились тѣ охотники.

Эта былина, хотя Илья Муромецъ въ ней не названъ, представляетъ близкій вариантъ къ № 4 и записана Н. Ф. Савичевымъ въ тѣхъ же мѣстахъ т. е. у Уральскихъ казаковъ. Напечатана Н. Г. Мякушинымъ въ его „Сборникъ Уральскихъ казачьихъ пѣсень“. Спб., 1890 г., стр. 8—9.

г)

Илья Муромецъ и царице Кудрянище.

(Отрывокъ).

- Какъ ѣхалъ то дороденъ добрый молодець,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Копали окопы глыбокии,
А гдѣ поймать дородня добра молодца.
5. Первыи окопы десять сажень печатныхъ,
А другіи окопы двадцать сажень печатныхъ,
Третьи окопы трицать сажень печатныхъ,
Четверты окопы сорокъ сажень печатныхъ.
Съ десяти сажень печатныхъ повыскочилъ,
10. Съ двадцати сажень повыскочилъ,
Съ тридцати сажень онъ повыскочилъ,
Съ сорока сажень не могъ выскочить,
И хотя зарыть дородня добра молодца
Въ томъ окопѣ глыбокоёмъ.
15. Говорить Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы поганыи татаревья!
Не честь-хвала ваша великая,
Что зарыть дородня добра молодца;
А то честь-хвала великая,
20. Свяжите мнѣ бѣлы ручени,
Скуйте мнѣ скоры ноженки,
А ведите къ царицу Кудрянищу» .
Привели его къ поганому татарищу;
Какъ зачалъ татаринъ его спрашивать:
25. — Станешь-ли мнѣ служить вѣрой-правдою?—
«Не сладилось у мя сабли вострыи,
Не сладилось у мя палочки боевыи,
Послужилъ бы тебѣ вѣрой-правдою,
Сейчасъ отсики бы буйну голову!»
30. Туть татарище разсѣрдился,

- На дородня добра молодца:
— Ай вы поганым татаревя!
Ведите вы дородня добра молодца
На то на болото Булѣково,
35. Ко той ко плашкѣ ко липовой,
Отсыките ему да буйну голову!—
Повели дородня добра молодца
Къ тому болотцу Булѣкову,
Ко той ко плашкѣ ко липовой
40. Отсѣчь ему буйну голову.
Выѣзжаютъ поганым татаревя,
Выѣзжаютъ да на чисто поле.
Говорилъ дородній добрый молодець:
«Ай же вы поганым татаревя!
45. У котораго есть отецъ да мать?
У котораго есть да молода жена?
У котораго есть да малы дѣтушки?»
Отступились отъ дородня добра молодца.
Не сладилось палицы боѣвыи,
50. Не сладилось сабли острин,
Ухватилъ одного татарина за ноги.
«Исполать ти, поганое татариче!
Вдохъ погибашься, а самъ не ломашься».
Перебилъ поганыхъ татаревей всихъ дочиста,
55. Не оставилъ на смена.
Только одному отсѣкъ да буйну голову,
Потѣрнулъ эту голову на рогатыню
И несеть къ идолицу поганому.
Увидалъ идолице поганое,
60. Увидалъ въ косивчато окошечко,
Такъ испугался поганое татариче:
— Ай же ты дородень добрый молодець,
Оставь ты меня во живности,
Вотъ ти государство здись.—
65. «Не надо твоего государства мнѣ,
Выходи-ко ты на улицу,
Я теперъ съ тобой да попытаюси».
Не выходи поганое татариче.
Ухватилъ дородень добрый молодець
70. Въ томъ косивчатомъ окошечкѣ,
Бралъ его да за желты кудри,
Вытащилъ его да во чисто поле,
Разсѣкъ его да на мелкі части,
Раскидалъ его онъ по чисту полю

75. Воронамъ да на съѣденъице,
Дорожнымъ—на поршни ¹⁾.

Былинный отрывокъ записанъ покойнымъ А. Гильердингомъ въ сентябрѣ 1871 года въ Петербургѣ отъ крестьянина Ивана Яковлевича Гусева изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Напечатанъ въ „Русской старинѣ“ т. IV. (1871 г., стр. 453—455). Въ своей замѣткѣ „Пѣвецъ былинъ въ Петербургской губерніи“, („Русская старина“ 1871 г., т. IV, стр. 451—452), А. Ѡ. Гильердингъ сообщилъ слѣдующія свидѣнія о сказителѣ, который по его приглашенію пріѣзжалъ къ нему въ Петербургъ изъ деревни: „Я увидѣлъ передъ собою старика, на видъ еще довольно бодрого, хотя нѣсколько сгорбленнаго, небольшого роста, худого, съ густыми сѣдыми волосами и бородой, съ огромнымъ носомъ и маленькими голубыми глазами. Онъ сказалъ мнѣ, что ему „девяносто лѣтъ безъ двухъ годовъ“. Отецъ его умеръ, когда ему было только 12 лѣтъ, но онъ помнитъ, что отецъ пѣвалъ старинны и онъ отъ него научился имъ. Я подумалъ, не переселенецъ ли онъ изъ какой-нибудь болѣе повтической мѣстности, чѣмъ Петербургская губерніа; но нѣтъ, старикъ увѣрялъ, что и отецъ и дѣдъ жили въ той же деревнѣ, гдѣ онъ. Впрочемъ, странствующая жизнь помогла Ивану Яковлеву обогатить свою память былинами, въ пѣвкѣ которыхъ онъ, судя по его словамъ, наследовалъ склонность отъ родителя. Выучившись коновальному дѣлу, онъ, 70 лѣтъ тому назадъ, пошелъ въ Сибирь, гдѣ обиліе лошадей у крестьянъ обѣщало ему хорошіе заработки. Онъ помнитъ, что въ то время четверикъ овса стоилъ въ Сибири семь коп. ассигнаціями. Вернувшись изъ Сибири и побывавъ дома, онъ отправился въ Вологду, побывалъ въ Соловкахъ, ходилъ потомъ на Волгу и въ Оренбургъ; былъ и другой разъ въ Сибири. Потомъ промышлялъ болѣе въ окрестностяхъ Петербурга и, наконецъ, въ послѣдніе годы сталъ жить постоянно дома. Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонная старость Ивана Яковлевича ослабила его память. Голосъ отказывается служить ему, такъ что онъ уже нѣсколько лѣтъ пересталъ пѣть былинны; онъ перезабылъ большую часть того, что зналъ, съ трудомъ могъ пропѣть нѣкоторые отрывки, безпрестанно сбивался съ пѣсеннаго склада въ простую передачу содержанія былинны. По его словамъ, онъ въ прежніе годы пѣвалъ много про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленковича, про какого то Мирошку богатыря, который побѣдилъ Бабу-Ягу, про Анику воина и т. д. Теперь удалось, и то съ трудомъ, записать съ его голоса четыре отрывка“.

д)

Илья Муромецъ на Соколъ-корабль.

- Дотолева, братцы, про Кіянъ-море не слыхано,
А пониче на Кіянъ-море собираются,
Собираются Сацкой, Пруцкой, Новоторженецъ.
Собираетъ онъ тридцать кораблей безъ единого,
5. Для себя убираетъ онъ Соколъ-корабль,
Деревца ставитъ кипарисовы,
Двѣнадцатъ парусовъ канѳасовыхъ.
На корму сажалъ Илью Муромца,
А на носъ—Добрыню Никитича.
10. Отваливаетъ Сацкой отъ бережка,
Отъ того-ль бережка крутова,
Отъ камешка горючаго.

¹⁾ Т. е. что дорожные могли сдѣлать себѣ обувь изъ его кожи. Примѣч. А. Гильердинга.

- Какъ сильная буря поднималася,
Налетѣлъ на Соколь-корабль сизой орелъ;
15. Онъ всё снасточки, бячечочки пооборвалъ,
Двѣнадцать парусовъ всё попустилъ.
Возговорить Добрыня Никитѣевичъ:
«Ты, названный братъ, Илья Муромецъ,
Вынь изъ налучня свой тугой лукъ,
20. Наложь-на свою калену стрѣлу,
Убей сиза орла во бѣлу грудь».

Былина, представляющая близкій вариантъ къ № 17, записана, какъ и послѣдняя, у Уральскихъ казаковъ. Напечатана въ „Сборникъ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ Н. Г. Мякушина стр. 6—7.

е)

Устное преданіе старожиловъ села Карачарова объ Ильѣ Муромцѣ ¹⁾.

Повнынѣ жители села Карачарова съ большимъ жаромъ защищаютъ и за непреложную истину выдаютъ въ обыкновенныхъ своихъ разговорахъ, что Илья Муромецъ рожденъ въ ихъ селѣ Карачаровѣ, былъ чрезвычайно величественнаго вида и имѣлъ необыкновенную силу. Въ доказательство сего приводятъ слѣдующую повѣсть:

Въ тогдашнія времена, на берегу рѣки Оки лежали три черные дуба, вытщенные изъ воды рыболовами, изъ коихъ каждой (дубъ) былъ такой тяжести, что крестьянская лошадь безъ отдохновенія въ гору не могла вывезти. А онъ (Илья) ихъ на своихъ плечахъ переносилъ на гору, на которой нынѣ устроена церковь, гдѣ они находились долгое время и послѣ поступили въ основаніе при постройкѣ Троицкой деревянной церкви, сгорѣвшей около 1790 года, отъ коего пожара тогда пострадала большая часть села Карачарова. О родословіи же его (Ильи) въ разсказахъ жителей настоящаго времени ничего слышать не удается». 1847 года августа 10 дня. Село Карачарова, что близъ Мурома.

ж)

Илья Муровецъ.

«Отъ града Мурома въ ростоинніи три версты деревня Карочарова, построина похоже много на городъ; церковь высокая большая, близько около церкви полаты построины трохтажныя на горѣ высокой, далече видно, надъ самой рѣкой, Ока, гдѣ родился богатырь Илья *Муровецъ*. И по сие время значительно, гдѣ онъ розчищалъ мѣсто для синокоосу и хлѣбопашества. Росъли тамо дубы толстыя, два охвата или три толщины, — онъ ихъ повыдергалъ, какъ конопли, и бросилъ въ Оку рѣку; на двадцать верстъ длинъку и на десять верстъ ширъку выдолбалъ лѣсу, и такъ зоволилъ эту рѣку лѣсомъ, (что) другимъ мѣстомъ пошла тая рѣка. Шолъ я этомъ лугомъ двѣнадцать верстъ, гдѣ угодникъ божий

¹⁾ Эта замѣтка мѣстнаго жителя села Карачарова, написанная въ 1847 г., была намъ доставлена графиней П. С. Уваровой.

розчищаль мѣсто Илія *Муровець*; теперь опочиваютъ ево мощи неоткрыти въ Кѣвѣ. Случай мнѣ позволилъ (узнать слѣдующее). На этомъ лугѣ построена церковь Илія *Муровца*, называется *Съкочекъ*. Я сталъ спрашивать тамошнихъ жителей, и они розказали мнѣ все подробну. Въ прежнія времена ѣхоль Илія *Муровець* въ Кѣевъ Богу молиться на богатырскомъ конѣ—десять верстъ *скочекъ*—(и) за одни сутки долетѣлъ въ Кѣевъ. Съ Муромъ и до самаго Кѣева теперь поставлены церкви на всякомъ *скочкѣ*. Когда вы не вѣрите,—то теперь *печатуютъ книжки въ мѣцалъ*, и такъ точно скрозь слухъ по этой губернии одинаковъ. Вотъ какую пользу угодникъ божій созидилъ Илія Муровець христіаномъ. Это притѣча большая, какъ онъ купилъ у священника маленького *лошенка*,—никто гроша не даетъ и не нашто дивиться, (а) потомъ черезъ три года выросъ богатырской конь, божия сила и мудрость. Дневка. Симъ лугомъ, который богатырь розчищаль Илія Муровець, шель въ двѣнадцать верстъ.

Изъ рукописнаго дневника (1848—1858) странника, бывшаго іеромонаха Борсунскаго единовѣрческаго монастыря, Герасима, а по лишеніи сана—Григорія Панкѣва. (Стр. 906, 907). Рукопись хранится въ библіотекѣ Императорскаго Историческаго Музея (№ 1023 inf^o).

III. Къ былинамъ о Добрынь Никитичѣ.

а)

Устиманъ-звѣрь.

- Бакъ не пылъ-то во чистомъ полѣ запылился,
 Не туманушки со синя-моря подымалися,—
 Появлялися со дикой степи таки звѣри:
 Не два соболя бѣгутъ со кунцею,
 5. Напередъ у нихъ бѣжить старъ Устиманъ-звѣрь;
 На немъ шерсточка, на Устиманѣ, бумажная,
 А щетинушки на Устиманѣ все булатныя;
 Бакъ на кажинной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ,
 Посередѣ спины у него, Устина, золото блюдо;
 10. Не чистой-то жемчугъ по блюду рассыпается,—
 Всѣ-то звѣри лютые разбѣгаются,
 Подбѣгали звѣри дивныя къ Яику-рѣкѣ.
 Вскричалъ, взгаркнулъ тутъ Устиманъ-звѣрь
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 15. Всѣ сыры дубы съ кореньевъ посломалися,
 А быстра рѣка Яикушка возмутилася;
 Устоялъ только одинъ сыръ матерый дубъ.
 На дубу на томъ сидѣлъ не сизой орелъ,
 Не сизой орелъ, удалый добрый молодець.
 20. Ужъ онъ жѣгилъ изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ,
 Попадалъ-же онъ Устину-звѣрю въ ретиво сердце;
 И падалъ тутъ Устиманъ-звѣрь на мать сыру землю:

Застонала мать сыра земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго,
25. Самого Устимана разбойника.

Былина, представляющая вариантъ къ № 19 съ нѣкоторыми дальнѣйшими искаженіями (Устиманъ изъ Скимень), помѣщена І. И. Желѣзновымъ въ его „Очеркъ быта Уральскихъ казаковъ“ въ изданіи 1858 года, ч. I, стр. 221—222.

б)

Добрыня съ отъездъ.

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Передъ матерью родной сынъ въ ноги кланяется:
„Ужъ ты, родима матушка Амвѣра Александровна!
Еще дай-ка ты мнѣ благословленьице“.

5. — Ты дѣтя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь малыхъ дѣтушекъ?—
„Малыхъ дѣтушекъ оставляю на твои руки“.

— Ты дѣтя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь молодую жену?—

10. „Молодую жену на свою волчюшку“...

Былинный отрывокъ, записанный Г. Н. Потанинымъ въ Бухтармѣ, Томской губерніи, напечатанъ въ его статьѣ „Югозападная часть Томской губерніи“, въ Этнограф. Сборникъ, издав. И. Р. Геогр. Обществомъ, вып. VI, стр. 97. По словамъ Г. Н. Потанина этотъ отрывокъ поется какъ продолженіе былины о Сминовѣ-звѣрѣ.

в)

Добрыня и Марина.

Вотъ еще три года Добрынюша стольничалъ,
Еще три года Никитичъ приворотничалъ,
Стольничалъ, ложничалъ девять лѣтъ,—
На десятомъ году погулять захотѣлъ,

5. Какъ по славному по городу по Кіеву,
По пробѣзжей большой улицѣ Маринкиной.
Увидалъ онъ у Маринки въ высокомъ теремѣ,
Въ высокомъ теремѣ на косящатомъ окнѣ,
Два жужличка, два голубчика,

10. Два сизенькихъ, сизокрыленькихъ,
Цѣлуются, шлуются.
Заглядѣлся Добрыня на жужличковъ,
На жужличковъ, двухъ голубчиковъ,
На двухъ сизенькихъ, сизокрыленькихъ:

15. Его лѣвая нога поскользнулася,
Его правая рука колыхнулася,

- И за досаду Добрынѣ показался,
За великую грубу становился.
Вынималъ онъ изъ налучна тугой лукъ,
20. Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
Онъ натягивалъ тетивочку шелковую,
И накладывалъ стрѣлочку кленовую,
И стрѣлялъ во голубчика сизенькова.
Вспѣла тетивочка шелковая,
25. Завындзяла стрѣлочка кленовая;
Не убилъ-то Добрыня голубчика сизенькова,
А убилъ у Маринки друга миленькова—
Друга милова змія Тугарина.
На ту пору Маринки тутъ не было,
30. Тутъ не было, не случилось:
Бѣлилась она, румянилась въ особой горенкѣ,
И чесала Маринка буйную голову,
И заплетала Маринка косу русую.
Убрамшись, выходила Маринка на красенъ крылецъ,
35. Увидала она дружка свою обранена,
Обранена змія Тугарина.
И возговорить Маринка таковы слова:
„Чья это шуточка зашучена?
Эта шуточка зашучена не маленькая,
40. Не маленькая шуточка Добрынюшки,
Добрынюшки сына Никитьевича,
Что ни худшаго моего полюбовника“...
Да возговорить Добрыня таковы словеса:
„Ты, Маринка. . . . .“
45. Не тебѣ-же, Маринка, насмѣхатися,
Мною молодецъ похвалятися.
Я возьму тебя, Маринка, возьму обморочу:
И сорокою бѣлобокою, кобылицею водовозною“.

Былина, повидимому, неполнѣ точно записанная отъ Уральскихъ казаковъ. Напечатана въ „Библіотекѣ для чтенія“, 1861 г., I, стр. 30—31 и затѣмъ перепечатана въ „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ Н. Г. Мянущина, стр. 3—4.

IV. Къ былинамъ объ Алешѣ Поповичѣ.

а)

Алеша и Тугаринъ.

Солнце было, братцы, на-вечеръ,
А князя-бояре навесель;
Они пили, гуляли, прохажались,
Между собой сами выхвалялися.

5. Сильные хвалятся силою,
Богатые хвалятся богатствомъ,
А убогіе хвалятся убожествомъ.
Алешенька Догрубникъ онъ за дверью стоитъ.
Одна княгинюшка не пьетъ и не ѣстъ,
10. По полатушкѣ она похаживала,
Крутыми бедрами скоро поворачивала,
Часто въ окошечко сама поглядывала.
Не темная туча изъ горъ восходила,
Не частыя молнии онъ просіяли,
15. Не страшные громы съ трескомъ ударили—
Летить собака змѣй Угаринъ
Въ книженецкій дворъ,
И ударился онъ о дубовъ крылецъ;
Восходитъ онъ въ комнатушку—Богу не молится,
20. А князьямъ-боярамъ не кланяется,
Княгинямъ, графинямъ онъ имъ чести не отдастъ;
Садится онъ не въ свое мѣсто, не въ показанное,
Между князей-бояръ со княгинею;
Онъ пилъ пошло въ поль-осьмью ведра,
25. А закусывалъ въ поль-пята быка.
Всѣ князья-бояре съ ужасомъ они глядятъ на него,
Одинъ Алеша Догрубникъ рѣчь возгворилъ:
—«У моего батюшки была коровушка она все прожорливая,
Поѣдала скирдъ соломы со мякиною,
30. А воды вышигала она три бочки».
Показалось, собакѣ, ему во досадушку;
Вынимаетъ онъ свой острый кинжалъ,
Пустилъ онъ въ Алешеньку.
Алеша Догрубникъ онъ на лету поймалъ,
35. И тогда князьямъ рѣчь онъ возгворилъ:
—«Что этотъ кинжалъ у себя придержать,
Или назадъ пустить?
Кинжалъ я себѣ возьму,
А его свяжу, собаку, въ кабакъ пропью».

Эта сильно подправленная былина записана Е. Бутовой въ станицѣ Ищерской, Грозненскаго округа, Терской области. Напечатана въ XV Вып. Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Отд. I, стр. 274.

б)

Алеша Поповичъ и Ярюкъ Ивановичъ.

Говорилъ Алеша Поповичевъ:
«Молодой Ярюкъ сынъ Иваѳовичъ,
Отѣбу тебѣ да буйну голову,

Твою молодую жену да себѣ замужь возьму».

5. Говорилъ молодой Ярюкъ да сынъ Ивановичъ:

«Не хвались, Алеша Поповичевъ,

Отъ двора ли идучи,

Похвались, Алеша Поповичевъ,

Ко двору приѣзжаючи.

10. Разъѣзжались добры молодцы на три поприща,

Ударились саблямъ вострымъ;

Молодой Ярюкъ ударилъ Алешу Поповича,

Какъ убилъ Алешу Поповича.

«То-то Алеша на моей женѣ женатъ бывалъ!» ...

Былинный отрывокъ записанъ А. О. Гильердингомъ въ сентябрѣ 1871 года, въ Петербургѣ, отъ крестьянина Ивана Яковлевича Гусева, изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уезда, Петербургской губ. Напечатанъ въ „Русской Старинѣ“, т. IV (1871 г.) стр. 453.

в)

Былина объ Алешѣ Поповичѣ, пропѣтая казакомъ Дьяковымъ въ Бухтармѣ.

(Въ изложеніи Г. Н. Потанина).

«Бдутъ два богатыри, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ; кони подъ ними такіе-то, шапки такіе-то, сапоги такіе-то (одинаковые). Подъѣзжаютъ къ розстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ-градъ, другая въ Путиловъ-градъ; Алеша-Поповичъ хочетъ ѣхать въ Путиловъ, но Екимъ Ивановичъ отговариваетъ: въ Путиловъ-градѣ только бабьей вони нанюхаешься, дѣвичьей вони нанюхаешься, а въ Кіевѣ живетъ Владимиръ князь, есть могучіе богатыри, есть съ кѣмъ поиграть и помѣряться. Бдутъ дальше, опять розстани: одна дорога въ Кіевъ-градъ, другая въ Черниговъ-градъ. Алеша-Поповичъ хочетъ ѣхать въ Черниговъ, но Екимъ Ивановичъ въ тѣхъ же выраженіяхъ отговариваетъ его. Бдутъ въ Кіевъ; возлѣ дороги дерево, на деревѣ черной воронъ съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, точно надъ богатырями насмѣхается.

Это показалось обиднымъ Алешѣ-Поповичу; онъ натягиваетъ лукъ, чтобы убить ворона, но воронъ говоритъ: «Не трать, Алеша, стрѣлу по напрасному, поѣзжай лучше въ Кіевъ, тамъ ты найдешь дѣло почестіе: у князя Владимира живетъ въ гостяхъ Тугаринъ Змѣевичъ, не годъ живетъ, не два, а ровно три года, и самъ князь ужъ не радъ ему». Приѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алеша-Поповичъ не садится на мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю; всѣ удивляются коврѣ. Потомъ Алеша-Поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ведро вина и спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, пивалъ ли онъ по такому. Тугаринъ Змѣевичъ взялъ ведро и выпилъ. «Была у моего отца корова, та тоже выпивала по такому ведру гущи», замѣтилъ Алеша. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалось. Алеша-Поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ковригу и спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, ѣдалъ ли онъ по такой заразѣ. Тугаринъ Змѣевичъ кинулъ ковригу за щекѣ. Алеша-Поповичъ опять сказалъ какую-то колкость. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалось. Выходятъ они на поединокъ. Тугаринъ

Змѣевичъ поднялся на бумажныхъ крылышкахъ, но Алеша-Поповичъ взмолился Богородицѣ: «Матерь Божія, создай тучу грозную, подмочи у Тугарина бумажныя крылышки». И все сдѣлалось по божецки. Сдѣлалась гроза, бумажныя крылышки подмокли, Тугаринъ Змѣевичъ упалъ на землю; тутъ Алеша-Поповичъ набѣжалъ на него, сразу отрубилъ голову и сталъ звать къ себѣ Екимъ Ивановича. Екимъ Ивановичъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошенько и схватилъ самого Алешу, повалилъ и началъ бить; только когда тотъ началъ кричать, онъ увидѣлъ, что въ запальчивости не понялъ въ чемъ дѣло, и извинился передъ Алешой. Возвращаются они вдвоемъ въ Кіевъ; Алеша говоритъ: «Всѣ богатыри будутъ рады мнѣ, только одна Апраксѣвна упрекнетъ меня». Подѣхавъ ко двору князя, Алеша бросилъ на середину двора голову Тугарина Змѣевича и сказалъ: «Вотъ вамъ, могучіе богатыри, мячикъ пѣтѣшатися». Апраксѣвна вышла на крыльцо и сказала: «стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйной головой добраго молодца».

См. „Этногр. Сборникъ“ издан. Императорскимъ Русс. Геогр. Обществомъ, вып. VI, 1864 г. стр. 102—104 изъ статьи Г. Н. Потанина—„Юго-западная часть Томской губ.“.

V. Къ былинамъ объ Иванѣ Годеновичѣ.

№ 44.

- Заводился у Владимира почестенъ пиръ,
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
5. Другой хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Новый хвастаетъ добрымъ конемъ,
Новой хвастаетъ сбруей лошадиною.
Владимиръ ходитъ по гриднѣ княженецкія,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ,
10. Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ что же ты, Иванушко, не пьешь, не ѣшь
Не пьешь ты, не ѣшь, не кушаешь“?
Выходитъ Иванушко Годеновичъ
Изъ того изъ за стола дубоваго,
15. Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Благослови-тко-се мнѣ, Владимиръ, женитися“¹
Говоритъ Владимиръ стольно-кіевскій:
„Тебя Богъ благословитъ, Иванъ, женитися,
Хошь ты въ Кіевѣ женись, хошь въ Черниговѣ,
20. Хошь у князя женись, хошь у боярина“.
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
„Не хочу я женитися во Кіевѣ,
Не хочу я женитися во Черниговѣ,
Только дай мнѣ-ка благословеньце великое.

25. Есть у короля Ляховинскаго,
Есть Овдотья—лебедь бѣлая.
Сидитъ-то Овдотья въ новой горницѣ,
Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили,
30. Благослови мнѣ-ка туда ѣхать“.
—Богъ благословить, Иванушко, жениться,
Бери ты силы, сколько надобно,
Бери ты золотой казны, сколько надобно.—
Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
35. „Ужъ я съ силой пойду, не воевать стану,
Съ золотой казной,—не торговать стану;
Ужъ я силой своей возьму богатырскою,
А грозой возьму княженецкою“.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
40. Пошелъ-то Иванъ на широкой дворъ.
Онъ беретъ коня, лошадь добрую.
Поѣхалъ Иванушко изъ Кіева,
Провожаютъ Ивана съ чести, съ радости.
Поѣхалъ Иванушко по чисту полю.
45. Ѣдетъ Иванъ по чисту полю,
Пріѣзжаетъ къ царству Ляховинскому,
Ко тому королю Ляховинскому.
Заѣзжаетъ Иванъ на широкій дворъ,
Онъ мечетъ коня на широкомъ дворѣ,
50. Не приказана мечеть, не привязана,
Не разнуздана мечеть, не разсѣдлана.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Зашелъ Иванъ во гридню княженицкую,
Брестъ-отъ владеть по писаному,
55. Поклонъ-то ведеть по ученому,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ королю Ляховинскому:
„Ужъ ты здравствуй, король земли Ляховинскія!“
Отвѣчаетъ король земли Ляховинскія:
60. „Ужъ ты здравствуй, Иванушко Годеновичъ!
За чѣмъ Иванушко пріѣхалъ,
Или пріѣхалъ съ данью съ пошлиной,
Или пріѣхалъ посломъ пословать?“
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
65. „Я пріѣхалъ къ тебѣ не посломъ пословать,
А пріѣхалъ сватомъ свататься,
Что на душечкѣ Овдотѣ лебедь-бѣлыя“.
Говоритъ король земли Ляховинскія:

- „У меня, право, Овдотьюшка засватана,
70. У меня, право, запоручена
За того короля Вахромеища“.
Говорить-то Иванъ во второй наконъ:
„Отдай дочку за меня замужъ“.
Говорить король земли Ляховинскія:
75. „У меня дочка просватана,
Просватана, запоручена,
Бѣлыя ручки исподаваны,
Злаченными перстнями не помѣнянось“.
Говорить Иванъ во третьей наконъ.
80. Говорить король земли Ляховинскія:
„У меня нельзя тебѣ Овдотю взять:
Сидитъ Овдотю въ новомъ теремѣ
За тридцать замочками висучими,
За тридцать сторожами крѣпкими“.
85. Горяча кровь въ Иванѣ раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ перемѣнилася;
Хватилъ онъ поганого татарина,—
Татарина хватилъ за ноги.
Сталъ татаринѣмъ помахиывать:
90. Куда махнетъ, тамъ и улица,
Отмахнетъ назадъ,—переулочки;
Прибилъ то всѣхъ пановей-улановей.
Пошелъ Иванъ на новы сѣни,
Сдернулъ Иванъ двѣнадцать замочиковъ,
95. Прибилъ-то двѣнадцать крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то во высокъ теремъ
Ко той къ Овдотѣ лебедь-бѣлыя.
Сидитъ Овдотю въ новомъ теремѣ,
Вышиваетъ Овдотю ширинку красна золота
100. Тому-то царицу Вахрамеищу.
Скакала Овдотю на рѣзвы ноги,
Говорила Овдотю таковы рѣчи:
„Ужъ мнѣ ждать-то гостя,—не дождатися,
Звать-то мнѣ гостя, не дозватися,
105. Теперь ко мнѣ гость самъ пришелъ“.
Беретъ-то Овдотю Иванушко за бѣлы руки,
Цѣловалъ Овдотю во уста сахарныя,
Повелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Повелъ онъ изъ того терема высокаго;
110. Вывелъ Иванъ на новы сѣни;
На новыхъ-то сѣняхъ всѣ мертвы лежать.
Тутъ-то Овдотю прирасплакалась:

- „Охти-хти миѣ тошнешенько!
Ты умѣлъ меня, батюшко, вспомѣть, вскормить,
115. Не умѣлъ меня, батюшко, замужь отдать“.
Повелъ Иванъ на широкій дворъ.
Выходитъ король земли Ляховинскія:
„Добро жаловать, Иванъ, хлѣба-соли ѣсть,
Хлѣба-соли ѣсть, чару съ медомъ пить!“
120. Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
„На прїѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отъѣздѣ гостя не учествовать.
Садился Иванушко Годеновичъ,
Садился Иванъ на добра коня,
125. Овдотьюшку сажилъ позади себя.
Пѣхалъ Иванъ изъ царства Ляховинскаго.
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю;
Сустигала Ивана темная ночь.
Онъ разставилъ бѣлой шатеръ полотняный,
130. Съ Овдотьюшкой легъ подъ бѣлой шатеръ.
Тотъ король земли Ляховинскія
Посылаетъ гонца скоро на скорѣ
Къ королю Вахрамю земли поганя,
Что былъ-то Иванушко Годеновичъ,
135. Увезъ-то Овдотью, лебедь-бѣлую.
Господь ночь-то проноситъ, Господь день даетъ:
Спитъ-то Иванъ во бѣломъ шатрѣ.
Немного тому времени миновалося,
Наѣхалъ поганое идолице,
140. Кричитъ-то, рычитъ зычнымъ голосомъ:
„Тебѣ полно, богатырь, спать, проклажатися,
Пора намъ съ тобой поборотися!“
Встаетъ-то Иванушко Годеновичъ,
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра,
145. Умывается Иванушко свѣжей водой,
Утирается тонкимъ полотенышкомъ,
Онъ молится Спасу пречистому,
Матери Божьей Богородицѣ.
Садился Иванъ на добра коня.
150. Разѣхались богатыри по чисту полю;
Ударились палицами тяжелыми;
У нихъ палицы поломалися,
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разѣхались богатыри во второй наконь,
155. Ударились сабельками острыми;
У нихъ сабельки пощербалися,

- Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во третей наконѣ,
Ударились копыцами вострыми;
160. У нихъ копыца по яблкамъ ломался,
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ремень, за подбрудное,
По колѣнъ въ сыру землю втопталися.
165. По Иванушкову было по счастьюцу,
По Иванушковой по участи:
Какъ у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Слибъ какъ Иванушко Годеновичъ,
170. Сшибъ татарина поганого,
Сшибъ царица на сыру землю,
Съль-то царицу на черны груди.
Забыль-то Иванушко Годеновичъ свой булатенъ ножъ,
Забыль свой булатенъ ножъ во бѣломъ шатрѣ.
175. Кричить-то, зычить зычнымъ голосомъ:
„Ужь ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая,
Неси-тко ты мой булатенъ ножъ,
Забыль-то я свой булатенъ ножъ,
Забыль во бѣломъ шатрѣ“!
180. Бѣжить-то Овдотья лебедь бѣлая
Несетъ Овдотья булатенъ ножъ,
Подошла Овдотья, лебедь бѣлая, близехоньго.
Говорить царице Вахрамеице:
„Ужь ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая,
185. Спехни-тко Ивана со моихъ грудей.
За Иванушкомъ ты будешь жить служаночкой,
За мной будешь царицею;
Будутъ тѣ люди повлоняться“.
Тутъ Овдотья призадумалась;
190. У бабы волосы долги, а умъ коротенькой:
Спехнула Иванушка Годенова.
Сказаль-то царице Вахрамеице,
Хочетъ у Иванушка спороть груди бѣлые.
Говорить Овдотья-лебедь бѣлая:
195. „Ужь ты гой-еси, царице Вахрамеице,
Ты опутай его въ опутыни шелковыя,
Броси ты его подъ сырой дубъ“.
Опуталъ Иванушка опутами шелковыми,
Брсилъ его подъ сырой дубъ.
200. Самъ легъ опочивъ держать

- Со того со устатку со великаго.
Лишь тутъ-то спить царице Вахромеище
Темну ночиньку осеннюю.
Господь ночь проносить, Господь день даетъ.
205. Выходить Овдотья-лебедь бѣлая
По утру ранымъ ранешенько,
Увидала Овдотья: два голубя
Сидитъ надъ Иваномъ Годеновымъ,
Не два голубя сидитъ—два Ангела.
210. Говорить-то Овдотья-лебедь бѣлая:
„Ужь ты гой еси, царице Вахромеище!
Ужь ты выди-тко, царице, изъ бѣла шатра,
Затяни-тко свой лукъ разрывистой,
Подстрѣлико-се мнѣ-ка голубятинку.
215. Захотѣлось мнѣ-ка голубятинки“.
Выходить поганое царице Вахромеище,
Выходить изъ бѣла шатра.
Затягиваетъ свой лукъ разрывистой,
Бладеть стрѣлочку каленую.
220. Спустилъ какъ свой лукъ разрывистой,
Полетѣла стрѣлочка каленая,
Падала царицу въ груди черные,
Порола царицу груди черные.
Стоитъ-то Овдотьюшка-лебедь бѣлая,
225. Стоитъ Овдотья прираздумалась,
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
„Охти мнѣ, ахти мнѣ тошнехопько!
Отъ того бережку отвачнулася,
Ко другому бережку не прикачнулася.
230. Еще слышитъ Иванушко Годеновичъ,
Самъ говорить таковы рѣчи:
„Ужь ты душечка, Овдотья-лебедь бѣлая,
Ты распутай пути шелковыя,
235. А не положу на тебя таковой вины,
Только дамъ поученьице по женскому“.
Лише хватила Овдотья саблю вострую,
Хочеть у Ивана отсѣчь буйну голову.
Какъ тюкнула Овдотья, лебедь бѣлая,
240. Пересѣкла Овдотья путыни шелковыя.
Скакалъ Иванушко на рѣзвы ноги,
Понелъ Иванъ ко добру коню,
Ко добру коню, ко бѣлу шатру,
Онъ Овдотьюшку ведетъ позади себя.
245. Садился Иванъ на добра коня,

- Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ по чисту полю;
Не доѣхавши Иванъ до города Кіева,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
250. „Ужъ ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая!
Сойди-ко, Овдотья, со добра коня,
Разуй-ко у меня сафьянъ сапогъ,
Захотѣлось мнѣ напиться“.
Ужъ тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
255. „Не пить-то ты хочешь,—кровь пролить“.
Сошла то Овдотья со добра коня;
Соходитъ и Иванушко Годеновичъ.
Махнулъ-то Иванушко саблей вострой по бѣлой шеѣ,
Онъ отсѣкъ у Овдотьи буйну голову,
260. Разметалъ онъ Овдотью по чисту полю.
Пошелъ-т. Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ Иванъ на Пучай-рѣку,
Омывать саблю вострую.
Садился Иванъ на добра коня,
265. Поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Встрѣчаютъ его русскіе богатыри.
Во глаза Олеша насмѣхается:
„Здорово женился,—тебѣ не съ кѣмъ жить“!
270. Говорить-то Иванушко Годеновичъ:
„Я женилъ-то свою саблю вострую“.

Записана свѣц. Вл. Розонымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ.
Напечатана въ „Материалахъ по Этнографіи русскаго населенія Арханг. губер.“, собран. П. С.
Есименкомъ. Ч. 2-я, стр. 14—17.

VI. Къ былинамъ о Василии Буслаевѣ.

Къ № 69.

- Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Завелъ пиръ про князей, про бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую.
5. Тутъ на пиру да напивались,
Тутъ на пиру да наѣдались,
Тутъ на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
10. Еще кто-то хвалится палицей боёвою,

- Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Какъ возгворилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Еще кто-то изъ васъ идетъ на мою силу на войскую?»
15. Какъ тутъ князя-бояре,
Сильниіи могучиіи богатыри
Еще большей за мѣншово хоронится,
А меньшей за бѣлшово хоронится,
А средней-то не знае отвѣту дать.
20. Какъ зѣ-за тѣхъ столовъ да зѣ-за дубовыхъ
Становился тутъ дородецъ добрый молодецъ
Василій Богуслаевичъ;
Ему отъ роду семнадцать лѣтъ.
— Ужъ какъ, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
25. Ужъ какъ я иду на всю силу на войскую,
Только прикажите мнѣ со пиру, со кумпаньцы
Себѣ выбрать двухъ товарищей.—
Говорилъ Василій Богуслаевичъ:
— Еще кто со пиру да со кумпаньцы
30. А ко мни во товарищи?—
Какъ выскакивалъ Поташенька сутуль-горбать,
На одну ноженьку припадывалъ.
— Еще кто второй да во товарищи?—
Еще выскакивалъ Васька Бѣлозерянинъ:
35. «Какъ Василью Богуслаевичу
Я иду да во товарищи».
— Ступай же ко мни въ полаты бѣлокаменны,
Ступайте же къ моей матушки
Къ Мамельфы Тимофеевны,
40. Садитесь за столы дубовыи,
За скатерти за браныи,
За ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи.—
Тутъ Василій Богуслаевичъ
45. Съ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ
Сдѣлали они заговоръ ¹⁾ великѣи,
Ужъ какъ записи они записывали,
Ужъ какъ заклики закликивали:
Ежели побьетъ да силу войскую,
50. Чтобы владѣть да всемъ Новымъ-градомъ;
Ежели побьетъ да сила войская,
Такъ вѣтъ ни сыску, ни отыску.

1) Т. е. условіе. А. Г.

- Какъ пошелъ Василій Богуслаевичъ къ своей матушкѣ,
Садился за столы за дубовыи,
55. За скатерти за браныи,
А за ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи,
Сидитъ буйну голову повѣсивши,
Очи ясныя въ зень потупивши.
60. Говоритъ его матушка:
«Что сидишь, мило мое дитятко,
Что сидишь буйну голову повѣсивши,
Очи ясныя въ зень потупивши?
Аль тебя обезчестилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
65. Чарой зелена вина?»
— Не обезчестилъ меня грозный царь Иванъ Васильевичъ
Чарой зелена вина;
А только я похвалился итти на силу войскую.
Ежели побью силу войскую,
70. Дакъ чтобъ мнѣ владѣть да всёмъ Новымъ-градомъ;
Если побьетъ сила войская,
Такъ нѣтъ ни сыску ни отыску.—
Его матушка рѣдная
Напомла напитокомъ пьянымъ,
75. Двѣнадцати дверямъ затворила,
Двѣнадцати замкамъ замнула все личиннымъ.
Какъ спитъ ѣнъ не пробнется,
Народу къ нему валомъ вали,
А палокъ къ нему на дворъ возамъ везу.
80. Дакъ выскакивалъ Поташенька сутуль-горбать,
На одну ноженьку принадлевалъ,
То сразу семьсотъ убилъ.
Дакъ народу не убавляется,
А народу прибавляется,
85. А палокъ возы возамъ везу.
Какъ выскакивалъ Васька Бѣлозерянинъ,
А то сразу восемьсотъ убилъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
90. А палокъ возы возамъ везу.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселѣвъ железненькой,
Ведѣрочка дубовыи,
Видитъ, что его товарищамъ
95. Головушии да перелюбаны,
А платочикамъ да перевязаны.

- Какъ брала коромыселёкъ,
Стала коромыселькомъ помахивать.
Буды махнеть—туды улица,
100. А розмахнеть—переулочекъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу.
Какъ тутъ дивка уполѣхалась,
105. Бросилась да на широкій дворъ,
Запричала громкимъ голосомъ:
«Что же ты, Василий Богуслаевичъ,
Что ты спишь, не прѣснешься,
А твоимъ товарищамъ
110. Головушки да переломаны,
Платочкамъ да перевязаны!»
Какъ услыхалъ Василий Богуслаевичъ
Голосъ да богатырскій,
Безъ людей двери отворялися,
115. Безъ ключей замки да отмыкалися.
Какъ выскакивалъ Василий Богуслаевичъ,
Какъ выскакивалъ на широкій дворъ,—
Не сладилось палочки боёвыи,
Не сладилось да сабли острымъ,
120. Ухватилъ да ось тельжнюю,
Тельжнюю да железную.
Да куды розмахнеть, лежитъ сила войская.
Народу то убавляется,
Не оставляе народу на симена.
125. Его дядюшка роднымъ
Жилъ въ наместыри въ Юрьевѣ,
И пришлогъ ево да уговаривать:
«Ой же ты, племянничекъ,
Не оставляешь себѣ народу на симена.
130. Я тебя досюль на борьбѣ побаривалъ,
Я тебя на кулачки поколачивалъ».
— Это дѣло было, дядюшка, да за робичества,
Это тебѣ спущается, что ты дядюшка роднымъ.—
Да ужъ какъ сталъ Василий Богуслаевичъ
135. Владѣть да всѣмъ Новымъ-градомъ.

Записана А. Ф. Гильердингомъ въ сентябрѣ 1871 года въ Петербургѣ отъ крестьянина
Ивана Яковлевича Гусева, изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Пе-
тербургской губерніи. Напечатана въ „Русской старинѣ“, т. IV, (1871 г.) стр. 455—458.

I.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ *).

- Атаманъ:** Атаманищемъ называется Василій Буслаевъ, II, 61: 190, 323, 393.
- Бабенка** дрыжная, туржная, II, 60: 106.
- Бабки** (игра), II, 28: 108.
- Бабушка** задворенка идетъ за стрѣлой Добрыни въ теремъ Марши, II, 27: 63.
- Балконъ** высокъ у палаты кн. Владимира, II, 68: 218.
- Баня:** банюшка парушка II, 56: 118, 120, 123, 131, 134; 59: 151, 160, 167.
- Барда**, II, 28: 119.
- Бархатъ** красный, II, 8: 113.
- Башмаки**, II, 47: 28, 30.
- Башни** наугольныя, II, 31: 220; 38: 7; 51: 27.
- Бедра** тучныя, II, 28: 46.
- Берегъ:** крутъ бережки у Двѣира, II, 54: 7; у сина моря, II, 66: 153.
- Береза** кудрявая, II, 31: 144, 288; кудряватая, II, 38: 1; 40: 1; бѣленькая, II, 49: 40.
- Бѣло** колокольное, II, 10: 31.
- Бобрн** сѣднѣ: ими обита свѣтлица Ставра, II, 57: 47.
- Богатырь** могучій, II, 5: 127; 6: 4, 7, 108; 10: 5; 18: 37 и др. Сильный 6: 92, 108. Тридцать два богатыря живутъ у кн. Владимира въ Кіевѣ, I, 49: 30; тридцать богатырей собираются на свадьбу Ивана Годеновича, II, 42: 10; богатыри русскіе, II, 49: 45; богатырка дочь Соловья разбойника, I, 16: 3; сильный богатырь земли русской наз. Илья, II, 5: 39, 41; богатырями называются Добрыня и Дунай, II, 36: 69.
- Болото** зыбучее, II, 54: 43.
- Бочки** зелена вина въ 40 ведеръ, II, 61: 57, 58.
- Боляре** на пиру у Владимира, I, 32: 4; злнѣ, подмолчнвнѣ, II, 1: 161; боляре—свадебный чинъ: Добрыня былъ болярномъ на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 14; боляре черниговскіе, II, 44: 19.
- Братина** (чаша): братина серебряная, II, 68: 176, 186, 190, 195, 207, 228.
- Брови** черныя, какъ у соболя (часто).
- Бумага**, II, 49: 141, 172, 184; Василій Буслаевъ беретъ бумагу и чернила, II, 61: 49.
- Бурушко** косматый—копы Дюка Степановича, II, 50: 5.
- Бѣлила**, II, 48: 69.
- Вдова** честная, II, 27: 5, 182.
- Вепрь:** веприще-кабанище. II, 42: 115.
- Верста** пѣтисотная, II, 37, 247.
- Визирь**, II, 8: 12.
- Вино** горькое, II, 60: 79; зеленое (часто); заборчивое, II, 31: 78; заморское II, 31: 77.
- Вода** живая: ее приносятъ змѣя Потоку Ивановичу, I, 37: 3—7; 44: 27—31.
- Волкъ** сѣрый, II, 10: 162; 31: 36, 523; 39: 34.
- Воронъ** черный, II, 10: 163; 31: 524.
- Ворота** рѣшетчатыя, II, 1: 142; широкія, II, 48: 48; заднія челядинныя, II, 48: 59.
- Възликъ** и чернѣ упоминаются въ числѣ предметовъ, посылаемыхъ въ дань Владимиромъ царю Батуру Батѣсову, II, 37: 31.
- Вѣники** въ банѣ, II, 56: 124.
- Вѣнички** красна золота на оградѣ у двора Дюкова, II, 49: 10.
- Вѣтры** буйныя (часто).
- Вязъ** червленый, II, 63: 64; черванный, II, 61, 76, 248; червяный, II, 61: 71.
- Гавань** корабельная, II, 67, 147, 161.
- Гвозди** золоченные у сапогъ, II, 37: 41.
- Гавздо** Соловья Разбойника на 12 дубахъ, I, 14: 5.
- Голова** буйная (часто).
- Голуби** сизые, II, 42: 174; цѣлуются на теремѣ Марши, II, 23: 38—40 или на ея красномъ окнѣ, II, 24: 45, 46, или на ея каменной стѣнѣ, II, 25: 16.
- Гонецъ** скорый, I, 56: 31.
- Горница** высокая, II, 32: 188; отхожая, I, 36: 12; 43; 34.
- Горностаи**, II, 45: 3; 46: 4.
- Горы**, II, 35: 30.
- Градъ** подсолнечный, II, 7: 202.
- Грамота:** грамотѣ училась жена Ставра, II, 59: 262; Василій Буслаевичъ, II, 64: 6.
- Гридня**, гридня, II, 37: 11; свѣтлая, II, 8: 65, 74; 31: 165; княжевецкая, II, 32: 69, 70; 44: 8; столовая, II, 13: 80, 155; 31: 246.

*) Римскія цѣфры I и II обозначаютъ 1-й и 2-ой отдѣлы книги; арабск. цѣфры послѣ I обозначаютъ *страницу* и *строку*; арабск. цѣфры послѣ II обозначаютъ № былинны и *стигъ*.

Гробница каменная для Потока и его жены, I, 36: 17; 44: 22; Христова въ Иерусалимѣ, II, 61: 321, 333, 361.

Гроши: въ грошикъ стрѣляютъ, какъ въ цѣль, II, 59: 191.

Грудь бѣлая (часто); черная — у Коцеа безсмертнаго, II, 42: 152; у царяца Вахрамешца, II, 44: 172.

Грядки: грядочки золоченны на насадахъ Василія Окульева, II, 66: 61.

Грязи топучія, I, 14: 20; 20: 4, 17.

Гуна въ 500 пудовъ на калѣчницѣ, кот. встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22: 34; гуна сорочинская, II, 13: 36, 43.

Гусельщики, II, 59: 246, 248.

Гуси-лебеди: ихъ стрѣляетъ Сурога богатырь, II, 65: 8, 9.

Гусля яровчатн: на нихъ играетъ Ставръ, II, 57: 271, 280—283; 58: 22.

Двери дубовыя, II, 25: 29; 48: 33.

Дворецъ (=дворъ) широкъ, II, 12: 62.

Дворъ бѣлый, II, 7: 98, 184; 33: 55—6; богатырский, I, 34: 1; 41: 32; посольскій въ Киевѣ, I, 57: 12; княженецкій, I, 3: 17; широкій, II, 1, 91; 32: 6, 140.

Деньги свѣтлы, II, 45: 20; малы денежки, II, 58: 66.

Дитяtko родимое, II, 27: 13.

Домъ на одной верстѣ у Ставра, II, 56: 27; на 7 верстахъ 51: 2; домишко питейное, II, 60: 105, 120, 126.

Дорога прямоѣзжая, II, 1: 160; святогорская, I, 40: 24; святорусская, I, 33: 2; ставровая, (?) I, 33: 1; 40: 24.

Доспѣхи крѣпкіе, I, 48: 10; доспѣха богатырская, II, 54: 13.

Дружина хоробрая (часто); добрая, II, 31: 70; на кораблѣ, II, 67: 146; хорошая, II, 31: 22, 277.

Дружокъ: легкій друженько не свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 11.

Дубинка подорожная у калыкъ, II, 13: 57.

Дудка мѣдная, серебряная, золотая; на ней играетъ Соломонъ, II, 67: 214, 216, 218.

Дубъ сырой (часто), кряковистый, II, 1: 60.

Дьякъ думный, выдумщикъ, воръ сопровождаегъ Батыгу, II, 38: 25, 93, 112.

Елбанъ раскатистый, II, 28: 139, 146.

Жаба подземельная, II, 26: 79, 119.

Желѣза нѣмецкія, II, 12: 146.

Жемчугъ скатный, II, 6: 50; 8: 42, 108; бурмичкій, II, 57: 53.

Жеребцы латинскіе у Ставра, I, 54: 8; 55: 29; у жены Ставра, I, 56: 11; сивые въ числѣ дани Владимира Батуру, II, 37: 32; нѣзжалне, II, 49: 19; жеребцы кн. Владимира: синегривый, пологогривый, полопеный воронко, II, 55: 29 — 31; жеребецъ Ивана Гостиного бурый, косматый, троелѣточекъ, II, 55: 53—54.

Жестъ бѣлая на крышѣ полаты, II, 30: 3.

Жуковинья (шерсти), II, 59: 122.

Заводи тихія, II, 31: 14, 297; вешня, II, 31: 68.

Замки висячіе, II, 32: 186; 44: 83.

Заслоны желѣзные, II, 56: 55.

Застава великая, II, 5: 51, 66, 69, 73; три застава на пути Дюка Степановича въ Киевѣ, II, 50: 12 слѣд.

Зайцы, II, 45: 3; 46: 3.

Звѣзди частыя, II, 33: 220.

Звѣрь пушной, II, 57: 264.

Зимля лютая—исползаетъ въ гробницу Авдотьи Михайловны, I, 30: 3; 44: 22.

Золото, II, 1: 112; 5: 44; аравитское, I, 56, 23.

Зубъ дорогъ рыбій: изъ него слѣлана подводна у Дюка, II, 49: 31.

Игреть на гуслихъ, I, 58: 11, 13.

Изба поваренная, задняя челядинная, II, 45: 6, 7, 29, 30, 35, 36, 50, 51.

Истонщики, II, 59: 152, 156.

Кабакъ государевъ, II, 16: 27; царевъ, II, 1: 114, 191; 38: 59; 60: 178.

Каблукъ серебрянне у саюгъ Ставра, II, 37: 40; 56: 19.

Казакъ, II, 22: 13; довскіе, II, 16: 43.

Казна золотая, II, 5: 46; 27: 36; 32: 7 (часто).

Калачи крупнчатые, II, 47: 13; 49: 121, 124, 126; 51: 66, 73; бѣлые, II, 28: 17, 28, 95.

Калыки порехожіе, II, 13: 88, 110; 27: 101; калычине прохой встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22: 33; калыка поднимаетъ камень, въ который былъ превращенъ Михаилъ Потокъ, I, 38, 35; сорокъ калыкъ № 68.

Камни: бѣлый, I, 38: 20; самоцвѣтны, II, 28, 80; латырь, II, 10: 24, 49, 157; бѣль-горючъ, II, 4: 4; 28: 4; 61: 120; на Фаворъ-горѣ, II, 61: 366, 375, 377; сѣрый, II, 31: 66, 439.

Камка бѣлая покрываетъ тѣло Авдотьи Диховдовны, I, 29: 14; 36: 12; крушатая на царцѣ Соломане, II, 66: 66.

Карманъ шелковый, II, 37: 209.

Карты игральныя, II, 56: 107—109, 135.

Кипарисъ на Соколѣ кораблѣ, II, 17: 6; изъ кипариса строганы стрѣлы Михаила Казаратина, II, 41: 15; кипарисъ-дерево водится, плодится на Ефратъ-рѣкѣ, II, 41: 16—18.

Китъ-рыба; ея клеены стрѣлочки Михаила Казаратина, II, 41: 24; китъ плодится на Ефратъ-рѣкѣ, 41: 26.

Ключи золотые, II, 12: 94; 27: 34; въ коромислѣ желѣзномъ, II, 52: 134.

Ключникъ вѣрный, II, 1: 194, 200; у короля Латовскаго, II, 60: 91.

Книги божи, II, 48: 93.

Княгиня душечка, II, 1: 151, 215; 9: 75; 21; 35; молодая, II, 1: 246.

Князь=молодой мужъ, II, 27: 233; князь-богире, II, 1: 152, 216; 6: 3; 24: 6; 63: 1; 66: 3.

Кобыла сѣропѣгая; ея слѣды на охотѣ, II, 42: 124; кобылица златяница у Ставра даетъ дорогихъ жеребчиковъ, II, 58: 73—81.

Ковры волокитные, II, 28: 75—77; сорочинскіе, II, 21: 8; 39: 63.

Ковыль трава, II, 26: 99.

Колоколъ въ 100 пудовъ; его несетъ старецъ Приугримище, II, 61: 263; крестный отецъ Василія Буслаева, II, 62: 95—99; старчище Угримище II, 63: 48: 50; колоколъ въ 300 пудовъ на плечахъ старца Пилатришица, 64: 23.

- Колпакъ на Иванцѣ сильномъ, II, 61: 79; на Потанцѣ хромомъ, 61: 94; на Васенькѣ Маломъ, 61: 116; золотне колпаки на молодцахъ Ставра, I, 55: 1.
- Колчанъ въ 700 стрѣлъ у Ильи, II, 3: 16; хлѣбъ въ колчанѣ, II, 7: 126.
- Кольцо золотое, II, 27: 193; 28: 54; 29: 22; мѣдное, II, 29: 23; витое, 31: 157; серебряное, 46: 31.
- Кольчуга: кольчужные подорожники, II, 6: 36, 69.
- Конюхи у короля Литовскаго, II, 60: 83, 142.
- Кони добрые (часто); волчья сить травной мѣшокъ, II, 1: 69.
- Копье булатное, II, 14: 76, 103; 24: 24; бурсиенское 5: 12; бурзуменное, 29: 2; мурзалецкое, 1: 7; 9: 156; 28: 147; долгомѣрное, 31: 48, 491.
- Корабли червленые, II, 67: 75.
- Кости (игральныя), II, 56: 107—9, 135.
- Кресла, I, 7: 2; 9: 30; 18: 31.
- Крестъ златой, II, 48: 127; чудень, 13: 70; 31: 576.
- Крестьяне—мужички на пиру Владимира, II, 58: 28 хвастаютъ богатые—кованья, небогатне—дѣтунками, 58: 30—31.
- Кречеты бѣлые, II, 1: 13; 21: 14; 31: 304; заморскіе 8: 111.
- Кровать, II, 48: 58; тесовая, 66: 57; передняя, 29: 27, 36.
- Кровь горячая, II, 32: 177; черная 46: 52.
- Кружала государевы, II, 38: 58.
- Кручья дверине, булатные, золоченые, II, 57: 50.
- Крыльцо красное, II, 1: 184; 8: 64; 9: 117; 12: 89 (часто); дубовое, II, 27: 169; кругое 33: 78; перекое 62: 90; 63: 58; тесовое 57: 159; хрустальное у Дюка Степановича, 49: 27.
- Кръпецъ високаа, II, 49: 138.
- Кубецъ въ полведра подносить Владимиръ Ильи М., I, 18: 10.
- Кудри русны (часто); желтыя у Чурилы, II, 48: 15.
- Кузня: въ ней набиваютъ обручи желѣзные, II, 65: 77.
- Куница заморская, II, 58: 17; мамурская 16: 19.
- Кувчина золотой орды, I, 27: 21; [34: 10; 41: 31.
- Кусты ракитовы, II, 31: 126.
- Лавка: лавочка булавая (?), II, 1: 220; лавичь-булавичи золотыя въ теремахъ Ставра 56: 35; брусовыя 62: 33.
- Лавъ бистра, II, 66: 24; бѣлая 66: 25; злато-рогаа напольская 66: 40; 62: 119.
- Лавти: лавочки семи шелковыя, II, 13: 33, 47.
- Ларцы кованые, II, 27: 223; 48: 102, 135—139; 57: 52; 66: 196; золотые, II, 12: 95; 27: 35.
- Латы: латные подорожники, II, 6: 36, 68; латы кольчужныя 31: 44, 398, 513.
- Лебедь бѣлая, II, 5: 129; 28: 18; 29: 44; 31: 251.
- Лисица заморская; ея мѣхомъ обити стѣны въ теремахъ Ставра, II, 56: 37.
- Лицо бѣлое (часто); черное у Васкля Пустоволовича, II, 67: 106.
- Лошади водозвонныя, II, 49: 109.
- Лука тугой (часто), крѣпкій, I, 1: 4; 5: 3; 27: 7; разрывистый, II, 5: 85; 44: 213; разрывчатый 57: 99; зеленый 9: 23 (по смѣшенію съ лугомъ); лука Батура несутъ 9 человекъ, 37: 258.
- Лѣсъ стоячій, II, 1: 74; 31: 306; ветловый 54: 9; кремовый 54: 10.
- Лютый звѣрь, II, 9: 45.
- Мака: лицомъ какъ маковъ цвѣтъ, II, 43: 40.
- Медъ: сладкій, I, 41: 11; II, 27: 246, 252; 31: 184.
- Мечъ вострый, I, 10: 6; II, 31: 468.
- Министры у кн. Владимира: Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, I, 16: 28.
- Мисы краснаго золота, II, 12: 97; скатнаго жемчуга 12: 98; злата-серебра, 62: 48; 63: 34—35.
- Молодецъ добрый (часто); хородій, II, 32: 32.
- Монастыри честныя II, 31: 93, 129, 505.
- Море синее (часто); студеное, II, 68: 2.
- Мосты калиновы (часто), I, 2: 13; 4: 9; 5: 23, 27; 6: 32 и т. д.
- Мужики торговые на пиру у кн. Владимира, I, 54: 10; засельщина, II, 49: 133; деревенщина, II, 1: 163; мужики Новгородскіе 61: 62; 64: 27.
- Мѣдь красная изукрашаетъ палату, II, 30: 4; зеленою мѣдью крытъ дворъ Дюка 49: 9; козарская 49: 50; 51: 4.
- Мѣщане: мѣщанскій родъ, II, 41: 103.
- Мыло въ банѣ, II, 56: 125.
- Нагрудникъ булатный, II, 31: 46.
- Налучникъ (налучно, налучіе), I, 27: 7; 33: 4; II, 4: 29; 31: 51.
- Насады (судна) червленныя, II, 66: 56, 95, 107, 120, 128—130.
- Ноги рѣзвыя (часто).
- Ножъ булатный, II, 13: 141, 145; 26: 42; 29: 74; ножъ чинжалце, II, 28: 125; стрѣланье въ ножъ 33: 192.
- Облако поплавушее, II, 28: 152; 54: 47.
- Образа чудныя, II, 12: 69; 32: 158; 44: 56.
- Ограда булатная вокругъ Дюкова двора, II, 49: 13.
- Одѣяло собольное, II, 59: 136, 140; 61: 198.
- Окно красное, II, 24: 43; косячатое, 25: 24; 27: 59; стеклянное 1: 171; хрустальное, I, 4: 16; стекольчатое, II, 1: 138; 29: 135.
- Орда великая, II, 8: 232; 31: 98; матушка 8: 17; золотая 57: 101, 69: 20.
- Орелъ снзій садится на Соколя-корабль, II, 17: 14; орлы турскіе, заморскіе, 53: 12.
- Оружье, I, 38: 18; богатырское 3: 9; 8: 32.
- Ось телѣжная въ 90 пудовъ; ею избиваетъ Васкль Буслаевичъ Новгородскихъ мужиковъ, II, 61: 249—255; 62: 74—78; ею избиваетъ татаръ Суруга богатырь, 65: 95.
- Очи лсныя (часто)—какъ у сокола, II, 32: 42.
- Павы: павлиная походка у Настасьи Дмитриевны, II, 43: 41.
- Палата бѣлокаменная, II, 27: 229; 28: 131; 31: 440; грановитая 13: 71; столовая, I, 3: 19; 9: 5; бѣлодубовая, II, 60: 237; богатырская 10: 18; княженецкая 10: 12; новая 1: 254.
- Палачи немилостивые, II, 33: 83.
- Палица боевая, II, 1: 5; 9: 154; 28: 172; 31: 50; военная, 33: 142; булатная, 7: 9, 35, 50; 10: 168; желѣзная, 14: 95; I, 38: 19; въ 100 пудовъ, II, 14: 75; тяжелая у полса, II, 57: 97.

- Пандыр, II, 21: 39.
 Панъ турецкій, II, 16: 38; панове-уланове 67: 12 (пирують у Василя Окунька).
 Парильщики въ банѣ, II, 59: 152—175.
 Паруса полотняные, II, 67: 143, 163; тонкіе, 16: 47.
 Переулки частые, II, 23: 19.
 Перья пуховья, II, 59: 127, 134; 66: 58.
 Персти злаченые, II, 27: 253; 31: 425 (часто); именные, 31: 503; одвозолотные, 42: 76.
 Песокъ желтый (часто); скатный, II, 54: 8.
 Печка муравленая, II, 6: 97, 100; 49: 33; 68: 170.
 Пещеры Киевскія, II, 8: 318.
 Пиво пьяное, II, 31: 256; 39: 95.
 Пиръ почестный, почетный, II, 1: 197, 204; 26: 102; 27: 225 (часто).
 Письмо скороспачтое пишетъ Василій Буслаевичъ, II, 61: 50.
 Пятя медвяныя, II, 48: 41 (часто).
 Платки шелковыя, II, 59: 17, 35.
 Платье цвѣтное, II, 48: 12; перемѣнное у Дюка, 49: 136.
 Плетка шелковая, II, 7: 7 (часто); богатирская 7: 31, 40.
 Плеча могучія, II, 31: 583 (часто).
 Повара, II, 60: 88.
 Повари, II, 28: 118.
 Поводья шелковыя, II, 37: 180.
 Погребъ темный, II, 32: 55—66; пива пьяного, зелена вина, сѣти медвяной, 39: 94—96.
 Подруги шелковыя, II, 21: 10, 103; 31: 30; 39: 66 (часто).
 Подружье: Алена Поповичъ подружье на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 13.
 Подсумки рита (лята) бархата, II, 13: 34.
 Покон бѣлодубовне, II, 60: 262, 284; королевскіе, 60: 61, 207.
 Поле чистое (часто); Куликово, II, 60: 158 (гдѣ совершаются казни); поле—поединокъ, I, 3: 10; 8: 32.
 Поленница: поленница удалая, II, 56: 4; 58: 7; поленница, 57: 7; преудалая 31: 533; сильная, 31: 38; поленница—дружина, 37: 16.
 Полонянка, II, 41: 50.
 Полотенце тонкое, II, 44: 146; бѣлое 68: 181.
 Поля кирпищать, II, 1: 249; 28: 59; 37: 63; 39: 38 (часто); поля-середа чиста серебра у Ставра, 57: 49.
 Помело сосновое у кн. Владимира, II, 51: 74; шелковое у Дюка 51: 80; 52: 56, 58; самошелковое 49: 35.
 Поприще (мѣра пространства): поски за 5 поприщевъ II, 33: 124; стрѣльняза 5 поприщевъ, 33: 191.
 Попы церковныя, II, 49: 92.
 Порты тонкіе, II, 42: 146; 61: 43.
 Портные мастера у Ставра, II, 58: 39.
 Портомойницы Дюковн, II, 49: 155, 158; 51: 101; 52: 95.
 Посольское грозень, I, 56: 26; 57: 1, 10; посольское мѣсто 57: 19.
 Постельницы у Дюка, II, 52: 100.
 Потники бумажные, II, 1: 3; 21: 7; 42: 18.
 Поточки вострыя въ колахъ, II, 65: 40.
 Пошлины великія требуетъ посоль Кривскаго хана отъ кн. Владимира (собств. передѣтая жена Ставра), II, 57: 127—130; отъ пошлины освобождаеть Ивашку повареннаго царца Соломена, 66: 101—104, 111, 116; пошлину платять на Руси прѣхавшія на корабляхъ Василій Пустовосовичъ, 67: 93.
 Поѣзжанья (свадебный чинъ), II, 42: 15.
 Полякъ шелковый на царцѣ Соломенѣ, II, 66: 230.
 Приворотники, II, 1: 143; 9: 67; 12: 26; 21: 28; 60: 76.
 Приданое, II, 60: 11.
 Придверники, II, 1: 144; 9: 68; 12: 27.
 Приселки, II, 31: 241.
 Притеремки, II, 39: 92.
 Пробои злаченые по булату, II, 57: 50.
 Птицы райскія, II, 66: 62.
 Пуговицы волоченныя у Дюка, II, 52: 165; вальянскія, 31: 397; жемчужныя 31: 45, 497.
 Пути, путники, опуты, опуты—шелковыя, II, 44: 196, 198, 233.
 Пшено бѣлоорое, II, 10: 96; 55: 82; сѣтное 48: 51.
 Разбойники нападаютъ на Илью, II, 3: 9; 6: 35.
 Ракитовъ кустъ чистый, II, 41: 32.
 Рогъ турій, II, 8: 195 (у Ильи); 66: 172—176, 244, 272 (у Соломана).
 Рукавицы, II, 61: 128; шелковыя, 45: 44, 64.
 Руки бѣлыя (часто), II, 31: 584; 32: 12; 44: 9 и проч.
 Румяна, II, 48: 70.
 Рына (рюмка), II, 38: 79; 63: 24.
 Сабля острая, II, 1: 6; 5: 8; 9: 155; 15: 75 (часто).
 Садъ зеленый, II, 16: 69.
 Сани, II, 47: 15 (у Чурилы).
 Сапоги зеленъ-сафьянъ, II, 25: 33; 37: 39; 44: 252; 48: 4, турецкаго сафьяна 48: 5.
 Сарафанъ, II, 47: 23; костью-сарафанъ, 48: 71.
 Сахаръ бѣлый, II, 43: 15, 21; 60: 80, 85, 90.
 Сбруя богатирская, I, 6: 10; II, 31: 47; ратная, 24: 23—29; лошадиная, 44: 7.
 Свайка (для игры) серебряная, I, 58: 25; II, 56: 158; 59: 273.
 Сваха на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 16.
 Свѣтлица свѣтлая, II, 9: 71; 21: 79.
 Свѣтъ бѣлый, II, 28: 169 (обычно).
 Свѣча воска ярова, II, 9: 105.
 Сердце ретивое, II, 31: 501 (обычно); богатирское, 33: 86 (обычно).
 Серебро, II, 1: 112; 2: 8.
 Сермяга, II, 45: 37—41 (хитра, мудра, покровъ нѣмецкаго, наметку турецкаго, шитья ярославскаго), II, 3: 15; сѣрая въ 50 рублей; 4: 25—28 одна поля въ 500 руб., другая въ 1000.
 Скамья бѣлодубовая, II, 32: 31; 37: 36; лубовая, 28: 71; 55: 43.
 Скатерти бранныя, I, 11: 22; II, 28: 93; перчатныя, 31: 248; 68: 96; шелковыя, 30: 6; 57: 27.
 Скоба (у дверей), II, 45: 52.
 Скоморохъ: гудки скоморошн, II, 27: 220, 236; платье скоморохово на Добрынь, 27: 219.

- Скорлатъ: скорлатъ бѣлый, I, 48: 21; скорлатъ сукно, 55: 1 (на однорядкахъ у Ставрова въ молодость).
- Скуфья въ 500 р. на Ильѣ М., II, 6: 64, 75.
- Снѣгъ бѣлый, II, 43: 39; пороша бѣлаго снѣга, 45: 1.
- Соболь сибирскій, II, 6: 63; 8: 110: 67, 29; борзой 16: 16; чернѣй, 57: 48; заморскій, 58: 16.
- Сокоть яснѣй, II, 1: 12; 8: 134; 14: 11; 15: 67 (часто); перелетнѣй, 67: 28.
- Солнце красное, II, 28: 170 (часто).
- Сорока бѣлохвостая, II, 27: 126.
- Сорочка топенькая, II, 47: 9.
- Староста Новгородскій, II, 62: 26, 79—80; 63: 16, 36—41.
- Стекло заморское, II, 27: 60.
- Столбъ дубовый, II, 12: 64; печной, 28: 104; мѣдный, желѣзный, 49: 25; 51: 9; золоченный, 49: 24; 51: 8; серебряные въ оградахъ у Дюка, 49: 23; 51: 7; точеный, 31: 156; 46: 14.
- Столъ дубовый, II, 8: 66; 10: 13; 12: 32; 23: 40 (часто); бѣлый, 29: 81; печной, 28: 84; широкій, 27: 231; почестный, 24: 5; золотой, 16: 71.
- Стольница Дюкова, II, 52: 106.
- Сторожи крѣпкіе, II, 32: 187.
- Стрема булатное, I, 3: 3, II, 5: 6; вальжное, 41: 84; голяшное, 1: 240; 21: 106; 37: 181.
- Стружки легкіе, II, 16: 49; стружечки вежлинички строятъ Василій Буслаевичъ съ дружиною, 61: 317.
- Стрѣлы казенныя, I, 2: 25; II, 1: 77; 7: 86 (часто); пѣной въ 5 рублей, 3: 17; кленовыя, 4: 30; 24: 48; 57: 224.
- Стрѣлище (мѣра пространства), II, 35: 46.
- Стулъ ременчатый, II, 8: 36; 9: 15; 12: 20; 16: 72 (часто); дубовый, 58: 123; кленовый, 48: 38.
- Ступени крутыя, II, 60: 274.
- Ступь (конская) бродовая, II, 51: 57.
- Стѣны каменные, II, 25: 15; бѣлокаменные, 28: 52, 183.
- Сумки рѣта бархата, II, 68: 174, 249. См. подсумки.
- Сундуки кованые, II, 67: 244—246.
- Сыта медвяная; ею угощаетъ Владиміръ коня Ильѣ Муромца, I, 19: 7; медовая, сладкая, II, 55: 82—(ея проситъ конь Ивана Гостянаго).
- Сѣдла черкасскія, I, 1: 14; II, 1: 4; 27: 24; 28: 179 (часто); сѣдло въ 500 р. у Ильѣ М.; 6: 44.
- Сѣни новыя, II, 31: 164; 44: 110; 51: 31.
- Тавленъ кленовыя, вальчатныя, II, 57: 246.
- Тарелки золотыя, II, 30: 7.
- Тати разбойнички: съываются Василюмъ Буслаевичемъ, II, 61: 51.
- Телѣги златоконныя, II, 1: 111; 37: 344.
- Терема высокіе, II, 1: 84, 137, 208; 21: 23; 26: 30 (часто); златоверховатые, I, 14: 22; II, 61 (часто).
- Тетива шелковая, II, 1: 78 (часто).
- Торговщице нѣмецкое, II, 16: 25.
- Тороки шелковыя, II, 41: 82, 140.
- Трава шелковая, II, 23: 32; 49: 20.
- Трактиры, II, 31: 276.
- Трубки подзорныя, II, 10: 159; 31: 295; 68: 201; зрительная трубка—въ нее смотритъ Ильѣ Муромецъ изъ окошка въ палатахъ кн. Владиміра I, 22: 17.
- Тысяцкій (свадебный чинъ), II, 42: 12.
- Туръ гнѣдой, II, 26: 94 (съ золотой и серебряной щеткой); туръ золотыя рога, 27: 94; 38: 4; 39: 2; турница, 39: 5; 40: 3.
- Тынь желѣзный, II, 23: 33; 26: 35; окружаетъ дворъ Ставра, 56: 29.
- Узда тесьманная, II, 24: 26; 27: 25; 31: 39; 32: 130.
- Улица широкая, II, 1: 135, 172, 207, 237; 21: 24; 28: 186 (часто); стрѣлецкая, 10: 19, 46.
- Уста сахарныя, II, 23: 25; 48: 36 (часто).
- Утки сѣрыя, пушистыя, перелетныя, II, 21: 95; перистыя 31: 16; сѣроплавныя, 60: 6.
- Холопы, I, 4: 19; 9: 27; 52: 11.
- Хоромы, I, 7: 3; опрощенные, 56: 8.
- Царевичи заморскіе, I, 1: 10; 4: 7; 5: 6; 6: 28; 7: 13; 9: 19.
- Царница, II, 6: 91, 103.
- Царь, II, 5: 42; сорокъ царей, 6: 106; 8: 12; 9: 2; 10: 27.
- Церкви божьи, II, 12: 70; 27: 166; 29: 94; 31: 505; святыя, 31: 103; священныя, 48: 94; и. Вознесенская, 49: 81; Спаса Пречистаго, 51: 11—12.
- Цырульня, II, 59: 61; въ ней жена Ставра остригаетъ себѣ волосы помужски.
- Цѣпи золотыя дають кн. Владиміръ богатырямъ, I, 52: 23.
- Чара зелена вина, II, 1: 183 (часто).
- Чаша красна золота, II, 5: 35 (часто).
- Чернига, II, 49: 141, 172, 184; 61: 49.
- Чернильница серебряная, II, 59: 263.
- Чинжаліще булатное, II, 8: 252; 15: 77; 31: 53.
- Чоботы, II, 42: 146; 46: 37; по турецкому: шиломъ пяты, воски острѣе, I, 54: 19; чоботные мастера у Ставра, II, 58: 47.
- Чулки бумажныя, II, 45: 45; тонкіе, 46: 37.
- Чумбуры, ченбуры шелковыя, II, 12: 145; богатырскіе, 42: 210.
- Шалыга (шелыга) подорожная, II, 1: 66; 62: 73 (обычно).
- Шавка шуховая у Чурмы, II, 45: 43; въ 500 рублей, 48: 13.
- Шатеръ бѣлополотняной, II, 6: 89; 8: 31, 55, 161, 205; 9: 9 (часто); бѣлый, 8: 203; 14: 13; 16: 70 (часто); бѣлобѣлчатый, I, 56: 21; тонкій, II, 33: 119.
- Шахматы, II, 57: 245; Владиміръ играетъ съ грозными посломъ (женой Ставра).
- Шашки, II, 48: 54.
- Шелкъ шемахинскій, II, 27: 26.
- Шеломъ окатистое, II, 15: 56; 31: 143; 68: 200.
- Ширняка питая краснымъ золотомъ, II, 32: 191; 44: 99.
- Щитъ: въ выраженіи: за щитомъ взять городъ, I, 4: 5; 5: 8; 6: 30; 7: 15; 9: 20.
- Шляпа черная, II, 1: 181, 206; 9: 79; 37: 64; земля грецкія, 13: 35, 42; шуховая, 37: 80.
- Шуба собольная въ 1000 р. у Ильѣ М., II, 6: 60; у кн. Владиміра, I, 21: 30.
- Бѣства сахарныя, II, 28: 94; 48: 40; I, 3: 13.
- Эпистолия: ее пишетъ кн. Владиміру жена Ставра, II, 58: 148.
- Яблоко у коня, II, 44: 160.
- Яндова, II, 7: 69, 83.
- Ярыкъ, II, 8: 48; 37: 56; скоронисчатый 8: 37, 69, 80: 12. 2.

II.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

А л е в и ц к а я з е м л я : съ нея кн. Владимиръ беретъ дань, I 25 : 11; 32 : 11; 40 : 1, 11.

А в д о т њ я—лебедь бѣлая—жена богатыря Михаила Потока Ивановича, I 27:16; 34:5; 41:26, 42—45; **О в д о т њ я**—лебедь бѣлая — дочь Ляховинскаго короля, за которую сватается Иванъ Годеновичъ, II 44 : 26, 67, 69.

А л е ш а (**О л е ш а**) **П о п о в и ч њ** упоминается въ числѣ 7 богатырей Владимира, I 47 : 15; названъ министромъ Владимира, 16 : 34; надъ Алешей издѣвается Соловей разбойникъ, 20 : 36; Алеша наз. племянникомъ кн. Владимира, 29 : 143; взымаются ѣхать за данью въ землю Алевницкую, 26 : 4; 40 : 11; поднимаетъ до пояса камень, въ который превращенъ Михаилъ Потокъ Ивановичъ, 38 : 34; 46 : 11; проситъ у каликъ переходящихъ платье калическое, 48 : 18; умѣетъ говорить татарскимъ языкомъ, 49 : 11; бранится съ цареградскимъ богатыремъ Идоломъ, 50 : 10—14; остается одинъ въ Цареградѣ, когда уѣхали прочіе богатыри, 50 : 54; вѣтъмъ объясняетъ причину ихъ отъѣзда и отъѣзжаетъ самъ, 51 : 4; издѣвается надъ Тугариномъ, 59 : 1—10. Услужливо подхватываетъ кн. Владимира подъ лѣвую руку, II 5 : 164; упоминается въ дружинѣ Ильи, 8 : 128; упоминается при кн. Владимирѣ, 12 : 55; выручаетъ вѣстѣ съ Добрыней Ильи Муромца, 12 : 163—170; бьется со Скиномъ-звѣремъ, 20 : 24—29; за Алешу П. запрещаетъ Добрыня своей женѣ выходить замужъ, такъ какъ онъ ему названный братъ, 22 : 51—52; 23 : 15; 27 : 164; называется младшимъ, 28 : 1; 31 : 5; тучнымъ, 28 : 7; бьется съ Тугаретиномъ, 28 : 140 и слѣд.; названъ сыномъ пона Ростовскаго, 31 : 3; прогоняетъ рать Василя Прекраснаго, 31 : 3 слѣд.; Илья М. посылаетъ Алешу П. противъ паланицы, 31 : 315 и слѣд.; Алешу выпрашиваетъ у кн. Владимира Дунай себѣ третьимъ товарищемъ, чтобы ѣхать къ королю Задонскому за Опраксомъ, 32:124, 33 : 45; у Алеши тросточка въ 40 пудовъ, 33 : 95; А. подхватываетъ стрѣлу Коцея и подаетъ Ильѣ Муромцу, 42 : 188—189; смѣется надъ Иваномъ Годеновымъ послѣ неудачной женитьбы послѣдняго, 44 : 268; упоминается ярость Алеши, 49 : 5 (срав. I 67 : 1); А. ѣдетъ вѣстѣ съ Ильей М. по приказу Владимира отнять имѣнье Дюково, 51 : 94;

дерзко говорить о Дюкѣ, 52 : 60—61; Алешу вѣстѣ съ Добрыней посылаетъ кн. Владимиръ привезти Ставрову молодую жену въ Кіевъ, 56 : 59—60; Алеша выходитъ бороться съ Васильемъ Васильевичемъ, переодѣтой женой Ставра, 56 : 140—144; упоминается въ числѣ богатырей Владимира, 57:182; хвастаетъ золотою казною, 58 : 20; Алешенька извозчикежъ у кн. Владимира, 68 : 67; А. остался непобитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70:18.

А л т а й г о р а, II 12 : 149.

А м е л ь ф а Т и м о ф е е в н а молодая вдова Никиты Романовича, мать Добрыни, II 21:66, 82; провожаетъ сына, 21 : 109.

А п р а к с і я. Апраксаяна королевична, жена кн. Владимира, I 16 : 24; иначе Апраксина, 17:32; 21 : 33; 22 : 5; ее дѣдуетъ Идолище, 24 : 5; Апраксея королевична угадываетъ жену Ставра, 57 : 21; княгиня, II 8 : 93; 21 : 189, 194; описывается ея нарядъ, 31 : 230—232. Опраксея дочь короля Задонскаго, 32 : 106 и слѣд.; упоминается, 51 : 34; 52 : 40; 56 : 110; 57 : 152; высолывается поясъ изъ окошка, чтобы послушать каликъ, 68 : 77—78; угощаетъ ихъ и пригласяетъ очочивъ держать, 68 : 84—110; соблазняетъ калику Михайла Михайловича, 68 : 110—170; зашиваетъ братицу серебряную въ сумку Михаила, 68 : 173—178.

А р а в и т с к о е з о л о т о: изъ него сдѣланы маковки на патрѣ Василисы Никуличы, жены Ставра, I 56 : 23.

А р а х о в њ (Орѣховъ?) городъ, II 39 : 9.

А ф и м њ А л е к с а н д р о в н а—мать Добрыни, II 22:5стара вдова; срав. стихи, 7, 18, 29, 36, 45; 27 : 5 (чества вдова).

А х т а (Охта?) городъ, II 39 : 9.

Б а т у р њ Б а т в ѣ с о в њ царь получаетъ дань отъ кн. Владимира, II 37 : 22; называется собака (обычно); его лукъ несутъ девять татаряновъ, 37 : 258.

Б а т ы г а С е р г ѣ в и ч њ съ сыномъ Батыгой Батыговичемъ обступаютъ Кіевъ, II 38 : 22, и требуетъ поединщика, ст. 40; называется также Богатушко Богатовичъ, 40 : 11, и Батыгушка Батыговичъ, 40 : 36.

Б а х м а т њ конь любимый богатыря Суруги, II 65 : 44, 52; бурой конь, 53 : 4.

Бермета Васильевичъ мужъ Катерины, любовницы Чурилы, II 45:5, 21, 23, 25, 50, 57; иначе наз. Берматъ Васильевичъ въ № 48.

Бойканово поле, II 14:83; 70:21.

Борисъ королевичъ младъ, II 1:38.

Брянскіе лѣса, I 2:12; 10:25; иначе Брянскіе, 8:2; 9:22; 56:17; иначе Брянскіе, 12:18; 13:7; 14:19.

Буславъ: Буслаешко—отецъ Василя, II 61:1, 5; иначе Буслашко, 62:1, 2.

Бѣлая палица—дворянинъ, шестой богатырь при Владимирѣ, I 47:17.

Бѣлозерово—озеро, II 22:32, 64.

Васенька Маленькой въ дружинѣ Василя Буслаевича, 61:102, 107, 113—124; обскакиваетъ дворъ, гдѣ пируютъ мужики новгородчане и выпускаетъ туда Василя Буслаева, ст. 160—174.

Василиса Васильевна жена Ставра, II 57:55, 81, 85, 121, 138, 222.

Василиса Никулична (Никулична): а) жена Берматы, II 45:8, 31; называется честная королевична 45:9, 32, 56; б) жена Ставра, I 54:3; 55:30; 56:1—7; II 56:42.

Василій Боголюбевъ царь въ Цареградѣ, II 13:19.

Василій Буслаевичъ новгородскій уладецъ. Оставшяся мальчикомъ по смерти отца, уродуетъ новгородцевъ на улицахъ, II 61:5—15; 62:7:11; 64:16—18; по совѣту матери собираетъ себѣ дружину, испытывая поступающихъ въ нее ударомъ червяннимъ вазомъ по головамъ, 61:43—125; идетъ невзванный съ своей дружиной на пиръ новгородскихъ мужиковъ у Викулы Окулева, 61:150—177; бьется о закладъ драться со всѣмъ Новгородомъ, ст. 180—183; мать сажаетъ его въ погребъ, ст. 196—201, идетъ къ полицейскимъ начальникамъ съ дарами просить о помилованіи ея сына, 202—218; когда дружинѣ Василя приходится плохо отъ новгородцевъ, нянька выпускаетъ его изъ погреба, ст. 235—245; Василій, схвативъ ось въ 90 пудовъ, избиваетъ новгородцевъ, которые взываютъ противъ него старца Приугрюмца, ст. 246—266; Василій шадаетъ старца и продолжаетъ избивать новгородцевъ, 267—285; полицейскіе начальники приходятъ съ дарами къ Малфѣ Тимофееви и просятъ укротить ея сына, что она и дѣлаетъ, ст. 286—313. Вас. ѣдетъ въ Иерусалимъ, купается нагимъ тѣломъ въ Иорданъ, 314—357; встрѣчаетъ на Фаворѣ горѣ камень съ надписью и скочивъ черезъ него разбиваетъ себѣ голову, ст. 365—385. Ср. №№ 62, 63, 64. Въ № 60 Василю Буславу приписаны похождения въ Литвѣ съ королевой.

Василій Васильевичъ—переодѣтая жена Ставра, Василиса Никулична, II 56.

Василій Ивановичъ—переодѣтая въ мужское платье жена Ставра, I, 56:13; называетъ себя грознымъ посломъ, 67:2.

Василій Игнатьевичъ—богатырь, дѣйствующее лицо въ былинѣ № 38. При приступѣ Батыги къ Киеву о Василяхъ рассказываютъ князю Владимиру голи кабацкіе (ст. 49—56). У Василя трещитъ голова съ похмелья (68); онъ проситъ опохмелиться (75), пьетъ полпята ведра зелена вина (83), затѣмъ стрѣлой убиваетъ сына, зятя Батыги и дьячка выдумщика (90—93);

выбираетъ себѣ коня, ѣдетъ къ Батыгу, винитъ, выпрашивается у Батыги 40000 татаръ дань для взятія Киева, но всѣхъ ихъ избиваетъ.

Василій Касимеровъ—упоминается какъ богатырь, II, 8:124, 184—186; въ дружинѣ кн. Владимира, 31:211; Василій Казимеровской вызывается отвезти дань отъ Владимира Батуру въ землю Полевецкую, II, 37:48—60; встрѣчаетъ Добрыню, который хочетъ вхлѣть съ нимъ (224—128); ѣдетъ съ ярлыками кн. Владимира къ Батуру. Б. угрожаетъ ему смертью (217); Василій избиваетъ татаръ осью телѣжною (315).

Василій Окулевичъ—наз. прекрасный царь, II, 66:1, 10; (ср. 67:10); по совѣту коварнаго Ивашки поваренаго хочетъ увести жену Соломана, царицу Соломанею (55—65); Ивашка, напоивъ царицу питьемъ забудущимъ, привозитъ ее Василю (138—165); Соломанъ, явившись отнять жену, посаженъ ею въ сундукъ и долженъ быть преданъ казни (190—240), но, прѣбывшая на звукъ турья рога, дружина выручаетъ Соломана (241—275), который велѣтъ погнать Василя Окулевича и Соломанею (276—297). Въ № 67 отчество Василя Окуловичъ и онъ служитъ царемъ въ Новгородѣ (ст. 2).

Василій Прекрасный—любимый зять Мамая, II, 8:14, 35, 57, 93, 103, 114; осаждаютъ Киевъ, 31:99 и слѣд.

Василій Пустоволосовичъ—младой Тараканковъ сынъ даетъ царю Василю Окулевичу совѣтъ увести жену Соломанову и приводитъ его въ исполненіе, II, 67:45—55.

Василій-пьяница (см. также Вас. Игнатьевичъ)—дѣйствующее лицо въ былинѣхъ №№ 39 и 40; освобождаетъ Киевъ отъ цари Польскаго или Батыги.

Вахрамей (Вахрамеецъ)—король, за котораго просватана Авдотья лебедь-бѣлая, дочь короля Лиховинскаго, II, 44:71, 100; называется королемъ земли поганой (133), поганымъ идолицемъ (139), царщемъ (183); его убиваетъ Иванъ Годоповичъ.

Викула Окуловъ: у него пируютъ мужики Новгородскіе, II, 61:144, 151, 173.

Владимиръ-князь безсмысленный кievскій; Всеславьевичъ, I, 7:11; Всеславичъ, I, 32:4; II, 1:3; 32:4; чаще: Сеславьевичъ, II, 1:9, 43; 9:27; 21:22; 28:185; 37:347 и т. д. Эпитеты: стольнокievскій (часто); ласковый (часто); батюшка, II, 1:188; 12:71; славный, I, 5:1; II, 33:117; красное солнышко, II, 9:27; 10:10; 13:72 (часто); бѣлый царь II, 12:129; великій князь, I, 27:10; 21:29, упоминается въ каменной Москвѣ, II, 24:3; при нападеніи враговъ на Киевъ выказываетъ трусливость, II, 9:39—42; печалится и кручинится, 12:48—50; недовѣряетъ разсказу Ильи Муромца, I, 3:9; 17; выслушиваетъ грубости отъ Соловья разбойника, I, 21:25; отъ Миханца Потока, 36:28; Вла. проситъ Потока Ивановича уступить ему привезенную имъ дѣвицу Авдотью Лиховидовну, I, 27:11; 34:2; 41:23. Запрещаетъ богатырямъ оставлять Киевъ, его вотчину, 47:10—11., но они не исполняютъ его приказанія; жалуетъ богатырей шубами соболинными и золотыми цѣпями, 52:22—24; засаживаетъ за похвалу Ставра въ погребъ и по-

сылаетъ переписать его золоту назву, 56: 35; отъошениа Владимира къ Ильѣ Муромцу, см. II, №№ 1 (170—245); 5; 7; 9 (90—100); 10 (89—93); 11 (72—115); 12 (60—79); къ Никитѣ Романовичу, 21: 34—55; къ Добрынь Никитичу, 21: 389—396; къ Алешѣ Поповичу, 28: 185—191; 29: 86—145; 31; 130—134; 253—257; къ Дунаю, 32: 47—53; 75—79; 87—115; къ Василю Касимерскому, 37: 359—374; къ Василю Игнатьевичу 38: 76 и слѣд.; къ Ивану Гординовичу, 43: 16 и слѣд.; къ Дюку Степановичу, 49: 138 и слѣд. 51: 46 и слѣд. 52: 32; къ Суханьшѣ Замантьеву, 54: 50—65; къ Ивану Гостинному сыну, 55; къ Ставру №№ 56, 57, 58, 59.

Волховъ—рѣка: по Волхову попалили глава Идолица убитаго Ильей, II, 13: 159. Волховъ мость: на него бросаетъ Василий Бусласевичъ письмо, II, 61: 56, 63; на мосту рѣшено битися Василю Б. съ Новгородомъ, 62: 30; здѣсь же встрѣчаетъ Василя Б. его крестный батюшка, 62: 95; срав. 63: 46.

Волынецъ—крѣпкій городъ; изъ него призываетъ Михаилъ Козарятинъ, II, 41: 1, 122, 130, 148: изъ него же Дюкъ, 52: 1, 45, 87. (Волынецъ-Галичъ).

Вуяндипа—мѣстность, II, 29; 14.

Галацкая земля; изъ нея призываетъ Василий Ивановичъ, т. е. переодѣтая жена Ставра, I, 56: 14; 57: 7.

Галичъ—славенъ городъ, гдѣ живетъ Дюкъ Степановичъ, II, 50: 1, 131 (см. Волынецъ).

Гапа—дочь Кошечя, которую беретъ за себя замужъ Михайло Потокъ Ивановичъ, I, 46: 18 срав. *Рамка*.

Германъ (Ерманъ) Святой, II, 10: 112.

Гапитъ—4-й богатырь въ числѣ семи при кн. Владимирѣ, I, 47: 16.

Горыничъ—звѣй (Горынице), съ которымъ бьется Добрыня, II, 21: 127—199.

Дмитрій Дмитриевичъ (Митрій Митриевичъ)—купецъ, отецъ Настасьи, пѣвцы Ивана Годиновича, II, 42: 7; 43, 47; гость торговый въ Червиговѣ, 43: 36.

Днѣпръ—рѣка широкая; черезъ нее скачутъ Дюкъ съ Чурилой, II, 52: 177—199; на Днѣпрѣ выезжаетъ Суханьша, 54: 4, 5; Д. называется быстрымъ. 42: 26, 110; 54: 14; батюшкой, II, 1: 52; 9; 7; 21: 116; Нѣпречка II, 19: 16; на Днѣпрѣ выбѣгаетъ Скимень звѣрь, 18: 17 или Ндринъ-звѣрь, 19: 13.

Добрыня Никитичъ—упоминается какъ 7-й богатырь при кн. Владимирѣ, I, 47: 18; подхватываетъ Владимира подъ правую руку, II, 5: 163; состоитъ въ дружинѣ Ильи, 8: 127, 182; въ дружинѣ у кн. Владимира, 12: 56; встрѣча Дни съ Кузьмой Семерцьяпиновымъ № 14; зоветъ Илью дядошкой, 14: 36; Д. сынъ торговаго гостя Никиты Романовича, 15: 7; братается съ Ильей, 15: 118 и слѣд. (срав. 31: 264); увзжаетъ отъ матери стрѣлять гусей и утокъ, 15: 50—53; бьется съ Ильей, не узнавъ его, 15: 67—109; Д. звѣрный слуга Ильи на Соколь-норабѣ, 16: 34; 17: 9. Рожденье Добрыни сопровождается знаменіями, 18; дѣтство его по смерти Никиты Романовича, 21: 69—79; бьетъ челомякъ передъ матерью, 22: 3; 23: 3; Илья названный братъ Добрыни, 23: 7.

Д. жилъ въ разныхъ должностяхъ 9] лѣтъ у Владимира, 24: 17—21; Добрыню посылаетъ Владимиръ звать отъѣхавшаго Алешу, 31: 195 и слѣд.; его посылаетъ Илья М. противъ Поляницы, 31: 350 и слѣд.; Д. сватаетъ кн. Владимиру Опраксу, 32: 33; ѣдетъ вмѣстѣ съ Дунаемъ и Алешей къ королю Задонскому сватать Опраксу, помогаетъ Дунаю ее добыть и отвозить въ Киевъ, 32: 151—219 (срав. 35: 37 и 36: 25); вызывается самъ сопровождать Василя Касимерскаго къ царю Батуру въ Поленецкую землю, 37: 124—128; играть въ кости съ Батуромъ, 37: 228—230; стрѣляетъ и ломаетъ лугъ Батура, 37: 274; побораеъ борцовъ Батура, 37: 300—310; вѣжество Дни упоминается 49: 4 (ср. 67: 5); Д. ѣдетъ описывать нивны Дюка Степановича, 52: 80; выходитъ бороться съ Василиемъ Васильевичемъ, переодѣтой женой Ставра, 56: 144; хвастаетъ добрымъ конемъ на пиру Владимира, 58: 18 (ср. 63: 11 на пиру въ Новгородѣ); Д. запятничекъ у кн. Владимира, 68: 48; ѣдетъ за каликами, чтобъ вернуть братину, зашитую Евпраксией въ сумку предводителя каликъ, 68: 235 и слѣд.; Д. остается непобитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70: 17.

Дунай Ивановичъ—богатырь; называется задорливымъ, II, 8: 175; Д. названный братъ Добрыни, 32; 45; сидитъ три года въ погребѣ у Владимира, 32: 48; выпущенный изъ погреба указываетъ Владимиру на Опраксу, дочь короля Задонскаго, какъ на достойную невѣсту, 32: 106 слѣд.; ѣдетъ съ Добрыней и Алешей добывать ее, 32: 123 слѣд., смиряетъ короля Задонскаго (ст. 176—184), выводитъ Опраксею и ѣдетъ съ нею въ Киевъ (210 и слѣд.); на пути, замѣтивъ ископытъ, поручаетъ Опраксею Добрынь, самъ встрѣчаетъ палияницу Настасью королевичну, побѣждаетъ ее и привозитъ въ Киевъ себя невѣстой (215—247); тѣже походенія въ былинахъ №№ 33—36; смерть Настасьи, 33: 215 и слѣд.; самоубійство Дуная (ст. 221—225); изъ крови Дуная протекла Дунай рѣка (ст. 228). Имя Дунай въ приѣвѣвѣ, 60: 25.

Дюкъ Степановичъ: описаніе его двора и палаты, II, 49: 8—40; проситъ благословенія у матери вѣхать въ Киевъ (40—66); приѣздъ въ Киевъ (76—80); хвастовство Дюка на пиру у Владимира (115—139); посольство Владимира къ матушкѣ Дюка (144—189); три заставы встрѣченныя Дюкомъ на пути въ Киевъ, II, 50: 10—30; встрѣча Д. съ Ильей Муромцемъ (33—40); хвастанье Д. на пиру у Владимира (66—73); споръ съ Чурилой Пленковичемъ (76—78); Д. перешапиль Чурилу (112—130); № 51—49, но съ некоторыми подробностями; въ 52: 4 Д. называется молодымъ бояриномъ, боярскимъ сыномъ; состязанье Д. съ Чурикой въ фравтовствѣ (66 слѣд.); Добрыня Никитичъ въ палатахъ Дюка (89 слѣд.); Д. перешапиль Чурилу (158—173); скачка Д. и Чурилы черезъ Днѣпръ (177—206); № 53 (начало былины о Дюкѣ); 67: 2 Дюкъ упоминается по золотой казнь.

Екимъ Ивановичъ—богатырь спутникъ Алешы Поповича, II, 28 (часто, выручающій его въ битвѣ съ Тугариномъ; иначе Екимша II, 29: 65; хватаетъ ножъ пущенный Тугариномъ, 29: 75.

Е л е н а—царица, благоверная, жена Константина, проситъ русскихъ богатырей—Илью М. съ товарищами отпустить Тугарина Зміевича, взятаго ими въ павъ, I, 51: 30—33.

Е л е н и н с к і й стихъ, II, 68: 34, 38; иначе Елевскій, 68: 56.

Е р д а н ь—рѣка; въ ней купается Василій Буслаевичъ съ дружиной, II, 61: 343; 62: 107; также Иорданъ: въ немъ купаются калики, 68: 276.

Е р м а к ъ Т и м о ф е е в ъ—молодой богатырь; вызывается вѣхать противъ татаръ, II, 10: 105; избиваетъ ихъ, причѣмъ ему помогаетъ Илья Муромецъ (172—186).

Е ф и м ъ—слуга паробокъ; его проситъ Иванъ Гординовичъ у Владимира себя въ спутники, чтобы вѣхать въ Черниговъ сватать Настасью Дмитриевну, II, 43: 52, 54.

Е ф р а т ь—рѣка II, 41: 18, 23, 26.

З а д о н с к і й король — отецъ Опракмы и Настасьи, II, 32: 100, 138, 161; задонское царство, 32: 137, или королевство, 32: 139; задонская земля; съ нея Владимиръ беретъ дань, I, 25: 10; 32: 10.

З а л ь ш е н и н ъ—дворянинъ, 2-й богатырь въ числѣ семи богатырей кн. Владимира, I, 47: 15; 49: 10; извиняетъ Алешу предъ царемъ Константиномъ, 50: 14; разговариваетъ съ царемъ, 50: 27; русскіе богатыри посылаютъ Залъшенина напередъ въ Киевъ къ Владимиру съ извѣстіемъ о ихъ побѣдѣ надъ цареградскими богатырями 52: 6—9.

З л а т ы г о р к а—сильная, II, 31: 534 (ея сынъ Подсокольникъ); люта, 31: 544, 559.

И в а н и ш е—сильный Игнатъевъ сынъ II 13: 4—14, 22, 31; II. въ дружнѣ Василя Буслаевича, II, 61: 73.

И в а н ъ Г о д е н о в и ч ъ, иначе Гординовичъ; его женитба на Настасѣ Дмитриевнѣ, невѣна жены и убіеніе ея Ивановъ, см. №№ 42, 43 и 44.

И в а н ъ Г о с т и н н ы й сынъ—вызывается на своемъ бурушкѣ скакать изъ Киева до Чернигова въ состояніи съ тремя жеребцами кн. Владимира, II, 55.

И в а н ъ Т и м о ф е е в и ч ъ — крестьянинъ, отецъ Ильи Муромца, I, 11: 29.

И в а н ы—два брата, II, 8: 129.

И в а ш к а П о в а р е н н ы й—за столомъ у Василя Окулевича сватаетъ ему Соломаню, жену Соломана, II, 66: 30—47; называется воромъ, 66: 79.

И д о л и щ е—нечестивое: его описаніе, I, 23: 15—20; проклятое, II, 13: 17; его вишній видъ, 13: 26—29; милый другокъ Маринки, 26: 22; Идолице Жидовское—богатырь у царя Константина въ Царьградѣ, I, 49: 26, 35; 50: 3—22; его лошади ведутъ 20 человекъ, 50: 24; называется **С к о р о п и т ѣ**, 51: 17; тридцать идолицевъ будутъ кланяться Настасѣ Дмитриевнѣ, если она выйдетъ за Коцея, II, 42: 164; идолицемъ поганымъ названъ король Вахрамей, 44: 133.

И л ь я М у р о м е ц ъ—Ивановъ сынъ, I, 2: 4; 3: 25; 5: 20; 6: 23 (часто); сатвъ государь, I, 10: 13; 16; 11: 13; 12: 15; 17: 21; осударь, 49: 3; II, 5: 19 и др. 15: 26 (часто); святорусскій богатырь, I, 14: 9; старый казакъ, II, 1: 15; 6: 19;

7: 1; 9: 47; 10: 57, 12: 61; 15: 15 (часто); воинъ, II, 7: 194; дѣдушка, 6: 39; батюшко, 13: 3; старъ-матеръ человекъ, 23: 21; Илюшко, I, 2: 4; 3: 24; 7: 20; 9: 9; Илюшенька, II, 12: 141; Юлюша, 13: 59; Юлюшенька, 13: 65, 149; Илья вызывается вѣхать за данью въ землю турецкую, I, 40: 6; вѣдетъ на р. Смородину, 40: 21; вѣдетъ искать Потока, 46: 9; бросаетъ черезъ себя камень, въ которомъ былъ заключенъ Потокъ, 46: 12; упоминается въ числѣ семи киевскихъ богатырей, 47: 14; получаетъ платѣ каличь отъ каликъ, 48: 29; проситъ кн. Владимира отпустить въ Царьградъ плѣннаго Тугарина, 52: 31—35; вѣдетъ изъ дому въ Киевъ, II, 1: 14; по дорогѣ туда освобождаетъ городъ Кидошъ (1: 19); называетъ себя въ Кидошѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаретиномъ, 1: 37; рветъ дубье и мость мостить черезъ Днѣпръ 1: 54; встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ, 1: 57 и слѣд.; приѣздъ въ Киевъ, знакомство съ кн. Владимиромъ, 1: 145 и слѣд.; ссора Ильи съ Владимиромъ 1: 178 и слѣд.; убіеніе Соловья разбойника (ст. 255 слѣд.). Выѣздъ Ильи изъ дому, см. № 2 и 5; встрѣча съ разбойниками №№ 3, 4 и приложеніе, стр. 271—274; встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ №№ 5 и 7; три поѣздки № 6; встрѣча съ Идолицемъ, 7: 56 и слѣд.; Илья и Мамай № 8; наружный видъ Ильи, 8: 223—228; Илья М. и Калинъ (Каннъ) №№ 9, 10, 11, и 12; Илья въ Царьградѣ у царя Василя Боголюблева № 13. Встрѣча Ильи съ племянникомъ—Кузьмой Семерцянновымъ № 14; Илья вѣдетъ къ Добрынь 15: 15 и слѣд., не заставъ его дома, находитъ въ полѣ и вступаетъ съ нимъ въ бой, 15: 66—90; Добрыня повалилъ Илью Муромца, хотѣлъ зарвать, но, узнавъ его, проситъ у него прощенья (ст. 114 слѣд.); Илья съ Добрынею на Соколѣ корабль №№ 16, 17 и Приложеніе стр. 276—277; И. бьется съ богатыркой, 31: 375 слѣд.; И. убиваетъ стрѣлою Коцея безсмертнаго, 42: 190—193; говорится, что нѣтъ выше Ильи счастье, 49: 3; И. поручается за Дюка Степановича, 49: 147, 52: 75; вѣдетъ съ Алешей отнять Дюково имѣніе, 51: 92; говорится, что не было выше его на свѣткѣ, 67: 4; Илья остался не побитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70: 19; И. называетъ на 3 дороги: Приложен. стр. 273, Илья и царище Кудрянице—тамъ-же стр. 274—276; мѣстное преданіе объ Ильѣ въ Карачаровѣ, стр. 277; Илья Муромецъ (Моровецъ), 277—278.

И н д р и к ъ—звѣрь (Скимень), II, 19: 5; описаніе его вида, 19: 6—11.

И е р о с о л и м ѣ градъ, II, 13: 10; смѣшивается съ Царьградомъ, 13: 16, 63; въ Еросолими вѣдетъ Василій Буслаевичъ, 61: 318—363; туда-же идутъ калики, 68: 273.

К а з а р а—попъ церкви соборныя въ Волинцѣ, II, 41: 5, 125, 132, 150.

К а н ь (иначе Калинъ) поганый царь, II, 10: 20, 47.

К а л и н ѣ—царь, собака, злой, II, 9: 1, 54, 97—144; 12: 118; сынъ Смородьевичъ, 9: 55; у него сынъ Калинечекъ, 9: 145; Калинъ-царь Тугаринъ, 12: 6.

К а л и ч и щ е прохожій — встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22; онъ учился съ Ильей

- въ одной школѣ грамотъ, 23: 5; объщается вы-
свѣчь Илью 23: 10.
- К а р а ч а р о в о с е л о , I, 11: 28; II, 2: 2; Прилож.
стр. 277—278. (Родина Ильи Муромца).
- К а сьянъ Ивановичъ въ числѣ каликъ,
II, 68: 27, 28.
- К а т е р и н а Н и к и т и ч н а — сестра Добры-
ни II, 26: 114.
- К а т е р и н а Н и к у л и ч н а (Микулична) же-
на Бермети (Обемела)—любовница Чурилы, II
46: 10; 47: 24; 48: 28—63.
- К и б е р с к и й к нязь , I, 11: 18; 12: 3; 12: 4.
(=Себежскій).
- К и д о ш ь — городъ , II, 1: 16, 23, 30.
- К и е в ь стольный городъ , I, 47: 9. II, 1: 8, 41,
47, 113, 134; 2: 12; 9: 6; 10: 1 (часто); славный,
II, 5: 5; 6: 1 (часто); красенъ , II, 5: 48; 8: 7; 31:
112 (часто); на горѣ стоитъ , 52: 9. Кияновъ го-
родъ — Киевъ , 60: 104 (примѣч.).
- К и я н ь — море , II, 53: 13; Киянь , 17: 1, 2.
- К а з а р с к а я м ѣдъ ; ею покрытъ дворъ Дюка
Степановича , II, 49: 10.
- К о н с т а н т и н ѣ ц а р ь въ Цареградѣ , I, 49:
17; называется вольный царь , 49: 27; разспраши-
ваетъ объ Ильѣ Муромцѣ , 49: 32; 50: 4.
- К о н с т а н т и н ѣ Д м и т р и ч ѣ — молодой
князь въ Москвѣ , II, 69: 10; къ нему призываетъ
гонецъ съ извѣстиемъ о взятіи Левиками въ
плѣнъ княгини Настасьи Дмитревны , 69: 61 и
слѣд.; ѣдетъ на р. Смородину , гдѣ стоятъ Леви-
ки , 69: 95; оборачивается сврымъ волкомъ и пе-
регрызаетъ глотки конямъ (ст. 99); обертывается
горностаемъ (ст. 134) и чернымъ ворономъ
(ст. 124).
- К о р е л а — богатая; оттуда Михаилъ Казаря-
тинъ , II, 41: 2, 123, 131, 149; оттуда Дюкъ Сте-
пановичъ , II, 52: 2.
- К о щ е й — царь Золотой орды , I, 27; узнавъ о
красотѣ жены Михаила Потока, собираетъ 40,000
войска и обступаетъ Киевъ; его силу избиваетъ
Михаилъ , 28: 14; называется невѣрнымъ 31: 11;
34: 17; 37: 16; 41: 4; призываетъ подъ Киевъ съ
100,000 рати , 45: 6; Кощеище безсмертный — же-
нихъ Настасьи Дмитревны , II, 42: 74 слѣд.; Тра-
петовичъ 43: 59.
- К р ы м с к и й х а н ь , наз. грознымъ царемъ , II,
57: 123.
- К у зь м а С е м е р ц я н и н о в ѣ богатырь —
племянникъ Ильи Муромца , II, 14: 124 слѣд.
- К у л и к о в о п о л е ; II, 4: 2; Добрыня ѣдетъ
туда , 22: 26; Алеша ѣдетъ туда перевѣдаться съ
звѣемъ Тугаретиномъ 28: 133; Ильѣ Муромецъ
вызываетъ на Куликово поле; Прилож. , стр. 273.
Илью ведутъ казнить на поле Куликово , стр. 275.
- К у н г у р ѣ С а м о р о д о в и ч ѣ богатырь въ числѣ
богатырей кн. Владимира къ Киевъ , II, 57: 183.
- К у р г а н ь — царь невѣрный; поднимается и
ѣдетъ въ горы Трепетовы II 65: 2, 30; спраши-
ваетъ попавшаго въ плѣнъ Сурого , будетъ ли
онъ ему служить , 65: 64; велитъ казнить Сурого
(ст. 74); названъ Смородовичемъ (ст. 100).
- К у т у з о в ы с е л а , I, 2: 35; 3: 4; 6: 8; 8: 22.
- Л е в а н и д о в ѣ к р е с т ь , II, 40: 2; 68: 6; иначе
Евандіевъ 8: 22.
- Л е в и к и королевичи , племянники Чолпана,
короля Политовскаго , II, 69: 1; собираются ѣхать
на святую Русь 69: 8; ѣдутъ въ Золоту орду 69:
29; въ каменну Москву 69: 35.
- Л е в о н т і й попъ Ростовскій , отецъ Алеши
Поповича , I, 29: 67.
- Л е х о в и ц к а я з е м л я ; изъ нея Ставръ II
59: 42, 45; Леховицкій посолъ (жена Ставра)
59: 86, 91, 101.
- Л и т в а — земля; хоробрая , II, 35: 27, 48, 59;
55: 32 (часто); матушка 35: 48; свѣшивается съ
татарскимъ царствомъ 35: 55; (стр. №№ 36 и
60); поганая 69: 155; въ Литвѣ король , у кото-
раго служилъ добрый молодець 60: 36.
- Л и т о в с к и й к нязь — отецъ Настасьи и Оп-
раксы , II, 35: 28 и слѣд.; онъ же называется ко-
ролемъ 36: 45; причеиъ при немъ татары 36: 57.
Литовская королевична 60: 95—204.
- Л и т о в ц ы — ихъ навадъ см. № 69.
- Л и ч а р д а слуга вѣрная , II, 8: 209.
- Л я х о в и н с к и й к о р о л ь — отецъ Овдоты ле-
беди-бѣлой , II, 44: 25; Лиховинское царство 44:
46, 126.
- М а л ь ѣ а Т и м о ѣ е в н а мать Василія Бу-
славича , II, 61; иначе Омельѣа № 62.
- М а м а й — татарскій царь , II, 8: 6, 22, 34 и
проч.; богатый 8: 168; грозный 8: 233; безу-
мный 8: 241; сильный 31: 368; безбожный 54: 17.
- М а м е л ь ѣ а Т и м о ѣ е в н а честна вдова,
мать Дюка Степановича , II, 50: 7.
- М а р и н а (Маринушка , Маринка , Маришка)
любовница Змиѣ Горынича , II, 25: 22—35; 26: 5;
(Игнатьевна); зеленщица и отравщица 26: 7;
вѣдьма 26: 117; обертывается сорокою 26: 121;
27: 84; курва 24: 42; прекрасная 25: 13; без-
божница 25: 13; злая еретица 25: 14; красна
дѣвушка 27: 57; сова заморская 27: 94; змиѣ
семиглавая (тамъ-же).
- М а с л ѣ е в о — озеро , II, 68: 3; отъ него идутъ
каликы переходяе.
- М а т в ѣ й П е т р о в и ч ѣ чашникъ фризинъ при
дворѣ кн. Владимира , I, 59: 6, 10, 17.
- М и х а й л о (Михайлушка) Игнатьевъ , II, 9: 125;
въ дружинѣ кн. Владимира 31: 213.
- М и х а й л о М и х а й л о в и ч ѣ въ числѣ соро-
ка каликъ , II, 68: 28, 83; его заываетъ Апра-
сія , владетъ спать (ст. 112—116) и ночью при-
ходить къ нему (ст. 117—124)
- М и х а й л о П е т р о в и ч ѣ ѣдетъ вѣстятъ съ
Алешей Поповичемъ описывать имѣнье Дюково ,
II, 49: 144.
- М и х а й л о П о т о к ѣ И в а н о в и ч ѣ — бога-
тырь; вызывается ѣхать въ землю Задонскую за
данью , I, 25: 20; 32: 19; 40: 8; у снѣга моря хо-
четъ устрѣлить лебедь (26: 17), которая обертыва-
ется дѣвницей 33: 3; 34; избиваетъ 500 киев-
лянъ 39: 16; похождения Потока см. I стр.
25—46.
- М и х а и л ѣ А р х а н г е л ь , воевода небесныхъ
силъ; освобождаетъ Потока Ивановича изъ кам-
ня , I, 39: 2, 4.
- М и х а и л ѣ К а з а р я т и н ѣ — богатырь. См.
№ 41. Вызываетъ изъ Волынца , Кореи бога-
тыря; роскошно вооруженъ; хочетъ застрѣлить
чернаго ворона на ракитовомъ кусту; воронъ
сообщаетъ ему о трехъ татарахъ , держащихъ
въ плѣну русскую дѣвицу. Подслушавъ рѣчи
татаръ , М. сдергиваетъ шатеръ , убиваетъ татаръ

и освобождаетъ дѣвицу, которая оказывается его сестрою.

Москва—каменная, II, 24:2; 53:16; 61:3; на святую Русь въ каменну Москву ѣдутъ Левники 69:9.

Муровець (Муравѣць) наз. Илья, I, 1:1; 2:19; 3:2; 4:20 и проч.; Прилож. стр. 277—278.

Морювъ градъ (=Муромъ), I, 1:1; 2:5. Муровъ 3:25, 27.

Муромъ—городъ; славный I 4:29; 7:8; 10:1; изъ него Илья М., II, 1:157; 2:1; 5:2; 15:14 и проч.

Настасья Дмитріевна (Митріевична)—дочь купца Черниговскаго Дмитрія Дмитріевича, II, 42:8; за нее сватается Иванъ Годеновичъ (тамъ же); ср. 43:37; Настасья Дмитріевна молодая княжна съ младенчикомъ; ее полонили Левники 69:54.

Настасья Казарична сестра Михайлы Казарятина, вырученная имъ изъ плѣна татарскаго, II, 41:138.

Настасья Королевична—дочь короля Задонскаго, сестра Опраясы, II, 32:103; полжукеть въ полѣ, сражается съ Дунаемъ, выходитъ за него замужъ, хвастается мѣткостью стрѣльбы и гибнетъ отъ стрѣлы мужа. Изъ ея крови Настасья рѣка, 33:226; Настасью Дунай убиваетъ въ Литвѣ № 36.

Настасья Никулична (Микулишна) жена Добрыни, II, 23:10; 27:41; жена Ставра, II, 58:85, 103, 109; 59:36.

Никита Карачевецъ—атаманъ каликъ, I, 4:24.

Никита (Микитушка) Романовичъ—торговый гость, отецъ Добрыни, II, 15:1—7; богатый гость въ Рязани 21:3; ѣдетъ въ Киевъ ко Владимиру 21:25—35; идетъ въ монастырь (тамъ же); Микитушка 25:1—3.

Новгородское шитье щегольское II 48:7.

Новгородъ: наз. Новы-города, II, 25:7; съ Новымъ городомъ не спорилъ старикъ Буславъ 61:4; стольный 64:1, 31. Упоминается въ №№ 62, 63, 64; Прилож. стр. 292; въ Новъ-городѣ служилъ Василій Окуловичъ 67:2, 202.

Новоторженской, II, 17:3.

Нѣмецкій покрой сермяги у Чурлы, II, 45:39.

Обемьялъ Васильевичъ (=Бермета) — мужъ Катерины Никуличны, любовницы Чурлы, II, № 46.

Одолице (=Идолице) поганое, II, 7:56 и след.

Омельѣа Тимоѣевна, иначе Мамельѣа, Амельѣа, Мальѣа—матера вдова, мать Василія Буслаевича, II, 62; 63; 64.

Пиллигримиче старецъ, II, 64:22; иначе Пригрюмище 61:260—265; Угрюмище 63:44, 50, 55.

Подольскій царь съ силой невѣрною подступаетъ подъ Киевъ, II, 39:29.

Подсокольничекъ сынъ Ильи Муромца, II, 31:479—585.

Подсолнечный градъ, II, 5:202.

Полятовскій король, II, 69:1.

Польскій король, I, 56:14.

Поленецкая земля, II, 37:21; въ ней живетъ Батуръ Батясовъ (ст. 49); наз. дальняя (ст. 190).

Потанюшка хроменьй, II, 8:119, 131; въ дружинѣ кн. Владимира, 81:212; въ дружинѣ Василія Буслаевича 61:87 и след.

Потокъ Ивановичъ—богатырь, см. Михайло Потокъ Ивановичъ.

Пруцкой, II, 17:3.

Путерема городъ, II, 28:13, 26.

Пучай—рѣка; къ ней ѣдетъ Иванъ Годеновъ, чтобы обмытъ саблю, которою онъ отсекъ голову Овдотьи Лебеде-бѣлой, II, 44:262; въ Пучай загоняютъ мужики Новгородчана дружину Василія Буслаевича, 61:225.

Ранка—дѣвка, дочь Кошеля; ее беретъ Потокъ Ивановичъ за себя замужъ, I, 39:13—15.

Рославней Рославнеевичъ, II, 8:235.

Ростовъ—славный городъ, родина Алеши Поповича, II, 31:1; городъ Ростовскій, 31:88, 137, 140.

Русь—святая, матушка, II, 13:113; 24:1; 67:231; 69:8 (часто).

Рязань—славенъ городъ, II, 15:18 (родина Добрыни); въ Рязани его широкий дворъ 15:28, гдѣ живетъ его матушка, вдова благочестивая (см. 35, 41, 122); село, а затѣмъ городъ 21:1, 2.

Садко—упоминается какъ богатый купецъ II, 49:67:3.

Салтанъ Салтановичъ турецкій панъ II, 16:40, 73, 76.

Самсонъ Колуванъ II, 8:122, 173; въ числѣ Киевскихъ богатырей 38:47; С. Колыбановъ 49:1—2; 67:3; Колыбановичъ 57:185.

Саратовы степи II, 6:9; 38:130; тамъ Василій Игнатьевичъ избиваетъ 40,000 татаръ Батыги.

Святорусская земля I, 11:6.

Себежъ градъ I, 1:7; 4:5; 5:6; 6:28; 7:15; 9:20; иначе Себежнѣвъ 7:13; 9:18; Себежинскій царь 5:9; 6:30; 10:7 и пр.

Сергіевъ монастырь; въ немъ живетъ старецъ Пригрюмище II, 61:260.

Сибирскій царь (=Себежскій) I, 1:12; 2:11; 4:6; 7:18.

Сергій—святой II, 10:112.

Скимень—звѣрь; лютый II, 18:7; описаніе его вида 18:8—16; иначе Скимъ-звѣрь 20:8—18; иначе Устиманъ-звѣрь-Прилож. стр. 278.

Смородина—рѣка I, 2:13; 4:9; 8:2; 9:23; 10:26; 11:2 и т. д. На Смородину ѣдетъ, направляясь къ Киеву, Василіася Никулична, жена Ставра I, 56:17; на Смородинѣ останавливаются Левники II, 69:58.

Смугра—рѣка; ее переѣзжаютъ семь русскихъ богатырей по пути изъ Киева въ Царьградъ I, 48:16; у нея оставляютъ своихъ коней 49:6; 51:2.

Соколъ—корабль II, 16:3; 17:5 и пр.

Соловей разбойникъ: Мировичъ (т. е. Будимировичъ) I, 40:23; Будимировичъ 10:28, 11:3; Рахмановичъ, II, 5:150—182; Рахмановъ 5:139; 7:131—201; сильный богатырь I, 12:22; сидитъ на 7 или 9, или 12 дубахъ I, 2:27; II, 5:60; 7:131; встрѣча съ Ильей Муромцемъ см. подъ именемъ Ильи М.; грозится ударить Алешу Поповича гнилымъ крыломъ I, 21:2; у него 12 сыновей I, 3:5; 8:27; три дочери 14:28; 27 сыновъ II, 1:113—133.

Соломанья—царица жена Соломана II, 66; иначе Соломонида 67.

Соломанъ—царь; Окульевъ II, 67 : 9; Давыдовичъ 67 : 176. Его похождения см. №№ 66 и 67.

Ставеръ Гаденовичъ I, 54; Годеновичъ II, 56; Гудимовичъ № 57; Астоверсть сынъ Гординовичъ № 59; наз. бояриномъ I, 54 : 1 II, 57 : 15; похождения его въ Киевъ см. I, стр. 54—58; II №№ 56, 57, 58, 59; даетъ деньги въ ростъ и этимъ богатеть I, 54 : 14; вѣдитъ на перемѣнныхъ жеребцахъ 55 : 4—7; прѣзжаетъ въ Киевъ изъ стольнаго града Чернигова 55 : 12; Владимиръ жалуетъ ему Черниговъ 58 : 30.

Столь—городъ (испорчено изъ столичный); отсюда прѣзжаетъ Ставеръ II, 56 : 25.

Суздальцы—два брата богатыри II 8:130, 280—309.

Суруга—богатырь: Суруга Суруга Суравъ II, 65 (обычно); наз. бѣлымъ царемъ 65:3.

Суханъ Домантьевичъ—пятый богатырь въ числѣ семи богатырей кн. Владимира I, 47 : 16; иначе Суханъ Деметъевичъ II, 57 : 184.

Суханъша Замантьевичъ—богатырь; вѣдетъ на Двѣпръ, видитъ что онъ несетъ трупы коней, узнаетъ отъ Двѣпра, что надъ нимъ стоитъ сила Мамай и нападаетъ на послѣднюю II, 54 : 1—35; перебивъ силу, самъ умираетъ отъ полученныхъ ранъ (ст. 35—60), причѣмъ при его смерти присутствуетъ князь Владимиръ, случайно его нашедшій (ст. 50—65).

Суцкой II, 17 : 3.

Тагула—птица; ея перомъ оперены стрѣлы Михаила Казарятина II, 41 : 20; водится и платится на Бѣратъ-рѣкѣ (ст. 21—23).

Татары: поганые II, 9 : 80; 10 : 8 (часто); злые 9 : 133; бусурманы 41 : 47; татары улановые 65 : 33—83.

Татьяна Александровна старая дѣвѣ, родная тетка Добрыни Никитича II, 27:104.

Тилицяна—дѣвка служанка у Ярмы Васильевича II, 47 : 18—75.

Тороканникъ Каранниковъ—зять Батыги II, 38 : 24—111; иначе Тарананскій Корабниковъ 40 : 3, 36.

Торопъ—паробокъ, слуга Алеши Поповича, I, 60 : 4.

Трепетовы горы II 65 : 28; туда посылаеть пташка вѣщая богатыря Суругу (ст. 31 слѣд.)

Тугаринъ Змѣевичъ—богатырь царя Константина Царьградскаго I, 49 : 19; его лошадей богатырскую ведутъ 10 человекъ 60 : 26; его берутъ въ пѣвнъ русскіе богатыри 51 : 17, мать Тугарина плачетъ и проситъ царицу Елену ходатайствовать за ея сына предъ русскими богатырями, что та и исполняетъ 51 : 27—20; его везутъ въ Киевъ 52 : 3, представляютъ кн. Владимиру 52 : 21, который отпускаетъ его обратно въ Царьградъ 52 : 37; Т. Змѣевичъ внаслѣдникъ въ Киевъ при кн. Владимирѣ 59 : 2; Владимиръ подноситъ ему чару 60 : 2; Тугаретинъ змѣй завладѣлъ дочерью кн. Владимира II, 28 : 43; бой съ нимъ Алеши и Екима Ивановича 28 : 86—153;

Тугаринъ въ Киевъ № 29; Тугаринъ Измѣевичъ татаринъ; у него Илья М. половилъ ворожка 55 : 33.

Турецкая земля: Настасья Никулична, жена Ставра, выдаетъ себя за посла земли Турецкой II, 58 : 120.

Турская земля, I, 25 : 9; 32 : 8; 39 : 28.

Фаворъ—гора; туда прѣзжаетъ Василій Буслаевичъ съ дружиной, возвращаясь изъ Иерусалима II, 61 : 364—396; наз. славная 61 : 384; иначе Фараонъ-гора 62 : 109—114.

Федоръ, поплъ соборный, отецъ Алеши Поповича, I, 60 : 10.

Фома Родоновичъ, новгородскій городничій II, 61 : 204, 213; идетъ съ полицейскими начальниками просить Малѣю Тимоѣевну удержать ея расходившагося сына Василя Буслаевича 61 : 287.

Хапиловы ребята, упоминаются въ числѣ богатырей кн. Владимира II, 57 : 186.

Хвалунское (т. е. Хвалынское) море, II, 16 : 2.

Царьградъ, отсюда царь Константинъ отпускаетъ богатырей на Киевъ I 47 : 7; упоминается II, 2 : 13; 13 : 9—77; въ Царьградѣ служить Соломонъ-царь 67 : 1.

Чернававушка дѣвушка въ услуженьи у Бермяты, II, 45 : 12—24; 46 : 16; Чернавушка освобождаетъ Василя Буслаевича изъ погреба, куда его засадила мать 62 : 66—71.

Черниговка—рѣка II 31 : 285, 507.

Черниговскій воевода, I, 11 : 22; беретъ Илью М. подъ лѣвую руку; Черниговскій владыка въ Киевѣ; его Михаилъ Потокъ зоветъ на погребень Авдотья Лиховидовны 29 : 21; 36 : 19; онъ же вѣнчаетъ Потока съ Авдотьей 27 : 15; 41 : 27; гора Черниговска II 31 : 142.

Черниговъ—городъ, I, 13 : 1; столичный градъ Ставра 55 : 12; въ Черниговѣ вѣдетъ говецъ отъ Владимира 56 : 35; упоминается II 8:212; 28 : 12; 31:64; въ Черниговѣ живетъ Митрій Митріевичъ купецъ II 42:6, 23; 43:35; 44:19; въ Черниговѣ вѣдутъ за женою Ставра Алеши и Добрыни по приказанію кн. Владимира 56:78—80; кн. Владимиръ вымываетъ желающихъ скакать отъ Киева до Чернигова 55:27.

Чижевецъ—городъ, II, 5 : 20—49.

Чолпанъ, король Политовскій, дядя Левиковъ, II, 69 : 2—159.

Чурило Иленковичъ, иначе Цюрилушко Щипленковичъ, II 47; Шаполенковичъ № 52. Его похождения съ женой Бермяты (Обемяла, Ярмы, Бермаса) см. II №№ 45—48; его составяель съ Дюкомъ въ ерантовствѣ и въ сказаніи черезъ Двѣпръ см. № 60 и 52.

Шемахинскій—шелякъ, II, 48:22.

Юрищъ-Марищъ-Шяшиаретинъ: такъ называется самъ себя Илья Муромецъ II, 1:37.

Ярма Васильевичъ, мужъ Катерины, любовницы Чуриловой, II, 47.

Ярославское шитье сермяги Чуриловой, II, 45 : 41.

ДОБРЫНЯ И МАРИНА.

Къ №23.

Медленно. Стихи 1-15.

Что не бѣлая бе-ре-за къ землѣ кло-нит - ся,

Не шел-ко-вая тра-ва въ полѣ раз-сти-ла-ет - ся.

♩ Скорѣе. *)

Ужъ какъ три го-да Доб-ры-нюш-ка браж-ни-чалъ, На чет-

- вер-тый годъ Доб-ры-ня по-гу-лять за-хо-тѣлъ.

*) Начиная съ 16-го стиха до конца.

Записано С. И. Ланскимъ,
въ Москвѣ 1923 г.

Замѣченныя опечатки.

<i>Напечатано.</i>			<i>Слѣдуетъ.</i>
I. стр.	14 строка 4	Соловьёное	Соловьёное
"	17 " 10	п посла ^а	и посла ^а
"	37 " 16	пришелъ	пришелъ
"	44 " 35	сосѣды	сосѣды
II. "	101 " 1 св.	сказателя	сказителя
"	108 " 9 св.	токово	таково
"	159 " 5 св.	43	*43
"	178 " 13 св.	шелковыи	шелковый

APR 23

RECEIVED

1942

APR 23

RECEIVED

1942

880 -

